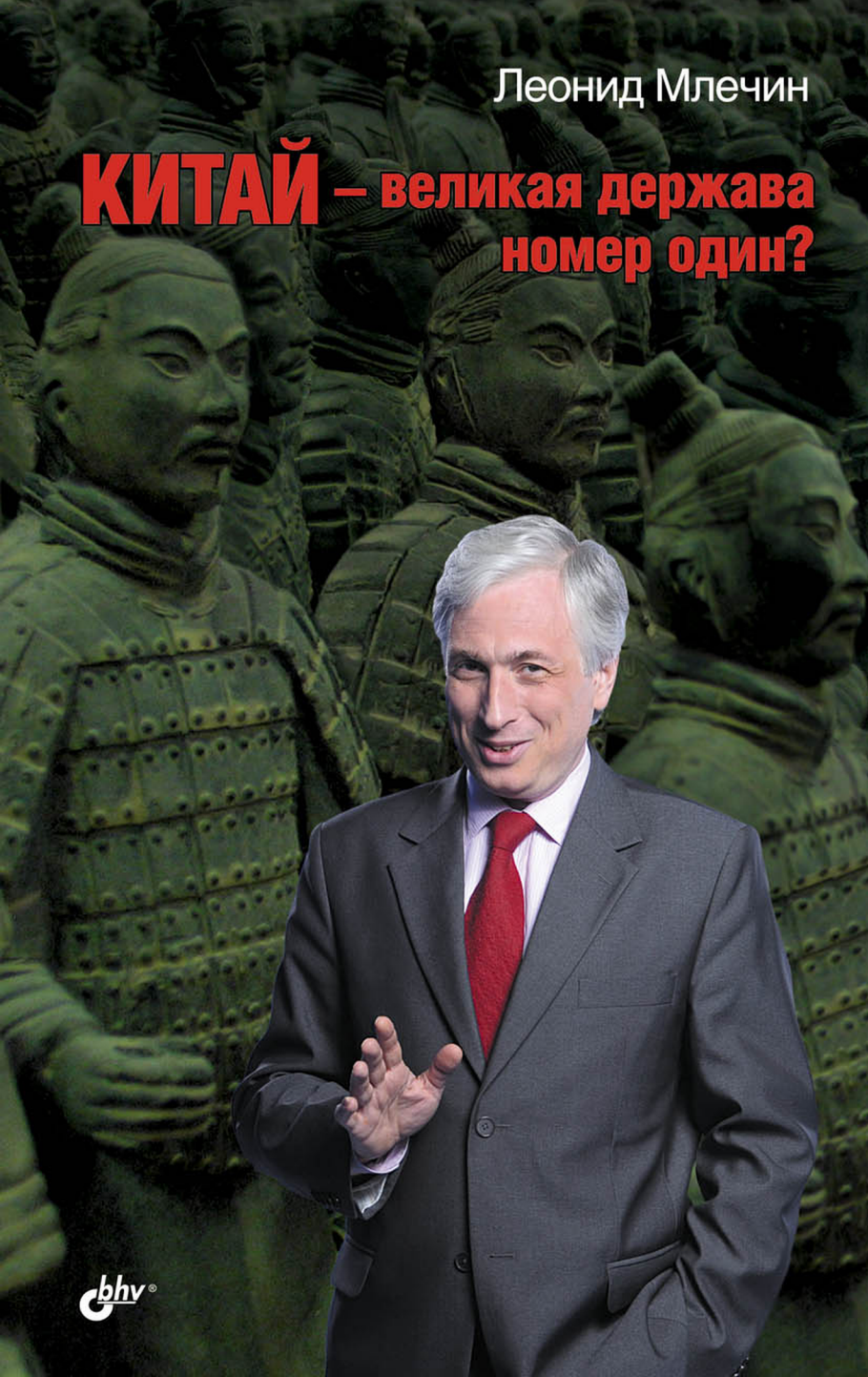
Леонид Млечин

КИТАЙ – великая держава номер один?



bhv®

Леонид Млечин

КИТАЙ – великая держава номер один?

Санкт-Петербург
«БХВ-Петербург»
2012

УДК 39+9
ББК 26.89
М72

Млечин Л. М.

М72 Китай — великая держава номер один? — СПб.: БХВ-Петербург, 2012. — 400 с.

ISBN 978-5-9775-0822-3

Задача книги — изменить представление читателей о современном Китае, основанное на расхожих домыслах и мифах, показать истинное лицо этой страны и ответить на главный вопрос, интересующий не только наших политиков и финансистов, но и обычных граждан: представляет ли Китай угрозу для России?

Вся правда о Китае — в новой книге известного писателя, историка и телеведущего Леонида Млечина.

Для широкого круга читателей

УДК 39+9
ББК 26.89

Группа подготовки издания:

Главный редактор	*Екатерина Кондукова*
Зав. редакцией	*Григорий Добин*
Редактор	*Татьяна Темкина*
Компьютерная верстка	*Натальи Караваевой*
Корректор	*Наталия Першакова*
Дизайн обложки	*Марины Дамбиевой*
Фото	*Кирилла Сергеева*
Зав. производством	*Николай Тверских*

Подписано в печать 06.12.11.
Формат 84×108 1/32. Печать офсетная. Усл. печ. л. 25.
Тираж 3000 экз. Заказ №
"БХВ-Петербург", 190005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29.

Санитарно-эпидемиологическое заключение на продукцию
№ 77.99.60.953.Д.005770.05.09 от 26.05.2009 г. выдано Федеральной службой
по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП "Типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 978-5-9775-0822-3

© Млечин Л. М., 2012
© Оформление, издательство"БХВ-Петербург", 2012

Оглавление

От автора **1**

Часть первая. Давние счеты **13**

Одним ударом меча 14
Изнасилованный город 21
Опыты на людях 30

Часть вторая. Беспокойный сосед **37**

Мао и Сталин 38
Русские сражаются в Китае 43
Бои на Хасане 59
Победа на Халхин-Голе 66
Опиумные дела 70
Между Москвой и Вашингтоном 78
Таланты фокусника 103

Часть третья. На что способен Пекин **113**

Война на Корейском полуострове 114
Секретный доклад 128
Бомба для председателя Мао 142
«Я, видимо, скоро умру» 154
Хунвэйбины и цзаофани 168
Кровь на снегу 178
Бегство министра обороны 185
Пекин преподносит урок 193

Часть четвертая. После холодной войны **223**

«Разрешите называть вас товарищами» 224
Китай сегодня — это СССР вчера? 237
Торговые войны 249
Пекин в мировой политике 260

Часть пятая. Почему начались реформы.....277

Большой скачок и большой голод..... 277
Красная императрица 282
Реформатор 300
Бабушка Лю, дедушка Дэн и другие..... 326
Партийное поручение 337
Вперед, к Конфуцию!..... 348
Глядя в будущее..... 372

От автора

Китай — после двух столетий унижений и оскорблений со стороны внешнего мира, вторжения иностранных войск, гражданских войн, революций, голода — на рандеву со своей судьбой. Китай желает сам заново оценить свое место в истории. Почти два тысячелетия он был главным государством Азии. Но в XX веке утерял свое первенство. Западные державы и Япония заставили Китай почувствовать себя униженным. Китайцы мечтают вернуть себе прежнее положение в мире. Даже если это не говорится вслух, в глубине души они уверены: XXI век станет китайским веком.

Давным-давно Наполеон пророчески заметил: «Когда Китай проснется, весь мир вздрогнет».

Китай просыпается.

Восьмидесятые годы XX столетия были временем расцвета Японии. Начало девяностых стало звездным часом «азиатских тигров» — новых индустриальных стран Азии. Затем началась эра Китая.

За последние три десятилетия валовой внутренний продукт страны вырос в тридцать раз. И с каждым десятилетием Китай будет играть все более значимую роль в мировой политике и экономике. Китай, как магнит, притягивает к себе капиталовложения. Китай — крупнейший экспортер. Уже пора всем учить китайский язык...

Уже сегодня это государство, с которым все считаются. Наиболее вероятный сценарий развития мира состоит в том, что в ближайшие полвека Китай станет ведущей державой. Но это будет сверхдержава иного типа, чем существовали прежде. Китай — особый случай. Это больше чем государство. Целая цивилизация, оказавшая серьезное влияние на соседние страны. Китай — это невообразимо большое население и заметная диаспора в разных регионах мира.

При этом китайцы очень разные (хотя нам они и кажутся на одно лицо — как и мы им). Различия в языке так велики, что южане и северяне плохо понимают друг друга и часто нуждаются в переводчике. Что же их объединяет? Принадлежность к великой цивилизации, сознание общности исторической судьбы.

Китайцы умеют добиваться успеха. Пятьдесят шесть миллионов китайцев живут в эмиграции — в Азии, Америке, Европе. Китайцы покидали родину, потому что это была бедная страна. На новом месте они начинали с нуля, не имея никакой опоры, не зная чужого языка, но теперь редко где они не достигли богатства.

Мы все еще думаем, что Китай политически инертен, что власть компартии остается неизменной. Конечно, здесь нет развитой демократии западного типа. Но страна свободнее, чем тридцать лет назад. Китайцы это ощущают — они могут выбирать себе работу, слушать музыку, которая им нравится, они зарабатывают деньги и тратят их так, как хотят.

Городская молодежь очень реалистично смотрит на мир. Но молодые преуспевающие бизнесмены и чиновники помнят о том, что под западным костюмом у них в груди бьется китайское сердце. Они покупают иностранные товары, они ведут дела на западный манер, но они гордятся своим культурным наследством и традициями.

В тесной Европе одно государство, набирая мощь, неминуемо сталкивалось с другими. У Китая веками не было соперников и конкурентов.

До начала индустриальной революции Китай был значительно богаче любого европейского государства. Китай больше всех производил и торговал. На протяжении восемнадцати из

двадцати последних столетий Китай производил большую долю валового внутреннего продукта, чем любое западное общество. Еще в 1820 году на долю Китая приходилось больше тридцати процентов мирового ВВП — это больше чем совокупное производство тогдашних Западной Европы, Восточной Европы и Соединенных Штатов!..

Китайцы привыкли считать другие народы варварами. В давние времена китайские власти просто издевались над иностранцами. Китайская элита установила экономические и культурные связи с Европой еще триста лет назад, в XVIII веке, когда китайцы снабжали Европу фарфором, изучали европейскую архитектуру и искусство. Потом, в XIX и XX веках, напротив, наступил период колоссального унижения китайцев. Они были поражены и растоптаны. И не понимали, как при такой великой истории это с ними случилось.

Теперь настроения изменились. Нынешних китайцев не узнать.

Вождь коммунистов Мао Цзэдун пытался создать «нового человека» и добиться тотального равенства в обществе. Но потерпел неудачу. После трех десятилетий революционных экспериментов китайское общество пребывало в состоянии травмы. Главный реформатор страны Дэн Сяопин понял, что надо дать возможность людям вздохнуть. Китайское общество в значительной степени вернулось к традиционным ценностям — конфуцианству и буддизму.

По итогам 2010 года выяснилось, что в коммунистическом Китае уже наличествуют сто восемьдесят девять миллиардеров — это примерно десятая часть общемирового количества супербогатых людей! Высший класс требует себе лучшего — к примеру, автомобилей «мерседес», БМВ, «ауди», а также высокотехнологичные кухни, обувь из крокодиловой кожи. Остальной мир покупает игрушки китайского производства, а богатые китайцы своим детям заказывают игрушки только у немецких производителей. К 2015 году Китай станет крупнейшим рынком предметов роскоши.

Появился средний класс. Новые китайцы ездят за границу и наслаждаются всеми благами современной материальной ци-

вилизации. Триста тысяч китайских студентов ежегодно отправляются учиться за границу. В московских институтах полно молодых китайцев. Семьдесят тысяч китайских студентов получают образование в американских университетах.

Еще в конце 1970-х Китай стал выпускать студентов за границу. Культурная революция погубила систему образования, лишила китайские институты возможности готовить квалифицированных специалистов. Отправить лучших учиться за рубеж — это был кратчайший путь восстановить интеллектуальный потенциал страны. Что тревожило китайское руководство? Первое: студенты не захотят вернуться. Второе: как интегрировать молодежь с иными ценностями в китайское общество?

Действительно, не все вернулись. Нынешний Китай — кузница кадров для американских аспирантур. Но многие, получив диплом, работают дома. И они придали новое качество интеллектуальной жизни страны.

Сегодня высшее образование получает двадцать один миллион китайцев. К 2013 году Китай может обогнать Соединенные Штаты по количеству научных разработок и открытий. Стремительно растут два показателя, определяющие уровень научных исследований в стране: количество научных работ, оцененных за рубежом, и количество ссылок на них. Это самое очевидное свидетельство подъема китайской науки.

Пока другие государства тщетно пытались взбодрить свою промышленность, экономика Китая росла на десять процентов в год. С такой же скоростью увеличивался военный бюджет страны. Впрочем, военный бюджет нацелен не только на создание нового оружия — бомбардировщиков-невидимок и авианосцев, но и на сохранение лояльности личного состава — военную форму носят два с лишним миллиона человек.

Китайская модель — гибрид квазигосударственного капитализма и полудемократического авторитаризма — привлекает внимание третьего мира. Китай доказывает, что существуют различные модели модернизации, не только западная.

Пекин накачивает политические мускулы и успешно возвращает утерянное в годы поражений и неудач. Вместе с Россией он пытается определять будущее стран Средней Азии. Ведет

дипломатическое наступление в Европе и Латинской Америке. Китай — важнейший игрок в корейских делах.

В полночь 30 июня 1997 года закончилось британское правление в Гонконге. Китай всегда мечтал вернуть себе оторванные от основной территории страны Гонконг, Макао и Тайвань. Это дело национальной чести.

Возвращение Гонконга — нечто большее, чем переход под управление Пекина еще одного участка суши. Пусть даже это крупнейший финансовый центр Азии, куда деньги устремляются со всего мира как пчелы на мед. Для китайцев это событие смыло позор ста лет иностранного вмешательства в китайские дела.

В 1898 году Великобритания получила Гонконг, то есть остров Сянган и прилегающие территории, в аренду на девяносто девять лет. Аренда закончилась 30 июня 1997 года. 1 июля Китай вернул себе суверенитет над Гонконгом.

Гонконг, в котором при англичанах жило больше шести миллионов человек, это золотое дно. Гонконг был когда-то построен на доходы от продажи опиума и по-прежнему опьянен самим процессом получения прибыли. Иностранцев всегда поражали яркие краски, безудержная, буйная материалистичность Гонконга. Деньги устремляются сюда бурным потоком со всего мира.

В годы Дэн Сяопина Гонконг сыграл ключевую роль в поддержке экономических реформ в Китае и сам остался не в накладе. Гонконгские компании стали переносить свое производство в Китай, где есть миллионы старательных рабочих, согласных на небольшую зарплату. Большая часть товара, украшенного торговыми марками Гонконга, производилась на территории Китая. Симбиоз оказался взаимно выгодным. Гонконг вложил в Китай шестьдесят три миллиарда долларов. Благодаря тесным связям с Китаем небольшой по территории остров занял восьмое место в мировой торговле. Даже трудно сказать, кто кому был больше нужен: Гонконг Китаю или Китай Гонконгу.

На главной площади Пекина установили огромное электронное табло, которое отмечало, сколько месяцев, недель, дней и часов остается до того момента, когда Гонконг вновь станет частью Китая.

В Великобритании, которая навсегда расставалась с Гонконгом, и вообще на Западе были обеспокоены его будущим. Британцы с печалью говорили о судьбе города, считая, что его жителям не повезло: они сменили либерального хозяина на деспотичного. Всех занимал вопрос, будут ли соблюдаться права и свободы в Гонконге после того, как он перейдет под управление Пекина. Гонконг процветал не только благодаря тому, что это замечательный порт и там низкие налоги. Гонконг процветал еще и потому, что экономика хорошо развивается там, где уважаются гражданские и политические свободы.

Мир был полон пессимистических прогнозов.

Но нельзя не замечать, что китайцы стремительно меняются. Жители Пекина выглядят не хуже китайцев, живущих в Гонконге или на Тайване. Китайцы излучают уверенность в себе, независимость и оптимизм. Если Китай меняется на глазах, должно меняться и наше к нему отношение.

Вечером 30 июня 1997 года в Пекине на площади Тяньаньмэнь собрались сто тысяч приглашенных, чтобы участвовать в официальной церемонии. Она началась в десять вечера и закончилась в пять утра. Три гигантских телеэкрана воздвигли на площади, чтобы пекинцы смогли наблюдать за такой же церемонией в самом Гонконге.

Это была, наверное, самая шумная ночь на земле.

В Гонконге церемония продолжалась два часа — около полуночи спустили британский и подняли китайский флаг и флаг особого административного района Сянган. После чего начался музыкальный вечер с караоке, в котором участвовали два миллиона человек! Его организаторы хотели, чтобы любимые песни исполняли все жители Гонконга — кто на улице, кто выйдя на балкон, кто сидя дома и просто открыв окна. Караоке — это эпидемия, которая охватила Гонконг. Ни одно общественное мероприятие не обходилось без караоке. Даже большие начальники охотно брали в руки микрофон и затягивали популярную песню.

Фейерверки, парад, лазерная иллюминация, концерты, шоу, театральные представления, поющие фонтаны — все было в этот день. Знатные гонконгцы дали серию балов и торжест-

венных обедов. Все, кто что-нибудь значил в этом городе, участвовали в самом значительном событии в их жизни. На официальный банкет пригласили четыре тысячи гостей. Пир на весь мир.

До двенадцати часов 30 июня 1997 года Гонконг находился под управлением Великобритании. В полночь Китай получил право ввести в Гонконг свои войска. Британский армейский корпус переоделся в гражданское и на рассвете на самолетах улетел домой. Закончилась власть последнего британского губернатора Гонконга Криса Пэттена, бывшего депутата парламента и бывшего министра. Он пробыл на этом посту пять лет. Перед ним стояла триединая задача — защитить Гонконг, позаботиться о британских коммерческих интересах и не конфликтовать с Китаем.

Иногда деньги молчат, иногда навязывают свою волю, а иногда кланяются до земли. Великобритания оставила Гонконг процветающим. За последние пять лет, когда судьба Гонконга уже была решена, производство там увеличилось на четверть, экспорт — на две трети и инвестиции — на сорок процентов. Крис Пэттен справился со своей миссией.

С 1 июля главой администрации особого административного района Сянган — так теперь именуется Гонконг — стал владелец судоходной компании Тун Чжихуа. За него проголосовала состоящая из четырехсот выборщиков коллегия. Это человек с очень любопытной биографией. Тун Чжихуа родился в Шанхае, учился в Англии. Когда в Китае коммунисты пришли к власти, семья бежала в Гонконг, но его отец тайно сотрудничал с Пекином. Зато его сестра вышла замуж за сына министра обороны Тайваня.

Гонконг — крупнейший торгово-экономический, финансовый и транспортный центр в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Но не это было главным для Пекина. Главное — убедить Тайвань, что и ему следует вернуться под управление Пекина. Ради этого в Гонконге ввели особый режим. Дэн Сяопин придумал универсальную формулу: «Одно государство — два строя».

Что имелось в виду? Условились, что и после объединения континентальный Китай будет строить социализм, а Гонконг — капитализм. Будущим Гонконга в Пекине занималась специ-

альная канцелярия при Госсовете Китайской Народной Республики. Договорились, что новые власти Гонконга уже не будут заниматься дипломатией и военными делами. А во всем остальном особый район получит высокую степень автономии, обещали в Пекине. Сохранили даже прежнюю валюту — гонконгский доллар.

Как же реагировали тайваньские власти?

За неделю до перехода Гонконга под китайское управление Тайвань нарочито провел большие двухдневные военные маневры, на которых присутствовал президент страны. Это был ответ Пекину.

Руководство Китайской Народной Республики использовало присоединение Гонконга как повод для возбуждения националистических чувств у китайцев. Средства массовой информации твердили, что закончилась эпоха национального унижения.

Китайские лидеры часто представляют Китай невинной жертвой западного империализма. Эта версия истории позволяет мобилизовать китайский народ. Национализм обыкновенно используется для того, чтобы отвлечь внимание от внутренних социальных проблем, вызванных стремительной индустриализацией и экономическим ростом. Призывы либеральной общественности провести демократизацию или дать независимость Тибету всегда проще объяснить происками американского ЦРУ...

Возвращение Гонконга имело огромное символическое значение: первый большой успех Китая в мировой политике. Потеря Гонконга была тяжким унижением для Китая. Неспособность противостоять другим державам наложила неизгладимый отпечаток на психическое состояние всех китайцев. Китайцы словно лишились уверенности в своих силах. Возвращение Гонконга означает, что постыдный период слабости закончился. И китайцы больше не позволят, чтобы их унижали. Более важным событием может стать только установление власти пекинского правительства над Тайванем.

Стремительное развитие Китая ставит перед миром вопрос: как строить отношения с восходящей супердержавой? Ставки высоки. Речь идет о новом мировом порядке. Другим странам придется подвинуться, чтобы найти место для нового гиганта.

История услужливо предлагает такую траекторию: сначала государство становится богатым, потом опасным и требует себе «места под солнцем», как выразился когда-то германский рейхсканцлер Бернхард фон Бюлов.

Успех Китая потрясает и даже немного пугает. Особенно масштабами экономики и численностью вооруженных сил. Не ждет ли нас эпоха конфликтов, если Китай попытается взять власть над миром? Некоторые авторы утверждают, что для начала китайские лидеры намерены доминировать над всей Азией. И полагают, что это стремление неминуемо приведет Китай к прямому столкновению с американскими интересами.

С этой трактовкой спорят те, кто говорят, что Китай по мере экономического развития откроется, станет более свободным и демократичным, предсказуемым и стабильным. Быстрый экономический рост и демократизация превратят Китай в привлекательного партнера Соединенных Штатов и других западных стран.

История редко течет по заранее предсказанным руслам. Это своенравная река. В конце XIX века германоязычная центральная Европа казалась центром мира. В немецких университетах учились такие гении, как Альберт Эйнштейн, Вернер Гейзенберг и Эрвин Шрёдингер, чьи открытия в сфере ядерных реакций и квантовой механики изменили мир. Затем разразилась Первая мировая война, в России к власти пришли коммунисты, в Германии — фашисты, и умы убежали через океан в Америку. Центр научного прогресса переместился из Европы в Америку. Некие признаки грозящей Европе катастрофы можно было, конечно, различить и в начале XX века. Но мало кому это удалось.

В Китае есть один уникальный музей. Он построен не в честь великой победы или грандиозных успехов в строительстве. Он посвящен не древней культуре и не современной живописи. Это музей, посвященный поражению, военной катастрофе, которая повлекла за собой тяжкие страдания всего Китая. Я поехал в провинцию Шаньдун, чтобы увидеть этот музей и понять, почему китайцы не хотят забывать свои поражения, беды и катастрофы.

Музей на небольшом острове создан стараниями одного-единственного энтузиаста. Образование у него заочное, по-

настоящему поучиться ему не удалось. Когда он окончил школу и собирался поступить в институт, началась культурная революция и учебные заведения закрылись. Экспонаты для своего музея он годами собирал по всему Китаю, искал потомков тех, кто участвовал в исторических событиях. Кое-что подняли со дна моря. И все-таки он создал музей, посмотреть который приезжают люди со всего Китая. Заинтересовалось даже самое высокое начальство. Иероглифы названия музея написаны самим генеральным секретарем ЦК КПК Цзян Цзэминем, который тоже здесь побывал.

Это музей японо-китайской войны 1894—1895 годов. Собственно говоря, это даже больше чем музей — огромный комплекс на острове, где когда-то находился штаб адмирала, возглавлявшего китайский флот при Цинской династии.

Тогда китайский флот был четвертым в мире и первым в Азии. Но стремительно вооружавшаяся японская империя скоро обогнала Китай в военном строительстве. Китай и Корея оказались первыми жертвами японского милитаризма.

Огромный памятник участникам той незнаменитой войны воздвигнут на берегу моря. Памятник напоминает фигуру реального человека — китайского полководца Дин Жучана, героя войны, который возглавил оборону. Видя, что терпит поражение, он предпочел покончить с собой.

Ту давнюю войну китайцы проиграли. Так зачем же музей? О чем говорят все эти экспонаты — картины, восковые фигуры, видеопанорамы, где зрителям устраивают целое представление?

Островной музей напоминает о том, что, во-первых, всегда надо быть готовым к войне, что, во-вторых, мужество терпящих поражение тоже заслуживает высочайшего уважения и что, в-третьих, проиграв, надо извлекать уроки из поражения.

Попытки построить коммунизм при Мао Цзэдуне закончились катастрофой. Огромная страна не могла себя прокормить и производила жалкое впечатление. Во время культурной революции мир ужасался Китаю, а после — издевался над ним. Казалось, страна безнадежно отстала от стремительно развивающегося мира.

Дэн Сяопин извлек уроки из поражения.

Китай берет реванш за унижения прошедших десятилетий. Угрожает силой покончить с сепаратистами на острове Тайвань, ведет территориальные споры с соседями в Южно-Китайском море. Китай требует себе места за столом великих держав. Так, в конце XIX века действовали Германия, Япония и Соединенные Штаты. Эти три державы опередили остальные страны в производстве стали и энергии, что позволило им в большом количестве производить пушки, бомбы и боевые корабли.

Следующий шаг — экспансия и развязывание войны. Американцы оторвали от Испании Кубу и Филиппины в 1898 году. Японцы в начале XX века напали на Россию и Китай, а в 1941 году — и на Соединенные Штаты. Немцы пытались завоевать мир.

Последует ли Китай их примеру? Сбудутся ли мрачные пророчества? Произойдет ли превращение Китая в великую державу мирно? Или же, как Германия — дважды! в XX веке и Япония в 1930-х годах, Китай начнет мировую войну?

Невероятно трудно со стороны понять устремления Китая. Китайцы не уверены, что разум западного человека способен постичь сложность любой ситуации. Здесь — загадочное для европейца лицо Дальнего Востока, лицо, лишенное в своей застывшей непроницаемости всяких признаков «зеркала души». Показать, что творится в твоей душе, — значит нарушить всякие приличия, «потерять лицо». «Дерево дорожит своей корой, человек — своим лицом», — говорят китайцы.

Переговоры с китайцами напоминают тщательно отрепетированную пьесу, в которой нет ничего случайного и в то же время все выглядит экспромтом. Китайцы помнят каждое ваше слово. В свою очередь каждое замечание, сделанное китайцами, является как бы частью мозаики, общей картины. У европейцев создается впечатление, будто они ведут бесконечный разговор с неким единым организмом, который все помнит и, кажется, обладает неким единым, интегральным интеллектом. Это порождает трепет и бессилие перед подобной самодисциплиной и преданностью своему делу. Миллиардный Китай вообще многим внушает благоговейный страх.

Другая древняя китайская традиция — никогда не показывать своей заинтересованности в сотрудничестве с иностранцами.

Те предложения, с которыми китайцы соглашаются, выполняются с поистине волшебной эффективностью. Другие идеи просто растворяются в непробиваемых облаках приторно вежливых фраз.

Чтобы заглянуть в завтрашний день Китая и попытаться предсказать его будущее, необходимо понять, как прошлое определяет траекторию его исторического развития. Мы рассмотрим историю долгой войны с Японией, которая принесла неисчислимые страдания китайскому народу и едва не разрушила Китай как государство, перипетии трудно складывавшихся взаимоотношений России и Китая и сложную траекторию постепенного сближения Пекина и Вашингтона.

Часть первая

Давние счеты

Китайцы не зря называют свою страну Срединной империей — центром мира. В их восприятии все остальные страны крутятся вокруг Китая. Характерно, что в Китае не появилось религии, сравнимой с иудаизмом, христианством и исламом. Китайцам не требовалась идея об их божественном или космическом происхождении. Они знают: мир создан ими.

Китай — единственная крупная цивилизация, которая мало что почерпнула извне. Значительно чаще внешний мир заимствовал китайские идеи и изобретения. В пору национального гнета, унижений и позора китайцы затаились. В Китае считается глупым быть самим собой — следует быть таким, каким требуют обстоятельства.

Но они все помнят и ничего не забывают.

С древних времен Срединная империя была ведущей политической и культурной силой в Восточной Азии. Китай оказал глубокое влияние на развитие корейской, японской, вьетнамской культур. Властители этих стран посылали дары китайскому императору в надежде поддержать хорошие отношения с великим государством. И только в XIX веке западный империализм, а затем японский милитаризм покончили с китайским лидирующим положением в регионе.

Одним ударом меча

Высшим шиком в офицерском корпусе японской императорской армии считалось умение обезглавить человека одним ударом меча. Приговоренного к смерти ставили на колени, руки связывали за спиной. Появлялось полковое начальство, командиры батальонов, все занимали отведенные им места. По давней традиции офицер, демонстрирующий свое искусство, подходил к приговоренному сзади — из страха, что душа жертвы, отделяясь от тела, может схватить убийцу.

Широко расставив ноги, он поднимал меч и с выдохом одним ударом отсекал голову, которая отлетала чуть не на метр, кровь фонтанами била из бездыханного тела. Офицер отходил в сторону, чтобы вместе со зрителями полюбоваться своей работой.

В 1937 году подразделения японских оккупационных войск на территории Китая устроили нечто вроде соревнования: кто убьет больше китайцев. Унтер-офицеры и рядовые разбивались на пары: один орудовал мечом, другой считал отрубленные головы и отбрасывал их в сторону. Холм из отсеченных голов быстро рос. Старший офицер напоминал: «Отсек — посчитай! Не забывайте считать!»

Китайцев было много больше, чем японцев, которые их убивали. Но они не посмели восстать и броситься на своих мучителей. Они покорно ждали, когда придет их очередь умереть. Это происходило в 1937 году в городе Нанкине, который был древнейшим культурным центром и в ту пору еще и столицей Китайской республики.

Сейчас эта история кажется совершенно невероятной. Тем более что японское командование сразу после капитуляции в августе 1945 года постаралось уничтожить следы своего преступления.

Главнокомандующий союзными войсками на Тихом океане американский генерал Дуглас Макартур не сразу рискнул прибыть в поверженную Японию. Американское командование, памятуя о бешеном сопротивлении японских гарнизонов на Сайпане, Иводзиме и Окинаве, о самоубийственных атаках японских летчиков и моряков, опасалось кровопролитной партизанской войны.

Дуглас Макартур предполагал, что американским солдатам в Японии будут стрелять в спину, что фанатики станут отравлять колодцы и ставить мины на дорогах. Ничего подобного не произошло. Страна покорилась судьбе и смирилась с оккупацией. Такова была воля императора.

Личный самолет Макартура приземлился на аэродроме Ацуги в полдень 30 августа. В иллюминаторы было видно, что деловые и правительственные кварталы Токио охвачены пожарами, которые никто не тушит. В крупных фирмах, учреждениях, армейских штабах жгли документы. Пожары продолжались много дней. Высшие офицеры и чиновники уничтожали бумаги, казавшиеся им опасными.

Среди них были документы, относившиеся к трагедии города Нанкина. Взятие города вошло в историю как «изнасилование Нанкина». Так это и происходило — в прямом и переносном смысле. Такого массового изнасилования женщин мировая история еще не знала.

Японский генерал Иванэ Мацуи, командовавший экспедиционным корпусом в Китае, говорил: «Борьба между Китаем и Японией — это схватка между братьями внутри азиатского семейства. Мы делаем это не потому, что ненавидим китайцев, а потому что слишком их любим. Это как в семье, где старший брат делает все, что в его силах, чтобы заставить младшего брата вести себя достойно».

Старшим братом по праву должен бы считаться Китай, куда более древнее государство. Япония многое позаимствовала у китайцев — от иероглифики до чайной церемонии. Но на поле боя китайцы не устояли перед японцами. Китайцы были растоптаны и раздавлены и не понимали, как при такой великой истории и культуре это с ними случилось.

Первая японо-китайская война разразилась осенью 1894 года. Японцам понадобилось всего полтора месяца, чтобы одержать победу. Китайское правительство вынуждено было подписать унизительный договор, выплатить японцам большую контрибуцию и пойти на территориальные уступки. К 1904 году Япония удвоила свою армию и сама производила все потребное ей оружие. Это позволило ей взять верх над русской армией в Маньчжурии.

Первая мировая война оказалась крайне выгодной для Японии, оставшейся в стороне: воюющие державы покупали японскую сталь и текстиль. Страна богатела. Зато окончание войны привело к тяжелому экономическому кризису. Упал спрос на японские товары. Заводы, работавшие на войну, закрылись. Западные компании охотнее инвестировали деньги в Китай, а китайцы в свою очередь бойкотировали японские товары. Японцы решили, что это заговор, что против них объединился весь мир.

Население Японии всего за полвека увеличилось вдвое. Примитивное сельское хозяйство не могло прокормить страну. Идея территориальных приобретений становилась в Токио все популярнее. Китай оказался очевидной целью — огромная и плохо управляемая территория.

18 сентября 1931 года японцы устроили взрыв на железной дороге, обвинив в этом китайцев. Это стало формальным поводом для захвата Маньчжурии, которая была в 1932 году превращена в марионеточное государство Маньчжоу-го.

На трон японцы посадили юного Пу И, последнего императора из маньчжурской династии. Оккупация севера страны обострила национальные чувства. В 1932 году в Шанхае толпа напала на пятерых японских буддистских священников, одного убили. В ответ японская армия обстреляла Шанхай, погибли тысячи мирных жителей.

7 июля 1937 года японцы развязали полномасштабную войну с Китаем. Опять началось с провокации. Во время ночных маневров рядом с мостом Марко Поло в темноте прозвучало несколько выстрелов с китайской стороны, и один японский солдат пропал. Японский командир потребовал, чтобы его войскам разрешили поискать пропавшего бойца на китайской территории. Последовал отказ, тогда заговорила японская артиллерия. В августе японцы захватили Шанхай.

В конце ноября японские войска начали наступление на Нанкин. Город превратился в ловушку для оборонявших его солдат. Двухсоттысячной наступающей армии японцев противостояло больше семисот тысяч китайских солдат и офицеров. Оружия и боеприпасов китайским войскам хватило бы на пять меся-

цев осады. Историки недоумевают и по сей день: почему при таком большом гарнизоне город сдался всего через несколько дней, вечером 12 декабря 1937 года?

Первоначально армия намеревалась оборонять город. Гарнизон был усилен. Солдаты рыли траншеи, прокладывали линии связи, пытались укрепить городскую стену, оборудовали пулеметные гнезда. Ворота были забаррикадированы, пропускали только военный транспорт.

Но знающие люди предчувствовали, что город будет сдан, и спешили покинуть Нанкин. 2 декабря сокровища дворцового музея — практически все культурное наследие Китая — были упакованы и погружены на судно. Через шесть дней глава государства Чан Кайши, его жена и советники покинули город на самолете. Сомнений не оставалось — Нанкин сдадут.

Японцы обладали абсолютным превосходством в воздухе. Во время боев за Шанхай соотношение было один к десяти в пользу японцев. Нанкин вообще остался без авиации, последние самолеты улетели вместе с Чан Кайши. Бежавшее правительство прихватило с собой и современные средства связи, поэтому китайские войска не могли наладить связь между собой.

В Нанкине были собраны части, сформированные в разных провинциях Китая, где говорят на разных диалектах, и они элементарно не понимали друг друга. Большинство солдат были мобилизованы в армию насильно и не горели желанием сражаться. Боевая слаженность отсутствовала. Японцам было легко бить многочисленную китайскую армию по частям.

Удивительным образом горожане даже радовались, что китайские войска уходят без сопротивления. Они рассчитывали, что японцы будут лучше управлять городом, чем китайские начальники, которые так легко бросили их на произвол судьбы. Разве могли они предположить, что многие из них будут убиты японцами просто ради развлечения?

Иностранцы, которые жили в городе, пытались избавить город от кровопролития. Они предложили обеим сторонам такой план: на три дня боевые действия прекращаются, китайские войска беспрепятственно покидают город и японские войска входят в Нанкин без боя. 10 декабря в полдень двое японских

офицеров подошли к городским воротам, рассчитывая, что им навстречу выйдут парламентеры. Но Чан Кайши запретил своим генералам договариваться с японцами. Японское командование приказало начать обстрел города.

А Чан Кайши тем временем передумал. Прислал командующему обороной города телеграмму: «Если Вы не в состоянии удержать город, можете использовать ситуацию и отойти, чтобы сохранить и переформировать войска для будущей контратаки».

12 декабря в три часа утра, когда еще не рассвело, командующий обороной города устроил военный совет в своем доме. Он сказал, что фронт развалился, удержать городские ворота невозможно и Чан Кайши приказывает отступить. Ни один из генералов не предложил сражаться до последнего. Организованный отход превратился в бегство. Солдаты бросали оружие, переодевались в гражданскую одежду, пытались убежать. Но бежать было некуда. Переплыть Янцзы никто не мог. Сотни тысяч китайских солдат оказались в руках японцев.

Говорят, если бы Чан Кайши сразу вывел войска из Нанкина, такой резни бы не было. Сомнительное предположение. Изнасилование Нанкина вовсе не было местью за ожесточенное сопротивление гарнизона. Японские войска устраивали такие же жестокие акции в других городках и деревнях, которые они занимали. Скорее китайцев могло спасти мужественное сопротивление.

Если бы Чан Кайши не приказал в последнюю минуту отступить и китайские солдаты сражались бы за город, жертв среди гражданского населения, скорее всего, было бы меньше. Конечно, японская армия, лучше вооруженная и обученная, в конце концов одолела бы обороняющихся. Но долгая и упорная борьба, во-первых, обескровила бы японскую армию, во-вторых, сбила бы с нее спесь. Японцы побоялись бы вести себя так нагло с китайцами, опасаясь мести... А вот с теми, кто сдался практически без сопротивления, они не церемонились.

Японские военные воспитывались в совершенно иной культуре, где пилотам вместо парашюта вручали меч, потому что самоубийство предпочтительнее капитуляции. Сдавшихся в плен китайцев было гораздо больше, чем японских солдат. Японцы

с презрением смотрели на китайцев, испуганных и неспособных к сопротивлению.

Японские солдаты в отличие от китайских твердо верили в победу, в превосходство своего оружия и своей стратегии. «Победа в бою достигается не численным превосходством и не материальным преимуществом, а хорошей подготовкой, волей к победе и боевым наступательным духом», — говорилось в уставе императорской армии. Более всего ценили упорство, выносливость, умение стойко переносить лишения. Эти качества воспитывали с детства. В японских школах учителя муштровали учеников, как новобранцев. Вырабатывали в них волю к победе, умение преодолевать свои слабости. Зимой заставляли стоять босиком на снегу, летом — бегать до изнеможения.

Во Вторую мировую японцы сражались до последнего. У американцев и англичан один сдавшийся приходился на трех убитых, у японцев — на сто двадцать. Японский солдат, попавший в плен, считался трусом и подлежал впоследствии суду военного трибунала.

Судьба Нанкина решилась, когда генерала Иванэ Мацуи свалил приступ его давней болезни — туберкулеза. Генерал Мацуи отдал приказ по войскам, в котором говорилось, что вступление императорской армии в столицу чужого государства — историческое событие и следует вести себя достойно, соблюдать порядок и уважать местное население. Но заболевший генерал вынужден был передать командование члену императорской семьи — принцу Ясухико Асаке.

5 декабря принц вылетел из Токио на самолете и прибыл на фронт через три дня. Ему доложили, что в городе скопилось около трехсот тысяч китайских солдат и они готовы капитулировать. И тогда принц распорядился: «Всех пленных убить». 13 декабря все части японской армии до батальона включительно получили приказ командования: «Все военнопленные должны быть казнены. Метод казни: разделить пленных на группы по двенадцать человек. Каждую группу расстреливать отдельно».

За этим приказом стояла безжалостная логика. Расстрел избавлял японское командование от необходимости кормить пленных. Кроме того, рассудили японцы, расстрелянные плен-

ные уже не уйдут в партизаны и не вернутся в строй китайской армии.

Китайские войска в Нанкине практически не сопротивлялись. Они сдавались, надеясь на гуманное обращение. Во время осады города самолеты разбрасывали листовки, на которых улыбающийся японский солдат держал на руках китайского мальчика и было написано: «Все добрые китайцы, которые вернутся в свои дома, будут накормлены и одеты. Япония желает быть хорошим соседом тем китайцам, которые не позволят себя одурачить таким монстрам, как Чан Кайши».

Но это была всего лишь пропаганда. С точки зрения японцев, пленные китайские солдаты не заслуживали милосердия: они опозорили себя — проиграли войну, но остались живы. «Солдат не сдается в плен, — не скрывая своего отвращения, говорили японские офицеры. — Если солдата побеждают, он должен уйти из жизни. Но никто из вас не сохранил ни капли мужества, чтобы поступить так. У нас нет средств кормить вас. Мы предполагали, что имеем дело с достойным противником. Если мы начнем вас кормить, то лишим горсти риса японского ребенка, который имеет на нее больше прав, чем вы».

Расстрелы пленных начались вечером 17 декабря. Китайским солдатам обещали, что их переправят на другую сторону реки Янцзы. Они покорно шли. Только возле реки, увидев, что нет никаких средств для переправы, они начали беспокоиться. Но тут японцы уже открыли огонь. Когда военнопленные превратились в гору неподвижных тел и больше не раздавалось ни криков, ни стонов, японские солдаты стали методично протыкать каждое тело штыком. Это затянулось до рассвета.

В то же время японские солдаты обходили дом за домом, проверяя, не прячутся ли там китайские солдаты. Не раздумывая, они убивали всех молодых мужчин, не вникая, военный перед ними или штатский. Они стреляли в стариков и женщин, если те слишком медленно исполняли приказы. Трупы валялись повсюду, воды Янцзы покраснели от крови.

Японцы потребовали все двери в городе держать открытыми. Если владельцы магазинов пытались закрыться, в них стреляли, а товар растаскивали. Разграбили банки, вскрыли личные сей-

фы и все забрали. Командование разрешило солдатам отправлять домой небольшие посылки, так что был стимул грабить. Тащили все — авторучки, фонарики, часы.

Каждый командир исполнял приказ на свой манер. Японский военный корреспондент Юкио Омата видел, как пленных выстроили вдоль реки: «Стоявшим в первом ряду отрубили голову. Стоявшим во втором ряду приказали оттащить мертвые тела и бросить их в реку. Потом им самим отрубили голову... И так казнь продолжалась весь день, до поздней ночи. За день убили две тысячи пленных. На следующий день, устав орудовать мечами, пустили в ход пулеметы. Поставили два пулемета с флангов и открыли огонь. Пленные прыгали в воду, надеясь спастись, но никому не удалось доплыть до другого берега».

Изнасилованный город

Вслед за военнопленными неминуемо настала очередь женщин.

«Женщинам досталось больше всех, — вспоминал бывший солдат 14-й японской дивизии. — Ни молодые, ни старые — никто не мог избежать изнасилования. Мы отправляли грузовики в город и хватали столько женщин, сколько влезало в кузов. Но на всех женщин не хватало. Распределяли так: одну женщину на пятнадцать-двадцать солдат».

Естественно, был отдан приказ, запрещающий насилие над женщинами. Но в японской военной культуре укоренилось представление о том, что победитель имеет право на женщин, принадлежавших побежденным. А многие вчерашние крестьяне охотились на девочек, веря, что половой акт с девственницей придаст им сил в бою и даже спасет от ран.

«Потом мы и женщин тоже убивали, — вспоминал один из солдат. — Они пытались убежать, когда все заканчивалось. Мы стреляли им в спину. Проблем не было. Когда мы их насиловали, то воспринимали как женщин. А когда стреляли в них, то воспринимали скорее как свиней».

Офицеры ничем не отличались от солдат. Командир 6-й дивизии Хисао Тани сам был обвинен в изнасиловании двадцати жен-

щин в Нанкине. Единственное, что интересовало офицеров, это чтобы не оставалось следов. Сделали дело — и концы в воду.

Один из офицеров приказал своим подчиненным: «Когда все закончите, то или заплатите им, или убейте их где-нибудь — подальше от расположения нашей части».

Японские солдаты насиловали всех женщин, которые попадались им в руки. Молодые женщины не знали, что делать — прятаться дома, надеясь, что их не найдут, или бежать в зону безопасности, созданную иностранцами? Если они оставались дома, то рисковали быть изнасилованными на глазах собственной семьи. Если они пытались убежать, то могли стать жертвой группового изнасилования на улице.

Одна из самых страшных сцен, которую видел один иностранец, — массовое изнасилование женщин прямо на улице.

«Взвод японских солдат выстроил в ряд группу девушек, — вспоминал Роберт Уилсон, единственный иностранный врач, оставшийся в городе. — На вид им было не больше восемнадцати лет. Японцы насиловали их одну за другой, прямо в уличной грязи. Несколько девушек так и остались лежать, залитые кровью, на грязной земле».

Убийства и изнасилования шли по всему городу, когда генерал Иванэ Мацуи, все еще больной, въехал в Нанкин для участия в параде. Он позавтракал, проехал на машине по городу, потом пересел на коня, повернулся в сторону императорского дворца в Токио и трижды прокричал: «Десять тысяч лет императору!»

Во время поездки по городу генералу стало ясно, что происходит нечто позорное. Он приказал вывести из города ненужные войска. На совещании сделал выговор своим подчиненным. Офицеры выслушали выговор с изумлением, тем более что среди них был член императорской семьи.

В 1948 году, перед тем как его повесили по приговору международного военного трибунала, генерал Мацуи сказал буддийскому священнику, которого привели к нему в камеру: «Я собрал тогда всех высших офицеров. У меня на глазах были слезы гнева. Присутствовал и принц Асака. Я сказал им, что из-за жестокости солдат все потеряно. И представьте себе, даже после таких слов они буквально смеялись надо мной...»

Японское командование не собиралось наказывать насильников, считая, что женщины на оккупированных территориях для того и существуют, чтобы услаждать солдат. Родилась идея создать систему публичных домов для личного состава императорской армии. Принудительно мобилизовали десятки тысяч женщин — в основном кореянок, а также китаянок и филиппинок. Японское командование хотело иметь действенный инструмент поощрения личного состава за боевые успехи.

Первый военный публичный дом открылся рядом с Нанкином в 1938 году. С женщинами там обращались омерзительно. Многие из них совершали самоубийство не в силах вынести постоянные издевательства. Конфуцианство ценит женское целомудрие больше, чем жизнь. Считается, что женщина, потерявшая честь, должна покончить с собой. Иностранные дипломаты рассказывали, что после изнасилования Нанкина бесчисленное количество китаянок бросились в воды Янцзы. А те, кто остался жить, никогда никому не рассказывали о своем трагическом опыте. Прошло полвека, прежде чем оставшиеся в живых женщины решились нарушить обет молчания и потребовать компенсации от японского правительства.

Ни одна китаянка в Нанкине не нашла в себе силы признать, что родила ребенка в результате изнасилования. Говорят, что многих таких детей тайно убили сразу после рождения. Младенцев, чьими отцами были японские солдаты, душили или топили, как котят. Можно представить себе чувства, испытанные изнасилованными китаянками: вина, стыд, боль... Они стояли перед невыносимым выбором — убить нежеланного ребенка или вырастить.

Казалось, нет границ жестокой изобретательности японских солдат. Мало было изнасиловать и убить — они еще и издевались над трупами несчастных женщин. Пострадали и некоторые китайские мужчины, попав в руки японцев-гомосексуалистов. У некоторых японцев была буйная фантазия. Они пытались заставить одного китайца совершить интимный акт с мертвой женщиной — японские солдаты, пресыщенные другими удовольствиями, хотели немного развлечься.

Некоторые японские офицеры, уже не зная, чем себя порадовать, загоняли китайцев на крышу здания, поджигали дом и наблюдали за тем, как люди медленно поджариваются. Тех, кто пытался спастись и прыгал вниз, пристреливали...

Все послевоенные десятилетия историки и психологи пытаются понять менталитет японского солдата. Как трудно совместить изысканную вежливость и любезные манеры японцев с варварским поведением солдат императорской армии в Нанкине. Почему они себя так вели? Может быть, все дело в самурайских традициях? Самурай имел право отрезать голову простолюдину, если тот ответил невежливо. Сказалось также влияние военной пропаганды и школьное воспитание. Юные японцы должны были осознать, какое это великое счастье — принадлежать к японской нации. Одновременно воспитывали высокомерие в отношении других народов. На уроках истории преподаватели вывешивали батальные полотна и объясняли: «На этой картине изображены наши бравые солдаты, которые под командованием преданных императору офицеров ворвались в китайские окопы. Посмотрите, какие глупые лица у китайцев, как они боятся японского солдата. Китаезы похожи на свиней, которых собираются заколоть, чтобы в праздники поесть свежего мяса. На заднем плане видна гора трупов. Это китайцы, убитые нашими смелыми солдатами».

Новобранцам, которые прошли такую школу, молодой лейтенант говорил: «Вы еще никого не убивали, так что вам нужно попрактиковаться. Китаец — это не человек, это существо менее ценное, чем собака или кошка. Кто хочет попробовать себя, шаг вперед!»

Никто из новичков не двинулся с места.

«Трусы! — закричал лейтенант. — Никто из вас не имеет права именоваться солдатом императорской армии».

Он стал вызывать солдат по одному.

«Когда прозвучала моя фамилия, — вспоминал один из них, — трясущимися руками я поднял винтовку с примкнутым штыком и медленно двинулся на китайца, стоявшего у ямы, которую он же сам и выкопал. Мысленно попросив прощения,

с закрытыми глазами воткнул штык в китайца. Когда я открыл глаза, он уже упал в яму».

Через три месяца на фронте любой призывник превращался в демона, который легко убивал человека. Практически никто из них не испытывал сожаления и не считал себя преступником.

«Офицер показал, как одним ударом обезглавить человека, — рассказывал после войны бывший солдат. — Он предложил мне забрать отрезанную голову и отвезти домой как сувенир. Помню свою гордую улыбку, когда я взял из его рук меч и сам приступил к убийству людей».

Сколько людей погибло в Нанкине?

Китайские специалисты считают, что было убито четыреста тридцать тысяч человек. На международном военном трибунале в Токио после войны называлась цифра в двести шестьдесят тысяч. Японские историки говорят о тридцати-сорока тысячах.

Многих горожан спасли иностранцы, которые по традиции пользовались особыми привилегиями. Скажем, в ноябре 1937 года один французский священник объявил японским властям, что в Шанхае образована нейтральная зона, и указал ее границы. Японцы признали эту зону, и там укрылось четыреста пятьдесят тысяч китайцев.

Дипломаты заблаговременно покинули Нанкин, предоставив оставшихся в городе иностранцев их судьбе. Дипломаты отплыли на американском корабле, который 12 декабря подвергся атаке с воздуха. Японские самолеты потопили корабль, несколько человек погибли. Японские власти уверяли, что произошла ошибка — летчики в тумане не опознали американский корабль. Но в тот день тумана не было. Японская авиация получила приказ потопить американский корабль. Скорее всего, это была попытка проверить, какой будет реакция американцев. 13 декабря президент Соединенных Штатов Франклин Рузвельт сказал, что он «потрясен», и потребовал компенсации от императора Хирохито.

Поразительным образом два десятка иностранцев, оставшихся в Нанкине, сумели спасти множество людей. Это были миссионеры, врачи и торговцы. Они воспользовались тем, что японские войска сохраняли некий пиетет к иностранцам. Неле-

пость ситуации состояла в том, что десятью годами ранее проблемы у иностранцев в Нанкине возникли именно с китайскими войсками. Когда армия националистов брала город, она безжалостно убивала иностранцев.

Немалую роль сыграл немецкий бизнесмен Йон Рабе. В памяти китайцев он остался настоящим героем, «живым Буддой Нанкина». Рабе приехал в Китай еще в 1908 году, работал в представительстве компании «Сименс». Продавал китайскому правительству телефонные аппараты и электрическое оборудование. Его механики обслуживали турбины городской электростанции, телефонную сеть и большую рентгеновскую установку в главной городской больнице.

Японцы держались с ним настороже — он не просто был гражданином дружественного государства, но еще и руководителем местной организации нацистской партии.

Рабе описывал в дневнике, как он остановил японских солдат, которые насиловали китаянку. Он пытался доставлять рис голодающим. Он спрятал шестьсот пятьдесят китайцев. И выставил японцев, которые хотели войти в его дом. «Это было опасное дело, — вспоминал Рабе. — У японцев были штыки и пистолеты, а у меня была только повязка со свастикой на рукаве».

Особый статус Рабе ставил японцев в тупик. К американцам и другим иностранцам они относились пренебрежительно. А к Йону Рабе — с опасливым уважением. Ворвавшись в его дом и увидев свастику, японские солдаты ретировались.

Видимо, не понимая, как нелепо жаловаться в Берлин на жестокость японских войск, Рабе отправил письмо фюреру и рейхсканцлеру Германии Адольфу Гитлеру: «Они будут продолжать насиловать женщин и девочек и убивать всех и вся, кто пытается убежать или просто оказался в неудачное время в неудачном месте. Они насилуют даже девочек и очень пожилых женщин, притом в самой грубой форме. Я видел эти жертвы собственными глазами».

Йон Рабе умер в 1950 году. В 1996 году опубликовали его дневник, в котором он описал жестокость, с которой действовала японская армия в Нанкине. Теперь его сравнивают с промышленником Оскаром Шиндлером, который спасал евреев...

Мир узнал об устроенной в Нанкине резне благодаря трем американским корреспондентам, которые находились в городе. Последний из них покинул город 16 декабря. Он видел трупы китайцев со связанными за спиной руками. Один из тех, кого уже поставили на колени, умолял его о спасении. «Но я ничего не мог сделать, — писал в отчаянии американский корреспондент. — Последнее, что я видел в Нанкине, — это мертвые, мертвые, мертвые китайцы».

Когда американские журналисты покинули город, других иностранных корреспондентов в Нанкин не пустили. Зато туда привезли японских фотокоров, которые снимали умилительные сцены: китайские дети приветствуют японских солдат. Но американское правительство получало информацию и из другого источника.

Японское министерство иностранных дел пользовалось шифровальной машиной при переписке со своими посольствами, но в 1936 году американская армейская служба связи сумела расколоть японский шифр. Разведчики читали переписку министерства с посольством в Вашингтоне.

26 декабря 1937 года министр иностранных дел Коки Хирота отправил телеграмму своему послу в Вашингтоне Хироси Сайто с указанием помешать американским дипломатам вернуться в Нанкин. «Если они вернутся и получат информацию о военных операциях, — откровенно писал министр, — мы окажемся в неблагоприятной ситуации. Наилучший вариант — удерживать их в Вашингтоне как можно дольше. Даже если это вызовет недоброжелательную реакцию, это лучше, чем рисковать скандалом в Нанкине».

В городе при японцах появился опиум. До оккупации опиум был под запретом, его курили в тайных курильнях только аристократы и богатые торговцы. При японцах можно было смело ходить в притон. Японцы сами расплачивались наркотиками за работу, давали наркотики проституткам. Это явно была политика — сделать как можно больше китайцев наркоманами. Даже детям предлагали сигареты с героином.

Наркотик был единственной возможностью хотя бы ненадолго уйти от чудовищной реальности. Некоторые китайцы

пытались покончить с собой, приняв большую дозу опиатов. Они надеялись хотя бы умереть счастливыми. Распространение наркомании способствовало и росту бандитизма в городе.

В 1945 году японцы оставались в Нанкине до самого дня капитуляции, а потом очень быстро покинули город. Говорят, что видели японцев, которые стояли на коленях, а их избивали местные жители. Но это были единичные случаи. Японцы эвакуировались, не оставив китайцам возможности отомстить им. А китайцы до последнего не верили, что все кончилось, Япония разгромлена, — боялись, что японцы могут вернуться.

В 1946 году в Нанкин доставили бывшего генерал-лейтенанта императорской армии Хисао Тани. Он командовал 6-й дивизией, которая хозяйничала в городе. 10 марта 1947 года его приговорили к смертной казни за убийства военнопленных и гражданского населения. 26 апреля его провели по городу со связанными за спиной руками и расстреляли. Свидетели говорили, что с ним обошлись гуманнее, чем он поступал со своими жертвами.

Генерал-лейтенант Кэсаго Накадзима, чьи войска также бесчинствовали в городе, умер от уремии и цирроза печени в октябре 1945 года. Говорили, что он сильно пил и покончил с собой. Его сын утверждал, что генерал пострадал, вдохнув отравляющие газы во время посещения военно-химической лаборатории.

Японское командование успело уничтожить значительную часть документов военного времени — у него было время до высадки войск генерала Макартура. Тем не менее 3 мая 1946 года в Токио начал работу международный военный трибунал. На процессе выяснилось, что японские власти и императорская армия по жестокости превзошли даже нацистов. Если в немецком плену умирал один из двадцати пяти американских военнопленных, то в японском — каждый третий.

Главным обвиняемым по делу о Нанкине был генерал Мацуи, хотя его самого не было в городе в момент его взятия. Говорят, он горько сожалел о крови, пролитой его войсками. Но на процессе он говорил только о том, что готов умереть за императора: «Я буду счастлив окончить свою жизнь таким образом.

Я готов умереть в любую минуту». Дядю императора Хирохито принца Асаку, который отдал приказ убивать всех пленных, даже к суду не привлекли. Американцы решили не трогать императорскую семью...

В войне с Китаем, который императорская армия в 1930-е годы оккупировала шаг за шагом, не соблюдались никакие правила и традиции. Здесь творили то, на что не решались в Европе.

Приказ о создании химического оружия был отдан еще в 1919 году, когда японские войска высадились на российском Дальнем Востоке. Боевыми отравляющими веществами заряжали авиабомбы, артиллерийские снаряды, мины и канистры — для распыления с воздуха. В 1933 году, сразу после прихода нацистов к власти, Япония тайно закупила у Германии оборудование для производства иприта, которое установили в префектуре Хиросима.

На вооружении японской армии находились десять видов боевых отравляющих веществ. Все они хорошо известны: фосген, иприт и другие. Японские ученые присвоили им свои наименования: «голубой № 1», «желтый № А», «белый № 1»...

Применением химического оружия занимался специальный отряд № 516, расквартированный в Китае, в Маньчжурии. Боевые отравляющие вещества испытывались на военнопленных и просто на китайских крестьянах, которых ловила жандармерия. В отряде была своя газовая камера. Для полевых испытаний выезжали на полигон: там людей привязывали к деревянным столбам и обстреливали химическими снарядами.

С 1937 по 1945 год японская армия периодически применяла отравляющие вещества против китайцев. Погибли тысячи человек. Жертв могло быть больше, но химическое оружие оказалось не очень эффективным. К 1945 году на армейских и флотских складах хранилось 4900 тонн боевых отравляющих веществ — 118 тысяч снарядов и 574 тысячи канистр для распыления химического оружия.

В августе 1945 года, сразу же после капитуляции, был отдан приказ сжечь всю документацию, относящуюся к химическому оружию, и уничтожить сами вещества. Канистры вывозили на лодках в море и топили. Со временем канистры проржавели

и хранившиеся в них вещества стали причиной смерти нескольких человек. В основном пострадали рыбаки, которые вылавливали канистры сетями, и строительные рабочие, натыкавшиеся на снаряды при рытье котлованов и кладке фундамента...

Опыты на людях

Японцы невероятно жестоко обращались с оказавшимися в их власти китайцами или корейцами.

«Я никогда не смогу забыть, — писал один английский профессор, — массовых убийств беззащитных корейцев после страшного японского землетрясения 1923 года.

Пронесся слух, будто корейцы намеревались, воспользовавшись разрухой после землетрясения, совершить нападение на Японию. Как могли корейцы осуществить это нападение — оставалось тайной, когда у них не было даже судов, чтобы доплыть до Японии. Корея же была колонией Японии. Но слухи распространялись, и японцы, которые жили в Корее, вооружились мечами и отправились убивать каждого — мужчин, женщин, детей, кто не мог доказать своего японского происхождения. Не менее восьми тысяч корейцев было убито».

Чем можно объяснить фантастическую жестокость, проявленную японцами в годы Второй мировой войны? Особенно опыты, проводившиеся японскими военными врачами на живых людях, в первую очередь на китайцах. Вот как они описаны в знаменитой книге японского писателя Сэйити Моримуры «Кухня дьявола»:

«...Мальчику приказали раздеться и лечь на операционный стол. Тотчас же на лицо ему наложили маску с хлороформом. С этого момента он не ведал, что творят с его телом.

Тело мальчика протерли спиртом. Один из опытных сотрудников группы взял скальпель, вонзил его в грудную клетку и сделал разрез в форме латинской буквы V. Вскрытие началось.

Из тела мальчика сотрудники группы один за другим вынимали внутренние органы: желудок, печень, почки, поджелудочную железу. Их разбирали и бросали в стоявшие здесь же ведра, а из ведер тотчас же перекладывали в наполненные формалином

стеклянные сосуды, которые закрывались крышками. Органы в формалиновом растворе еще продолжали сокращаться.

„Смотрите! Да они еще живые!“ — сказал кто-то...»

Занимались этим военные медики из секретного «отряда 731» управления по водоснабжению и профилактике частей японской Квантунской армии. Эта армия располагалась в оккупированном Японией Китае. Руководил «отрядом 731» генерал-лейтенант медицинской службы Сиро Исии. Официально отряд должен был бороться с эпидемиями. На самом деле он разрабатывал биологическое оружие и занимался преступными экспериментами.

«...Нетронутой осталась только голова мальчика... Один из сотрудников... скальпелем сделал разрез от уха к носу... в ход пошла пила. В черепе было сделано треугольное отверстие, обнажился мозг. Сотрудник отряда взял его рукой и быстрым движением опустил в сосуд с формалином. На операционном столе осталось нечто, напоминавшее тело мальчика, — опустошенный корпус и конечности.

Вскрытие окончилось...»

Бывший служащий «отряда 731» через много лет после войны рассказывал писателю: «Это был еще совсем ребенок, и ни в каком антияпонском движении он участвовать не мог. Я только потом понял, что его вскрыли потому, что хотели получить внутренние органы здорового мальчика».

«Это была даже не казнь, — писал Сэйити Моримура. — Просто доставка мяса к столу дьявола. Имя китайского мальчика осталось неизвестным. И он никогда не узнает, почему его лишили жизни. Только короткий насильственный сон — и все для него было кончено...»

«Отряд 731» проводил эксперименты в интересах вооруженных сил. Эксперименты проводились на живых людях. Пленных китайцев, которые жандармерия и спецслужбы передавали «отряду 731», именовали «бревнами». Помимо китайцев это были монголы, корейцы и даже русские эмигранты, оказавшиеся в Китае после русской революции. Среди них были и женщины, арестованные по подозрению в антияпонских настроениях.

«Бревна» считались человеческими организмами, но не людьми. «Бревно» вместо имени имело номер. Когда оно станови-

лось непригодным для дальнейшего использования, его номером обозначали новое «бревно», поступившее на «склад».

Наверное, сотрудники отряда убеждали себя, что те, на ком они проводили эксперименты, — другие, чем остальные люди, поэтому их можно и нужно умерщвлять. Им, возможно, нравилось ощущать себя людьми, которым подвластны жизнь и смерть.

Сэйити Моримура: «...Право вскрыть живого человека и произвести эксперимент над ним принадлежало той группе, за которой он был закреплен. Но когда вскрытие заканчивалось, органы и части тела подопытного распределялись между всеми группами. Они заранее представляли заявки — такая-то группа получает тонкий кишечник и поджелудочную железу, мозг получает такая-то группа, на сердце претендует такая-то...»

Японские врачи пунктуально исполняли свои обязанности в «отряде 731». Видимо, вера в исполнение патриотического долга позволяла им с полной отдачей сил и без ущерба для психики заниматься тем, что они делали.

«...Подопытные в „отряде 731“ „использовались“ с той же рациональностью, с которой употребляется японцами рыба: чешуя идет на удобрение, сама рыба варится или жарится, а из костей, плавников и так далее варится уха. В этом смысле при „использовании“ подопытных тоже не было отходов...»

Может быть, они просто были садистами и испытывали патологическое наслаждение при виде чужих страданий? Скорее, японские врачи относились к китайцам, как обычные исследователи — к лабораторным крысам. Они трудились неустанно. Все это были бесконечно амбициозные ученые.

«...Вскрытие живых людей начальник отряда генерал Исии считал „экспериментом“, имеющим для исследователей большую притягательную силу, и использовал это как приманку, привлекая на службу ученых-медиков. После войны бывший служащий отряда рассказывал: „Вот, к примеру, возьмите профессора N. Он прославился многочисленными сложными операциями и получил от правительства орден. Где же он так набил руку? Где он прибрел такой опыт? В «отряде 731»“...»

Бывший служащий «отряда 731» вспоминал:

«Мы считали, что „бревна“ не люди, что они даже ниже скота. Среди работавших в отряде ученых и исследователей не было никого, кто хотя бы сколько-нибудь сочувствовал „бревнам“. Все считали, что истребление „бревен“ — дело совершенно естественное. Мы сражались ради того, чтобы бедная Япония стала богатой и чтобы обеспечить мир в Азии...»

«Бревно» помещали в большую центрифугу, вращали с огромной скоростью и ждали, когда наступит смерть.

Через какое время наступит смерть, если «бревно» подвесить вниз головой? А что произойдет, если ввести в вены воздух? Если легкие человека заполнить большим количеством дыма? Если дым заменить ядовитым газом? А как отреагирует человеческий организм, если заменить человеческую кровь лошадиной?

«...Выяснялось, какое количество крови можно выкачать из одного „бревна“. Кровь выкачивали с помощью насоса. Из человека в прямом смысле выжимали все.

Во время эксперимента по голоданию подопытному просто не давали есть и регистрировали, сколько времени он проживет на одной воде. Аналогичными были эксперименты, когда подопытному давали только хлеб, но не давали ни капли воды.

Когда подопытному давали одну воду, он жил в среднем от шестидесяти до семидесяти дней. Если его лишали воды, уже на пятый день у него отекало лицо и он начинал испытывать страшные мучения. На седьмой день у всех без исключения подопытных шла горлом кровь и они умирали...»

Если люди верят, что они действуют в интересах государства, если они исполняют приказ, высшую волю, если «так надо» — они легко отбрасывают все моральные соображения и превращаются в монстров и готовы совершать преступления неслыханной жестокости.

«...Подопытных выводили вечером на мороз и заставляли их опускать руки в бочку с холодной водой. Затем их заставляли с мокрыми руками стоять на морозе. Или ночью выводили на мороз босыми и заставляли стоять на снегу.

На сильном морозе процесс обморожения развивался буквально на глазах. Кожа подопытных сначала белела, потом ста-

новилась красного, потом фиолетового цвета и покрывалась волдырями. После этого она делалась багрово-черной.

Чтобы выяснить, наступило ли полное обморожение, экспериментаторы били по рукам и ногам подопытных палками. Если люди чувствовали боль, значит, обморожение было неполным. Убедившись, что омертвение наступило, экспериментаторы возвращали подопытных в помещение...»

Врачи «отряда 731» говорили, что их работа приравнивается к службе на передовой. На самом деле в первую очередь всех сотрудников отряда интересовала научная карьера.

«...Теперь руки и ноги „бревен“ помещали в чуть теплую воду. Температуру постепенно повышали и смотрели, как изменяется состояние конечностей при каждом режиме. Иными словами, пытались выявить оптимальную для лечения зависимость между степенью обморожения и температурой воды...»

В конце 1970-х китайский политический деятель Дэн Сяопин дважды побывал в Японии. Он не стесняясь говорил о китайской отсталости: «У тебя уродливое лицо, незачем выставлять себя красавцем», — и о желании закрыть ту главу истории, в которой Китай и Япония враждовали: «Мы у вас учимся, мы уважаем японский народ, великий, усердный, храбрый и умный».

Но китайцы ничего не забыли.

Не так давно японские моряки арестовали капитана китайского траулера, ловившего рыбу неподалеку от островов в Восточно-Китайском море, на которые претендуют обе страны. Пять необитаемых островков в Восточно-Китайском море составляют гряду, которая по-китайски называется Дяоюйдао, а по-японски — Сенкаку. Они стали предметом спора после войны. В 1978 году Дэн Сяопин предложил Китаю оставить территориальный спор будущим поколениям. Но Япония повторяет: «Территориальной проблемы между Японией и Китаем нет». И постоянно пытается доказать, что острова — японские. Это вызывает раздражение всех китайцев.

На арест японцами китайского капитана Пекин дал ответ в самой жесткой форме: прекратил поставки в Японию редкоземельных элементов. Под ударом оказалась вся японская электронная промышленность. На свободном рынке этих элементов

нет. Японские производители не могли исполнить экспортные контракты и несли колоссальные убытки. Токио пришлось отступить в территориальном споре и освободить китайского капитана. В Японии, чьи недра пусты, с горечью называют полезные ископаемые «экономическим оружием XXI века».

Китайцы охотно пускают в ход это оружие. Они добиваются преимущественного доступа к ресурсам Азии и Африки, но не подпускают к собственным природным ископаемым. Они ввели квоты на экспорт редкоземельных металлов, необходимых для высокотехнологических производств — гибридных автомобилей, жестких дисков для компьютеров. Примерно девяносто пять процентов таких металлов, как лантан и неодим, добывается в Китае, поэтому КНР — практически монополист — соглашается продавать эти элементы только по очень высокой цене. И грозит вовсе прекратить экспорт ряда полезных ископаемых к 2015 году. Протесты США, Европейского союза, Японии в Пекине отвергли: правила Всемирной торговой организации позволяют стране сохранять свои природные ресурсы.

Долгие годы по экономическому могуществу Япония была второй державой мира. В 2010 году Китай обогнал своего давнего соперника по объему валового внутреннего продукта. Не японская, а китайская экономика стала второй в мире. В феврале 2011 года министр экономики Японии признал поражение: «Мы как соседи очень рады, что Китай добился такого гигантского прогресса. Китай — один из столпов экономического роста в регионе».

В Пекине не стесняются демонстрировать свою мощь, если китайцам кажется, что их задевают. Они не колеблясь отправили свой военный флот в Южно-Китайское море, чтобы подкрепить свои претензии на район, на который претендуют шесть стран Юго-Восточной Азии, — здесь обнаружены большие запасы нефти и газа. Речь идет об архипелагах Параселы в Тонкинском заливе и Спратли в южной акватории Южно-Китайского моря (по сотне коралловых островов в каждом). Тут уже не раз сталкивались боевые корабли.

Часть вторая

Беспокойный сосед

Китаю в определенном смысле не везет. Его постоянно подозревают в дурных намерениях и зловещих замыслах...

Нависающий над российским Дальним Востоком Китай с его астрономическим населением многим у нас кажется чудовищной опасностью. Не покусится ли народ без жизненного пространства на незаселенные сибирские просторы?

У России и Китая огромная общая граница. Она проходит причудливой линией по землям, с которых некогда совершали свои набеги завоеватели — то гунны, то монголы, то казахи. На протяжении истории граница переносилась то туда, то сюда. Все это создавало основу для взаимной нетерпимости.

Невозможно игнорировать и реалии демографического характера. Дурные предчувствия преследуют российских лидеров, особенно на пустеющем Дальнем Востоке, когда они думают о том, как стремительно растет население Китая.

Но не преувеличены ли слухи о коварстве китайцев? И в XIX веке в России много писали и говорили о китайской опасности — а воевать в XX веке пришлось с Германией. Китай же входил в антигитлеровскую коалицию и был союзником СССР.

Страх перед Китаем многообразен. Одни говорят, что стремительно развивающийся Китай с его самой большой в мире армией может в будущем представлять прямую военную опасность для России. Другие боятся, что российский Дальний Вос-

ток превратится в сырьевой придаток Китая. Третьи опасаются, что китайцы мечтают заселить пустынные просторы Дальнего Востока, откуда русские уезжают.

В Москве есть специалисты, которые считают, что поспешная демилитаризация российского Дальнего Востока породила у местного населения чувство неуверенности — даже более сильное, чем во времена прямого советско-китайского противостояния и боев на острове Даманский.

Отношения между нашими странами в последнее столетие складывались очень сложно. Это наследство незримо присутствует в дне сегодняшнем.

Мао и Сталин

Когда в декабре 1949 года в Москву приехал вождь китайских коммунистов Мао Цзэдун, во всем мире с надеждой или со страхом следили за тем, что теперь произойдет. После создания народного Китая советские и китайские коммунисты сообща владели уже третью мира. И судьба всего человечества зависела от того, как складываются отношения Сталина и Мао. Что они замышляют вдвоем? И чего ждать от нового хозяина Китая, которого в мире еще совершенно не знали?

В декабре 1949 года в Москве пышно отмечали семидесятилетие советского вождя. Мао как дорогой и почетный гость сидел рядом со Сталиным. Но никто не знал, о чем они договорились. И договорились ли вообще. Ходили слухи, что Сталин не очень доверяет слишком самостоятельному Мао Цзэдуну, что он поддерживал совсем других людей в руководстве китайской компартии, но его главного любимца отравили, и что Мао намерен держаться наособицу, потому что он сам великий вождь.

1 октября 1949 года Мао Цзэдун появился перед огромной толпой на пекинской площади Тяньаньмэнь и провозгласил создание Китайской Народной Республики. Толпа восторженно кричала: «Да здравствует председатель Мао!» Он взмахнул рукой и ответил: «Да здравствует народ!» И с этого дня загадочный Мао оставался в центре внимания всего мира. При жизни его фигура была скрыта покровом таинственности и благоговения

в значительно большей степени, чем это бывало с китайскими императорами. Его высказывания цитировались с трепетным страхом. И кто мог с уверенностью сказать, что понимает Мао и способен предугадать его шаги?

Жизнь Мао Цзэдуна — это увлекательный роман о крестьянском сыне из Южного Китая, который поставил перед собой цель завоевать Поднебесную, нашел восторженных последователей, боролся сначала с японцами, а затем с собственным правительством, всех одолел и стал неограниченным властителем страны с миллиардным населением.

Мао родился 26 декабря 1893 года в крестьянской семье в деревне Шаошань (провинция Хунань). Его имя Цзэдун в переводе с китайского означает «Сияющий на Востоке». Мао обожал свою мать и ненавидел отца. Во время культурной революции он говорил: «Мой отец был плохим человеком. Если бы он был сейчас жив, ему следовало бы сделать „самолет“...» (так хунвэйбины поступали со своими жертвами: выкручивали им руки за спиной, а голову опускали вниз).

Как это ни странно для вождя революции, Мао был человеком книги, а не действия. Он хотел учиться, много читал, писал стихи. Поздно вставал и с юных лет страдал от бессонницы. Знакомство со снотворными улучшило его жизнь. Он даже сравнил изобретателя снотворных с самим Карлом Марксом.

В юные годы Мао был невысокого мнения о своем народе: «По своей природе люди в нашей стране инертны, лицемерны, довольствуются рабским положением и полны предрассудков... Страна должна быть разрушена, а затем построена заново».

Мао Цзэдун преподавал в школе историю, но не собирался довольствоваться столь скромной ролью. «Такие люди, как я, — говорил он, — в долгу лишь перед самими собой. Мы ничем не обязаны другим... Великие герои становятся могущественными, неистовыми и непобедимыми. Сила героев подобна урагану, вырывающемуся из теснин ущелья, подобна сексуальному маньяку, охотящемуся за своей жертвой. Их не остановить...»

Мао увлекся коммунистическими идеями и подумывал о поездке в Мекку революции — Россию. Пытался брать уроки русского у одного эмигранта, но не осилил даже алфавита.

Маньчжурская династия Цин правила в Пекине с 1644 года. Маньчжуров было меньше ханьцев — основной этнической группы Китая, поэтому свержение правящей династии воспринималось как освобождение от власти инородцев. Символическим актом стало избавление от косы, которую носили мужчины. Короткие волосы означали поддержку революции. Косы обрезали принудительно. А маньчжурам еще и отсекали головы. Восставшие революционеры писали: «У маньчжура сердце змеи, нрав хищного зверя. Режь монголов и маньчжур, убивай заморских скотов!»

29 декабря 1911 года в Нанкине вождя революции Сунь Ятсена провозгласили временным президентом Китайской республики. 12 февраля 1912 года вдовствующая императрица Лун Юй обнародовала декрет об отречении. В октябре 1919 года Сунь Ятсен преобразовал Чжунхуа гэминьдан (Китайскую революционную партию) в Чжунго гоминьдан (Китайскую национальную партию).

Сунь Ятсен искал союза с Москвой, считал, что революционерам нужно держаться вместе. Партия гоминьдан дважды пыталась вступить в Коминтерн, но ее не приняли. Идеологи мировой революции в Москве считали, что в первую очередь обязаны поддерживать коммунистов, а не националистов.

После кончины Сунь Ятсена от рака главой центрального правительства Китая стал генерал Чан Кайши. Он побывал в Советском Союзе задолго до Мао Цзэдуна — осенью 1923 года, еще будучи начальником штаба китайской армии. Его принял секретарь ЦК партии Ян Эрнестович Рудзутак.

«Мы, представители партии гоминьдан, — уважительно говорил ему Чан Кайши, — прибыли в Москву для того, чтобы ознакомиться с российской коммунистической партией в лице ее Центрального комитета и получить советы для нашей работы».

Чан Кайши руководил страной двадцать два года — пока в 1949 году его не одолел Мао Цзэдун.

Компартия Китая образовалась с помощью Коминтерна. Советские руководители разрывались между гоминьданом и китайской компартией. Дружить хотели и с правительством как реальной властью, и с товарищами-коммунистами.

Сталин старался помешать тому, чтобы Китай перешел под управление японцев, пытавшихся захватить страну. Но он и не желал укрепления китайского правительства, чтобы оно не стало слишком сильным — в таком случае исчезнет желание ориентироваться на Москву. Сталин одновременно помогал центральному правительству Чан Кайши в борьбе против японцев, и он же поставлял оружие коммунистической армии Мао Цзэдуна, чтобы она сражалась против Чан Кайши. Правда, все делалось скрытно, с соблюдением конспирации.

В секретном решении политбюро, принятом в 1924 году, записали:

«О Китае

Принять план политической работы, предложенный тов. Караханом, и отпустить 500 000 рублей, 10 000 винтовок и известное количество орудий, возложив личную ответственность за отпуск оружия на тов. Фрунзе».

Лев Михайлович Карахан был заместителем наркома по иностранным делам и занимался делами Востока, Михаил Васильевич Фрунзе — председателем Реввоенсовета и наркомом по военным и морским делам.

Оружие военная разведка передавала китайским коммунистам через третьи руки, чтобы у правительства Чан Кайши не было формального повода для протеста. Межгосударственные отношения должны были оставаться нормальными.

Старый большевик Михаил Михайлович Лашевич, отправленный в 1926 году заместителем председателя правления Китайско-Восточной железной дороги, жаловался из Харбина Серго Орджоникидзе, председателю Центральной контрольной комиссии партии:

«Мы сошлись на одном: постепенно уменьшить количество и пышность всяких приемов и банкетов, не оскорбляя самолюбие китайцев. Но что ты поделаешь, ежели всякий прием у них связан с шампанским.

Я приехал в восемь часов утра, и на вокзале официальная встреча началась с шампанского, то же самое, когда я наносил визиты всем китайским чиновникам. И у меня при визитах всегда шампанское. Что же, кто-нибудь поверит, что мы любители

этого пойла? Всем известно, что я предпочитаю водку: и дешевле, и пользительнее. Да и пью я мало — болен...

А как я должен жить? Разве же я когда-нибудь так одевался? Визитки, фрак, смокинг, крахмальные рубахи, лакированные туфли и прочая пакость. Отказаться от этого нельзя, можно нарваться на скандал. А в Москве я щеголял в гимнастерке и шинели... У меня квартира в десять комнат, три китайских прислуги. Мне что ли это нужно? Да ведь за это меня надо наградить орденом, за страдания, которые испытываю, попав в эту ужасную обстановку...

У меня привычки скромные, я не избалован и еще недостаточно испорчен по части мотовства и излишеств. Я выпивал и выпиваю. Но все знают, что я не любитель кабаков, а люблю выпить со своими ребятами дома. И если приходится общаться со всякой сволочью, так ведь это же подвиг. А если бы ты видел, кому мне приходится руку жать, разговаривать и даже с ними обедать — ужас...»

Ему недолго пришлось страдать на загранработе от обилия приемов, шампанского и прислуги.

В Китай отправили большой отряд военных советников, командиров Красной армии, и разведчиков. Они помогали и гоминьдану, и компартии. Эта двойственность определяла отношения между двумя странами. И Чан Кайши то отчаянно нуждался в советской помощи и тогда терпимо относился к коммунистам, то пытался задушить компартию и ссорился с Москвой. В 1927 году Чан Кайши приказал арестовать коммунистов и изгнал из страны советских военных.

6 апреля 1927 года китайская полиция устроила налет на советское полпредство в Пекине и арестовала несколько сотрудников резидентуры, которые работали в составе полпредства и торгового представительства. Появление китайской полиции и солдат в советском полпредстве оказалось неприятным сюрпризом: китайцы захватили секретную переписку. Правительственные войска расстреливали коммунистов. Погибли тысячи людей. Казнили и вторую жену Мао Цзэдуна — Кайхуэй.

В первый раз его женил отец, когда Мао исполнилось всего четырнадцать лет, невеста была на четыре года его старше. Они

пробыли в браке год, в 1910 году она умерла. Американскому журналисту Эдгару Сноу Мао рассказывал: «Я никогда не жил с ней. Я не считал ее своей женой и почти не думал о ней».

Он женился на Ян Кайхуэй, дочери своего преподавателя, но со временем утратил к ней интерес. Когда ушел вместе с партизанами в горы, то нашел себе третью жену — Гуйюань, которой было восемнадцать лет. Мао бросил Кайхуэй, родившую ему троих сыновей. Она страдала без мужа, постоянно думала о Мао. Передавала мужу квашеную фасоль с красным перцем — любимое блюдо Мао. Писала ему стихи:

Я уже много дней не сплю.
Я просто не могу спать. Я схожу с ума.
Прошло уже столько дней, а он не пишет.
Я жду день за днем.
Слезы...
Если бы только я могла забыть его. Но его прекрасный образ!
Как я люблю его! Небеса, дайте мне верный ответ!

Солдаты сняли с расстрелянной жены Мао башмаки и забросили их подальше — таково было поверье, иначе дух убитой женщины стал бы их преследовать. Когда солдаты ушли обедать, выяснилось, что женщина еще жива. Солдаты вернулись и добили ее.

Русские сражаются в Китае

Среди военных советников, присланных из Москвы, были очень известные люди. Прославленный полководец Василий Константинович Блюхер окончил Первую мировую унтер-офицером, отличился в Гражданскую. В 1921 году впервые попал на Дальний Восток в роли военного министра и главнокомандующего Народно-революционной армией буферной Дальневосточной республики.

В 1924 году его командировали в Китай главным военным советником. Он взял себе экзотический псевдоним Зой Всеволодович Галин — по именам детей и жены. Одновременно с ним советским военным атташе в Китае был другой будущий мар-

шал — Александр Ильич Егоров. Помощником к нему отправили одного из создателей Красной армии Валентина Андреевича Трифонова (см. «Вопросы истории», 2001, № 11, 12).

Вернувшись домой в марте 1926 года, Валентин Трифонов отправил в политбюро записку «О работе полномочного представительства Советского Союза в Китае». Его взгляды резко разошлись с мнением политического и военного руководства страны.

«Наши советники встали на путь создания просоветского правительства, — писал Трифонов. — Создавать в Китае правительство нашими руками — это авантюризм... То, что делается Советским полпредством в организации вооруженных сил Китая, является в чистом виде беспочвенной военной авантюрой. Стоит эта авантюра огромных средств советских налогоплательщиков и нашей репутации в Китае...

Наша политика такова, что столкновения в Маньчжурии и на КВЖД — неизбежны. Китайский народ рассматривает нашу активность в Китае и на КВЖД не как помощь национально-освободительному движению, а как империализм...

Мне кажется, что надо сначала выяснить, кому и для чего мы помогаем, и только потом помогать. Иначе наша миссия в Китае сведется к тому, чтобы поддерживать в Китае состояние непрерывной вооруженной борьбы, в чем нас склонны обвинять некоторые круги китайцев».

Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) была построена Россией в соответствии с русско-китайской декларацией 1898 года о предоставлении России в аренду на двадцать лет Порт-Артура (Люйшунь) и Дальнего (Далянь) и права на постройку железнодорожной ветки Транссибирской магистрали в эти порты. Движение поездов началось в июле 1903 года. КВЖД проходила по территории Северо-Восточного Китая до станции Суйфыньхэ, несколько веток вели в Дальний, Порт-Артур и другие города. Конвенция утратила силу после поражения России в войне с Японией — тогда и начались трудности с управлением КВЖД.

Армейское и политическое руководство выводы Валентина Трифонова отвергло. В Москве все еще верили в мировую революцию и надеялись поднять революционную волну в бедней-

шем Китае. Начальник Политуправления РККА Андрей Сергеевич Бубнов заявил на заседании комиссии политбюро: «Соображения Трифонова находятся в противоречии с той линией, которую мы ведем».

Валентина Трифонова из армии убрали. Но он оказался прав.

В 1927 году, когда Чан Кайши приказал арестовать коммунистов и изгнал из страны советских военных советников, Китай из потенциального союзника превратился во врага. В декабре правительство в Нанкине разорвало отношения с Москвой. В том же году резко ухудшились отношения не только с Китаем, но и Великобританией. Британское правительство разорвало дипломатические отношения с Советским Союзом.

Информационный отдел ОГПУ докладывал о реакции на выступление наркома по военным и морским делам Климента Ефремовича Ворошилова перед участниками московской губернской партийной конференции: «Среди городского и сельского населения распространились по многим районам Союза слухи о близкой войне. На этой почве в отдельных местностях среди некоторой части городского и сельского населения создалось паническое настроение. Местами население старалось запастись предметами первой необходимости: солью, керосином, мукой... Отмечаются случаи отказа крестьян продавать хлеб и скот на советские деньги, благодаря чему сократился подвоз этих товаров на рынок».

Вопрос о возможности войны обсуждался на пленуме ЦК партии в июле 1927 года. Сталин, выступая, говорил: «Война неизбежна — это не подлежит сомнению. Но значит ли это, что ее нельзя оттянуть хотя бы на несколько лет? Нет, не значит. Отсюда задача: оттянуть войну против СССР либо до момента вызревания революции на Западе, либо до момента, когда империализм получит более мощные удары со стороны колониальных стран — Китая и Индии».

10 июля 1929 года китайская полиция арестовала советских работников Китайско-Восточной железной дороги, которая находилась в совместном владении. Этот эпизод был использован для силовой акции против слабого Китая.

Решением Реввоенсовета 6 августа 1929 года все военные силы на Дальнем Востоке были объединены в Особую Дальневосточную армию (ОДВА). Ее возглавил Василий Блюхер как главный специалист по региону. 16 августа Советский Союз разорвал дипломатические отношения с Китаем.

Сталин санкционировал отправку в Маньчжурию отрядов специального назначения, которые должны были поднять там восстание.

Советские военные разведчики, которые успешно действовали в Китае, помогали китайским коммунистам. Среди них был знаменитый Рихард Зорге, который в ноябре 1929 года приступил к работе в 4-м управлении штаба Рабоче-крестьянской Красной армии. Ему сразу предложили ехать в Китай, который стал полем боя между Советским Союзом и Японией. Зорге появился в Шанхае в качестве корреспондента немецкой сельскохозяйственной газеты. Радистом ему дали немца Макса Клаузена, который в Шанхае женился на русской женщине — Анне Жданковой. В Шанхае Зорге познакомился с японским журналистом Ходзуми Одзаки, который станет одним из главных его помощников.

Рихард Зорге завел отношения с разочарованной женой одного из немецких военных советников в штабе правительственной армии и раздобыл коды генерального штаба. Это позволяло знать о перемещениях гоминьдановских войск. Но Зорге работал в основном с левыми, коммунистами, и его довольно быстро отозвали, боясь, что китайская полиция его расшифровала.

В октябре 1929 года начались боевые столкновения с китайцами. Перед Блюхером поставили программу-минимум: нанести чувствительный удар по Китаю и «преподать урок» Чан Кайши. Программа-максимум — поднять революционное восстание в соседней Маньчжурии, создать там дружественное Советскому Союзу правительство.

7 октября 1929 года Сталин объяснял своему ближайшему помощнику в политбюро Вячеславу Михайловичу Молотову:

«Пора нам перейти на точку зрения организации повстанческого революционного движения в Маньчжурии. Отдельные отряды, посылаемые нами в Маньчжурию для выполнения

отдельных эпизодического характера заданий, — дело, конечно, хорошее, но это не то. Теперь надо пойти на большее.

Нам надо организовать две полковые бригады главным образом из китайцев, снабдить их всем необходимым (артиллерия, пулеметы и т. д.), поставить во главе бригад китайцев и пустить их в Маньчжурию, дав им задание: поднять восстание в маньчжурских войсках, развернуться в дивизии, занять Харбин, установить революционную власть...

Никаким „международным правам“ не противоречит это дело. Всем будет понятно, что мы против войны с Китаем, наши красноармейцы охраняют лишь наши границы и не имеют намерения перейти на китайскую территорию, а если внутри Маньчжурии имеется восстание, то это вполне понятная штука в обстановке того режима...»

Военную операцию Василий Блюхер провел успешно. Слабая китайская армия не могла сдержать напора войск Блюхера. Чан Кайши уступил. 29 декабря 1929 года в Хабаровске было подписано соглашение с Китаем об урегулировании ситуации на Китайско-Восточной железной дороге. Советские войска покинули территорию Маньчжурии. Блюхер первым удостоился только что учрежденного ордена Красной Звезды.

По всей стране проходили митинги и демонстрации, проводились встречи с героями войны против «бело-китайских милитаристов», вспоминал генерал-майор Петр Григорьевич Григоренко. Подростки распевали частушку на злобу дня:

Ой, чина-чина-чина —
упала кирпичина,
убила Чжан Цзолиня,
заплакал Чан Кайши.

Китайский генерал Чжан Цзолинь, правивший Маньчжурией, был в 1928 году убит японцами. Впрочем, некоторые историки ныне утверждают, что его уничтожила советская разведка...

Но поднять революцию в Маньчжурии Красной армии не удалось. Пришлось восстанавливать отношения с китайским правительством. Чан Кайши тоже не мог позволить себе полный разрыв с Советским Союзом, где находился его сын Цзинго.

Еще в 1925 году советские представители уговорили Чана отправить сына в Москву. Назад не отпускали. Сын президента Китая превратился в заложника. А Чан Кайши дорожил наследником. 14 декабря 1931 года записал в дневнике: «Я совершил страшное преступление: подверг риску жизнь наследника». На запросы президента Москва неизменно отвечала, что его сын вполне счастлив и отказывается возвращаться в Китай.

Принято считать, что компартия Китая всегда держалась особняком, а Сталин не доверял Мао, который хотел быть самостоятельным. В реальности в руководстве компартии существовали три группировки: старые коминтерновские кадры, выпускники московских учебных заведений и местные партизанские командиры. Сталин не давал какой-то одной группе взять верх. Командующий китайской Красной армией Чжу Дэ и секретарь ЦК партии Чжоу Эньлай, будущий глава правительства, хотели избавиться от соперника — отправить Мао на лечение в Москву. Им не позволили.

Компартия Китая 7 ноября 1931 года провозгласила создание советской республики. Мао Цзэдун возглавил это непризнанное государство и стал называться на советский манер — председателем Центрального исполнительного комитета. Вот тогда подчиненные и стали именовать его «председатель Мао».

На седьмом конгрессе Коминтерна летом 1935 года Мао назвали знаменосцем мирового коммунистического движения — вместе с болгарином Георгием Димитровым, который прославился после неудачной попытки нацистов обвинить его в поджоге рейхстага.

Главным противником Мао был руководитель китайской делегации в Коминтерне Ван Мин, безжалостный и амбициозный человек. Он себя видел руководителем партии. В его аппарате составили справку о Мао — для руководителей Коминтерна: «Социальное происхождение — мелкий помещик... Сильный работник, агитатор и массовик, умеет внедряться в гущу массы. Имеет богатейший опыт крестьянского движения и партизанской войны... Есть недостатки. Недостаточна теоретическая подготовка, поэтому легко может совершить отдельные политические ошибки».

Ван Мин обвинял Мао в троцкизме и переправлял свои критические послания в Москву через советских военных разведчиков. Но его обвинения не погубили Мао. Летом 1938 года Москва согласилась на избрание Мао генеральным секретарем ЦК компартии.

«С конца двадцатых годов, — считает профессор Александр Панцов, автор биографии Мао Цзэдуна, — именно Москва активно способствовала выдвижению Мао. Сталинский Коминтерн поддерживал его и вставал на его защиту, когда кто-либо из руководящих деятелей компартии Китая выступал против него. Москве и прежде всего Сталину Мао обязан своим возвышением».

С начала 1930-х китайская политика Сталина стала определяться противостоянием с Японией, территориальные аппетиты которой росли с каждым днем. Корея уже была японской колонией, и с ее территории императорская армия пыталась захватить Китай. Чан Кайши попросил военной помощи у Советского Союза. Он предложил забыть прежние распри и объединиться против общего врага.

Прежде Сталин не спешил ему на выручку.

Когда Япония в 1931 году оккупировала Северо-Восточный Китай, Сталин держался крайне осторожно. 23 сентября 1931 года он, находясь в отпуске, писал своим ближайшим соратникам Лазарю Моисеевичу Кагановичу и Вячеславу Михайловичу Молотову:

«Наше военное вмешательство, конечно, исключено, дипломатическое же вмешательство сейчас нецелесообразно, так как оно может лишь объединить империалистов, тогда как нам выгодно, чтобы они рассорились...

В печати надо вести себя так, чтобы не было никаких сомнений в том, что мы всей душой против интервенции. Пусть „Правда“ ругает вовсю японских оккупантов, Лигу Наций как орудие войны, а не мира, пакт Келлога как орудие оправдания оккупации, Америку как сторонницу дележа Китая. Пусть кричит „Правда“ вовсю, что империалистические пацифисты Европы, Америки и Азии делят и порабощают Китай. „Известия“ должны вести ту же линию, но в умеренном и архиосторожном тоне...»

Разница между двумя газетами состояла в том, что «Правда» была органом ЦК партии, а «Известия» — Центрального исполнительного комитета СССР, то есть формально представляла государственную точку зрения.

Сталину, конечно, не нравилось, что японцы оккупировали Маньчжурию и оказались у советских границ. Но помогать китайцам он не спешил — не был уверен, что готов к военному противостоянию с Японией.

Весной 1932 года Советский Союз признал Маньчжоу-го де-факто и разрешил марионеточному государству открыть консульства в Чите и Благовещенске. Маньчжоу-го, то есть японцам, продали и Китайско-Восточную железную дорогу, которую японцы использовали для переброски своих войск. Китайцы обиделись, считая такой шаг недружественным. Но китайским политикам в Москве не доверяли. Нарком Ворошилов откровенно выразил эти настроения в письме своему заместителю Яну Борисовичу Гамарнику: «Япошки — и мерзавцы, и наглые ловкачи. Китаезы — идиоты и болваны».

Но избежать противостояния с Японией было невозможно, и Китай становился естественным союзником. Теперь Сталина больше интересовала не революция в Китае, а его готовность воевать с японцами. Он был готов поддержать любого китайского политика, намеренного сражаться против императорской армии.

Начальника политуправления и заместителя наркома Яна Гамарника командировали на Дальний Восток посмотреть, что понадобится армии Блюхера, если начнутся боевые действия. Ворошилов 13 января 1932 года писал Гамарнику: «По имеющимся дополнительным сведениям японцы действительно ведут напряженную работу по подготовке войны и как будто бы к весне текущего года. Есть сведения, что зашевелились всерьез белогвардейцы, которые хвастаются возможностью выброски на территории СССР до ста тридцати тысяч войск. Проектируется создание „русского“ дальневосточного правительства...»

В Харбине и других районах Китая после Гражданской нашли убежище немало русских людей. Это были и просто беженцы, и бывшие солдаты и офицеры Белой армии, и даже небольшая группа молодых русских фашистов.

Особую Краснознаменную Дальневосточную армию Блюхера, которая действовала на огромной территории, преобразовали в Дальневосточный фронт в составе двух армейских направлений — Приморского и Забайкальского. Так было проще управлять войсками.

2 июня 1932 года Каганович докладывал Сталину, который отдыхал на юге:

«Телеграммы, идущие из Японии, показывают усиление как будто мирных настроений, но в то же время есть телеграммы о том, что японские аэропланы кружатся уж очень близко возле нашей границы, и как будто (еще не проверено) были даже факты перелета, хотя и незначительного, нашей границы на Амуре.

Блюхер прислал телеграмму Ворошилову, в которой предлагает обстрелять японские аэропланы, как только они перелетят через границу, то есть через середину реки Амур. Ворошилов ответил ему, что можно лишь в том случае обстрелять, если они действительно перелетят через границу или будут летать в районе нашей флотилии.

Мы собрали Дальневосточную комиссию и решили категорически запретить стрелять и точно информировать о всех случаях Москву. Приняли мы это потому, что нельзя дать возможность командиру роты или взвода определять, когда обстрелять, когда нет. Мы не гарантированы, что какая-либо группка японских фашистов-военных может нас пробовать провоцировать на войну, и решение таких вопросов должно быть в руках центра. Думаю, что мы решили правильно.

Не обошлось, к сожалению, без инцидента с Ворошиловым: дело в том, что он не счел нужным этот вопрос не только поставить на обсуждение, но даже оповестить нас или прислать копию телеграммы. Несмотря на то, что мы не обостряли этой стороны вопроса, а обсуждали по существу, Ворошилов заявил: „Не стану бегать к вам по мелочам, вы тут решаете сами много вопросов, а я не могу телеграмму послать“.

Хороша мелочь! Обстреливать ли японские аэропланы или нет! Ну, конечно, поругались. Я думаю, мы поступили правильно, собрав комиссию и приняв такое решение, именно такой постановке вопроса мы учимся у Вас каждодневно».

Сталин не был уверен в способности Красной армии одержать победу на Дальнем Востоке и не спешил затевать с японцами войну, поэтому не поощрял никаких действий, которые могли бы ускорить столкновение.

Связываться с японцами тогда никто не хотел. СССР и США все еще не установили дипломатические отношения, разорванные после революции. И государственный департамент не спешил вступать в переговоры с Москвой, потому что американцы боялись японцев, которые уже захватили Китай и намеревались продолжать расширять свою империю. Американские дипломаты опасались, что сближение с Советской Россией еще больше «разозлит бешеную собаку, сорвавшуюся с цепи на Дальнем Востоке», — так говорили тогда о Японии.

Столкнуть своих противников лбами надеялись и в Москве. Беседуя с работниками аппарата Президиума ВЦИК, член политбюро и формально президент страны Михаил Иванович Калинин откровенно говорил: «Мы не против империалистической войны, если бы она могла ограничиться, например, только войной между Японией и Америкой или между Англией и Францией».

Но получилось иначе...

7 июля 1932 года советник японского посольства в Москве передал в Наркомат иностранных дел ноту, в которой говорилось, что арестованный японскими властями кореец Ли признался: он и еще трое корейцев были завербованы владивостокскими чекистами, их снабдили взрывчаткой и отправили в Японию с заданием взорвать ряд мостов.

Руководитель полномочного представительства ОГПУ по Дальневосточному краю Терентий Дмитриевич Дерибас самокритично доложил в Москву, что организованная им операция не удалась («шуму наделали, а мост не взорвали»), агентов-взрывников поймали, и они во всем признались.

Сталин, возмущенный скандальным провалом чекистов, писал Кагановичу:

«Нельзя оставлять без внимания преступный факт нарушения директивы ЦК о недопустимости подрывной работы ОГПУ и Разведупра в Маньчжурии.

Арест каких-то корейцев-подрывников и касательство к этому делу наших органов создает (может создать) новую опасность провокации конфликта с Японией. Кому все это нужно, если не врагам советской власти?

Обязательно запросите руководителей Дальвоста, выясните дело и накажите примерно нарушителей интересов СССР. Нельзя дальше терпеть это безобразие!

Поговорите с Молотовым и примите драконовские меры против преступников из ОГПУ и Разведупра (вполне возможно, что эти господа являются агентами наших врагов в нашей среде). Покажите, что есть еще в Москве власть, умеющая примерно карать преступников».

Разумеется, на официальном уровне отрицалась любая причастность советских органов госбезопасности к террористическим акциям. 26 июля 1932 года заместитель наркома иностранных дел Лев Карахан пригласил к себе японского посла в Москве и сделал ему заявление от имени советского правительства:

«Все сообщение корейца Ли с начала до конца является злостным и провокационным вымыслом... Ни Владивостокское ГПУ, ни какое-либо другое советское учреждение во Владивостоке не могло давать и не давало тех поручений, о которых показывает Ли-Хак-Ун, ни каких-либо других аналогичного характера ни корейцу Ли, ни каким-либо другим лицам...

Советское правительство надеется, что японские власти отнесутся должным образом как к автору провокационного заявления, так и примут все необходимые и энергичные меры к выяснению вдохновителей и организаторов этого преступного дела, имеющего несомненной целью ухудшение отношений между СССР и Японией».

Тем временем в Москве после короткого расследования обнаружили виновных. 16 июля политбюро приняло решение:

«а) Обратить внимание ОГПУ на то, что дело было организовано очень плохо; подобранные люди не были должным образом проверены.

б) Указать т. Дерибасу, что он лично не уделил должного внимания этому важнейшему делу, в особенности подбору и проверке людей.

в) Объявить строгий выговор т. Загвоздину как непосредственно отвечающему за плохую организацию дела.

Предрешить отзыв тов. Загвоздина из Владивостока.

г) Поручить ОГПУ укрепить кадрами военно-оперативный сектор».

Для Терентия Дерибаса тогда все закончилось благополучно. В конце года он получил второй орден Красного Знамени. Комиссар госбезопасности 1-го ранга Дерибас работал на Дальнем Востоке до ареста в августе 1937 года. Расстреляли его через год, в июле 1938 года.

Николай Андреевич Загвоздин, который так подвел Дерибаса, служил в госбезопасности с 1920 года. В апреле 1931 года его перевели из Нижегородской губернии на Дальний Восток начальником Владивостокского оперативного сектора. После провала организованной им диверсионной операции Загвоздина перебросили в Среднюю Азию начальником особого отдела полномочного представительства ОГПУ и Среднеазиатского военного округа. Он несколько лет руководил военной контрразведкой округа. В декабре 1934 года стал по совместительству заместителем наркома внутренних дел Узбекистана, а через две недели — наркомом. Николая Загвоздина избрали депутатом Верховного Совета СССР, дали спецзвание майора госбезопасности. Из Узбекистана в сентябре 1937 года перевели наркомом в Таджикистан. Загвоздин счастливо проскочил период массового уничтожения чекистских кадров и все-таки был арестован в феврале 1939 года, когда Берия убирал остатки старых кадров. 19 января 1940 года недавнего наркома приговорили к высшей мере наказания и в тот же день расстреляли...

12 декабря 1932 года дипломатические отношения с Китаем (гоминьданом) восстановились. Военным и пограничникам на Дальнем Востоке строго-настрого запретили ввязываться в боевые столкновения с японцами и поддерживать китайцев.

8 марта 1933 года политбюро постановило:

«Дать следующий приказ за подписями тт. Ворошилова и Ягоды тт. Блюхеру и Дерибасу. В связи с непрекращающимся

переходом китайских отрядов на нашу территорию приказываем:

1) Впредь интернировать только высший и старший начсостав с соблюдением ранее установленного порядка.

2) Остальной состав после разоружения не заключать в концлагерь, не кормить их, предложив им встать на работу, а в случае отказа от работы — гнать их в шею подальше от границ. В случае их желания вернуться в Китай не препятствовать их выезду своими средствами.

3) ГПУ взять под особое наблюдение всех китайцев, перешедших на нашу территорию».

Но военные действия удалось лишь ненадолго отсрочить. Избежать конфликта при амбициях обеих сторон было невозможно. Через несколько лет начались спорадические столкновения между красноармейцами и подразделениями японской Квантунской армии, расквартированной в Маньчжурии, — в районе Гродеково в 1935 году, у острова Сычевский на Амуре и в районе селения Пакшекори в 1937 году.

Китай превратился в поле боя между Советским Союзом и Японией. Японцы полагали, что они вправе управлять всем Дальним Востоком и Юго-Восточной Азией. У Сталина были свои виды на обширные территории Китая.

Очевидная слабость центрального правительства располагала соседей к территориальным приобретениям. Сталин старался помешать тому, чтобы Китай перешел под управление японцев. Но он не хотел и укрепления китайского правительства. Он одновременно играл на нескольких досках. Китайцам это было очевидно, но они японцев боялись больше, чем русских, и потому рассчитывали на советскую военную помощь.

В Москве старались руководить действиями вооруженных формирований китайских коммунистов. 8 сентября 1936 года Каганович и Молотов отправили Сталину шифртелеграмму:

«Командование Китайской красной армии сообщило два варианта дальнейших действий...

Считаем возможным:

1) Согласиться с первым вариантом плана действий Китайской красной армии, а именно: занятие района Нинся и запад-

ной части провинции Ганьсу. Причем категорически указать на недопустимость дальнейшего продвижения Китайской красной армии по направлению к Синьцзяну, что может оторвать Китайскую красную армию от основных китайских районов.

2) Предрешить, что после занятия Китайской красной армией района Нинся будет оказана помощь оружием в размере 15–20 тысяч винтовок, 8 пушек, 10 минометов и соответствующего количества боеприпасов иностранного образца.

Оружие сосредоточить к декабрю 1936 года на южной границе МНР и продать через известную Урицкому (руководитель военной разведки. — *Л. М.*) иностранную фирму, подготовив транспорт для переброски его в Нинся».

Вождь согласился.

Китайских коммунистов просили не приближаться к провинции Синьцзян, потому что Сталин одновременно помогал живущим там уйгурам, казахам, киргизам и другим народам обрести самостоятельность в надежде, что они вообще отделятся от Китая и, может быть, присоединятся к Советскому Союзу. В конце 1944 года, когда значительная часть Китая была оккупирована японцами, в Синьцзяне образовалась Восточно-Туркестанская республика. Ее провозгласило восставшее против центрального правительства Китая — не без помощи советской агентуры — местное мусульманское население. Правительство республики возглавил Алихан-тюре Закирходжаев, узбек по происхождению. Он сразу же обратился за помощью в советское консульство и получил ее.

Восточно-Туркестанской республикой занимались и наркомат внутренних дел, и наркомат госбезопасности. Лаврентий Павлович Берия докладывал Сталину: «В случае удачи в Синьцзяне возникнет независимое от Китая дружественное СССР мусульманское социалистическое государство».

Уйгурам отправили советских военных инструкторов и оружие, хотя еще шла война и все ресурсы требовались на германском фронте. Однако независимый Синьцзян даже при советской поддержке просуществовал недолго. После капитуляции Японии в августе 1945 года китайское правительство бросило против мятежников большие силы.

Берия обратился к Сталину: «НКВД просит указаний о целесообразности дальнейшей поддержки повстанческого движения мусульман в Синьцзяне». Но стало ясно, что дело обреченное. Воевать против Чан Кайши в тот момент Сталин не мог — китайцы, как и англичане с американцами, были союзниками в войне против Германии и Японии. Советских инструкторов вывели на территорию СССР, оружие у уйгуров забрали. 12 октября 1945 года правительство Восточно-Туркестанской республики вступило в переговоры с центральным правительством Китая. 2 января 1946 года подписали мирное соглашение. Непризнанная республика перестала существовать.

Китайцы эту историю с попыткой отделить Синьцзян тоже не забыли. Но мы забежали вперед...

В ночь на 12 декабря 1936 года «Молодой маршал» Чжан Сюэлян и генерал Ян Хучэн, связанные с коммунистами, арестовали Чан Кайши и потребовали от него создать единый фронт гоминьдана и КПК и решительно действовать против Японии (см. «Проблемы Дальнего Востока», 2009, № 1). Сталин велел по каналам Коминтерна добиваться «мирного решения конфликта» и тем самым спас жизнь Чан Кайши. Этот инцидент убедил Чан Кайши в искренности СССР. И он пошел на примирение с коммунистами. В качестве ответного жеста отпустили его сына Цзян Цзинго.

13 июня 1937 года советский полпред Дмитрий Васильевич Богомолов писал в НКИД: «Японцы в ближайшее время не рискнут ни на какую новую большую авантюру к югу от Великой Стены... К большой войне в Китае японцы не готовы».

Полпред ошибся. 7 июля война началась.

Японские войска развернули наступление, намереваясь полностью оккупировать Китай. Чан Кайши сразу попросил военной помощи у Советского Союза. Предложил забыть прежние распри и объединиться против общего врага. На сей раз Сталин откликнулся немедленно.

Еще до заключения договора, 29 июля 1937 года, на политбюро приняли решение отправить в Китай двести самолетов и двести танков, а также обучать в СССР китайских летчиков и танкистов. Чан Кайши предлагал подписать договор о взаимной

помощи. Сталин не хотел напрямую втягиваться в войну, поэтому 21 августа 1937 года полпред Дмитрий Богомолов и министр иностранных дел Ван Чжунгуй в Нанкине подписали более скромный договор о ненападении (см. «Новая и новейшая история», 1999, № 6).

Полпред от имени правительства огласил секретную декларацию: «Советский Союз не заключит какого-либо договора о ненападении с Японией до того времени, пока нормальные отношения Китайской Республики и Японии не будут формально восстановлены». (Заметим, что это обещание не помешало Сталину 13 апреля 1941 года подписать договор о нейтралитете с Японией...) Китайский министр в ответ обещал, что Китай «не заключит какого-либо договора с третьей державой о так называемых совместных действиях против коммунизма, который практически направлен против СССР».

Сталин предложил ввести договор в действие немедленно, без ратификации. Почему-то он остался недоволен Богомоловым. В сентябре полпреда отозвали. 18 ноября 1937 года приехавшему в Москву китайскому генералу Ян Цзе Сталин сказал: «Я хочу, чтобы Чан Кайши понял, мы имели от Богомолова неправильную информацию... Мы вызвали Богомолова и спрашиваем, кто ты такой? Оказывается, он троцкист. Плохих информаторов, и послов в том числе, мы арестовываем».

В наркомате приготовили записку для Молотова: «Бывший посол в Китае предатель Богомолов как накануне, так и после начала войны всячески старался дезинформировать правительство СССР... Однако несмотря на вредительство Богомолова, наше правительство правильно оценило события 7 июля и сделало дальнейший шаг в направлении улучшения отношений СССР и Китая».

Дмитрия Богомолова расстреляли в мае 1938 года. Оставшимся в советском полпредстве временным поверенным в делах Сталин тоже был недоволен. Бросил в раздражении: «Река Янцзы у вас глубокая? Может, утопить его в ней?»

В Китай вновь стали прибывать советские военные специалисты. Некоторые из них уже приезжали в Китай в 1920-е годы.

Гражданская война между компартией и гоминьданом приостановилась. 22 сентября 1937 года появилось обращение

ЦК КПК к народу с призывом создать единый национальный фронт для сопротивления агрессии. Чан Кайши, в свою очередь, прекратил преследовать коммунистов. 23 сентября он согласился на легализацию партии и Красной армии. Мао Цзэдун получил из Москвы указание признать центральное правительство и передать под командование Чан Кайши Красную армию для совместной борьбы против Японии. В сентябре 1937 года коммунистическая партия Китая и центральное правительство подписали соглашение о совместных действиях против оккупантов. Но даже сообща они с трудом противостояли наступавшей японской армии.

Чан Кайши рассчитывал, что его спасение — в огромных просторах Китая: японцам не по силам оккупировать всю страну. Но 7 июля 1937 года Япония начала полномасштабную войну против Китая. Вскоре японцы взяли Пекин. В августе под Шанхаем разбили семьдесят три из ста восьмидесяти китайских дивизий.

26 ноября 1937 года Чан Кайши отправил Сталину телеграмму с просьбой перебросить в Китай Красную армию для совместной борьбы против японцев. Отправлять войска и вступать в прямое военное столкновение с японцами Сталин не хотел. Но ему важно было не допустить капитуляции Китая, заставить Чан Кайши продолжить сопротивление, чтобы у японцев руки были связаны.

Бои на Хасане

После катастрофы в Нанкине Чан Кайши запросил дополнительной помощи.

17 января 1938 года в Москву прибыл председатель законодательного юаня (парламента) Сунь Фо, доверенное лицо Чан Кайши. Полтора месяца с истинно восточной невозмутимостью и спокойствием он ожидал приема у Сталина и все-таки добился своего. Он потом рассказывал послу в Великобритании Ивану Михайловичу Майскому, как это произошло:

«Мне сообщили, что я увижу вашего лидера в определенный день, но не назвали точного времени. Я приготовился. Сижу

в посольстве и жду. Наступает вечер — восемь часов, девять часов, десять часов, одиннадцать часов... Ничего!.. Несколько разочарованный я решил лечь спать. Разделся, залез в постель. Вдруг без четверти двенадцать за мной приезжают:

— Пожалуйста, вас ждут!

Я вскочил, оделся и поехал. Вместе со Сталиным были Молотов и Ворошилов. Под конец пришли еще Микоян и Ежов. Беседа наша продолжалась с двенадцати ночи до половины шестого утра. И тут все было решено».

Сталин сказал, что вступление Советского Союза в войну с Японией невозможно, но он поможет Китаю оружием. 1 марта 1938 года было подписано соглашение о выделении кредита на покупку советского оружия на пятьдесят миллионов долларов.

10 мая Сталин и Ворошилов подписали телеграмму, адресованную Чан Кайши:

«Мы вполне понимаем тяжелое валютно-финансовое положение Китая и учитываем его. Поэтому мы и не требуем от Китая в виде уплаты за вооружение ни золота, ни иностранной валюты. Но мы бы хотели получить от Китая такие товары, как чай, шерсть, кожу, олово, вольфрам и т. д.

Мы знаем наверняка, что товары такого рода Китай мог бы поставить Советскому Союзу без ущерба для народного хозяйства и обороны Китая».

Сталин выделил Китаю кредиты на льготных условиях, оружие и боевую технику. За два года, с октября 1937 года по сентябрь 1939 года, Советский Союз поставил Китаю около тысячи самолетов, восемьдесят танков, тысячу триста орудий, свыше четырнадцати тысяч пулеметов, пятьдесят тысяч винтовок, боеприпасы и снаряжение в больших количествах. Это даже больше, чем получила республиканская Испания. Военные грузы везли автотранспортом по дороге, которую специально для этого проложили через Синьцзян. Там же, в Синьцзяне, советские техники собирали истребители и другую боевую технику для китайской армии.

Специально для Красной (8-й) армии в округе Урумчи основали военную школу — артиллерийское, авиационное, бронетанковое отделения, отделение подготовки водителей и ради-

стов (см. «Проблемы Дальнего Востока», 2008, № 1). Генеральный секретарь исполкома Коминтерна Георгий Димитров предлагал поставить 8-й армии оружие и технику, включая танки, если компартия берется все это самостоятельно доставить от границы Монголии до своей территории. Но не удалось.

К середине 1939 года в Китае находилось 3665 советских военных советников (это не считая летчиков). Среди них был человек, чье имя со временем станет очень известным. В сентябре 1938 года полковник Андрей Андреевич Власов получил под командование 72-ю стрелковую дивизию в Киевском округе, но сразу же был отправлен в особую командировку, которую командиры Красной армии не имели права упоминать даже в служебных документах.

Генерал Власов впоследствии в автобиографии и анкетах неизменно писал: за границей не был. Это неправда. В те годы у советских военных было два заграничных маршрута — на запад, в Испанию, или на восток, в Китай. Власова отправили на восток. Он прибыл в Китай в начале сентября 1938 года и был назначен старшим советником к командующему 2-м военным районом маршалу Янь Сишаню. Маршал принимал Власова с восточной пышностью, устраивал ему увеселительные поездки. В каждом населенном пункте его встречали толпы с плакатами на двух языках «Да здравствует полководец Власов!» Поездки сопровождались банкетами и выступлениями артистов...

Не для всех командировка в Китай оказалась столь приятно экзотической. На стороне китайцев воевали две тысячи советских летчиков. 18 февраля 1938 года первая группа пилотов вступила в бой в китайском небе. В воздушной схватке над Уханем они сбили двенадцать японских самолетов. Советские летчики защищали от налетов крупные китайские города. Двести одиннадцать человек погибли в бою или умерли от ран. Могилы советских добровольцев находятся в Ухане, Чунцине и Нанкине.

Столкновение интересов Японии и Советского Союза в Китае неминуемо вело к военным действиям. Рано или поздно две страны должны были померяться силами на поле брани. В Москве и в Токио не сомневались, что война будет. Вопрос был в другом: когда и на какой территории?

Не желая напрямую вступать в войну, Сталин был не прочь продемонстрировать захватившим Китай японцам мощь Красной армии, чтобы отбить у них желание двигаться дальше на север. Этот урок должен был преподать Василий Блюхер, который стал любимчиком Сталина. Его Особая армия действовала на правах округа. Никто из командующих округами не получил в 1935 году звание маршала, только Блюхер. Остальные военачальники ему сильно завидовали.

Бои на Хасане начались 29 июля 1938 года. В советской печати писали о сокрушительном поражении японских войск. В реальности итоги были неутешительными. Прежде всего для самого маршала Блюхера, который еще недавно с высокой трибуны в Москве клялся: «Если грянут боевые события на Дальнем Востоке, то Особая Дальневосточная Красная армия, от красноармейца до командарма, как беззаветно преданные солдаты революции, под непосредственным руководством любимого вождя Рабоче-Крестьянской Красной армии и флота — товарища Ворошилова, Центрального Комитета партии, великого вождя нашей партии товарища Сталина, ответит таким ударом, от которого затрещат, а кое-где и рухнут устои капитализма!»

И ему верили и горячо аплодировали. А получилось иначе.

В приказе наркома Ворошилова № 0040 от 4 сентября 1938 года говорилось:

«31 августа 1938 г. под моим председательством состоялось заседание Главного военного совета РККА в составе членов Военного совета: тт. Сталина, Щаденко, Буденного, Шапошникова, Кулика, Локтионова, Блюхера и Павлова с участием Председателя СНК т. Молотова и зам. Народного комиссара внутренних дел т. Фриновского.

Главный военный совет рассмотрел вопрос о событиях в районе озера Хасан и, заслушав объяснения комфронта т. Блюхера и члена Военного совета Дальневосточного фронта т. Мазепова, пришел к следующим выводам:

Боевые операции у озера Хасан явились всесторонней проверкой мобилизационной и боевой готовности не только тех частей, которые непосредственно принимали в них участие, но и всех без исключения войск Дальневосточного фронта.

События этих немногих дней обнаружили огромные недочеты в состоянии Дальневосточного фронта. Боевая подготовка войск, штабов и командно-начальствующего состава фронта оказались на недопустимо низком уровне. Войсковые части были раздерганы и небоеспособны; снабжение войсковых частей не организовано...

В результате такого недопустимого состояния войск фронта мы в этом сравнительно небольшом столкновении понесли значительные потери — 408 человек убитыми и 807 человек ранеными. Эти потери не могут быть оправданы ни чрезвычайной трудностью местности, на которой пришлось оперировать нашим войскам, ни втрое большими потерями японцев...»

Василия Блюхера обвинили в том, что он скрывал истинное положение в подчиненных ему войсках, «систематически, из года в год, прикрывал свою заведомо плохую работу и бездеятельность донесениями об успехах» и оставил незамещенными сотни должностей командиров частей и соединений.

Приказ Ворошилова ставил точку в военной карьере Блюхера: «Все его поведение за время, предшествующее боевым действиям и во время самих боев, явилось сочетанием двуличия, недисциплинированности и саботирования вооруженного отпора японским войскам, захватившим часть нашей территории...»

А произошло вот что.

В июле 1938 года отделение пограничников Посьетского пограничного отряда заняло высоту Заозерная. Бойцы стали рыть окопы и натягивать колючую проволоку. Но высота находилась на территории Маньчжурии, ее китайское название — Чангкуфенг. Иначе говоря, пограничники нарушили государственную границу.

12 июля японцы это обнаружили и заявили протест, оставшийся без ответа.

15 июля к высоте подошел отряд японских жандармов. Советские пограничники уходить отказались. Бойцы взялись за оружие. Начальник инженерной службы Посьетского пограничного отряда лейтенант Василий Михайлович Виневитин застрелил из винтовки одного из японских жандармов. После

окончания боев Виневитин получил звание Героя Советского Союза.

Блюхер отправил комиссию — выяснить, что произошло. Она установила, что окопы, отрытые советскими пограничниками, находятся на маньчжурской территории (см. книгу известного военного историка генерала Н. Павленко «Была война...»).

Опытный Блюхер допустил непростительную ошибку, когда стал проверять законность действий пограничников у озера Хасан: пограничники входили в состав наркомата внутренних дел. Чекисты восприняли действия Блюхера как личную обиду.

В приказе Ворошилова говорилось:

«Т. Блюхер не принял действенных мер для поддержки пограничников полевыми войсками. Вместо этого он совершенно неожиданно... подверг сомнению законность действий наших пограничников у озера Хасан.

В тайне от члена Военного совета т. Мазепова, своего начальника штаба т. Штерна, зам. Наркома обороны т. Мехлиса, зам. Наркома внутренних дел т. Фриновского, находившихся в то время в Хабаровске, т. Блюхер послал комиссию на высоту Заозерная и без участия начальника погранучастка произвел расследование действий наших пограничников.

Созданная таким подозрительным порядком комиссия обнаружила „нарушение“ нашими пограничниками маньчжурской границы на три метра и, следовательно, „установила“ нашу „виновность“ в возникновении конфликта у озера Хасан.

Ввиду этого т. Блюхер шлет телеграмму Наркому обороны об этом мнимом нарушении нами маньчжурской границы и требует немедленного ареста начальника погранучастка и других „виновников в провоцировании конфликта“ с японцами».

Иначе говоря, Блюхер установил, что в конфликте виноваты советские пограничники. Этого маршалу в НКВД не простили. Тем более что именно в тот момент на Дальний Восток прибыл руководивший пограничниками первый заместитель наркома внутренних дел комкор Михаил Петрович Фриновский. Он с большой бригадой чекистов проверял кадры Особой армии, Тихоокеанского флота и Амурской флотилии. Фриновский

не захотел принимать на себя вину за конфликт на высоте Заозерная и, напротив, обвинил Блюхера в преступном бездействии.

В Москве хотели воспользоваться ситуацией и начать боевые действия против японцев. А Блюхер не понял сталинской воли и настаивал на том, что пограничники неправы.

29 июля японцы атаковали высоту Безымянная, которая находилась рядом с Заозерной. А 31 июля захватили уже обе высоты. 1 августа Сталин по прямому проводу связался с маршалом Блюхером: «Скажите, товарищ Блюхер, честно. Есть ли у вас желание по-настоящему воевать с японцами? Если нет такого желания, скажите прямо, как подобает коммунисту. А если есть желание, я бы считал, что вам следовало бы выехать на место немедленно...»

2 августа началась контратака советских войск. В боевые действия на озере Хасан был введен целый корпус — три стрелковые дивизии и механизированная бригада. Но войска были плохо обучены и несли бóльшие потери, чем японцы.

Это было время массовых репрессий в Красной армии. Маршал Иван Степанович Конев рассказывал писателю Константину Михайловичу Симонову, что к началу боев на озере Хасан в одной бригаде были арестованы и ее командир, и командиры всех батальонов. Командовал бригадой начальник штаба. Пришли и за ним. «Он просил, умолял не сажать его прежде, чем он сводит бригаду в бой, — рассказывал Конев. — Но его, конечно, посадили, и не он повел бригаду в бой, а бригаду повел какой-то командир роты и засадил ее в болото...»

Захватить высоты Заозерная и Безымянная Красной армии удалось уже после того, как было подписано соглашение о перемирии и японцы отступили. Сталин был раздражен и разочарован, Красная армия оказалась значительно слабее, чем он надеялся. Всю вину он возложил на Блюхера, которого арестовали и забили в тюрьме... Историки говорят о том, что провал Особой армии в столкновении с японцами был прямым следствием репрессий: сказались нехватка командного состава, атмосфера подозрительности, неверие красноармейцев в оставшихся командиров, отсутствие нормальной боевой учебы.

Победа на Халхин-Голе

Новые бои с японской Квантунской армией, на сей раз на территории Монголии, проходили уже без маршала Блюхера. Причиной боев на Халхине-Голе стал все тот же конфликт интересов Советского Союза и Японии. В Токио рассматривали поставки советского оружия Китаю и появление там военных советников как враждебные действия и хотели заставить Сталина прекратить помогать Китаю.

На японских картах Монгольская Народная Республика значилась как Внешняя Монголия. Внутренняя Монголия входила в состав Китая. Но раз японцы надеялись оккупировать весь Китай, то почему бы не попробовать присоединить и Внешнюю Монголию?

Монгольскую Народную Республику признавал тогда только Советский Союз. Кстати, еще в советско-китайском соглашении 1924 года говорилось: «Внешняя Монголия — часть Китая, и Советский Союз признает китайский суверенитет над этой территорией». Но эту часть соглашения Москва не соблюдала.

Китайское правительство согласилось признать Монголию 5 января 1946 года — только после того, как советские войска в августе 1945 года вступили в войну с Японией и вошли на китайскую территорию, а сами монголы 20 октября 1945-го на плебисците единодушно проголосовали за самостоятельное государство. Впрочем, не только Чан Кайши, но и Мао Цзэдун, придя к власти в 1949 году, считал, что самостоятельная Монголия не имеет права на существование.

Сохранение Монголии под советским контролем не было простым делом. Еще весной 1932 года в Монголии вспыхнуло восстание. Монголы взбунтовались против социалистической власти. В Москве члены Политбюро пришли к выводу, что монгольское руководство само виновато, потому что «слепо копировало политику Советской власти в СССР». Монгольским властям рекомендовали временно отказаться от коллективизации, не ликвидировать частную торговлю, проводить политику, которая соответствует «буржуазно-демократической республике».

Политбюро предложило отправить в Монголию советские войска. Сталин, находившийся в Сочи, возразил:

«Нельзя смешивать Монголию с Казахстаном или Бурятией. Главное — надо заставить монгольское правительство изменить политический курс в корне. Надо оттеснить (временно) „леваков“ и выдвинуть вместо них на места министров и руководителей ЦК Монголии людей, способных проводить новый курс, то есть нашу политику...

Конечно, если положение в Урге безнадежно (в чем я сомневаюсь, так как сообщение полпреда Охтина считаю необъективным), — можно пойти на ввод бурят-монгольских частей, но на эту штуку, как временную меру, можно пойти лишь в самом крайнем случае, имея при этом в виду, что ввод войск есть второстепенная и дополнительная мера к главной мере — к изменению политического курса».

Позже Сталин писал Ворошилову: «Если поворот политики в Монголии пройдет более или менее сносно, Монголия сохранит независимость, если же нет, никакие „военные действия“ не спасут ее от съедения со стороны японо-маньчжур...»

Восстание удалось подавить. Монголия осталась под советским контролем.

А непосредственным поводом для боев на Халхин-Голе стало отсутствие точной границы между Монголией и Маньчжурией (см. «Новая и новейшая история», 2001, № 2). Там находилась пограничная зона шириной до сотни километров без каких-либо опознавательных знаков, по которой в обе стороны свободно кочевали местные племена.

Когда японцы создали в Северо-Восточном Китае марионеточное государство Маньчжоу-го, в пограничной зоне начались стычки между японскими и монгольскими пограничниками. Японцы жаловались на монголов советским дипломатам.

Попытались с помощью военных и разведчиков разобраться, на чьей же территории действительно происходят стычки.

Обнаружились две карты: карта, составленная еще военно-топографическим управлением генштаба русской армии в 1906 году, и обновленная карта, изданная Управлением Военной Топографии РККА в 1934 году. Обе оказались не в пользу Монголии.

Граница с Маньчжурией была проведена севернее реки Халхин-Гол. В генштабе нашлась еще карта 1933 года, на которой граница была проведена непосредственно по реке Халхин-Гол. Но и она свидетельствовала о том, что спорная территория Монголии не принадлежит.

И только когда уже шли бои, нарком внутренних дел Берия торжествующе сообщил Сталину и Молотову, что чекисты обнаружили в Улан-Баторе карту, датированную 5 июля 1887 года. Карта была хороша тем, что определяла границы «восточнее реки Халхин-Гол», таким образом получалось, что спорная территория на самом деле — территория Монголии. Относительно других, «неправильных» карт Берия обещал разобраться и наказать виновных: «Нами ведется расследование, на основании каких материалов и документов в январе 1934 года Управлением Военной Топографии РККА была издана карта, по которой государственные границы показаны проходящими по реке Халхин-Гол».

Монголия существовала в ситуации полной изоляции и управлялась из Москвы. Японцы предлагали монголам начать переговоры, с тем чтобы договориться о границе. Но Сталин не хотел переговоров, не позволял Монголии устанавливать дипломатические отношения с другими странами и даже запрещал выдавать визы иностранцам, желавшим посетить Улан-Батор.

12 марта 1936 года в Улан-Баторе был подписан советско-монгольский протокол о взаимопомощи сроком на десять лет. На основе этого документа в сентябре 1937 года начался массированный ввод советских войск в Монголию. Сталин хотел преподать японцам урок, зная слабость японской армии, которая не располагала ни современными танками, ни авиацией.

Правда, первые бои на Халхин-Голе в мае 1939 года сложились для Красной армии неудачно. Георгий Константинович Жуков рассказывал, как во время боев на Халхин-Голе 32-я стрелковая дивизия после нескольких залпов японской артиллерии просто бросилась бежать. Жуков и его командиры еле остановили бегущих.

Сталин стал искать виновных. Руками маршала Хорлогийна Чойбалсана он сменил все умеренное руководство Монголии,

которое не стремилось к военному конфликту с соседями. В Улан-Баторе арестовали три десятка человек — министров, руководителей вооруженных сил и органов безопасности — во главе с первым секретарем ЦК монгольской народно-революционной партии, словом, все руководство страны. Их доставили в Москву и посадили. 5 июля 1941 года дела тридцати монгольских руководителей рассмотрела Военная коллегия Верховного суда СССР (не Монголии!). 27 и 28 июля их расстреляли под Москвой.

Маршал Чойбалсан стал главой правительства.

В Монголию перебросили дополнительные силы Красной армии, и они с большим трудом все-таки одержали победу над отсталой японской армией.

20 августа Жуков начал наступление, к утру 31 августа он доложил, что противостоявшие ему японские части разгромлены. 15 сентября в Москве нарком иностранных дел Молотов и японский посол Сигэнори Того подписали соглашение о прекращении военных действий.

Японские войска не были готовы к боевым действиям. 23-я японская пехотная дивизия, с которой сражалась Красная армия, была сформирована в Маньчжурии из необученных и необстрелянных новобранцев (см. «Япония сегодня», 1999, № 8).

16 сентября 1939 года — после подписания в Москве соглашения о прекращении боевых действий — эта маленькая война закончилась. Бои на Халхин-Голе принесли первую военную славу генералу Георгию Константиновичу Жукову и доставили большое удовольствие вождю. 2 июня 1940 года Сталин впервые принял Жукова. Беседа продолжалась полчаса, присутствовал еще и Молотов. Сталин обласкал полководца, который привез ему победу. Комкор Жуков сразу получил звание генерала армии, минуя звания командарма 1-го и 2-го ранга.

Впрочем, Сталин понимал, что на Халхин-Голе произошло сравнительно небольшое сражение. В апреле 1940 года, выступая перед военными, откровенно сказал: «Мелкие эпизоды в Маньчжурии, у озера Хасан или в Монголии, это чепуха, это не война, это отдельные эпизоды на пятачке, строго ограниченном. Япония боялась развязать войну. Мы тоже этого не хотели,

и некоторая проба сил на пятачке показала, что Япония провалилась. У них было две-три дивизии, и у нас две-три дивизии в Монголии. Столько же на Хасане. Настоящей, серьезной войны наша армия еще не вела...»

Но немецким дипломатам в Москве Сталин уверенно говорил, что готов и к полномасштабной войне с Японией. Он с удовольствием констатировал, что в боях на Халхин-Голе японцы потеряли не меньше двадцати тысяч человек. «Это единственный язык, который понимают азиаты, — сказал Сталин. — Я сам — один из них и знаю, что говорю».

Опиумные дела

Весной 1939 года советский полпред в Китае Иван Трофимович Луганец-Орельский с женой Ниной Валентиновной приехал в Москву в отпуск. Как положено, доложился руководству и отправился отдыхать в Цхалтубо — в санаторий НКВД. Хороший отдых высокому гостю взялся обеспечить лично нарком внутренних дел Грузии старший майор госбезопасности Авксентий Нарикиевич Рапава. Почему дипломат отдыхал в санатории НКВД и опекал его нарком внутренних дел — на это были особые причины, ставшие известными значительно позже.

И вдруг газеты сообщили, что в ночь на 8 июля 1939 года в результате автомобильной катастрофы погибли полпред в Китае, его жена, а также водитель товарищ Чуприн. Центральные газеты поместили некролог: «Нелепый случай вырвал из наших рядов активного члена большевистской партии и крупного советского дипломата...»

Некролог подписали заместители наркома иностранных дел Владимир Потемкин, Соломон Лозовский, Владимир Деканозов. Нарком иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов своей подписи не поставил. Но на это мало кто обратил внимание.

Катастрофа произошла в два часа ночи между городом Кутаиси и курортом Цхалтубо на шестом километре шоссейной дороги. Комиссия Кутаисского горсовета установила, что причиной аварии стала порча рулевого управления. Акт под-

писали члены технической комиссии и старший госавтоинспектор: «Авария произошла в результате того, что у продольной рулевой тяги, в месте крепления ее у рулевой сошки, отвернулась незашлинтованная пробка. Рулевая тяга сошла с места крепления, и машина потеряла управление».

В этом сообщении почти все было ложью. Машина была исправной — до того, как ее сбросили в пропасть. Водителя, указанного в протоколе ОРУД ГАИ, не существовало в природе. А советский полпред в Китае и его жена погибли задолго до того, как машину сбросили в ущелье. Они оба были сначала арестованы НКВД, а затем убиты.

В архиве внешней политики Министерства иностранных дел в личном деле убитого полпреда сохранилось всего несколько листков. Нет даже фотографии. Назначение в Китай было его единственной дипломатической миссией. Его настоящее имя — Иван Трофимович Бовкун. Он родился в Луганске, поэтому в Гражданскую войну, когда партизанил, взял себе революционный псевдоним — Луганец. В те годы это не возбранялось, почти все советское руководство пользовалось партийными псевдонимами и кличками. Теперь не всякий и вспомнит, скажем, что настоящая фамилия Молотова — Скрябин.

После Гражданской войны Иван Бовкун служил в пограничных войсках, учился в военной академии и был в 1931 году распределен в Объединенное государственное политическое управление — так называлось тогда ведомство госбезопасности.

В 1936 году решением ЦК его отправили в стратегически важную точку — китайский город Урумчи, административный центр Синьцзян-Уйгурского района. Дипломатическое прикрытие — должность вице-консула. В зарубежную командировку он отправился вместе с женой Ниной Валентиновной Угапник. Там у них родилась дочь Валентина, растить которую пришлось бабушке с дедушкой.

Сталин помогал уйгурам обрести независимость в надежде, что они вообще отделятся от Китая и, может быть, присоединятся к Советскому Союзу. Работали с уйгурами сотрудники разведки, поэтому должность вице-консула и занял чекист Бовкун-Луганец-Орельский (для загранработы он взял себе новую

фамилию — заполняя анкету в наркомате иностранных дел, назвал себя Иваном Тимофеевичем Орельским).

Видимо, его работа в Москве понравилась. И в ноябре 1937 года он получил большое повышение — решением Политбюро его назначили полномочным представителем Советского Союза в Китайской Республике. Полномочный представитель в Китае Иван Трофимович Бовкун-Луганец, он же Луганец-Орельский, совмещал должность полпреда с обязанностями резидента советской внешней разведки.

В отделе кадров наркомата иностранных дел на него составили справку, в ней содержится пометка: «В личном деле компрометирующих материалов нет». На самом деле уже был арестован его старший брат Евгений, работник губкома партии в Одессе. Иван Трофимович, заступившись за брата, написал письмо Сталину. Нарком внутренних дел Николай Иванович Ежов и первый заместитель наркома комкор Михаил Петрович Фриновский по-товарищески обещали ему разобраться. Они врали товарищу по партии и по чекистской работе. Евгений Бовкун уже был расстрелян.

Когда Ивана Тимофеевича на политбюро утверждали полпредом и резидентом в Китае, он счел своим долгом напомнить об арестованном брате: имеет ли он право занять столь высокую должность? Не следует ли повременить с назначением, пока брата не реабилитируют? Кто-то из членов Политбюро заметил: «Брат за брата не отвечает. Выполняйте задание партии и правительства».

Полпред, он же резидент, отправился на новое место службы. Его жена работала вместе с ним — шифровальщицей в полпредстве. Полпредство находилось в Чунцине, который с 1937 по 1946 год был временной столицей Китая. Советский полпред держал в руках весь клубок политических и военных вопросов. Нет ничего удивительного в том, что он совмещал должности полпреда и резидента.

В марте 1939 года Ивана Тимофеевича Бовкуна вызвали в Москву. Вызову он не удивился — ему уже приходилось отчитываться на политбюро. 29 марта он выехал из Китая вместе с женой, рассчитывая на родине отдохнуть и полечиться. Но когда

он приехал в Москву, оказался вроде как не у дел. Его никуда не вызывали, но и не разрешали вернуться назад. Он нервничал, не понимая, что происходит.

«Когда мне принесли папку с его делом, — рассказывал Петр Николаевич Архипов, который в 1990-е годы был старшим прокурором Главной военной прокуратуры, — меня поразило одно: дела не было. В папке протокол обыска и еще какие-то маловажные бумаги». Прокурору Архипову было поручено решить, подлежит ли Бовкун-Луганец-Орельский реабилитации в соответствии с законом о жертвах политических репрессий. История убийства резидента и его жены всплыла в 1953 году, когда началось следствие по делу арестованного Берии и его подручных. Начальник следственной части МВД по особо важным делам генерал-лейтенант Лев Емельянович Влодзимирский, арестованный вслед за Берией, признал, что он лично участвовал в убийстве...

Вдруг в конце мая 1939 года Бовкуну сказали: можете отдохнуть. Он отправился в санаторий НКВД в Цхалтубо. Нине Валентиновне пришлось задержаться в Москве, чтобы отправить двухлетнюю дочь и родителей на дачу. А его торопили с отъездом: потом уже не будет возможности отдохнуть. Иван Тимофеевич обещал каждый день писать или хотя бы посылать телеграмму. Она получила три телеграммы и одно письмо из Баку — там он был проездом. И вдруг связь прервалась. Отправили телеграмму начальнику санатория с просьбой сообщить, что случилось. Никакого ответа.

Нина Валентиновна отправила мужу четыре письма. Они сохранились в ее личном деле. Муж эти письма не получил. К тому времени он уже был арестован и этапирован в Москву. Его поместили в Сухановскую особую тюрьму НКВД. Там держали ограниченное число высокопоставленных в прошлом политических заключенных.

Одновременно с Бовкуном в Сухановке уже почти два месяца находились сам бывший нарком внутренних дел Ежов и его бывший первый заместитель Фриновский. С Ежовым и Фриновским Ивану Тимофеевичу устроили очную ставку. Они сидели два месяца и уже давали любые показания, нужные следователям. Бывшие руководители наркомата внутренних дел

рассказали, что недавний резидент внешней разведки в Китае Бовкун-Луганец-Орельский был членом антисоветской организации, которой они руководили. Если судить по следственному делу, Бовкуна допрашивали только один раз. А в тюрьме он провел больше месяца. Видимо, допрашивали его не раз, но протокол не составляли.

А тем временем к жене Бовкуна явился работник НКВД, передал привет от мужа и сказал, что Иван Тимофеевич просит немедленно выехать к нему в Цхалтубо. Она, напуганная молчанием мужа, сказала, что должна дождаться весточки от него. Тут же пришла телеграмма, им подписанная. Но слова были какие-то чужие. Не так он обращался к жене, не так писал телеграммы. И, кроме того, он посылал только «молнии», чтобы сразу доставили. А в НКВД сэкономили — послали простую.

У Нины Валентиновны случился нервный припадок. Приехал врач из ведомственной поликлиники и вместо помощи стал на нее кричать: «Вы должны немедленно ехать к мужу!»

Ей сразу же доставили билет. 20 июня она покинула Москву. Больше никто из родных ее не видел. Она обещала дать с дороги телеграмму. Телеграммы не было. А через три дня после ее отъезда чекисты приехали с обыском — сначала на дачу, потом на городскую квартиру. Забрали именное оружие Ивана Тимофеевича, его документы, переписку, фотографии. Московскую квартиру опечатали.

Но в личном деле Нины Валентиновны нет ничего! Ни постановления об аресте, ни обвинения, ни протокола допроса. Только четыре перехваченных письма мужу. Ее тайно арестовали для того, чтобы устроить спектакль с мнимой автокатастрофой.

Бовкуна продержали в тюрьме месяц. Потом перед ним вроде как извинились за ошибку и обещали в салон-вагоне отправить назад в Цхалтубо — продолжать отдых. Да еще вместе с женой. С ними в вагоне поехали трое крупных чекистов: помощник начальника следственной части наркомата внутренних дел капитан госбезопасности Лев Емельянович Влодзимирский, начальник внутренней тюрьмы на Лубянке капитан госбезопасности Александр Николаевич Миронов и начальник

3-го спецотдела Шалва Отарович Церетели (обыски, аресты, наружное наблюдение). В страшном сне Ивану Тимофеевичу не могло привидеться, что эти люди в высоких званиях станут его убийцами.

Церетели на допросе в 1953 году показал: «В 1939 году меня вызвал в кабинет Кобулов, где уже был Влодзимирский. Затем мы пошли в кабинет Берии, который сказал, что нужно без шума ликвидировать двух человек, что наркому внутренних дел Грузии даны все необходимые указания. Мне Берия приказал ликвидировать их без шума, без огнестрельного оружия. Лучше всего имитировать автомобильную катастрофу...»

Рапава позвонил Берии: «Можно ли применить огнестрельное оружие?» Тот обещал посоветоваться и просил перезвонить через день. Потом ответил: «Никакого оружия!»

Советоваться Берия мог только с одним человеком — со Сталиным. Значит, судьбу резидента и его жены решил сам Иосиф Виссарионович. Вот почему их уничтожили даже без формального приговора.

Ивану Бовкуну не предъявили обвинения. Не было ни судебного приговора, ни решения тройки НКВД, которую использовали для уничтожения людей «во внесудебном порядке». Но почему же резидента в Китае уничтожили таким изощренным способом? Да еще вместе с женой? Ведь сотни тысяч других жертв просто расстреливали или отправляли в лагеря.

«Я могу предположить только одно, — сказал мне прокурор Архипов, — некоторые разведчики в те времена занимались добыванием валюты путем торговли опиумом». Это главная версия, которая кажется убедительной прокурорам, изучавшим дело Бовкуна-Луганца-Орельского уже в наши дни. «В деле Берии, — подтвердил Андрей Викторович Сухомлинов, полковник юстиции в отставке, изучивший многотомное дело Лаврентия Павловича, — сказано: “Бовкун контролировал оборот наркотиков“».

Торговля опиумом всегда процветала в Китае. Опиумный мак продавали и коммунисты, чтобы поправить свои финансовые дела. Но в сороковые годы Мао прекратил продажу мака. Во-первых, наступило перепроизводство. Во-вторых, Мао не хотел видеть своих людей в состоянии наркотического опьянения.

Контролировать потоки наркотиков в Китае пытались и японцы, и наши. Но кто кому продавал этот дорогостоящий товар?

«Сказано: контроль за оборотом и все, — говорит Сухомлинов. — Берия объяснил убийцам, почему придумана такая сложная комбинация. Важно, чтобы „подельники“ Бовкуна в Китае не узнали, что он расстрелян, и не сбежали».

Капитан Миронов как начальник внутренней тюрьмы НКВД сам доставил к поезду резидента и его жену. Перед Кутаиси арестованных вывели в коридор по одному и прикончили.

Влодзимирский в 1953 году показал: «Муж и жена, уже как арестованные, были привезены из внутренней тюрьмы и помещены нами в вагоне, в разных купе. Когда поезд шел от Цхалтубо в Тбилиси, я вывел из купе сначала мужа, и Миронов с Церетели убили его ударом молотка по затылку. А затем я вывел женщину, которую тоже Церетели и Миронов убили молотками».

Церетели описал убийство иначе: «Влодзимирский молотком убил женщину, а я молотком ударил по голове мужчину, которого потом третий наш сотрудник додушил. Затем сложили тела в мешки, и на одной из станций, где нас поджидал Рапава с автомашинами, мы погрузили трупы в одну из машин».

В 1953 году подельники Берии перекладывали друг на друга ответственность за убийство. Кому охота признаваться, что убивал людей молотком? В деле осталось множество противоречий, так и не проясненных следствием.

Влодзимирский: «На одном из полустанков нас встретил с двумя машинами Рапава. Мы вывезли трупы и, поместив их в одной из машин, отвезли на дорогу к обрыву у крутого поворота дороги. Затем шофер разогнал машину, на ходу выскочил, а машину с трупами повернул к обрыву, и она с ними свалилась под откос и разбилась. После этого мы уехали с места происшествия, а туда была вызвана автоинспекция и оформила все как автомобильную катастрофу. Это уже организовал без нас Рапава».

Бывший нарком госбезопасности Рапава, арестованный, тоже дал показания: «На шестом километре машину с трупами пустили под откос. И создали видимость, что пострадавших увезли в Тбилиси (чтобы по трупам не обнаружили, как они были убиты до этой катастрофы). К месту происшествия была

вызвана автоинспекция, был оформлен соответствующий акт на автомобильную катастрофу. Ночью мы тайно похоронили Бовкун-Луганца и его жену на кладбище. Но на следующий день позвонил Берия и сказал, что надо организовать похороны с почестями. Видимо, он опасался, чтобы вокруг этой катастрофы не пошли нежелательные разговоры».

Надо понимать, Сталин остался недоволен. Если уж устроили такой спектакль, надо было довести его до конца. На следующую ночь чекисты вырыли трупы и устроили своим жертвам торжественные похороны с оркестром и цветами.

16 июля 1939 года «Правда» и «Известия» поместили информацию о похоронах убитого резидента:

«14 июля трудящиеся Тбилиси хоронили полпреда СССР в Китае тов. И. Т. Луганец-Орельского и его жену тов. Н. В. Луганец-Орельскую, безвременно погибших 8 июля при автомобильной катастрофе около Цхалтубо.

В большом зале Дома Красной армии установлен постамент, на котором покоятся тела погибших. Венки от коллегии Наркомата иностранных дел Союза ССР, ЦК и Тбилисского комитета КП(б) Грузии, СНК Грузинской ССР, Тбилисского горисполкома, от родных и знакомых...»

Родные были потрясены. Они не верили в версию об автокатастрофе. Последний из братьев Алексей Тимофеевич Бовкун, служивший в военной авиации, попросился на прием к наркому внутренних дел Берии. Его принял первый заместитель наркома комиссар госбезопасности 3-го ранга Всеволод Николаевич Меркулов.

Брат убитого резидента рассказал о своих подозрениях: версия о катастрофе слеплена так неумело, так неправдоподобно, что возникает предположение об убийстве.

— И кто же, по-вашему, мог это сделать? — хладнокровно поинтересовался Меркулов.

— Пособники японской разведки, — сказал младший Бовкун, понимая, что иной ответ приведет его самого в тюрьму.

Первый замнаркома посмотрел на него и сказал:

— Вы либо дурак, либо очень хитрый человек. Идите и больше никому не задавайте вопросов об этом деле.

Вопросов никто не задает до сих пор.

Бовкуна сменил старший майор госбезопасности Александр Семенович Панюшкин. В июле 1939 года его отправили в Китай — полпредом и одновременно главным резидентом внешней разведки (в раздробленной стране, частично оккупированной японскими войсками, работало несколько резидентур).

«Стройный, худой, подтянутый, с маленькими бегающими глазками и коротко подстриженными седеющими усами, — таким посол увидел Чан Кайши. — Его движения казались медленными, неторопливыми, однако первые минуты разговора показали, что передо мной хитрый восточный политик, умеющий превосходно скрывать свои подлинные чувства и мысли. В целом у нас сложились неплохие отношения. По крайней мере, внешне он старался казаться доброжелательным к нашей стране и ее представителям».

Между Москвой и Вашингтоном

В ноябре 1937 года в Китай вернулся представитель компартии в Коминтерне Ван Мин. Его избрали членом политбюро и председателем секретариата ЦК. В Москве его напутствовали: «Сейчас главное — война с японцами». Но Мао не хотел отказываться от борьбы за власть. Он знал, что Чан Кайши зависит от Советского Союза и не посмеет сейчас вести решительные действия против коммунистов.

В Москве были им недовольны. В январе 1941 года глава исполкома Коминтерна Георгий Димитров писал Мао: «Не вздумайте по собственной инициативе развязать гражданскую войну». Димитров доложил Сталину: «Китайские товарищи бездумно ведут дело к расколу. Мы решили обратить внимание товарища Мао Цзэдуна на его неправильную позицию...»

Сталин в послании к Мао выразился еще резче: «Мы не считаем, что раскол является неизбежным. Вы не должны стремиться к расколу. Наоборот, вы обязаны сделать все, что возможно для предотвращения гражданской войны. Пожалуйста, пересмотрите свою теперешнюю позицию по этому вопросу».

После нападения нацистской Германии на Советский Союз, в июне и сентябре 1941 года Исполком Коминтерна просил ЦК компартии Китая перебросить части Красной армии и партизанские отряды в Южную Маньчжурию, чтобы в случае вступления Японии в войну против СССР незамедлительно развернуть в японском тылу боевые действия.

ЦК КПК ответил отказом: «Не исключено, что мы будем разбиты и не сможем упорно отстаивать партизанские базы в тылу противника».

Ван Мин, главный соперник Мао, похоже, был отравлен и в плохом состоянии вывезен в Москву. Больше он в Китай не вернулся.

Несколько раз советские представители обращались с призывом к Мао Цзэдуну активизировать Красную армию, чтобы сковать основные силы японской армии и не позволить ей присоединиться к Гитлеру. Мао был весьма практичен и видел, что Советский Союз ему очень полезен. Когда фашистская Германия напала на Советский Союз, он очень боялся поражения Москвы. Но не откликнулся на призыв Сталина и не спешил помогать Советскому Союзу и разворачивать широкие действия против японцев. Советским представителям он рекомендовал отвести войска за Урал и вести партизанскую войну.

Удивительным образом Сталин не обиделся на Мао, понимал: для вождя китайских коммунистов его собственные цели важнее всего. В этом смысле они были очень похожи.

Летом 1942 года директивой наркомата обороны на Дальневосточном фронте была сформирована 88-я отдельная стрелковая бригада. Ее укомплектовали советскими китайцами и бывшими партизанами, которые, спасаясь от японцев, перешли границу. Размещалась бригада в Вятском близ Хабаровска. Советские власти использовали ее для разведывательно-диверсионной работы и готовили на тот случай, если придется воевать с Японией.

Один из батальонов интернациональной по составу 88-й стрелковой бригады состоял из корейцев. В корейском батальоне 88-й бригады служил Ким Ир Сен, который доставит немало хлопот Мао Цзэдуну...

Будущий великий вождь Северной Кореи начинал свою жизнь под другим именем. Когда он родился в апреле 1912 года, родители назвали его Ким Сон Чжу. И Маньчжурия, и Корея были тогда оккупированы японцами. Под их властью и китайцы, и корейцы вели нищую, тоскливую подневольную жизнь. Юный Ким присоединился к людям, которые избрали другой путь. Корейских партизанских отрядов не существовало, были китайские, в них входило небольшое число корейцев.

В основном партизаны занимались устройством собственных дел. Среди партизан были и просто бандиты, промышлявшие грабежом на большой дороге. Если при этом они нападали и на японцев, то считались революционными бойцами. Партизаны отбирали урожай у крестьян, которые выращивали опиум и женьшень, грабили деревни и поезда. Брали заложников среди богатых местных жителей и требовали выкуп. Иногда заложников убивали — если выкуп не поспевал вовремя, а партизаны торопились.

В Маньчжурии несколько корейцев воевали под одним и тем же именем Ким Ир Сен. Все они погибли. Молодой человек взял себе имя погибших партизан.

Биографы пишут, что юный Ким вступил в корейскую компартию и возглавлял группы молодых коммунистов. На самом деле не было никакой подпольной корейской компартии после ее роспуска Исполкомом Коминтерна в 1928 году. Не существовало, соответственно, и комсомола. Основная тяжесть в борьбе против японских оккупантов легла на китайцев. Корейцы присоединялись к китайским отрядам и вступали в китайскую компартию.

Корейцу не так просто было продвинуться в китайской армии. Китайцы не очень хорошо относились к корейским товарищам по оружию. Подозревали их в предательстве, если подозрения казались серьезными — казнили. Но Киму, который учился в китайской школе и свободно говорил по-китайски, доверяли. Рассказывают, что Ким уже в юности был тверд и жесток. Если обещал отрезать уши тем, кто не подчинялся требованиям партизан, то держал свое слово.

С пойманными партизанами расправлялись необыкновенно жестоко: им отрубали головы, которые потом выставлялись

напоказ. Довольные японцы фотографировались возле обезглавленных трупов врага. Оккупационные войска преследовали партизан, но одновременно освобождали от наказания и даже вознаграждали тех, кто прекращал сопротивление. Эта тактика принесла успех. Те, кто сдавался, помогали японцам захватить наиболее заметных партизан. За такую помощь японцы платили большие по тем временам деньги. Даже политкомиссары сдавались японцам и выдавали им партизанские базы.

Далеко не все китайцы сражались против оккупантов. В городах кто-то и не вспоминал о войне. Китайские торговцы были заняты только бизнесом, а в танцевальных залах молодые китайские девушки разучивали новые танцы с японскими солдатами, чья форма еще пахла порохом. Приезжая с фронта, японские офицеры обедали в хороших китайских ресторанчиках...

К 1941 году японская армия и жандармерия полностью справились с китайским партизанским движением в Маньчжурии. Остатки партизан — и Ким вместе с ними — бежали в соседний Советский Союз, где и жили до августа 1945 года.

В партизанском отряде Ким женился на Ким Чжон Сук. Советские офицеры называли ее Верой. Она была на семь лет младше Кима. Говорят, что в шестнадцать лет она оказалась в партизанском отряде, стряпала партизанам и обшивала их. Она последовала за Кимом в Советский Союз. Она была неграмотной, но симпатичной женщиной, стойко переносила все тяготы сибирской жизни.

16 февраля 1942 года первая жена родила Киму сына, которого назвали на русский манер Юрой. Это нынешний великий вождь Северной Кореи Ким Чен Ир. В его официальных биографиях, в корейских учебниках истории написано, что он родился в Корее, в партизанском лагере на горе Пэктусан. В 1944 году у Кима появился второй сын, которого тоже назвали русским именем — Александр, Шура. Несчастный мальчик утонул в июле 1947 года в Пхеньяне. Первая жена Кима умерла через два года во время родов. Ей было всего тридцать два. Как и после смерти Светланы Аллилуевой, жены Сталина, ходили разные слухи. Говорили, что она застрелилась или что ее отравили. С Ким Ир Сеном мы еще встретимся на страницах этой книги...

В Токио спорили: а не напасть ли вслед за нацистской Германией на Советский Союз, пользуясь удобным случаем. Но этого желали только некоторые генералы сухопутных сил. Они мечтали расквитаться за поражение на Халхин-Голе. Правительство и командование флота, которое имело не меньшее влияние, чем сухопутные генералы, не хотели ввязываться в войну с Советским Союзом. Япония нуждалась в ресурсах, в топливе, в черных металлах. Все это можно было получить в Юго-Восточной Азии, в странах с теплым климатом, а не в холодной Сибири. И главным своим противником в Токио считали Соединенные Штаты.

Расположенная в Маньчжурии, на границе с Советским Союзом, Квантунская армия была слаба. У японцев там не было ни современных танков, ни авиации. Кроме того, японцы были заняты борьбой с китайской армией и с китайскими партизанами, полностью разгромить которых не удавалось. Тем не менее, сражаясь с Германией, Москва старалась не злить Японию...

Япония выставила Советскому Союзу свои требования: прекратить помогать Китаю, не предоставлять свою территорию американцам для действий против Японии. Эти требования были выполнены. Сталин не хотел давать японцам ни малейшего предлога для конфронтации. Советские военные советники были отозваны из Китая, и военная помощь Китаю прекратилась.

Президент Соединенных Штатов Франклин Рузвельт, который с 7 декабря 1941 года вел войну с Японией, просил разрешения создать в советском Приморье американские военно-воздушные базы. Но Сталин не хотел злить японцев. Советский посол в Токио любезно информировал министра иностранных дел Японии о том, что СССР не предоставит Соединенным Штатам военно-морские и военно-воздушные базы.

Когда Япония втянулась в непосильную для нее войну с Америкой, ситуация изменилась. Теперь уже в Токио нуждались в том, чтобы Советский Союз строго соблюдал подписанный в апреле 1941 года пакт о нейтралитете.

Сталин вроде бы мог быть уверен, что Япония не нанесет удар в спину. Тем не менее в декабре 1941 года, после того как японцы уничтожили американский флот на базе в Перл-Харборе, из Ленинграда в Москву вызвали адмирала

Ивана Степановича Исакова, первого заместителя наркома военно-морского флота.

Его доставили в Кремль. «Вот что, вы полетите во Владивосток, — Сталин показал трубкой на карту на стене, не на Владивосток, а просто на всю карту, — посмотрите, не устроят ли они нам там Перл-Харбор. Все, можете быть свободны».

Адмиралу Исакову не дали сказать ни единого слова. Он немедленно вылетел на Дальний Восток. Донесения советского разведчика Рихарда Зорге из Токио и его уверенность в том, что Япония двинется на юг, а не на север, не произвели на Сталина впечатления. В декабре 1941 года, после битвы под Москвой, он еще опасался японского нападения...

При Чан Кайши Китай — ценный союзник в борьбе с Японией — получил признание как великая держава. В 1944 году на встрече в Думбартон-Оксе, где создали Организацию Объединенных Наций, советские представители согласились включить Китай в пятерку постоянных членов Совета Безопасности ООН, обладающих правом вето. На следующий год, на встрече в Ялте, президент Рузвельт уговорил Сталина считать Чан Кайши союзником, хотя он вел борьбу с коммунистами Мао Цзэдуна. Чан Кайши занимал пост председателя Высшего совета национальной обороны, американцы предпочитали именовать его генералиссимусом.

Франклин Рузвельт незадолго до своей смерти сказал советскому наркому иностранных дел Молотову: «После войны останутся четыре полицейских, которые будут следить за остальными странами — это Англия, Соединенные Штаты, Советский Союз и Китай. Этим четырем странам только и будет позволено иметь оружие». К Франции Рузвельт относился презрительно и в список великих держав не включал.

Американцы просили Москву как можно скорее присоединиться к боевым действиям против Японии. Условием вступления в войну Сталин поставил возвращение России всех прав и территорий, утраченных в неудачной русско-японской войне 1904—1905 годов, восстановление в Порт-Артуре военной базы, а также передачу Советскому Союзу права управлять Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железными дорогами.

Президент Рузвельт принял все условия Сталина и взялся убедить Китай пойти навстречу Москве. Летом 1945 года в Москву приехала китайская делегация. Чан Кайши не хотелось, конечно, принимать советскую военную базу на своей территории. Но Сталин убеждал китайцев: все это нужно только для того, чтобы в будущем держать в руках Японию: «Япония не будет разорена, даже если она подпишет безоговорочную капитуляцию. После Версаля думали, что Германия не поднимется. Прошло пятнадцать-двадцать лет, и она восстановилась. Нечто подобное случится и с Японией, даже если ее поставят на колени».

Он объяснял, почему Советскому Союзу нужны Курильские острова и военные базы на океане: «Мы закрыты. У нашего флота нет выхода в Тихий океан. Необходимо сделать Японию уязвимой со всех сторон: с севера, запада, юга и востока. И нам нужны Дальний и Порт-Артур на тридцать лет — на случай, если Япония восстановит свои силы. Мы могли бы ударить по ней оттуда».

Договор, подписанный наркомом Молотовым и Ван Шицзэ, министром иностранных дел в правительстве Чан Кайши, 14 августа 1945 года, был крайне выгоден нашей стране. Одновременно заключили три соглашения — о Китайской Чанчуньской железной дороге (она стала общей собственностью СССР и КНР), о совместном использовании военно-морской базы Порт-Артур в течение трех десятилетий и об объявлении Дальнего свободным портом, причем директором порта становился советский гражданин.

Айзек Пэтч, американский вице-консул в Дайрене (так на японский лад называли тогда город Дальний), докладывал своему начальству:

«Отношения между советскими высшими должностными лицами и китайскими кажутся довольно формальными и уж, конечно, не сердечными и не тесными. Советские генералы и должностные лица обращают мало внимания на китайцев. Советские представители не раз говорили сотрудникам нашего консульства, что китайцы их мало интересуют и что если бы была возможность выбирать, то они бы предпочли японцев...

Советские граждане своей грубостью, невежливым поведением в магазинах, трамваях вызывают антипатию китайцев, и китайцы часто отвечают им тем же. Местные китайцы никогда не забудут обращения, которому они подверглись со стороны советских танковых частей в августе 1945 года, когда было много грабежей и изнасилований, пока советский комендант восстановил порядок...

Местная пресса формально находится в руках китайцев, но под советским руководством печатает многочисленные сообщения из Москвы. Точно так же от издаваемой в зоне литературы сильно отдает советской доктриной, а местная радиостанция передает советскую пропаганду...»

Китайским коммунистам договоренность Москвы с Чан Кайши была неприятна. Узнав о том, что Сталин и Чан Кайши пришли к согласию, Мао уверенно сказал: «Мы можем собственными силами победить и Чан Кайши, и всех иностранных реакционеров».

В военные годы Мао Цзэдун пытался найти опору не только в Москве, но в Вашингтоне.

Прежде всего американские военные стремились использовать разветвленную сеть партизанских баз китайских коммунистов, расположенную на оккупированной японцами территории, для ведения разведки и спасения американских летчиков, сбитых японцами.

В июле 1944 года в Китае побывал вице-президент США Генри Уоллес, человек очень демократических убеждений. Он договорился об отправке американской миссии в Яньань, главную базу компартии. В первую группу включили профессионального китаиста Джона Стюарта Сервиса. Он прекрасно знал язык, потому что родился в Китае — его родители были миссионерами, которых послали создавать отделение Христианской ассоциации молодых людей. С 1933 года Джон Сервис находился на дипломатической службе в Китае.

Первое донесение он отправил уже через несколько дней. Американскому дипломату очень понравилось в штабе коммунистов:

«Все члены нашей группы чувствуют одно — будто мы приехали в совершенно другую страну и встретились с другим наро-

дом... Отношения официальных лиц и простых людей — открытые, прямые и дружественные. О Мао Цзэдуне и других лидерах говорят с уважением (а о Мао — даже с известным обожанием), но эти люди доступны для окружающих, и совершенно нет раболепства перед ними...

Одежда и образ жизни очень просты. Почти все, кроме крестьян, носят одинаковую широкую чжуншаньского типа униформу из местной хлопчатобумажной ткани... Женщины обычно не только носят такую же одежду (брюки, сандалии или матерчатые ботинки, а часто русского образца спецовки), но и ведут себя как равные, и к ним относятся по-дружески... Люди настроены серьезно и преисполнены чувства долга. Но развлечения поощряются. Одна из их форм — вечера танцев. Во время обеда, устроенного для нас после прибытия, все самые высокопоставленные лидеры весьма непринужденно и демократично участвовали в танцах...»

Американцев коммунисты встречали радушно. С ними встретились практически все руководители компартии и Красной армии.

«Годы, проведенные компартией Китая в почти непрерывных сражениях, — писал Сервис, — не только наложили отпечаток на взгляды и характер лидеров, но и помогли выявить, какого типа люди в состоянии выжить в таких условиях и подняться к власти. Они молоды. Физически крепки. Никто не выглядит слабым, вялым или ленивым. Нет истощенных, анемичных интеллигентов, нет и разжиревших чиновников и бюрократов... Более слабые уже покинули их ряды. А те, кто остался, убеждены, что сражаются за что-то стоящее... Эта непоколебимая убежденность, очевидно, придает им уверенность в себе, определенную гордость и большую самонадеянность. Они не сомневаются в себе и своем генеральном курсе...»

18 июля 1944 года с Джоном Сервисом беседовал Мао Цзэдун. Он не пожалел времени, чтобы расположить к себе американского дипломата: «Мы подходим критически к долголетним традициям Китая, перенимая то, что хорошо, и отвергая то, что плохо. То же самое мы делаем с тем, что приходит извне. Мы приняли дарвинизм, демократию, примером которой являются

Вашингтон и Линкольн, французскую философию XVIII века, материализм Фейербаха, марксизм из Германии и ленинизм из России. Мы отвергаем все скверное, например фашизм. Кое-что не может быть принято Китаем. Например, тот тип коммунизма, который осуществляется в России, так как у нас условия для этого не созрели. Коммунистическая партия не собирается ниспровергать власть гоминьдана. Мы искренне желаем успехов гоминьдану. Успехи гоминьдана будут на пользу народу и стране, а также коммунистической партии... Другое дело, что мы часто выступали с критикой, но мы верим в критику и постоянно занимаемся самокритикой...»

Мао и его ближайший соратник Чжоу Эньлай встречались и с другими американцами, втолковывали им, что у американцев превратные представления о коммунистах: «Коммунизм для нас не означает немедленного уничтожения частного капитала, поскольку в Китае капитализм еще почти не существует. Он не означает диктатуры пролетариата, поскольку пока нет пролетариата. Не означает коллективизации сельского хозяйства, поскольку политическое воспитание крестьян еще не преодолело в них примитивного индивидуалистического стремления обрабатывать собственную землю...»

«Хотя компартия Китая, — писал в Вашингтон Джон Сервис, — стремится к социализму как конечному итогу, она надеется прийти к нему не путем насильственной революции, а в результате долгого планомерного процесса утверждения демократии и контролируемого экономического развития... Эта точка зрения делает КПК скорее партией, стремящейся к планомерному демократическому развитию в сторону социализма (как это происходит, например, в странах вроде Англии), чем партией, подстрекающей к насильственной революции...»

В Джоне Сервисе и его коллегах вожди компартии нашли благодарных слушателей. Американцы подпали под обаяние революционеров. Они верили всему, что им говорили Мао и Чжоу, поскольку плохо представляли себе реальности жизни в Яньане.

Мало кто знал, какое неравенство существовало в аппарате компартии, отмечают историки. Кормили в соответствии с занимаемой должностью. Китайский хлопок был грубым, поэто-

му начальству одежду шили из импортного хлопка. Белье и носки выдавали только начальству; лишенные самого необходимого рядовые партийцы постоянно болели.

Писатель Ван Шивэй писал в партийной газете «Цзефан жибао» 13 марта 1942 года: «Молодые люди в Яньане, похоже, утратили вкус к жизни и ощущают пустоту. Почему? Чего нам не хватает в жизни? Одни говорят: нам не хватает калорий и витаминов... Другие скажут, что в Яньане одни мужчины и молодые парни лишены возможности найти себе жену... Кто-то заметит, что жизнь в Яньане однообразна и скучна... Но молодые люди пришли сюда, чтобы участвовать в революции, и готовы к самопожертвованию. Они пришли не ради еды, секса или удовольствий. Но их мечты разрушены узаконенной системой привилегий и заносчивостью начальства».

Ван Шивэй был арестован и отправлен в тюрьму как троцкист. Потом его забили насмерть и бросили в колодец...

В один из дней Мао Цзэдун и его жена присутствовали на танцевальном вечере в помещении штаба. Оба они пребывали в прекрасном настроении, отметили американцы, много танцевали друг с другом и веселились, хотя обычно Мао держался замкнуто. Во время перерыва в танцах Мао подсел к Джону Сервису и затеял разговор. Он говорил, что коммунисты не хотят трений с Соединенными Штатами и готовы «идти в ногу» с американской политикой.

Мао поставил вопрос об открытии в Яньане консульства США. Но был осторожен, чтобы не скомпрометировать себя излишне тесным сближением с Соединенными Штатами. 18 августа 1944 года ЦК компартии Китая принял директиву «О дипломатической работе». Она свидетельствует о серьезности шагов КПК по сближению с Соединенными Штатами. В директиве говорилось, что прибытие американской миссии знаменует «начало нашей дипломатической работы». Тем самым Мао связал партию своим курсом сближения с Соединенными Штатами.

23 августа 1944 года Мао пожелал поговорить с Джоном Сервисом. Говорил с американским дипломатом очень откровенно: «Самое существенное — политика Соединенных Штатов.

Вы можете поддерживать гоминьдан и сохранять его у власти... А можете, если захотите, воспрепятствовать гражданской войне и заставить гоминьдан встать на путь демократии... Поэтому самый важный для коммунистов вопрос — и в настоящее время самый неясный — это вопрос американской политики».

«Суть ориентации на США ясна, — писал Сервис. — Коммунисты думают, что по весьма практическим причинам Советская Россия не сможет играть большую роль в Китае, и к тому же считают, что в интересах единения Китая на демократической основе участие России должно быть второстепенным по сравнению с участием Соединенных Штатов».

Джон Сервис поинтересовался у Цзэдуна, почему руководитель компартии подчеркивает значение Соединенных Штатов и не желает принимать во внимание Россию. «Советское участие в войне на Дальнем Востоке, — ответил Мао, — и в послевоенной реконструкции Китая полностью зависит от положения дел в Советском Союзе. Русские очень пострадали в войне, и у них самих будет полно хлопот с восстановлением страны. Мы не ждем помощи от русских... Соединенные Штаты увидят, что с нами легче сотрудничать, чем с гоминьданом. Мы не будем опасаться демократического влияния Америки, мы будем приветствовать его...»

Мао Цзэдун предложил Сервису немедленно вернуться в Чунцин и представить доклад о предложениях компартии своему послу.

Сервис говорил своему начальству в посольстве и государственном департаменте: конечно, ориентация китайских коммунистов на Соединенные Штаты Америки до некоторой степени неожиданна, но китайские коммунисты отходят от догматического марксизма, они искренни в своем стремлении к дружеским отношениям с Соединенными Штатами...

Донесение Сервиса от 28 сентября 1944 года: «В политическом отношении ориентация на Советский Союз, которая имелась у китайских коммунистов, судя по всему, — дело прошлого. Коммунисты выработали свой образ мыслей, свою программу — реалистические, китайские — и проводят демократическую политику, которая, как они надеются, будет одобрена и найдет существенную поддержку у Соединенных Штатов....»

Ряд американских дипломатов считали, что пора отказаться от безоговорочной ориентации на Чан Кайши. Писали в Вашингтон: «Наши отношения с Чан Кайши продолжают строиться на ложной предпосылке, будто бы он представляет собой Китай и нам без него трудно обойтись. Настало время во имя успеха в войне и ради нашего будущего в Китай перейти к более реалистичному курсу. Чан Кайши полностью зависит от Соединенных Штатов — во внешнеполитической, военной и экономической областях. Даже его позиции внутри страны оказались бы под угрозой, если бы американская поддержка прекратилась».

Однако же попытка Мао Цзэдуна заинтересовать Вашингтон союзническими отношениями с китайской компартией ничем не окончилась. 17 ноября 1944 года президент Рузвельт назначил послом в Китае генерал-майора Патрика Хёрли. Тот был сторонником полной поддержки Чан Кайши. Коммунистов считал опасными мятежниками. Новый посол не захотел работать с Джоном Сервисом и добился его отзыва на родину.

В Вашингтоне Сервис познакомился с редактором журнала «Амерэйша» Филиппом Джаффе и передал ему копии некоторых своих донесений. Джаффе, человек левых убеждений, считался опасным смутьяном и находился под наблюдением Федерального бюро расследований. 6 июня 1945 года обоих арестовали. Джона Сервиса вскоре освободили, убедившись в том, что он не совершал правонарушения. Но его карьера была сломана. И Соединенные Штаты упустили шанс установить отношения дружбы и сотрудничества с китайскими коммунистами...

Впоследствии американские политологи отмечали, что невозможно, разумеется, утверждать, что политика, предложенная Джоном Сервисом и его единомышленниками, гарантировала бы долговечную дружбу между Соединенными Штатами и китайскими коммунистами. Но если бы в Вашингтоне смирились с приходом к власти китайских коммунистов, накал холодной войны в Азии был бы неизмеримо меньшим.

В августе 1945 года Советский Союз вступил в войну с Японией. Советские танковые клинья стремительно рассекали

Квантунскую армию, располагавшуюся на севере Китая, и японцы оказывались в окружении. Отступавшим тоже некуда было деваться: их родина осталась за морем, а японский флот уже перестал существовать. Война с Японией была совсем недолгой, но в плен попала практически полностью Квантунская армия.

Советские войска заняли Маньчжурию. Кампания августа 1945-го обеспечила Сталину военные базы в Китае, контроль над северной частью Корейского полуострова, возвращение Южного Сахалина, получение Курильских островов и свободный выход в открытый океан для советских боевых кораблей.

Сталину привезли на ближнюю дачу карту Советского Союза. Вождь приколол ее кнопками на стену:

— Посмотрим, что у нас получилось... На Севере у нас все в порядке, нормально. Финляндия перед нами очень провинилась, и мы отодвинули границу от Ленинграда. Прибалтика — это исконно русские земли! — снова наша, белорусы у нас теперь все вместе живут, украинцы — вместе, молдаване — вместе. На Западе нормально.

Он перешел к восточным границам.

— Что у нас здесь?.. Курильские острова наши теперь, Сахалин полностью наш, смотрите, как хорошо! И Порт-Артур наш, и Дальний наш, и КВЖД наша. Китай, Монголия — все в порядке...

15 августа 1945 года Япония капитулировала. Это был огромный праздник для китайцев. Мало кто знает, какой жестокой была война Японии против Китая. За годы войны и оккупации десятки миллионов китайцев погибли от рук японцев. Девяносто пять миллионов стали беженцами. Страна лежала в руинах, и правительству Чан Кайши было не справиться с инфляцией, коррупцией, деморализацией государственного аппарата.

Некоторое время Москва поддерживала отношения параллельно и с Мао Цзэдуном, и с Чан Кайши. То же пытались делать Соединенные Штаты. Сталин вел себя крайне осторожно. Помогал Мао, но, похоже, не верил в скорую победу компартии.

В те годы шифрпереписка между двумя вождями шла через генерал-майора медицинской службы Андрея Яковлевича Ор-

лова, присланного из Москвы в январе 1942 года личного врача Мао Цзэдуна. Вместе с ним прислали и радиостанцию, так что Орлов должен был и лечить вождя китайской революции, и передавать ему послания из Москвы. О тайных обязанностях врача посторонние не подозревали.

Американский дипломат докладывал в Вашингтон из Яньаня в марте 1945 года:

«В настоящее время между Советским Союзом и Яньанем нет воздушного сообщения. Последний советский самолет был в Яньане в ноябре 1942 года. До этого самолеты прилетали не чаще одного-двух раз в год. Все они прибывали с разрешения китайского правительства и должны были приземляться для обстоятельного досмотра. Им разрешалось обслуживать немногочисленный русский персонал в Яньане и запрещалось перевозить нерусских пассажиров или грузы — помимо личных вещей пассажиров...

Сейчас в Яньане трое русских. Один из них хирург по фамилии Орлов... Вне всякого сомнения, он действительно хирург. Он ввел несколько новых советских методов и очень занят хирургической работой в Центральной больнице Яньаня. Двое других — представители ТАСС...»

10 ноября 1945 года в ЦК ВКП(б) поступила шифртелеграмма от Сталина, отдыхавшего в Сочи. Послание было адресовано членам Политбюро Молотову, Берии, Маленкову, Микояну: «Нужно поскорее убрать из Яньаня и районов действия войск Мао Цзэ Дуна всех наших офицеров связи и других людей. Гражданская война в Китае принимает серьезный характер, и я опасаюсь, что наших людей в этих районах, которые ничем не руководят, наши враги потом объявят организаторами гражданской войны в Китае. Чем скорее уберем их оттуда, тем лучше».

Сталин не спешил рвать с гоминьданом и не хотел провоцировать Соединенные Штаты на активное вмешательство в китайские дела. К концу 1945 года в Китае находилось пятьдесят тысяч американских морских пехотинцев. Американцы создали военно-морскую базу в Циндао.

Но наивности американских дипломатов и политиков можно только поражаться. 23 января 1946 года американский посол

в Москве Аверелл Гарриман разговаривал со Сталиным о Китае. Советский вождь внушал послу: коммунисты хотят только одного — «как можно скорее ввести в Китае полную демократию». Американский посол воспринимал его слова всерьез.

3 июля 1945 года новый президент Гарри Трумэн (он сменил в Белом доме умершего Рузвельта) поручил внешнюю политику своему старому знакомому и опытному политику Джеймсу Фрэнсису Бирнсу, в прошлом конгрессмену, сенатору и члену верховного суда. Трумэн инструктировал Бирнса: «Мы должны восстановить Китай и создать там сильное центральное правительство. То же самое должно быть сделано в Корее».

5 мая 1946 года нарком Молотов и государственный секретарь Бирнс беседовали в советском посольстве в Париже. Вячеслав Михайлович предъявил американцам многочисленные претензии, в частности относительно китайских дел: «В мире нет почти ни одного уголка, куда бы Соединенные Штаты не обращали своих взоров. США всюду организуют свои авиационные базы, имеют большое количество военно-морских и авиационных баз в Тихом океане. США до сих пор держат свои войска в Китае, хотя СССР уже вывел свои войска из Китая и с других иностранных территорий...»

Госсекретарь Бирнс ответил столь же резко: «Из Китая американские войска будут выведены в течение ближайших тридцати дней, причем вопреки просьбе китайского правительства об оставлении их в стране. А вот Советский Союз должен был бы вывести свои войска из Китая гораздо раньше, чем он это сделал... Нет ни одного района мира, в котором СССР не предъявлял бы своих претензий. Соединенные Штаты должны получить ясный ответ на вопрос, продиктовано ли все это стремлением к обеспечению безопасности или экспансией СССР».

27 сентября 1946 года новый советский посол в США Николай Васильевич Новиков прислал в Москву секретный материал с оценками внешней политики Вашингтона:

«Внешняя политика США, отражающая империалистические тенденции американского монополистического капитала, характеризуется в послевоенный период стремлением к мировому господству. Именно таков истинный смысл неоднократ-

ных заявлений президента Трумэна и других представителей американских правящих кругов о том, что США имеют право на руководство миром...

Приход к власти президента Трумэна — человека политически неустойчивого, но с определенными консервативными тенденциями — и последовавшее вслед за этим назначение Бирнса государственным секретарем ознаменовались усилением влияния на внешнюю политику США со стороны самых реакционных кругов Демократической партии...

Американская политика в Китае стремится к полному экономическому и политическому подчинению его контролю американского монополистического капитала... В настоящее время в Китае находится свыше 50 тыс. американских солдат. В ряде случаев американская морская пехота принимала непосредственное участие в военных действиях против народно-освободительных войск... Китай постепенно превращается в плацдарм американских вооруженных сил. Американские воздушные базы расположены по всей его территории... В Циндао находится штаб 7-го флота...

Следует вполне отдавать себе отчет в том, что подготовка США к будущей войне проводится с расчетом на войну против Советского Союза, который является в глазах американских империалистов главным препятствием на пути США к мировому господству. Об этом говорят такие факты, как тактическое обучение американской армии к войне с СССР как будущим противником, расположение американских стратегических баз в районах, откуда можно наносить удары по советской территории, усиленное изучение и укрепление арктических районов как ближних подступов к СССР и попытки подготовить почву в Германии и Японии для использования их в войне против СССР».

Обширное послание посла Новикова подкрепляло уже принятое в Москве решение ужесточить политику в отношении Соединенных Штатов. Но его оценки никак не отражали реальную американскую линию в отношении Китая.

В ноябре 1945 года вызванный для консультаций в Вашингтон американский посол в Китае Патрик Хёрли неожиданно

заявил, что уходит в отставку. Причем по принципиальным соображениям: он не согласен с тем, что государственный департамент США сотрудничает с китайскими коммунистами. Посол Хёрли сообщил об этом публично в клубе прессы ровно через час после того, как сказал президенту Трумэну, что в Китае все в порядке и он собирается вернуться туда как можно скорее. «Мои попытки предотвратить гражданскую войну в Китае, — сказал посол, — объясняются тем, что профессиональные дипломаты объединились с коммунистической партией Китая».

Разразился громкий скандал. Тогда министр сельского хозяйства Клинтон Андерсон предложил Трумэну отправить в Китай специальным представителем популярного генерала Джорджа Маршалла — причем немедленно, чтобы перебить неприятную для Белого дома весть о заявлении посла. Трумэн тут же позвонил Маршаллу и попросил его поехать в Китай. Это был, говоря словами одного политика, сильный ход. Джордж Маршалл пользовался большим уважением в американском обществе.

Генерал Маршалл вступил в должность начальника штаба армии Соединенных Штатов, когда Германия напала на Польшу. Маршалл получил под командование армию численностью в двести тысяч человек. В мировой табели о рангах она занимала тринадцатое место — между португальской и болгарской. Американской армии не хватало даже стрелкового оружия. Учения проводились с деревянными ружьями.

Генерал Маршалл сказал тогда президенту Рузвельту, что принимает новый пост с условием, что будет иметь право говорить то, что он думает. Президент ответил «да». Но Маршалл предупредил президента: «Вы согласились с видимым удовольствием, но удовольствия вам это не доставит».

Джордж Маршалл не приезжал к Рузвельту в его поместье. Не смеялся, когда президент шутил. Однажды Рузвельт обратился к нему по имени. Маршалл строго ответил, что по имени его называет только жена, для остальных он — «генерал Маршалл». Рузвельт был мастер очаровывать людей. Но Маршалл знал, что ему важно сохранить полную независимость, и соблюдал дистанцию. На одном из совещаний в Белом доме генерал Маршалл позволил себе отреагировать на предложение прези-

дента словами: «Извините, господин президент, я совершенно с вами не согласен». Присутствовавшие решили, что Маршалл погубил свою карьеру, но именно его Рузвельт выдвигал на первые позиции.

Понимая, что начальника генерального штаба военная история оставляет в тени, президент предложил Маршаллу возглавить вторжение в Нормандию летом 1944 года. Но Маршалл считал, что лучше генерала Дуайта Эйзенхауэра разбирается в ситуации на всех театрах военных действий, лучше ладит с конгрессом и потому ему следует оставаться на своем посту. Эйзенхауэр стал главнокомандующим объединенными войсками союзников, которые открыли второй фронт в Западной Европе, и вошел в историю.

А генерал Маршалл, завершив блистательную военную карьеру, вышел в отставку и принял новое назначение. Он невысоко оценивал режим Чан Кайши и благожелательно относился к компартии, помня ее заслуги в антияпонском сопротивлении и считая ее народной партией. В марте 1942 года Соединенные Штаты выделили Китаю полмиллиарда долларов на борьбу с японцами. Отправили на помощь гоминьдану военные самолеты, летчиков и наземный персонал для устройства аэродромов в юго-западной части Китая. Для американцев главным была борьба против Японии, и они считали неправильным преследование коммунистов...

Столицей тогда был город Нанкин, там и находились иностранные посольства.

Джордж Маршалл искренне верил, что сумеет наладить сотрудничество двух сил. Он деятельно участвовал в переговорах между компартией и гоминьданом, партией Чан Кайши. 10 января 1946 года их представители подписали соглашение о прекращении гражданской войны, сокращении и реорганизации вооруженных сил, демократизации политической жизни Китая. Образовали комитет, который должен был следить за соблюдением перемирия между правительственными и коммунистическими войсками.

Секретарь ЦК КПК Чжоу Эньлай приехал к Чан Кайши, информировал его, что компартия намерена сократить свою

армию, готова всемерно сотрудничать и участвовать в работе правительства. Советскому послу Аполлону Александровичу Петрову Чжоу Эньлай похвалил представителей США: «Американцы в настоящее время действуют хорошо, они стремятся помочь Китаю навести в стране порядок, прекратить хаос».

Джордж Маршалл стал председателем «комиссии трех», в которую помимо него вошли представители компартии и гоминьдана. Но дальше соглашения дело не пошло. Он безуспешно пытался добиться реального перемирия и создания коалиционного правительства. Наивно полагал, что это возможно. Ведь в Соединенных Штатах партии демократов и республиканцев десятилетиями противостоят друг другу, но заседают в одном конгрессе и научились договариваться в интересах страны...

Соединенные Штаты подписали с Китаем 4 ноября 1946 года договор о дружбе, торговле и навигации. Но для Маршалла китайская миссия оказалась большим разочарованием. Прекратить гражданскую войну он не мог. Сказал советскому послу: «Между гоминьдановцами и коммунистами образовалась непреодолимая преграда в виде недоверия и взаимных подозрений».

В январе 1947 года Маршалл покинул Китай. Компартия к тому времени контролировала уже треть страны. Чан Кайши потерял популярность в стране, где царили голод, разруха и коррупция.

За несколько лет до этого, с ноября 1942 по май 1943 года, очаровательная жена Чан Кайши находилась в Соединенных Штатах. Визит стал триумфальным. Ее принимали в Белом доме. Когда она выступала с речью перед членами конгресса, они стоя устроили ей четырехминутную овацию. Американская пресса превозносила пленительную леди Китая и ее решительного мужа, соратника в войне против Японии. Мало кто из американцев представлял себе реальную ситуацию в Китае.

На долю китайского народа выпали невероятные страдания. Изможденные и оборванные беженцы, спасаясь от голода, бродили по стране. В охваченных голодом местностях девушек продавали — они становились служанками или проститутками. Женщина — лишний рот в семье. Мужчины же нужны для работы в поле. В крайнем случае мужчина, погрузив на тележку

немногочисленные пожитки, может вывести семью из голодающей местности.

Рассекреченные донесения посольства СШ А в Чунцине свидетельствуют: «В стране происходит быстрый развал экономики. Инфляция и рост цен вышли из-под контроля. Почти во всех провинциях вспыхивают восстания, это протест против воинской и трудовой повинности, непомерных налогов, изъятия зерна и коррупции среди чиновников... Крайне низок моральный дух государственных служащих и учителей. Из-за невозможности жить на зарплату многие из них или поддаются общей коррупции, или бросают службу и занимаются частным бизнесом... Боеспособность и моральный дух армии катастрофически падают. Армия не способна ни сопротивляться японцам, ни усмирять бунты в деревнях...»

Донесение американского дипломата из провинции Хэнань 5 ноября 1942 года: «Сохраняется освященный временем обычай офицеров китайской армии завышать фактическую численность своих частей. Забирая полные рационы для своих частей, командир присваивает излишек, чтобы продать его с выгодой для себя. Значительная часть зерна, продаваемая на рынке, поступает из этого источника...»

Весной 1944 года японцы начали большое наступление в Хэнани. Ненависть местных жителей к китайской армии была столь велика, что они помогали японцам разоружать гоминьдановских солдат. Да те и не могли оказать сопротивления. Бойцов кормили впроголодь, они страдали от болезней, были плохо обучены и имели плохих командиров. Численность армии была чрезмерно раздута, ее содержание ложилось колоссальным бременем на экономику страны, поглощая до восьмидесяти процентов доходов китайского правительства.

Американские дипломаты сообщали в Вашингтон 19 марта 1944 года: «В сохранении воинской повинности заинтересованы весьма влиятельные группы лиц. В их число входят: занимающий скромное положение бао-цзя-чжан, привыкший брать взятки за освобождение от призыва (иногда год за годом с одного и того же человека); командир части, которому достается часть цены завербованного новобранца, живущего за счет того,

что он дезертирует и снова продает себя; ведущего набор офицера, который получает определенную сумму за каждого рекрута, и офицера, который наживается на том, что присваивает себе часть положенного на еду и содержание новобранцев и тем самым доводит людей до голодной смерти».

Для американского правительства, которое вело долгую и кровавую войну против Японии, китайский театр военных действий был постоянным источником разочарований. Офицеры китайской армии нередко переходили вместе со своими частями к японцам и воевали на их стороне...

Донесение от 3 ноября 1943 года:

«Готовность китайцев служить врагу, естественно, обескураживает органы пропаганды центрального правительства, желающие, чтобы весь остальной мир смотрел на Китай как на страну, которая отчаянно и героически, в русском духе воюет против чужеземных захватчиков. Поэтому китайская пропаганда постоянно стремится преуменьшить значение этих марионеточных войск, замазать их происхождение, называя их „маньчжурами“, „корейцами“ или „формозцами“...

Командиры и солдаты гоминьдановской армии не имеют никакого желания продолжать безнадежную (лично для них) борьбу. Они не могут выстоять против японских войск... Если они недавние рекруты, то взяты в армию насильно. Если они добровольцы, то вступили в армию потому, что не могли зарабатывать себе на жизнь иным способом, или же они бандиты по натуре. Во всяком случае им недостает национального чувства и желания добросовестно воевать. А в глубине души и офицеры, и солдаты испытывают недоверие к гоминьдану и опасаются, что центральное правительство приносит их в жертву ради собственных выгод...

По этим причинам и потому, что они по сути своей наемники, они согласны стать марионетками и работать, если нужно, на японцев... Почему армия не капитулирует? Прежде всего капитуляция неприемлема для японцев. Им не нужна масса праздных военнопленных, если можно заставить их работать на себя... В Китае если командир считает, что проигрывает, он переходит на сторону противника вместе со своей армией...

Для этих командиров обычное дело иметь контакт с японцами. Когда достигается приемлемая договоренность, происходит смена тех, кому обязуются служить».

Китайцы разочаровались в гоминьдане, который так неумело сражался с японцами. Видели в Чан Кайши прислужника США — а они смертельно устали от владычества иностранцев, которые поставили их на колени. К тому же коммунисты обещали покончить с социальным неравенством, раздать крестьянам землю, создать подлинно народную власть. Мао Цзэдун видел себя народным вождем, которому предстояло смести очередную династию, чья эпоха закончилась. Или, точнее, красным императором, который открывает новую эру в истории Китая.

Чан Кайши попытался использовать свои новые отношения со Сталиным, чтобы с его помощью поставить коммунистов на место и установить контроль над всей страной. Сталину это не понравилось. Он позволил коммунистам захватить запасы трофейного японского оружия, брошенного Квантунской армией, чтобы они могли успешно сопротивляться разбросанным по всей стране войскам гоминьдана. Обращаться с ним коммунистов учили десятки тысяч японских военнопленных. Кроме того, коммунистам сдались двести тысяч солдат марионеточного государства Маньчжоу-го: их мобилизовали в Китайскую красную армию.

«Во время советской оккупации Маньчжурии, — докладывало 7 февраля 1947 года в Вашингтон американское посольство в Китае, — войска китайских коммунистов пользовались благосклонностью советских войск и могли довольно свободно передвигаться и действовать в подконтрольной советской стороне зоне. Китайское же правительство до ухода русских было лишено возможности активно восстанавливать китайский суверенитет. Вывод советских войск был спланирован таким образом, чтобы дать возможность прочно утвердиться в северо-восточных провинциях войскам китайских коммунистов, которые в изобилии снабжались японским оружием и снаряжением, оставляемым советскими войсками».

Деятельная помощь Советского Союза позволила Мао Цзэдуну сформировать мощную армию, способную противостоять

правительственным войскам. С японским оружием и ограниченной поддержкой Москвы войска Мао начали брать верх.

7-й американский флот получил приказ вывести из Китая морских пехотинцев. 29 января 1947 года Джордж Маршалл, теперь уже государственный секретарь США, заявил, что отзывает из Китая американских представителей.

«Наша подлодка провела два месяца, патрулируя вдоль берегов Китая от Гонконга до Циндао, — вспоминал будущий президент Джимми Картер, в ту пору молодой флотский офицер. — Это было необыкновенно интересное время. Войска китайских коммунистов окружали города, и в горах были видны костры их лагерей. Витрины магазинов были заколочены. Люди нервничали. Войска националистов под угрозой штыка мобилизовали всех молодых и старых „добровольцев“».

Все меньше китайцев желало воевать за проигранное дело. Как бы их ни уговаривали. Об этом свидетельствуют записки американских дипломатов:

«Сам китайский язык дает возможность строить афористические фразы, подходящие для лозунгов. Китайцы обладают величайшей терпимостью к расхожим фразам, и это широко используется в системе начального образования, когда изложение упрощают и сводят к кратким сентенциям, повторяемым хором до тех пор, пока ученики не запомнят их. Эти приемы используются даже при обучении взрослых, например при воспитании партийных работников и государственных служащих. При этом существует еще и пристрастие китайцев к пословицам и поговоркам...

В результате Китай буквально напичкан лозунгами... Они нарисованы на городских стенах, на скалах вдоль магистралей, на стенах домов. На северо-западе они иногда написаны на красных бумажных полосках, приклеенных над и по бокам парадных дверей. Во многих случаях при возведении новых стен или домов от строителей требуют, чтобы они подготовили места, где можно рисовать лозунги...

К универсальным лозунгам относятся:

— Следуйте за вождем, поддерживайте правительство!

— Следуйте за верховным правителем, председателем Чаном!

— Раса превыше всего, нация превыше всего!

— Будьте верны партии, любите свою страну!

— Хорошие китайцы идут в солдаты!

— У кого есть деньги — дайте деньги, у кого есть сила — дайте силу!»

Пропаганда гоминьдану не помогла. Два года гражданской войны принесли коммунистам победу. Мао Цзэдун торжествующе телеграфировал Сталину: «Гоминьдан потерял доверие китайского народа, широкие массы поддерживают нашу партию. Сейчас обстановка сложилась так, что в течение ближайших четырех лет режим Чан Кайши будет уничтожен. Китай вступил на путь нового революционного подъема».

А ведь еще в январе 1949 года Сталин сообщил Мао, что стоит за переговоры с Чан Кайши. Мао же считал, что врага нужно добивать как можно скорее. Уверенность Мао в себе произвела впечатление на Сталина.

Вашингтон предоставил Чан Кайши экономическую и военную помощь на два миллиарда долларов, но он проиграл войну. 24 января 1949 года Чан оставил пост главы государства. Новое правительство перебралось в Гуанцин (Кантон). Из всех послов за правительством последовал только советский — к изумлению коллег-дипломатов. Вот уж от советского представителя они этого не ожидали! Все остальные посольства, в том числе США и Великобритании, остались в Пекине.

Послом с лета 1947 года был Николай Васильевич Рощин, который до этого десять лет пробыл в Китае военным атташе. Его предшественника Аполлона Петрова отозвали в Москву, потому что в работе на американскую разведку обвинили его жену Юлию Павловну, доктора исторических наук, занимавшуюся американскими индейцами...

История с переводом посольства, видимо, означала, что Сталин не верил в окончательную победу коммунистов и не хотел рвать с Чан Кайши. Китайские коммунисты победили в гражданской войне, чего от них не ожидали в Москве. Войска Мао Цзэдуна взяли Пекин. Советское представительство получило личное сталинское указание «на время прекратить выполнение официальных функций». Общаться с чиновниками коммунистической власти Сталин позволил только консулам.

Чан Кайши бежал на остров Формоза (ныне Тайвань). В Соединенных Штатах это восприняли как собственное поражение. И это ощущение многие годы определяло американскую политику в китайских делах. 25 апреля 1950 года закрылось последнее дипломатическое представительство Соединенных Штатов в континентальном Китае — генеральное консульство в Шанхае. Правительство США опубликовало документы, связанные с политикой в Китае. Но президент Гарри Трумэн напрасно пытался прекратить истерию, охватившую страну. Особую роль играло «китайское лобби» — влиятельные группы, особенно среди республиканцев, которые утверждали, что Америка потеряла Китай и виной тому неправильная политика Вашингтона. Среди тех, кто атаковал Трумэна за Китай, был молодой конгрессмен Джон Кеннеди...

Мао Цзэдун 1 октября 1949 года провозгласил создание Китайской Народной Республики. Советский генеральный консул Сергей Леонидович Тихвинский (будущий академик) получил приглашение на торжественную церемонию и запросил Москву, как ему быть. Заместитель министра иностранных дел Андрей Андреевич Громыко ответил, что генконсул может присутствовать на церемонии, «но не должен выдвигаться на передний план». Точно исполняя указание центра, Сергей Тихвинский попросил китайцев выделить ему место во втором ряду.

Мао Цзэдун вновь сделал столицей Пекин. А сам разместился в огромном императорском комплексе Чжуннаньхай, как когда-то вожди большевиков обосновались в Кремле. Всех выселили, и в стенах Запретного города обитали сам вождь китайской революции, обслуживающий персонал и охрана.

Таланты фокусника

Через месяц после образования КНР Мао телеграфировал в Москву, что намерен посетить Советский Союз. Он хотел приехать на три месяца. У него были большие планы: первый месяц — переговоры со Сталиным и заключение нового договора, второй месяц — поездка по Восточной Европе, третий — отдых и лечение на юге СССР.

Еще за два года до этого советский вождь изъявил желание познакомиться с главой китайских коммунистов. 15 июня 1947 года Сталин отправил шифртелеграмму своим людям в Китай с приглашением Мао: «Передайте Мао Цзэдуну, что ЦК ВКП(б) считает желательным его приезд в Москву без какого-либо разглашения об этом. Если Мао Цзэдун также считает это нужным, то нам представляется, что это лучше всего сделать через Харбин. Если нужно будет, то пошлем самолет. Телеграфьте результат беседы с Мао Цзэдуном и его пожелания».

Это произошло после того, как правительственные войска заняли город Яньань, где десять лет располагалось руководство компартии. Но Мао отказался от приглашения. А на следующий год уже сам захотел побывать в Москве. 29 апреля 1948 года Сталин дал согласие. А 10 мая передумал и телеграфировал: «Мы считаем целесообразным временно отложить поездку Мао Цзэдуна». Сталин сослался на предстоящие военные операции коммунистов — Мао не стоит оставлять свои войска...

Наконец, 6 декабря 1949 года Мао уже в роли хозяина Китая отправился в долгий путь на поезде — договариваться со Сталиным об основах взаимоотношений и перенимать советский опыт. Он поехал один, без соратников. Возможно, боялся унижений со стороны Сталина и не хотел, чтобы это кто-то видел.

А советский вождь, похоже, не очень знал, как ему вести себя с Мао. Китай — слишком большая держава, чтобы Мао можно было командовать, как восточноевропейскими руководителями, которых Сталин сам же и назначил.

24 декабря 1949 года отправленный в Пекин главным советником при ЦК компартии Китая Иван Владимирович Ковалев, недавний нарком путей сообщения, докладывал Сталину: «В рядах партии, в том числе и среди членов ЦК, имеются люди, настроенные в прошлом проамерикански и антисоветски, которых руководство ЦК сейчас поддерживает... Сколько-нибудь активной работы по привлечению рабочих в ряды партии не ведется. Партийные организации в значительной степени засорены помещичье-кулацкими и буржуазными элементами, причем прием в партию в ряде районов проводится огульно».

Нелепо, конечно, полагать, будто Сталин не был рад победе коммунистов в Китае. Но в принципе Чан Кайши дал ему все, что он хотел. Договор, подписанный с китайским президентом 14 августа 1945 года, был крайне выгоден нашей стране. Советский Союз получил железную дорогу, которая через китайскую территорию вела к Тихому океану — теперь она называлась Китайско-Чанчуньской, и две незамерзающих гавани — Порт-Артур и Дальний.

Разумеется, Сталин хотел сохранить военно-морскую базу в Тихом океане и ведущую к ней дорогу. Но с Мао пришлось договариваться заново, потому что он заговорил о том, что договор, который Москва заключила с Чан Кайши, китайское общественное мнение считает утратившим свое значение. Сталин его прервал: «Этот договор заключен между Советским Союзом и Китаем в соответствии с ялтинскими соглашениями стран антигитлеровской коалиции, поэтому мы решили временно не менять никаких статей этого договора».

Сталин не хотел нового договора. Мао был разочарован и разгневан. Он показал характер — отказался от поездки по Советскому Союзу, заявив, что намерен «отоспаться на даче». Навещавшим его советским товарищам Мао говорил: «Состояние моего здоровья после двухнедельного отдыха стало лучше. Последние четыре дня я уже сплю нормально, по восемь часов в сутки, не принимая специальных для сна лекарств. Чувствую себя гораздо бодрее, но, выходя на прогулку, не могу пробыть на воздухе больше четверти часа — кружится голова. В связи с этим я намерен отдохнуть еще одну неделю в полном покое и окончательно восстановить нормальный сон».

Разговоры Мао в его Резиденции подслушивались, чтобы выяснить подлинные намерения китайского вождя. Вести переговоры с Мао поручили Андрею Януарьевичу Вышинскому, который сменил Молотова на посту министра иностранных дел. Разносторонне одаренный человек, профессиональный юрист и златоуст, Вышинский умел быть обаятельным и убедительным. Но столкнулся с крепким орешком: такого трудного партнера у Андрея Януарьевича еще не было.

Вышинскому Мао твердо сказал: «Я все более прихожу к убеждению о необходимости заключения нового договора о дружбе и союзе между Китайской Народной Республикой и Советским Союзом. Необходимость заключения нового договора между нами вытекает из тех совершенно новых отношений, которые сложились между КНР и СССР после победы народной революции в Китае... Кроме того, определенная часть китайского народа, как известно, выражает недовольство существующим сейчас между Китаем и СССР договором».

Вышинский возразил: пересмотром договора могут воспользоваться американцы или англичане, чтобы нанести ущерб интересам и Советского Союза, и Китая, а «это нежелательно и не должно быть допущено».

Мао ответил неопределенно: «Это обстоятельство, несомненно, должно быть учтено при определении формулы для решения данного вопроса». Он понимал, что не Вышинский принимает решения в Москве. Все это была проба сил. Сталин и Мао прощупывали друг друга, проверяли на крепость, ждали, кто уступит первым...

1 октября 1949 года Мао Цзэдун появился перед огромной толпой на пекинской площади Тяньаньмэнь, люди восторженно кричали: «Да здравствует председатель Мао!» Он взмахнул рукой и ответил: «Да здравствует народ!» И с этого дня загадочный Мао оставался в центре внимания всего мира. При жизни его фигура была скрыта покровом таинственности и благоговения в значительно большей степени, чем это бывало с китайскими императорами. Его высказывания цитировались с трепетным страхом.

Когда вождь китайских коммунистов Мао Цзэдун в декабре 1949 года приехал в Москву, во всем мире с надеждой или со страхом следили за тем, что теперь произойдет. После победы народного Китая советские и китайские коммунисты сообща контролировали уже треть мира. И судьба всего человечества зависела от того, как складываются отношения Сталина и Мао. Что они замышляют вдвоем? И чего можно ждать от нового хозяина Китая, которого в мире еще совершенно не знали?

В декабре 1949 года в Москве пышно отмечали семидесятилетие советского вождя. После войны Сталин ежегодно проводил на юге три-четыре месяца. В Москву возвращался обыкновенно к 21 декабря, к дню рождения.

Высокопоставленные чиновники загодя получили приглашение, украшенное государственным гербом СССР:

«Товарищ ...

Правительство Союза ССР приглашает Вас на прием, посвященный Семидесятилетию со дня рождения Великого вождя и учителя Коммунистической партии и советского народа товарища И. В. Сталина.

Прием состоится 22 декабря 1949 г. в Большом Кремлевском Дворце в 9 час. вечера».

Мао как дорогой гость сидел рядом со Сталиным. Но никто не знал, о чем они договорились. И договорились ли вообще. Ходили слухи, что Сталин не очень доверяет слишком самостоятельному Мао Цзэдуну, что он поддерживал совсем других людей в руководстве китайской компартии, но его главного любимца отравили, и что Мао намерен держаться наособицу, потому что он сам великий вождь.

«Документы показывают, — считает Андрей Карнеев, заместитель директора Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, — что Сталин хотел победы коммунистов, но как главный человек в мировом коммунистическом движении не допускал мысли, что Мао может быть равным ему вождем. Надо подержать его в холодке, посмотреть, что он за фрукт. А Мао хотел, чтобы ему дарили фрукты...»

Матьяш Ракоши, тогдашний руководитель компартии Венгрии, который во время концерта оказался в ложе между Сталиным и Мао Цзэдуном, вспоминал, как вел себя Мао:

«Из отдельных номеров на сцене его не интересовали сольные певцы и декламаторы, а больше привлекали хоры и танцы. А когда вышли фокусники, показав множество самых различных увлекательных трюков, Мао совершенно изменился: он напряженно следил за их работой, провожал взглядом каждый жест фокусника и после каждого удачного номера весело, чуть ли не самозабвенно смеялся.

Китайский посол рассказывал, что Мао, находившийся к тому времени в Советском Союзе уже несколько недель, целыми днями мог смотреть один советский фильм за другим, так как считал, что это самый простой и самый быстрый способ познакомиться с советскими условиями».

Мао Цзэдун искренне называл советского вождя своим учителем. Сталин с конца 1920-х поддерживал Мао и помог ему подняться на вершину власти. Советский вождь исходил из того, что компартия Китая нуждается в жестком и властном правителе. Да Сталин и не мог позволить себе поссориться с Мао, за которым стоял огромный Китай. Победа коммунистов в этой стране была самым ярким свидетельством успеха общего дела.

Вечером на дачу к Мао приехали члены Политбюро Вячеслав Молотов и Анастас Микоян. Оба считались большими дипломатами. Они сообщили китайскому вождю: Советский Союз готов заключить новый договор. Китайский вождь был счастлив — настоял на своем! Начальник его личной охраны Ван Дунсин пометил в дневнике: «у Мао особенно хорошее настроение».

Договорились, что советский военный флот остается в Порт-Артуре, но отказывается от прав на порт Дальний. Железной дорогой временно будут руководить совместно советские и китайские работники. Потом все советское имущество перейдет к Китаю.

Мао провел в Советском Союзе два месяца, пока готовился текст документа. 14 февраля 1950 года министр иностранных дел Андрей Вышинский вместе с главой китайского правительства Чжоу Энылаем в присутствии Сталина и Мао Цзэдуна подписали договор о дружбе, союзе и взаимной помощи.

Договор требовал совместных военных действий только в случае нападения на Советский Союз или Китай Японии или другой страны, которая объединится с Японией. Поскольку после оглушительного разгрома Япония перестала представлять военную опасность, военная составляющая договора не имела практической ценности.

Договор не обязывал Советский Союз вмешиваться в случае военного столкновения Пекина с войсками Чан Кайши, кото-

рые укрылись на острове Формоза (Тайвань) и пользовались американской поддержкой. А вот Соединенные Штаты взяли на себя прямое обязательство поддерживать правительство Чан Кайши, и это привело Вашингтон к длительному конфликту с Китаем из-за Тайваня.

Но в любом случае подписанный в Москве документ был выгоден Китаю, потому что подтверждал его суверенитет и обеспечивал экономические интересы. Зато решилась проблема Монгольской Народной Республики, которую признавал тогда только Советский Союз. На китайских картах она значилась как Внешняя Монголия. А Внутренняя Монголия входила в состав Китая... Мао со скрипом согласился признать независимость МНР.

Договору сопутствовало секретное соглашение, в соответствии с которым Китай обязался не допускать деятельность иностранных государств в Северо-Восточном Китае и Синьцзяне. Все права на экономическую деятельность передавались Советскому Союзу. Здесь добывались стратегически важные виды сырья — вольфрам, олово, сурьма. Мао впоследствии с раздражением говорил: «Был один человек по имени Сталин, который взял у нас Порт-Артур и превратил Синьцзян и Маньчжурию в полуколонии...»

Но Сталину не удалось заставить Китай предоставить Советскому Союзу право в случае необходимости перебросить войска на Дальний Восток через Синьцзян, северо-западные и северо-восточные провинции Китая — Мао в ответ попросил дать Китаю возможность перебрасывать свои войска в Синьцзян через территорию СССР. На этом обсуждение завершилось. Настаивать советские руководители не решились.

Мао устроил прием в ресторане «Метрополь». На него — впервые в жизни (вождь не посещал иностранные приемы)! — пришел Сталин. Он провозгласил тост: «Дорогие товарищи, мы должны быть благодарны истории за то, что она дала нам такого выдающегося марксиста-ленинца, неустрашимого коммуниста Мао Цзэдуна. За его здоровье и успехи! До дна, товарищи!»

Сталин видел в Мао человека, который построит в Китае коммунизм. Даже когда у них бывали разногласия, когда Мао

противоречил Сталину, советский вождь злился, но никогда не разрывал отношений.

Композитор Вано Мурадели написал песню на стихи Михаила Вершинина:

Русский с китайцем — братья навек,
Крепнет единство народов и рас.
Плечи расправил простой человек,
Сталин и Мао слушают нас!..

Исполнял песню ансамбль песни и пляски Советской Армии имени Александра Васильевича Александрова. Вано Мурадели удостоился Сталинской премии.

О тесном сотрудничестве Москвы и Пекина свидетельствовало взаимодействие спецслужб. Министр госбезопасности генерал-полковник Виктор Семенович Абакумов сообщил Сталину 16 ноября 1950 года:

«В настоящее время на территории Китайской Народной Республики, главным образом в Шанхае и городах Маньчжурии, проживает свыше 40 тысяч русских эмигрантов, большинство которых в 1945–47 гг. приняло гражданство.

В результате обработки японских архивов, захваченных советскими войсками в 1945 году в Маньчжурии, а также по агентурным материалам и показаниям арестованных шпионов, прибывших под видом реэмигрантов в СССР из Китая после окончания войны, органами МГБ СССР из числа русских белоэмигрантов, проживающих в Китае, выявлено 470 агентов иностранных разведок.

Эти агенты в период войны вели активную подрывную работу против Советского Союза по заданиям японской разведки, а после войны значительная часть из них была завербована американскими и английскими разведывательными органами и в настоящее время продолжают вести шпионскую деятельность против СССР и народно-демократического Китая.

МГБ СССР считает необходимым через органы Министерства общественной безопасности Китая постепенно арестовать агентов иноразведок из числа русских белоэмигрантов и вывезти их на территорию СССР, где провести тщательное следствие.

При этом представляю проект постановления Политбюро ЦК ВКП(б) по указанному вопросу. Прошу Вашего решения».

Информация Министерства госбезопасности была липой. Но, во-первых, борьба с эмиграцией все еще оставалась одной из важнейших задач чекистов. Во-вторых, советские спецслужбы жаждали обрести на территории Китая ту же свободу рук, что и в других странах «народной демократии».

Помощник вождя Александр Николаевич Поскребышев написал на донесении: «т. Сталин не возражает».

20 декабря волю вождя оформили решением Политбюро ЦК ВКП(б):

«Вопрос МГБ СССР

Политбюро ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Разрешить МГБ СССР (тов. Абакумову) постепенно арестовать через органы Министерства общественной безопасности Китайской Народной Республики выявленных агентов иностранных разведок из числа русских белоэмигрантов, проживающих в Китае, и доставить их на территорию СССР, где провести тщательное следствие.

2. Поручить МИД СССР (тов. Громыко) согласовать этот вопрос с Центральным Народным Правительством и Народным правительством Китайской Народной Республики...»

На переговорах советского и китайского вождей в Москве незримо присутствовали Соединенные Штаты. Сталина мучили сомнения: почему в 1949 году американцы все-таки не отправили свои войска на помощь своему союзнику Чан Кайши? Не потому ли, что между китайской компартией и американским руководством существует некая тайная договоренность?

В начавшейся холодной войне Сталину было жизненно необходимо, чтобы народный Китай оставался на его стороне. Но Сталин не очень доверял Мао Цзэдуну. Опасался, что китайский вождь вслед за проявившим самостоятельность югославским лидером Иосипом Броз Тито тоже отдалится от Москвы и поладит с Западом.

Мао это чувствовал. В 1957 году он рассказывал новому советскому министру иностранных дел Андрею Громыко: «А ведь

Сталин обвинял меня в том, что в Китае коммунизм является националистическим, что Мао Цзэдун, хотя и коммунист, но настроен националистически...» А еще через год предъявил приехавшему в Пекин Хрущеву целый реестр обвинений в адрес Сталина: «Его первая главная ошибка та, из-за которой одно время у китайской компартии оставалась одна десятая той территории, что была. Вторая его ошибка в том, что когда в Китае созрела революция, он нам не советовал подниматься на революцию и говорил, что если начнете воевать с Чан Кайши, это может грозить гибелью всей нации...»

Часть третья

На что способен Пекин

Пример Мао Цзэдуна, подчинившего себе страну, подействовал на многих амбициозных и властолюбивых политиков в Азии. Они сочли, что тоже способны на такой подвиг. После поражения Японии здесь начался подъем националистических и коммунистических движений. Особенно сильно впечатлился северокорейский сосед.

На Корейском полуострове, освобожденном от японцев, в результате Второй мировой возникли два государства, которые не признавали друг друга. Как и в Германии, в советской зоне оккупации началось строительство социализма под руководством великого вождя Ким Ир Сена. В американской зоне оккупации формировалось полуавторитарное государство с начатками демократии, которое олицетворял первый президент страны Ли Сын Ман.

Ким Ир Сен решил, что сумеет объединить под своим началом всю Корею, как это сделал Мао Цзэдун, который сверг правительство Чан Кайши и стал хозяином Китая. 25 июня 1950 года семь дивизий Кима при поддержке ста пятидесяти танков советского производства Т-34 атаковали Южную Корею.

Еще в январе 1950 года Ким Ир Сен сказал в своем кругу: «Мы должны объединить страну. Но победа не придет сама по себе. Победу нужно завоевать». Однако же без разрешения Москвы Ким не мог действовать. Сталин ответил Киму, что «готов

помочь», но «дело надо организовать так, чтобы не было слишком большого риска». Ким Ир Сен приехал в Москву. 10 апреля он почти два часа рассказывал Сталину, что народ на Юге только и ждет помощи, чтобы восстать против антинародного режима.

Война на Корейском полуострове

Сталина беспокоило только одно: чтобы не вмешались американцы. Он сказал, что войну нужно выиграть очень быстро: «Южане и американцы не должны успеть прийти в себя, оказать сильное сопротивление и мобилизовать международную поддержку». Сталин объяснил, что «не стоит рассчитывать на прямое участие СССР в войне, поскольку у СССР есть другие серьезные задачи, особенно на Западе...». «Хорошо, что Китай, — добавил вождь, — больше не занят внутренней борьбой, и в распоряжении Китая имеются войска, которые в случае необходимости можно использовать в Корее».

Сталин не собирался воевать в Корее. Но останавливать Ким Ир Сена он тоже не хотел. Как и Соединенные Штаты, Советский Союз обнаружил, что в холодной войне он вынужден подчиняться потребностям региональных союзников, которые втягивали великие державы в борьбу против своих врагов. Сталин рассчитывал на определенные геополитические выгоды, а все риски переводил на Пекин. Он переадресовал Ким Ир Сена к Мао Цзэдуну.

Ким 13—16 мая 1950 года побывал с секретным визитом в Китае. Сказал Мао, что Сталин одобрил план войны. Вернувшись в Пхеньян, сообщил в Москву, что Мао его благословил. Тот одобрил планы Ким Ир Сена и твердо сказал, что Соединенные Штаты не вмешаются. Это сугубо внутренний вопрос, который корейский народ решит сам.

Ким Ир Сен многому научился у Сталина и Мао Цзэдуна. Но в душе он, похоже, их обоих презирал. Если бы Ким стал главой Советского Союза или Китая, он бы попытался подчинить своей воле весь мир. Но он был всего лишь вождем небольшого государства. Считал, что это несправедливо. Ему было

тесно. Мечтал как минимум управлять всем Корейским полуостровом, поэтому и затеял в 1950 году войну.

16 июня 1950 года советский посол в Пхеньяне Терентий Фомич Штыков предупредил Сталина, что наступление начнется 25 июня. Ким Ир Сен надеялся закончить войну меньше чем за два месяца. За четыре дня северяне взяли Сеул. Правительство Ли Сын Мана бежало. Войска северян стремительно продвигались на юг. Ким торжествовал, но вместе с Мао и Сталиным он ошибся, рассчитывая, что американцы не вмешаются.

Когда 25 июня 1950 года президенту Гарри Трумэну сообщили, что Северная Корея напала на Южную, президент записал в дневнике, что сразу вспомнил, как начиналась Вторая мировая: «Демократии ничего тогда не предприняли, и это вдохновило агрессоров. Если коммунистам позволят ворваться в Республику Корею, и свободный мир не возразит, ни одно малое государство не сможет сопротивляться угрозам и агрессии со стороны более сильных коммунистических соседей».

Гарри Трумэн так и остался человеком XIX века. Его представления о жизни, вкусы, привычки сформировались до Первой мировой. Он не любил говорить по телефону, не воспринимал и другие технические новинки, которые вошли в жизнь уже позже. Попытался печатать на машинке, но отказался от этой затеи. Он дважды прочитал Библию, первый раз в двенадцать лет. Многое запомнил, цитировал наизусть. Он был старомодным. Не уважал женщин, которые курят и пьют. И не считал возможным для джентльмена употреблять спиртное в присутствии женщин. Он даже не пытался научиться танцевать. Не играл в теннис или гольф. Любил покер, а не бридж. Он был семейным человеком. Никогда не выходил из дома без шляпы. Был очень бережливым. Бритвы служили у него дольше, чем у других мужчин...

В апреле 1950 года государственный департамент и министерство обороны США подготовили проект директивы Совета национальной безопасности № 68, который предусматривал радикальное увеличение расходов на вооруженные силы. Трумэн положил проект в долгий ящик. Он не верил в необходимость излишней милитаризации. 1 июня 1950 года на ежене-

дельной пресс-конференции президент США сказал, что настоящий мир сейчас ближе, чем когда бы то ни было за последние пять лет.

Война в Корее разрушила мечты Трумэна о мире.

Сталин и министр иностранных дел Вышинский совершили ошибку. Они приказали советскому представителю при Организации Объединенных Наций бойкотировать заседания Совета безопасности в знак протеста против того, что место в ООН не было передано Мао Цзэдуну, а осталось за свергнутым режимом Чан Кайши, лидера партии гоминьдан.

10 января 1950 года советский представитель Яков Александрович Малик заявил, что покидает зал заседаний и не вернется, пока гоминьдановца не выведут из состава Совета безопасности. Вот почему Малик отсутствовал на заседании, где обсуждалась ситуация на Корейском полуострове, и не смог наложить вето на резолюцию, требовавшую прекращения боевых действий и вывода всех войск с территории Южной Кореи.

Генерал Дуглас Макартур сообщил в Вашингтон, что единственная возможность сохранить Южную Корею — перебросить туда американские наземные силы. Трумэн вспоминал, что это было самое трудное решение в его жизни, более трудное, чем отдать приказ применить ядерное оружие в войне с Японией. Трумэн и без того пребывал в дурном настроении. Именно в этот момент им занимался стоматолог. Ему должны был сменить два моста и четыре коронки. Несмотря на боль, только один раз президент согласился на анестезию. В разгар войны он опасался подвергать себя воздействию седативных препаратов, чтобы не терять здравость рассудка.

Совет безопасности принял новую резолюцию, которая уполномочивала вооруженные силы стран ООН остановить агрессию. Американские войска получили право использовать флаг Организации Объединенных Наций. «Угрозой для нашей безопасности, — говорил Трумэн, — является коммунистическая агрессия. Если позволить коммунизму поглощать свободные народы один за другим, то рухнут надежды человечества на мир и правосудие. Если силы ООН, которые находятся в Корее, потерпят поражение в борьбе с агрессором, то ни один народ

не будет чувствовать себя в безопасности. Поэтому в Корее мы сражаемся за нашу собственную безопасность».

1 июля 1950 года в Пусане приземлились самолеты, которые доставили первые двести пятьдесят шесть американских солдат — две с половиной роты 24-й пехотной дивизии. 5 июля их бросили в бой южнее Сеула. В Корее было жарко и влажно, шли дожди, дороги развезло. Театр военных действий был незнакомый. Корейского языка никто не знал. 29 июля командовавший американскими войсками генерал Уолтон Уолкер отдал приказ: ни шагу назад. Отступления и эвакуации не будет. Все должны сражаться и, если понадобится, погибнуть на боевом посту. К середине сентября американцы потеряли двенадцать тысяч человек.

Правые республиканцы возложили вину на Трумэна, который втянул страну в войну. Президенту потребовался надежный министр обороны. 6 сентября Джордж Маршалл, уже пенсионер, появился в Белом доме. Трумэн попросил Маршалла вернуться на государственную службу и стать министром обороны. «Я готов, — просто сказал Маршалл. — Но я бы хотел, чтобы вы подумали над тем, как мое назначение может сказаться на вас и вашей администрации. Меня все еще упрекают за падение правительства Чан Кайши. А я хочу помочь вам, а не навредить». Потрясенный его словами, Трумэн писал жене: «Можешь представить, чтобы кто-то другой сказал нечто подобное?»

Джордж Маршалл не мог отказать Трумэну. В сентябре он возглавил военное ведомство, чтобы помочь Трумэну в самые трудные дни. По закону военнослужащий мог занять пост министра только через десять лет после отставки. Президент попросил конгресс сделать исключение для Маршалла.

Командовать войсками на Корейском полуострове Гарри Трумэн поручил генералу Макартуру. Потомственный военный Макартур был легендарной личностью. Он никогда и ничего не боялся. В Первую мировую войну он даже под обстрелом ни разу не надел каску. Вторую мировую он провел на Тихом океане, сначала отступая перед превосходящими силами японской армии, а потом громя их. Когда японцы капитулировали, Дуглас Макартур сказал своим офицерам: «Да, джентльмены, обратная

дорога была долгой». И показал рукой на труп японского солдата: «Вот такими они мне нравятся».

Военное министерство предложило Макартуру классическую схему действий в Корее: разместить американские войска в тылу отступающей южнокорейской армии, чтобы остановить отступление. Генерал принял неожиданное и смелое решение.

Ранним утром 15 сентября его войска высадились в тылу северокорейской армии под Инчхоном. В высадке участвовали двести шестьдесят два корабля. Это была одна из тех операций, которые меняют ход войны. Одним ударом генерал Макартур перерезал линии снабжения северных корейцев и ударил им в спину. Через одиннадцать дней американцы отбили Сеул. К концу сентября половина северокорейской армии сражалась с перевернутым фронтом.

1 октября американские войска вышли к 38-й параллели. Армия Ким Ир Сена, охваченная паникой, развалилась. Американцам открылась дорога на Пхеньян, который северные корейцы, отступая, сдали без боя. Помощник Ким Ир Сена признался советскому послу Штыкову, что у его шефа «настроение подавленное и даже пораженческое. Война проиграна и, если не помогут извне, Советский Союз потеряет Корею».

13 октября Штыков доложил в Москву: «Проведена эвакуация из Пхеньяна правительственных учреждений и дипломатического корпуса. Население массами покидает Пхеньян и уходит на север. В связи с непрерывными бомбардировками и продвижением лисынмановских и американских войск настроение населения подавленное. Наблюдается растерянность и бесперспективность как среди населения, так и в правительственных кругах».

Ким Ир Сен умолял Сталина вмешаться в войну. Сталин переадресовал просьбу Мао Цзэдуну. Мао тоже не хотел посылать войска, ответил, что это чревато опасностью большой войны. Сталин решил, что остатки северокорейской армии придется вывозить из страны. 13 октября он просил передать Киму: «Дальнейшее сопротивление бесполезно. Вам следует готовиться к полной эвакуации в Китай или Советский Союз».

Но американцы в свою очередь совершили крупную политическую ошибку. Макартуру следовало вовремя остановиться, но высокомерный генерал доказывал, что противника нужно полностью разгромить, чтобы поскорее закончить войну. И американцы приблизились к китайской границе.

Мао Цзэдун решил, что Соединенные Штаты намерены не только захватить весь Корейский полуостров, но и вторгнуться в Китай, чтобы его свергнуть. Он решил преподать урок американцам. Мао предпочел не ждать, пока американцы разгромят Ким Ир Сена и возьмутся за него самого, и приказал армии вступить в дело.

30 сентября глава китайского правительства Чжоу Эньлай сделал совершенно ясное предостережение: «Китайский народ не потерпит иностранной агрессии и не будет равнодушно наблюдать за тем, как соседи становятся жертвой империалистов». 3 октября Чжоу Эньлай пригласил посла Индии и просил передать Соединенным Штатам, что если войска ООН пересекут 38-ю параллель, Китай придет на защиту Северной Кореи.

В Белом доме пропустили мимо ушей эти предупреждения. Президент Трумэн пребывал в уверенности, что заявления Пекина — блеф. ЦРУ докладывало, что «нет никаких свидетельств того, что китайские коммунисты намерены принять полномасштабное участие в войне в Корее».

6 октября 1950 года политбюро ЦК компартии Китая приняло решение отправить в Корею «добровольцев».

Макартур обещал Трумэну: «Я считаю, что сопротивление прекратится к Дню благодарения. Тех, кого мы не успеем уничтожить, прикончит зима. Они сражаются, чтобы спасти лицо. Восточные люди предпочитают потере лица смерть». Труэмн спросил: «Каковы шансы, что китайцы и русские вмешаются?» «Они невелики, — уверенно ответил генерал. — Если бы они вступили в дело в первый или второй месяц войны, это могло иметь решающий характер. Теперь мы не боимся интервенции. Мы лучшие».

18 октября первый отряд китайских войск, названный Добровольческим, перешел через реку Ялуцзян. 21 октября китайцы уже вступили в боевые действия. Атака ста пятидесяти тысяч

китайских «добровольцев» была настолько неожиданной для американцев, что они в панике отступили на юг, подрывая железные дороги.

Через три дня после вступления китайского экспедиционного корпуса в войну председатель комитета начальников штабов генерал Омар Брэдли сказал Трумэну, что, по сообщениям Макартура, положение ужасное: началась совсем другая война. Командовавший китайскими войсками маршал Пэн Дэхуай был уверен, что наголову разгромит американцев. Мао приказал ему сбросить американцев в море.

Сталин войска в Корею не послал. Но разрешил перебросить в Китай истребительный авиакорпус, чтобы советские летчики прикрыли с воздуха китайские войска. Они жили в бывших японских казармах, где не было ни водопровода, ни канализации. Носили форму китайской армии. Командир авиаполка Герой Советского Союза полковник Евгений Георгиевич Пепеляев вспоминал:

«Корпусное начальство поначалу потребовало вести радиообмен в воздухе только по-китайски или по-корейски. Летному составу выдали блокноты с русской транскрипцией слов-команд. Я сразу и решительно отказался выполнять это распоряжение: попробуйте сами в воздушном бою управлять звеном или эскадрильей и даже просто выполнять команды по разговорнику. В 176-м гвардейском полку командир оказался сговорчивее, и в первом же бою с управлением „по-китайски“ соседи потеряли МиГ-15. Китайскую азбуку нам тут же отменили.

Нас переодели в синие брюки и горчичного цвета суконные куртки и шинели. Летчикам выдали подобие меховых шапок и почему-то красные хромовые сапоги, которые при покидании самолета с парашютом слетали с ног. Пришлось на первую же зарплату переодеваться в штатское, а летать в своих куртках. Правда, красные сапоги летчики быстро поменяли на солдатские меховые сапоги из грубой кожи, но теплые, и главное, со шнуровкой, не слетят».

Появление истребителей МиГ-15 было неприятным сюрпризом для американцев. Советским летчикам запретили летать над Желтым морем и преследовать противника дальше ста ки-

лометров от линии фронта. Сталин приказал, чтобы ни один летчик не попал в руки врага. 1 октября 1950 года Сталин телеграфировал послу Штыкову и главному военному советнику генерал-лейтенанту Васильеву: «При организации работы наших военных советников в дальнейшем Вам надлежит принять все меры к тому, чтобы ни один военный советник, как указывалось это ранее, не попал в плен. О принятых мерах донести».

Желание Сталина скрыть советское участие в войне полностью совпадало с намерениями американцев. В Вашингтоне сделали все, чтобы это осталось тайной. Иначе американское общество потребовало бы каких-то действий, а в Вашингтоне не хотели, чтобы локальный конфликт перерос в прямое столкновение США и СССР.

28 ноября на заседании Совета национальной безопасности министр обороны Джордж Маршалл твердо сказал: «Большая война с Китаем невозможна. Мы попадем в ловушку, расставленную нам русскими. Это потребует мобилизации всех сил и сделает Европу беззащитной перед советским вторжением. Надо сделать все возможное, чтобы ограничить войну».

Обсуждали возможность срочной эвакуации всех американских войск из Кореи. Маршалл выразил сомнение, что такая операция окажется возможной, если Китай поднимет в воздух свою авиацию. Трумэн полагал, что единственный выход — переговоры о перемирии. Генерал Макартур, униженный необходимостью отступать, считал иначе. С его точки зрения, большая война уже началась.

Дуглас Макартур не понимал, почему, имея в арсенале такое оружие, ему запрещают применить его на поле боя? Он предлагал объявить Китаю войну и сбросить от тридцати до пятидесяти атомных бомб на Маньчжурию и крупные города.

За два дня до Рождества на дороге погиб командующий 8-й армией генерал Уолтон Уолкер: его джип врезался в южнокорейский грузовик. Его сменил прилетевший из Вашингтона генерал Мэтью Риджуэй. Он сумел остановить отступление. Фронт стабилизировался без применения ядерного оружия. В начале 1951 года 8-я армия начала успешное наступление и 12 марта во второй раз отбила Сеул. К концу марта американские войска

вышли к 38-й параллели и остановились. Превосходство в технике и огневой мощи над китайскими ополченцами было очевидным. Началась позиционная война на истощение.

Фактически в Корее американские войска, защищавшие юг страны, сражались против китайских солдат, которых Мао Цзэдун отправил спасать Ким Ир Сена от поражения.

Молодому юристу Роберту Кеннеди (брату будущего президента) поручили выяснить, кто из союзников Соединенных Штатов позволяет себе торговать с коммунистическим Китаем. Изучая донесения ЦРУ и военно-морской разведки, Кеннеди обнаружил, что грузы в Китай доставляют суда, которые принадлежат различным греческим компаниям. Роберт Кеннеди возмущенно рассказывал журналистам: «Выходит, наши союзники, получающие от нас значительную финансовую помощь, торгуют с китайскими коммунистами, которые убивают наших солдат!»

«Во время ужина, — писал Сталину советский посол в Пекине Павел Юдин, — Мао Цзэдун говорил о войне в Корее, указывал на то, что американцы, к сожалению, не хотят вести больших сражений. Главная наша задача в Корее — как можно больше уничтожить живой силы американцев. Мы, говорил Мао Цзэдун, не против того, чтобы война в Корее затянулась...»

Главнокомандующий Народно-освободительной армией Китая маршал Чжу Дэ признался советскому послу: «Война в Корее многому нас научила». Китайские руководители думали, что их армия способна справиться с любым противником, но увидели, что не могут обойтись без современной техники. У китайцев были всего две танковые дивизии. Мао ждал весомой помощи от Советского Союза.

Генерал Макартур требовал расширить масштабы войны, нанести удар по Китаю, может быть, даже ядерный, чтобы добиться победы в войне. Трумэн боялся, что удар по Китаю заставит вступить в войну Советский Союз, и не хотел давать Сталину повода. Трумэн сместил слишком решительного генерала Макартура с поста командующего. Американский президент думал только об одном: как бы не допустить третьей мировой войны.

Боевые действия на Корейском полуострове были полигоном для советских летчиков. Военно-воздушные силы не только проходили боевую обкатку в Корее, но и привыкали стрелять в американцев. Войну Сталин собирался вести на паях с Мао Цзэдуном, чьи дивизии в Корее сражались с американскими войсками.

«Мао Цзэдун, — сообщал в Москву советский посол в Китае, — сказал, что на опыте войны в Корее они многому учатся, как надо организовать современную армию и как надо вести войну против современных империалистических армий».

Сталин не боялся ядерной войны. Американцы обладали тогда не таким уж большим количеством ядерного оружия. Ракет еще не было, единственное средство доставки — тяжелые бомбардировщики. Генералы убедили Сталина в том, что система противовоздушной обороны сможет перехватить большую часть американских бомбардировщиков, уничтожить Советский Союз с воздуха американцам не удастся. Потери в результате ядерного удара, конечно, будут большими, но это Сталина не беспокоило: страна огромная, народа хватит. А вот для американцев первый же ядерный удар, по мнению вождя, станет сокрушительным. Возникнет паника, и американцы капитулируют.

Сталин не считал их хорошими солдатами, полагал, что американцы — трусы, привыкли прятаться за чужой спиной. «Американский солдат — спекулянт, занимается куплей и продажей, — говорил Сталин 20 августа 1952 года приехавшему из Пекина Чжоу Эньлаю. — Какая же это сила? Американцы вообще не способны вести большую войну. Они хотят покорить весь мир, а не могут справиться с маленькой Кореей. Не умеют воевать. Надеются на атомную бомбу, авиационные налеты. Но этим войну не выиграть. Нужна пехота, а пехоты у них мало, и она слаба. С маленькой Кореей воюют, а в США уже плачут. Что же будет, если они начнут большую войну? Тогда, пожалуй, все будут плакать».

Осенью 1952 года было решено построить дополнительные аэродромы для тяжелых дальних бомбардировщиков, способных нести ядерное оружие. Аэродромы строили на территории восточноевропейских стран и Китая, их использование позво-

ляло наносить удары не только по Западной Европе, но и по американским базам в Атлантическом и Тихом океанах. Но Сталин умер. В июле 1953 года было подписано соглашение о перемирии на Корейском полуострове. Китай вышел из войны истощенным, но приобретшим вес в мировой политике.

По официальным данным, в Корее погибло сто пятьдесят тысяч китайцев. Дэн Сяопин говорил японским коммунистам, что на самом деле потери составили четыреста тысяч. Двадцать с лишним тысяч китайских солдат и офицеров попали в плен; две трети не хотели возвращаться в КНР, их отправили на Тайвань.

Фактически Юг и Север остались при своем, если не считать, что затеянная Ким Ир Сеном война полностью разрушила Корею. Со временем Соединенные Штаты помогли Южной Корее стать процветающим государством. А Северная Корея под руководством Ким Ир Сена так и не смогла выбраться из разрухи и нищеты.

Война обернулась страшным унижением для Кима. Во-первых, он едва ее не проиграл. Во-вторых, китайцы его фактически отстранили. Боевыми действиями руководил командующий китайским добровольческим корпусом в Корее маршал Пэн Дэхуай. И перемирие летом 1953 года американцы заключали не с Кимом, а с китайцами.

Мао был не прочь избавиться от неудачника Кима.

Внутри северокорейского руководства существовали три мощные группы: местные подпольщики, гордившиеся тем, что не покинули родину в трудные времена, коммунисты, вернувшиеся из Китая, которые гордились своим боевым прошлым, и, наконец, советские корейцы, которые считали себя образованнее Кима и его малограмотных соратников. У Кима было много противников, но они не смогли объединиться и восставали по одиночке, дав возможность Киму сокрушить их всех.

Сначала он обрушился на тех, кто в годы японской оккупации был в подполье. Он критиковал их за то, что они не прислушиваются к советским товарищам.

После ухода советских войск из Северной Кореи ослабли позиции советских корейцев, чем Ким не замедлил воспользоваться. Смерть Сталина стала для Ким Ир Сена удачным поводом

обидеться на то, что во время войны Красная армия не пришла к нему на помощь. Ким стал критиковать все попытки следовать советскому примеру и убрал из центрального аппарата корейцев, которые приехали из Советского Союза строить социализм на своей исторической родине.

В результате самой крупной фракцией оказались китайские корейцы. В августе 1956 года на пленуме ЦК Трудовой партии Кореи они попытались сместить Кима. Они рассчитывали на поддержку большинства членов ЦК. Но Ким мобилизовал своих сторонников, которые сплоченными рядами выступили в его поддержку.

Ким усидел в своем кресле и провел после пленума широкую чистку. Из двадцати двух членов первого кабинета министров семнадцать были казнены. Четыреста пятьдесят тысяч членов партии, то есть каждый четвертый, отправились на «бессрочное перевоспитание» в концлагеря. Уцелели те члены ЦК, кто успел бежать в Китай.

Мао Цзэдун всегда был невысокого мнения о корейском лидере. Теперь же он просто называл Кима «мясником». Мао предложил Хрущеву совместными усилиями убрать Кима. Никита Сергеевич тоже не любил Кима. Трижды намечался визит советского руководителя в Пхеньян, и три раза Хрущев отказывался ехать.

6 сентября 1956 года на заседании Президиума ЦК КПСС в Москве обсуждали корейские дела. В коротком протоколе помечено: «Нашей делегации в Китае серьезно поговорить с корейцами... Дать ответ китайскому послу, что по этим вопросам будет обмен мнениями нашей делегации в ЦК КПК».

В середине сентября в Пекине должен был пройти VIII съезд компартии Китая. Главой советской делегации Никита Сергеевич назначил свое доверенное лицо — Анастаса Ивановича Микояна, члена Президиума ЦК и первого заместителя председателя Совета министров.

В постановлении Президиума ЦК записали:

«1. Придавая серьезное значение событиям, происшедшим на пленуме ЦК Трудовой партии Кореи, ЦК КПСС считает необходимым обменяться мнениями по этим вопросам с руководством Трудовой партии Кореи и с ЦК Компартии Китая.

2. Поручить делегации КПСС на VIII съезде Компартии Китая обменяться мнениями...»

Микоян говорил с сильным акцентом, переводчикам приходилось трудно. Но Хрущев ценил умение Анастаса Ивановича улаживать деликатные проблемы. Летом того же 1956 года Микоян ловко изъял из Венгрии первого секретаря ЦК Венгерской партии трудящихся Матьяша Ракоши, который во всем подражал Сталину.

Анастас Иванович не сомневался, что сумеет избавить северных корейцев от Ким Ир Сена. Микоян договорился с китайским руководством о совместных действиях. Микоян и член политбюро ЦК КПК Пэн Дэхуай поехали в Пхеньян для участия в работе внеочередного пленума ЦК Трудовой партии Кореи 23 сентября. Маршал Пэн Дэхуай терпеть не мог Ким Ир Сена.

Микоян и Пэн Духуай заставили Кима провести новый пленум ЦК, чтобы реабилитировать тех, кого сняли со своих должностей в августе. Но он так умело подобрал ораторов на пленуме, что гостям пришлось отказаться от идеи сместить Кима. Микоян и Пэн Дэхуай только взяли с него обещание не трогать ни китайских корейцев, ни советских. Ким обещание дал, но довольно скоро убедился, что может делать все, что считает нужным. Советских руководителей он вовсе не боялся, считал слабаками.

В ноябре 1957 года Ким приехал в Москву на совещание коммунистических и рабочих партий. Он увидел, что и советские руководители, и китайские нуждаются в том, чтобы он оставался на своем месте. Вернувшись, он расправился со всеми своими противниками. На пленуме ЦК Трудовой партии Кореи в декабре 1957 года довольно критически говорилось о великодержавных проявлениях в политике СССР и Китая в отношении корейского народа. Тех, кто посмел встать в оппозицию, он расстрелял, остальных лишил должностей и отправил в трудовые лагеря «на перевоспитание»... Кто убежал в Советский Союз или в Китай, тот остался жив. Остальные доживали свой век в лагерях.

9 ноября 1957 года советский посол в Пекине Павел Юдин докладывал Хрущеву о ночной беседе с Мао. Речь шла о Север-

ной Корее. Мао пересказал послу свой диалог с Ким Ир Сеном. Разговор развивался так. Коснувшись вопроса о корейских политэмигрантах в Китае, Мао Цзэдун предложил Киму собрать всех их в Пекине и «объявить им амнистию». Мао заверял Кима, что эти корейцы никогда не будут использованы Китаем против КНДР. Ким ответил, что «эти люди в Корее не нужны»... Мао Цзэдун сказал Ким Ир Сену: «Видимо, мой приезд в Корею вы не будете приветствовать, поскольку я приношу всякие неприятности». Ким Ир Сен не соглашался с этим мнением и заявил, что в случае прибытия в Корею Мао Цзэдуна ему будет организована большая и теплая встреча».

Но Мао в Пхеньян так и не приехал.

Хрущев в 1959 году упрекал Мао: «Конечно, и у вас имеются китайцы, которые бежали от Ким Ир Сена. Но это не дает вам оснований портить отношения с Ким Ир Сеном. Мы по-прежнему остаемся с ним хорошими друзьями...»

Ким умудрился — в момент острого противостояния Москвы и Пекина — безболезненно выйти из-под опеки Советского Союза и не оказаться в подчинении у Китая.

Сам Ким ни разу не высказался против Советского Союза. Более того, он вообще редко появлялся на публике в пик советско-китайского конфликта. Все острые высказывания либо публиковались в газетах, либо произносились его подручными. Корейская печать обвиняла Советский Союз в попытке изолировать Китай, в шовинизме, в дискриминации азиатов, в том, что Москва использует экономическую помощь для того, чтобы вмешиваться во внутренние дела азиатских государств. Выступая перед выпускниками военной академии в октябре 1963 года, Ким с гордостью сказал, что форма, которую носят выпускники, сшита в Северной Корее из отечественной ткани, а до 1960 года военную форму приходилось импортировать.

И Москва никогда персонально не критиковала Ким Ир Сена.

А вот китайские хунвэйбины нещадно поносили Кима, карикатуры на него висели в Пекине. Китайские радикалы обвиняли Кима в ревизионизме, в подражании Хрущеву, в нежелании присоединиться к культурной революции в отказе помочь Северному Вьетнаму. Китайские студенты, приезжавшие в Корею,

обвиняли Кима в том, что он погряз в буржуазном быте, возмущались его многочисленными резиденциями. В январе 1967 года Кан Шэн, руководивший госбезопасностью, сказал албанцам: «Ким Ир Сен должен быть свергнут, чтобы изменить положение в Корее».

Но спор с Китаем никогда не предавался гласности. Мало кто знает, что на корейско-китайской границе тоже происходили военные столкновения, как между советской армией и китайской...

Секретный доклад

Как же получилось, что за десять лет ближайшие союзники, Москва и Пекин, превратились в злейших врагов, готовых померяться силой на поле брани?

Роль Мао Цзэдуна в социалистическом лагере сразу после смерти Сталина стала куда более значительной, чем прежде. Вот характерная история. По распоряжению тогдашнего главного редактора «Правды» Дмитрия Трофимовича Шепилова редакционные умельцы так отретушировали давнюю фотографию, сделанную еще во время подписания в феврале 1950 года советско-китайского договора, что новый глава правительства Георгий Максимилианович Маленков оказался рядом со Сталиным и Мао Цзэдуном. Они втроем образовали как бы руководящую тройку.

Георгий Максимилианович считал себя самым близким к Сталину человеком и его законным наследником. И воспринимался как новый хозяин страны. Шепилов решил сделать приятное Маленкову. Но товарищам по Президиуму ЦК это не понравилось. 12 марта 1953 года Президиум объявил главному редактору «Правды» строгий выговор за «произвольную верстку речей руководителей партии и правительства на траурном митинге» и за опубликование без ведома ЦК «произвольно смонтированного снимка на третьей полосе». «Я считал, что основная проблема — это наша дружба с Китаем, — оправдывался Дмитрий Шепилов, — близость двух глав правительств — символ этой вечной дружбы, и я в этих целях так сделал».

В конце сентября 1954 года Никита Сергеевич Хрущев, который достаточно быстро отодвинул Маленкова на вторые роли, полетел в Китай. Представительную советскую делегацию восхитили пышные празднества по случаю пятилетия Китайской Народной Республики на площади Тяньаньмэнь. Хрущев поучал хозяйку Москвы Екатерину Алексеевну Фурцеву: «Вот, Екатерина Алексеевна, учитесь у китайцев, как нужно оформлять и проводить демонстрации. У нас все это официально и сухо проводится. А тут тебе и пение, и танцы, и физкультурные упражнения». Вернувшись в Москву, Фурцева постаралась учесть пожелания Первого секретаря ЦК КПСС. Празднование майских и октябрьских годовщин на Красной площади приобрело более театральный характер.

Перед отъездом председатель КГБ Иван Александрович Серов представил Хрущеву справку, составленную по материалам своих сотрудников, работавших в Пекине. С октября 1949 по 1954 год руководители народного Китая уничтожили семьсот десять тысяч человек, арестовали за «контрреволюционную деятельность» два миллиона. Хрущев по этому поводу высказываться не стал. Ему важно было установить личные отношения с Мао Цзэдуном, который пока что демонстрировал полную солидарность с Москвой.

Мао все еще очень нуждался в масштабной советской помощи. За советские промышленные поставки Китай расплачивался продовольствием, которого не хватало самой стране. В инструкции министерству внешней торговли КНР летом 1954 года говорилось: «Ради экспорта следует сократить внутренний рынок таких продуктов, как мясо. Другие продукты, такие как фрукты и чай, следует экспортировать в как можно большем количестве и потреблять на внутреннем рынке только в том случае, если что-нибудь остается...»

Глава правительства КНР Чжоу Эньлай, обещая друзьям увеличить поставки продовольствия, сказал: «Если наш народ и голодает, то не в городах, а в сельской местности». За этим стояло: никто не узнает о голоде. Да и крестьян не жалко. Крестьянам запрещалось уезжать из деревни, перебираться в город и менять профессию. Вот почему китайцы так боялись ссылки

в деревню в наказание за проступки: это не только голод и тяжелый труд, это обрекало всю семью, и главное детей на такую же безрадостную жизнь.

До приезда советской делегации Мао Цзэдун убрал члена политбюро и руководителя Северо-Восточного Китая (то есть Маньчжурии) Гао Гана — тот был слишком откровенен с советскими товарищами, а Мао не хотел, чтобы русские знали, как делаются дела в высшем руководстве страны. Гао Гана обвинили в создании «антипартийного блока». Гао Ган пытался покончить с собой. Первая попытка не удалась, его заставили каяться за «вредительский акт против партии» и посадили под домашний арест.

«Членам партии не позволялось прибегать к самоубийству, — вспоминал Ли Джисуй, личный врач Мао Цзэдуна. — Оно рассматривалось как предательство партии. Члены семей самоубийц носили ярлык „жена предателя“ или „сын предателя“ и влачили жалкое существование».

Гао Ган собрал снотворное и все-таки принял смертельную дозу...

Мао присматривался к Хрущеву, прикидывая, что это за человек. Проверял его на прочность. Никита Сергеевич в сентябре 1955 года передал Китаю советскую военную базу в Порт-Артуре. Военные были недовольны. Но несложно представить себе, что творилось бы вокруг базы, когда наши страны оказались на грани войны и в Китае бушевала культурная революция. Разве не стала бы база в Порт-Артуре запалом для настоящего боевого столкновения? Впрочем, и Мао Цзэдун не исполнился благодарности к Хрущеву. Готовность к компромиссу, умение учитывать интересы партнера он считал признаком слабости.

Вновь зашел разговор о судьбе Монголии, которую китайские руководители все равно внутренне не признавали самостоятельным государством, считали, что эта территория должна быть частью Китая.

Личный переводчик Мао вспоминал, как во время концерта оказался рядом с главой советского правительства Николаем Александровичем Булганиным. Выступали монгольские артисты. Булганин, обращаясь к переводчику, пробормотал, что,

мол, когда летел в самолете над Монголией, то увидел: там — сплошная пустыня, ничего там нет, экономику монголам развивать очень трудно, и лучше уж возвратить их Китаю. Хрущев спросил Булганина: о чем ты? Булганин повторил свои слова. Никита Сергеевич недовольно заметил, что этого говорить не нужно. Теперь уже второй человек в КНР Лю Шаоци заинтересовался разговором и в свою очередь поинтересовался у переводчика: о чем это они? Переводчик пересказал слова Булганина. Лю Шаоци доложил об этих словах Мао Цзэдуну. Во время переговоров Мао заметил Хрущеву:

— Слышал, что вы хотите вернуть Монголию Китаю. Мы это приветствуем. Просим вас поговорить об этом с монгольскими товарищами.

Хрущев немедленно ответил:

— Нет, не было ничего такого. Мы это с Монголией не обсуждали.

Повернувшись, он с гневом сказал Булганину:

— Все из-за того, что ты много болтаешь!

10 мая 1955 года в Варшаве собрались делегации Польши, Венгрии, Чехословакии, Болгарии, Румынии, Албании и ГДР. Они договорились о создании военного союза социалистических государств в противовес НАТО. В качестве наблюдателя присутствовал китайский маршал Пэн Дэхуай. В перерыве председатель Совета министров СССР Николай Булганин спросил маршала, сколько дивизий сможет выставить Китай. Китайский маршал коротко ответил: «Сто дивизий». Цифра впечатляла. 14 мая 1955 года был подписан Варшавский договор. С учетом возможностей Китая военный потенциал социалистического блока казался особенно внушительным. Но Китай Варшавский договор не подписал! Пекин не подчиняет свои национальные интересы каким-то коалициям. Великому государству не пристало быть младшим партнером.

К 40-летию Октября осенью 1957 года в Москве провели международное совещание коммунистических и рабочих партий. Приехала большая китайская делегация — председатель КНР Мао Цзэдун, глава правительства Чжоу Эньлай, его заместитель Дэн Сяопин, руководитель ведомства госбезопасности Кан Шэн.

Тогда Мао во второй и последний раз покинул Китай. Встреча в Москве проходила сразу после того, как в СССР запустили спутник. Казалось, это победа коммунистического строя.

Мао уверенно говорил о том, что не надо бояться ни атомной бомбы, ни ракетного оружия. Социалистические страны все равно победят. «Давайте прикинем, сколько людей может погибнуть, если разразится война, — рассуждал с трибуны Мао. — Погибнуть может одна треть или даже чуть больше, может, половина. Я бы сказал, даже принимая худший вариант: пусть половина погибнет, а половина останется в живых, но империализм будет стерт с лица земли, и весь мир станет социалистическим». От этих слов Мао содрогнулись даже его закаленные товарищи по мировому коммунистическому движению.

Почему он произносил такие пугающие речи? «Он вышел из гражданской войны, — считает доктор исторических наук Александр Лукин, — для него эта война никогда не заканчивалась. Сначала она шла внутри страны. Потом он считал, как и советские марксисты, что война с империализмом неизбежна и приведет к победе коммунизма. Он говорил: пусть половина населения погибнет, зато другая половина будет жить при коммунизме».

У себя дома на съезде партии 17 мая 1958 года Мао повторил: «Не раздувайте страхи насчет мировой войны. Самое большее — умрет сколько-то народу. Сгинет половина населения — такое уже происходило несколько раз в китайской истории. Это даже хорошо, если исчезнет половина населения, неплохо, даже если исчезнет одна треть...»

Неужели он верил в то, что говорил? И в самом деле готов был пожертвовать половиной населения собственной страны? «Скорее всего, это была цветастая китайская фраза, — полагает китаевед Андрей Карнеев. — Мао любил такие фразы. Возможно, мыслил ими. Он не мог вести себя иначе, потому что еще в юности бросил вызов своему отцу. Он всегда свергал кумиров, тех, кто сильнее. Это был бунт против отсталости, его личный бунт».

Мао Цзэдун говорил, что ядерная война возможна во имя окончательной победы над западным капитализмом. На встрече

в Кремле вождь итальянских коммунистов Пальмиро Тольятти растерянно спросил китайского вождя: «Что же останется от Италии после такой войны?» Мао холодно ответил: «А кто сказал, что Италия должна выжить? Триста миллионов китайцев останется, и этого достаточно, чтобы человеческая раса продолжила свое существование».

Вообще говоря, Мао следовал марксистским канонам. В Москве тоже ведь шли споры на сей счет. За несколько лет до этого разговора, 12 марта 1954 года, выступая перед избирателями накануне выборов в Верховный совет, глава правительства Георгий Маленков сказал, что новая мировая война «при современных средствах ее ведения означает гибель цивилизации». То есть отказался от представлений о неизбежности войны и о том, что она поможет уничтожению мирового империализма.

Но товарищей по партии возмутили его слова. Заявление Маленкова о возможности гибели мировой цивилизации в случае третьей мировой войны стало желанным поводом для Хрущева избавиться от соперника. Никита Сергеевич обвинил главу правительства в отказе от основных принципов советской политики: «Своим неправильным утверждением о гибели цивилизации товарищ Маленков запутал некоторых товарищей... Теоретически неправильное и политически вредное положение способно породить настроения безнадежности усилий народов сорвать планы агрессоров».

Хрущева поддержали военные, уверенные в том, что и в ядерной войне можно победить. На Маленкова обрушился и Молотов: «Не о „гибели мировой цивилизации“ и не о „гибели человеческого рода“ должен говорить коммунист, а о том, чтобы подготовить и мобилизовать все силы для уничтожения буржуазии... Разве можем мы настраивать так народы, что в случае войны все должны погибнуть? Тогда зачем же нам строить социализм, зачем беспокоиться о завтрашнем дне? Уж лучше сейчас запастись всем гробами...»

Мысль о том, что ядерная война станет катастрофой, отвергли как ошибочную. Маленкову, снятому с должности главы правительства, пришлось опровергать самого себя. При первом удобном случае он заявил, что нападение на Советский Союз

закончится тем, что «агрессор будет подавлен тем же оружием и подобная авантюра неизбежно приведет к развалу капиталистической общественной системы».

Хрущев говорил об использовании ядерного оружия как о чем-то вполне реальном. Зять Первого секретаря ЦК главный редактор «Известий» Алексей Иванович Аджубей вспоминал, как Хрущев принимал редакторов западногерманских газет. Один из них спросил: сколько ракет нужно для полного уничтожения ФРГ? Хрущев позвонил в генштаб. Выслушал ответ, положил трубку и сказал: «Всего семь штук».

Однажды Хрущев принял британского министра по вопросам науки и техники лорда Хэйлшема. В записи беседы говорится: «Никита Сергеевич спрашивает Хэйлшема, где он живет, и говорит, что даст указание командующему ракетными войсками в случае войны не посылать в этот район ракету с боевым зарядом. Хэйлшем говорит, что если начнется новая война, то он предпочитает умереть. Никита Сергеевич соглашается с министром: выжить ему не удастся...»

Так что Мао просто откровенно формулировал то, что было основой и советской военной доктрины: в ядерной войне можно и нужно победить.

Мао был невероятно амбициозен и руководствовался интересами не мировой революции, а собственными. Он хотел превратить Китай в военную супердержаву. Но едва ли хотел, чтобы война лишила его собственной страны, которой он управлял. Мао, надо понимать, исходил из того, что ядерная война разразится между Советским Союзом и Соединенными Штатами.

«И в такой ситуации, — полагает профессор, доктор исторических наук Евгений Бажанов, — Мао исходил из того, что Китай может остаться в стороне — не так уж много бомб у СССР и США, чтобы на Китай бросать. Они между собой подерутся, а он будет сидеть на горе и наблюдать. Поэтому он и говорил Хрущеву: не бойтесь, вы их заманите, а там и мы подключимся».

Тогда еще Хрущев и Мао беседовали вполне дружески. Китайский лидер крайне удивился, когда советские товарищи сами предложили убрать из всех документов положение о том, что КПСС — ведущая сила мирового коммунистического движе-

ния. «Если вы не хотите быть лидером, — сказал Мао, — то мы возьмем на себя эту роль».

Он пришел к выводу, что новые советские руководители слабоваты. А в Москве всячески старались сделать Мао приятное. Знали, как он ненавидит оставшегося в Москве своего прежнего соперника в борьбе за лидерство в партии Ван Мина, и решили дистанцироваться от него. 27 февраля 1958 года на заседании президиума ЦК КПСС постановили «пригласить китайского посла т. Лю Сяо и рассказать о состоянии здоровья Ван Мина, сказать, что он не разоружился и не дорожит отношениями...»

Так что же разрушило дружеские и союзнические отношения Москвы и Пекина?

Принято считать, что виной тому необузданный характер Хрущева, который с каждым годом со все бóльшим удовольствием занимался международными делами.

Никита Сергеевич действительно был человеком фантастической энергии, огромных и нереализованных возможностей. Живой человек с чувствами, эмоциями и взрывным темпераментом, он оказался талантливым политиком. И проницательные партнеры быстро определили, что Хрущев вовсе не таков, каким он хочет казаться: большая ошибка считать его человеком, который способен начать войну в припадке гнева; когда обсуждаются серьезные вопросы, он трезв, холоден и невозмутим.

Экономист Станислав Меньшиков внимательно наблюдал за Хрущевым во время поездки Первого секретаря ЦК КПСС весной 1960 года в Индонезию: «Следя за его поведением в эти напряженные часы и минуты, я, надо сказать, проникся к нему искренним уважением, настолько умело, кратко и немногословно он реагировал на возникавшие ситуации. Это был совсем не тот Никита, которого мы привыкли видеть по телевидению, с его не всегда грамотной, полной аффектации речью, грубоватой игрой на публику. Передо мной был сдержанный, опытный, даже мудрый политик. Почему он старался казаться другим, играть роль, от которой временами сильно проигрывал?»

Так что не эмоции Хрущева погубили казавшееся монолитным единство с Пекином — хотя более осторожный, дипломатичный и гибкий человек на его месте сумел бы удержаться от крайностей. Но причины разрыва носили более глубинный характер.

25 февраля 1956 года, в последний день когда XX съезд КПСС фактически закончил работу и уже был избран новый состав ЦК, на закрытом заседании Хрущев произнес свою знаменитую речь о сталинских преступлениях.

Почему секретный доклад был прочитан после формального завершения работы съезда? Считалось, что Хрущев решился выступить только в последний момент, никого не поставив в известность. Это не так. Доклад долго готовился, обсуждался на президиуме ЦК. Маршал Ворошилов удрученно заметил, что после такого доклада никого из них не выберут в ЦК, делегаты проголосуют против. Поэтому о сталинских репрессиях и рассказали уже после выборов в руководящие органы партии.

Первоначальный проект доклада представили секретари ЦК Петр Николаевич Поспелов и Аверкий Борисович Аристов. В этом сравнительно коротком тексте уже содержался весь перечень сталинских преступлений, от которых мороз шел по коже. Так что доклад на XX съезде не был ни импровизацией, ни случайностью. Хрущев вышел на трибуну с текстом, который дорабатывал до последней минуты. Сохранилась обильная правка, сделанная Михаилом Андреевичем Сусловым, который считался главным идеологом партии.

Во время выступления Никита Сергеевич отвлекался от написанного текста, импровизировал. Его речь не стенографировалась. Поэтому после съезда еще неделю шла работа над уже произнесенным докладом, он приглаживался, причесывался, «обогащался» цитатами из Маркса и Ленина.

Съезд поддержал Хрущева. Его речь, вызвавшая шок, завершилась под аплодисменты зала. Но делегаты были ошеломлены. Даже те, кто уже знакомился с саморазоблачительными документами госбезопасности, были потрясены. Председательствовавший на закрытом заседании Николай Булганин предложил прений не открывать. Он зачитал короткий, всего в одну фразу

проект постановления XX съезда, и добавил: «Имеется в виду, что доклад товарища Хрущева и принятое съездом постановление „О культе личности и его последствиях“ не публикуется в настоящее время, но эти материалы будут разосланы партийным организациям».

Через день, 27 февраля 1956 года, в ЦК КПСС составили список находившихся в Москве руководителей братских компартий, которых ознакомили с докладом Хрущева.

Китайскую делегацию на XX съезде возглавлял член политбюро и секретарь ЦК маршал Чжу Дэ.

«Будущий полководец в юности пристрастился к опиуму, но сумел избавиться от наркотической зависимости, — пишет доктор исторических наук Юрий Галенович (см. «Проблемы Дальнего Востока», 2006, № 6). — Учился в Германии. Считал, что как полководец ничем не уступает Чан Кайши. В компартию его привел Чжоу Эньлай. Солдаты гоминьдана, захватив жену Чжу Дэ, казнили ее, а голову выставили на площади на столбе. В конце двадцатых годов, когда Мао Цзэдун был не очень популярен в партии, его сместили с должности и всю власть передали Чжу Дэ. Мао этого не забыл и постепенно оттирал маршала от руководства».

Прочитав доклад о культе личности Сталина, Чжу Дэ хотел сразу же поддержать Хрущева. Но осторожный Дэн Сяопин, входивший в делегацию, настаивал на том, что сначала следует посоветоваться с Мао.

После съезда китайскую делегацию повезли на отдых в Грузию, но там, впервые после 1920-х, вспыхнули настоящие антиправительственные выступления. 7 марта 1956 года, в третью годовщину смерти вождя, грузинская молодежь в Тбилиси, Гори, Кутаиси, Сухуми и Батуми вышла на улицы, чтобы защитить имя национального героя. В столице Грузии возлагали венки к монументу Сталина, читали стихи в его честь.

«Сталинские времена, — писал в дневнике поэт Александр Твардовский, — были огромной компенсацией для национального самолюбия грузинских патриотов (или националистов?) за целые века исторической печали о минувшем давным-давно величии. Сразу после Сталина — настроения внезапной потери

некоего первенства среди народов, а дальше и чувство вины, и опасений, и затаенной боли. И молчанка...»

В тот день школьники и студенты не пошли на занятия, а несколькими колоннами — с венками, портретами усопшего вождя, флагами — прошли по улицам города. В Тбилиси в манифестациях приняли участие более шестидесяти тысяч человек, в основном студенты и школьники. Они требовали вывесить в городе флаги и портреты Сталина, опубликовать в республиканских газетах материалы о жизни и деятельности Сталина.

Член политбюро компартии Китая Чжу Дэ находился в гостинице «Интурист». Молодежь требовала встречи с ним. Китайского гостя срочно эвакуировали на государственную дачу в Крцаниси. Но вышедшая из повиновения молодежь, захватив в городе машины, добралась до дачи, которую охраняли два взвода солдат из полка МВД. Они не смогли остановить толпу, которая требовала встречи с Чжу Дэ. Ему пришлось выступить перед взбудораженной молодежью и отрядить китайских чиновников, которые вместе со вторым секретарем ЦК компартии Грузии Михаилом Порфирьевичем Георгадзе возложили венки к монументу Сталину.

Это не помогло. Манифестанты пытались захватить Дом связи — искали радиостудию, чтобы рассказать о происходящем в Тбилиси. Писали в Москву телеграмму с требованием не трогать Сталина. В город ввели войска, которым разрешили применять оружие. При разгоне демонстраций погиб двадцать один человек и больше шестидесяти получили ранения. Органы КГБ задержали почти четыреста манифестантов. Из них судили тридцать девять человек — тех, кто выступал на митингах и составлял обращения к правительству. Первоначально намеревались квалифицировать эти демонстрации как контрреволюционный заговор со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но потом сообразили, что это произведет самое неблагоприятное впечатление: какая же может быть контрреволюция в стране, где давно победил социализм? Да и в Грузии большой процесс вызвал бы возмущение и еще большее отчуждение от центральной власти.

А в Пекине Мао Цзэдун решительно возразил против разговора о преступлениях Сталина. Он говорил Хрущеву: «Критика

ошибок Сталина правильна. Мы не согласны только с отсутствием четкой границы критики. Мы считаем, что у Сталина из десяти пальцев было три гнилых. В его жизни главное — заслуги...»

Чем определялась позиция Мао? Во-первых, признание преступных деяний Сталина подрывало концепцию непогрешимости вождя. И это пугало Мао больше всего. Если Сталин был неправ и совершал преступления, значит, и другие вожди могут быть небезгрешны. А вот этого они никак не могли допустить. Народ должен пребывать в уверенности, что власть, люди у власти, хозяин страны всегда правы. Во-вторых, это вообще рождало сомнения в идеальности марксистских догм, во имя которых все делалось. Никаких сомнений и никакой критики допустить нельзя!

Мао Цзэдун чувствовал, что реабилитация жертв массового террора, честный разговор о трагическом прошлом неминуемо ведут к полному развалу системы. То, что произошло после знаменитого секретного доклада Хрущева на XX съезде, продемонстрировало слабость системы, которая держится только на вертикали власти, на страхе. Стоит вытащить из этой вертикали хотя бы один элемент — безоговорочное подчинение власти, дать людям свободу слова — и система начинает рушиться.

Никита Сергеевич выдернул слепое поклонение вождю из фундамента, на котором стояло советское государство, и система зашаталась. Вот почему власти всегда так важно, чтобы ее боялись, чтобы не звучали критические голоса, чтобы не было сомнений и дискуссий, а от подданных власть желает слышать только долгие и бурные аплодисменты, переходящие в овацию.

Мао выступал и против разрядки напряженности, улучшения отношений с Западом, считал, что противостояние с империалистическим миром сплачивает китайский народ. Он пребывал в уверенности, что рано или поздно социализм победит в соревновании с капитализмом. Члены советского политбюро воспринимали разрядку просто как хитрый шаг в противостоянии с Западом. А Мао не желал никакой маскировки и требовал проводить жесткую линию «революционной борьбы с империализмом».

Но главное было в другом. Мао не принимал хрущевской политики мирного сосуществования, потому что боялся: в случае

ядерного кризиса страх перед бомбой возобладает, и Москва ему на помощь не придет.

Мао Цзэдун вынужденно держался на вторых ролях, пока был жив Сталин, которого он боялся, и пока остро нуждался в советской помощи. Смерть Сталина избавила Мао от страха перед Москвой. Почувствовав себя увереннее, Мао вышел из-под опеки Москвы.

Император Китая не может быть не только чьим-то младшим братом, но даже союзником. С какой стати ему быть с кем-то на равных? Китай слишком велик. Так что столкновение единоличных правителей Москвы и Пекина было неизбежным.

В разговорах с Мао Никита Сергеевич — это чувствуется по записям бесед — часто ощущал себя не в своей тарелке. Чувствовал разницу в положении. Он в конце концов — всего лишь один из партийных работников, который со временем занял высшие позиции в партии и правительстве. А Мао — вождь революции, который сам вздыбил огромную страну...

Когда в Китае начались безумные экономические эксперименты, Хрущев не знал, как на них реагировать. Потом забеспокоился, потому что некоторые социалистические страны стали восхвалять и копировать опыт китайских товарищей, казавшийся Москве безумным.

Никита Сергеевич возмутился, когда один из руководителей Болгарии Вылко Червенков, съездив в Китай, высоко оценил политику «большого скачка». Стерпеть это от братской Софии, где обыкновенно клялись в вечной любви к старшему советскому брату, Хрущев не мог. Партийный аппарат получил задание сплотить все соцстраны против Китая. Удалось уговорить всех, кроме Албании.

Когда отношения с Китаем разладились, в Пекин отправилась албанская делегация. Это было еще до ссоры с Албанией. Но китайцы делегацию уже обрабатывали, вербовали в свои сторонники. На обратном пути, в Москве, к секретарю ЦК КПСС по социалистическим странам Юрию Владимировичу Андропову по-дружески зашла член политбюро Албанской партии труда Лири Белишова и рассказала, что китайцы вели с ними антисоветские разговоры.

В тот момент председатель Совета министров Албании Мехмет Шеху лежал в Москве в больнице. Андропов поехал к нему и поделился информацией, полученной от Белишовой. Это была ошибка. Юрий Владимирович плохо представлял настроения в руководстве страны. Мехмет Шеху встал с больничной койки и уехал на родину. Там вместе с главой партии Энвером Ходжей они начали охоту на тех, кто продолжал открыто придерживаться промосковской линии. Лири Белишову, которая была так откровенна с Андроповым, вывели из политбюро, исключили из партии и арестовали.

Хрущев не хотел рвать с Энвером Ходжей, потому что Албания занимала стратегически важное положение на Средиземном море. Единственная из всех социалистических стран она получала не льготные кредиты, а все даром. Албанская армия просто состояла на содержании Советского Союза. Не только оружие, но и обмундирование и питание — все шло из советского бюджета. В обмен Ходжа разрешил разместить в албанских портах двенадцать подлодок, которые могли действовать в Средиземном море. Это была первая возможность для советских моряков противостоять американскому флоту в Средиземном море. Имелось в виду, что со временем подлодки перейдут в собственность Албании и на них появятся албанские экипажи.

В 1959 году Хрущев с делегацией ездил в Албанию. «Мы хотели, — вспоминал Никита Сергеевич, — помочь перестроить албанское хозяйство на современном уровне, сделать из Албании как бы жемчужину, которая притягивала бы к ней мусульманский мир, особенно Ближний Восток и Африку, притягивала бы к коммунизму. Вот, собственно, каковы были наши намерения и какую политику мы там проводили».

Ничего из этого не получилось. Уладить разногласия с Энвером Ходжей ему не удалось. «У него резкий характер, — вспоминал Никита Сергеевич, — и когда он говорит о том, что ему не нравится, у него лицо просто передергивается и он чуть ли не скрежещет зубами».

На совещании коммунистических и рабочих партий в Москве в ноябре 1960 года Энвер Ходжа произнес уже антисоветскую речь. Руководитель компартии Испании Долорес Ибаррури отве-

тила ему очень резко: «Это выступление напоминает мне пса, который кусает руку человека, кормящего его хлебом».

Постепенно от дружбы Советского Союза с Китаем ничего не осталось. С Хрущевым Мао держался наставительно, как старший, поучал его. А вскоре обвинил Никиту Сергеевича в ревизионизме и отзывался о Советском Союзе с нескрываемым презрением. Как говорил сам Мао, он «вернул горькие фрукты, которые его заставил проглотить Сталин».

«Наверное, здесь сказался комплекс причин, — считает Андрей Карнеев, — зависть к СССР, который запустил спутник, уверенность в том, что Китай, который может мобилизовать сотни миллионов, способен совершить прорыв из царства отсталости в царство земного изобилия».

Открыто Мао Цзэдун выступил против Советского Союза на сессии Генерального совета Всемирной федерации профсоюзов в Пекине в июне 1960 года. Хрущев приказал отозвать всех военных советников и прекратить помощь в создании промышленных объектов. Теперь Никита Сергеевич скорее был готов пойти на компромисс с Соединенными Штатами, чем с братским Китаем. Хрущев распорядился вызвать домой и всех советских студентов: над ними в Китае издевались, не давали нормально заниматься. Соответственно попросили вернуться на родину китайских студентов, которые распространяли в Советском Союзе маоистскую литературу. На конечной железнодорожной станции перед Монголией китайские студенты устроили демонстрацию. «Даже неприлично говорить о том, что они проделывали, — вспоминал Никита Сергеевич, — снимали штаны и гадили на перроне и в вокзале. Не знаю даже, как назвать такую демонстрацию. Это просто свинство!»

Бомба для председателя Мао

Для Мао Цзэдуна разрыв отношений стал сильнейшим ударом: Китай не успел получить все, что хотел. Мао пошел на попятный. Приехал в советское посольство на прием по случаю октябрьской годовщины, отправил особенно теплое поздравление Никите Сергеевичу Хрущеву с Новым годом.

В тот момент заканчивалось обучение китайских ядерщиков искусству создания атомного оружия, и уже была готова изготовленная специально для Китая модель ядерного взрывного устройства небольшой мощности. Министр среднего машиностроения доложил, что все готово к отправке. В последний момент на заседании Президиума ЦК решили не снабжать Китай ядерным оружием. В Пекине это сочли враждебным актом.

Жертвой противостояния двух держав стал сын Сталина, бывший генерал-лейтенант авиации, которого непонятно за что посадили после смерти вождя. 11 января 1960 года Василия Иосифовича Сталина досрочно освободили. Но через три месяца, 16 апреля, его вновь арестовали «за продолжение антисоветской деятельности». «Василий Сталин — предатель родины, его место в тюрьме», — констатировали советские руководители на заседании Президиума ЦК КПСС.

Имелось в виду, что он побывал в китайском посольстве, где сделал «клеветническое заявление антисоветского характера», как говорилось в документах КГБ. Василий Сталин просил посольство разрешить ему поехать в Китай для лечения и работы. Отпускать сына вождя в Пекин, отношения с которым портились на глазах, партийное руководство не собиралось.

14 апреля 1960 года председатель КГБ Александр Николаевич Шелепин и генеральный прокурор Роман Андреевич Руденко доложили в ЦК партии: «Несмотря на даваемые ЦК КПСС заверения, В. Сталин систематически пьянствует, проводит время в кругу лиц с низкими моральными качествами, пьяницами... допускает враждебные разговоры антисоветского порядка и возводит клевету на отдельных руководителей Коммунистической партии и Советского правительства... В. Сталин на днях посетил китайское посольство, где якобы, по его словам, оставил письмо на имя Мао Цзэдуна. Подробности разговора в посольстве и содержание этого письма нам неизвестны. По имеющимся у нас данным В. Сталин намерен пойти в китайское посольство и остаться там...»

15 апреля 1960 года на Президиуме ЦК обсуждали, что делать с Василием Сталиным. Ворошилов рассказал, как он принимал «этого дурачка». Все накинулись на Ворошилова, хотя ничего

дурного Климент Ефремович не сделал. «Василий Сталин — предатель родины, его место в тюрьме, а вы его приласкали, — отчитал маршала секретарь ЦК Фрол Романович Козлов. — После беседы с товарищем Хрущевым он никуда не побежал, а после разговора с вами побежал в китайское посольство». Фурцева укорила Ворошилова: «Василий Сталин дискредитирует вас и Президиум ЦК. Какой же он вам сын, если от вас он пошел в китайское посольство!.. Что касается Василия Сталина, надо его изолировать».

В решении Президиума ЦК записали: «Президиум ЦК считает неправильным поведение т. Ворошилова К. Е. в связи с приемом им В. Сталина. Зная об антиобщественном поведении последнего, т. Ворошилов проявил беспринципность к В. Сталину, не придал политического значения содержанию беседы с ним, вел ее невыдержанно». Сталина-младшего отправили назад в места лишения свободы.

В октябре 1961 года на съезде румынской компартии в Бухаресте китайская делегация стала критиковать Хрущева за десталинизацию. Никита Сергеевич попросил румын устроить закрытую встречу всех иностранных делегаций, прибывших на съезд. Между Хрущевым и китайцами возникла перепалка. В какой-то момент выведенный из себя Хрущев вспомнил о мумии Сталина, которая еще покоилась рядом с Лениным в мавзолее, и сказал: «Если он вам так нужен, забирайте!» Китайцы промолчали.

Канцлер ФРГ Конрад Аденауэр заметил приехавшему в Бонн французскому президенту Шарлю де Голлю: «Моя надежда основывается на том, что Россия будет вынуждена отвести вооруженные силы с Запада и выставить их против красного Китая. Мое убеждение таково, что проблема красного Китая может в один прекрасный день стать величайшей проблемой для всего человечества. Я считаю, что нужно использовать все способы, чтобы по возможности превратить Россию в плотину против Китая».

Хрущев почувствовал, что Мао ведет себя с ним, как старший, когда приехал в Пекин после встречи с американским президентом Дуайтом Эйзенхауэром в сентябре 1959 года.

И по просьбе Эйзенхауэра поднял вопрос об освобождении пяти американских «шпионов» из китайских тюрем (руководители государств, как правило, оказывают друг другу подобные мелкие любезности). Но Мао демонстративно возмутился тем, что Хрущев позволяет себе исполнять поручения американского президента. Афронт был крайне неприятен для Никиты Сергеевича.

Хрущеву приходилось доказывать всему миру и прежде всего социалистическим странам, что Советский Союз, а не Китай, лидер соцлагеря и что Советский Союз способен защитить всех союзников и о них позаботиться. Эта мысль позже повлияет на его решение отправить ракеты с ядерными боеголовками на Кубу.

Китайский фактор сыграл роковую роль и в срыве совещания на высшем уровне в Париже.

1 мая 1960 года советские ракетчики сбили американский самолет-разведчик У-2. Хрущев расставил американцам ловушку, в которую они угодили. 5 мая он сообщил, что сбит американский самолет, но ни словом не обмолвился о судьбе пилота, которого взяли живым. Когда американцы заявили, что это был гражданский самолет, который вел метеорологические исследования и сбился с курса, 7 мая Хрущев сообщил, что пилот жив, а 11 мая добавил, что летчик будет отдан под суд.

Хрущев и Эйзенхауэр должны были увидеться в Париже на встрече лидеров четырех великих держав. На эту встречу возлагались большие надежды. 14 мая Хрущев вылетел в Париж. Он считал, что разведывательные полеты — унижение его страны. Если Первый секретарь ЦК КПСС не займет жесткую позицию, ястребы внутри страны вцепятся в него. На Хрущева давила жесткая позиция Китая. Он предпочел торпедировать четырехсторонние переговоры, которых так желал, но не хотел показаться слабым и уступчивым.

Хрущев требовал от американского президента извинений, хотя главы государств никогда не принимают на себя ответственность за своих шпионов — именно для того, чтобы нормальные межгосударственные отношения могли продолжаться. Эйзенхауэр же продолжал отстаивать свою правоту: закрытость советской системы делает необходимыми разведывательные полеты. Это еще больше разозлило Хрущева.

Президент Франции Шарль де Голль очень рассчитывал на успех совещания в верхах — надеялся, что оно поможет снизить напряженность между Востоком и Западом. Как хозяин де Голль уговаривал Хрущева успокоиться, говорил, что есть смысл умерить свои претензии к американцам: «Ну, видите, все меняется, вот ваш спутник летает над землей, пролетает над территорией Франции — мы же не обижаемся на вас за это».

Но уговоры были бесполезны. Едва все собрались, Хрущев заявил, что, если президент Соединенных Штатов отказывается принести извинения, то Советский Союз не станет участвовать в переговорах. Встреча закончилась, не начавшись. Премьер-министр Британии Макмиллан считал сбитый самолет У-2 несчастьем, а срыв встречи в верхах в Париже — «самым трагическим моментом в моей жизни».

В Москве с раздражением следили за сближением Китая и ГДР.

Пекин и Восточный Берлин сошлись на почве неприятия курса XX съезда, критики Сталина и концепции мирного сосуществования. Первый секретарь ЦК СЕПГ Вальтер Ульбрихт и Мао Цзэдун опасались, что Хрущев проявит мягкость, уступчивость Западу и не поддержит их усилия в борьбе за возвращение территорий, которые они считали своими, — Западного Берлина и Тайваня. У них были общие проблемы. Граждане ГДР бежали в Западный Берлин (пока в августе 1961 года не появилась стена), китайцы — в Гонконг, находившийся под британским управлением. Китай поставлял ГДР продовольствие.

Вальтеру Ульбрихту даже не надо было заходить слишком далеко в отношениях с Китаем, потому что китайская проблема и так не отпускала Хрущева. С каждым днем это становилось заметнее.

Ульбрихт пожелал получить свою часть выгоды от советско-китайского конфликта и в январе 1961 года послал в Пекин делегацию во главе с членом политбюро Германом Матерном. Делегация сделала остановку в Москве. Удивленным советским друзьям восточные немцы сказали, что тема переговоров — экономика. В действительности в Пекине говорили о том, как похожи проблемы Тайваня и Западного Берлина.

Китайский премьер Чжоу Эньлай в июне 1961 года сказал восточногерманскому послу: «Социалистический лагерь ведет борьбу на два фронта — один на Востоке, другой на Западе. Стратегический фронт — западный. Мы понимаем, какой тяжелый груз лежит на ГДР. Германия — это главная проблема. Мы поддерживаем вашу борьбу».

Хрущеву приходилось доказывать, что он более надежный партнер, чем Мао.

Запад поздно понял, что ситуация в социалистическом блоке меняется: дружба Москвы и Пекина оказалась недолговечной. Китай был недоволен слишком малыми объемами советской помощи, встревожен желанием Хрущева добиться разрядки напряженности. Мао желал полной экономической самостоятельности, чтобы обходиться без помощи иностранных государств. При этом легко балансировал на грани войны и мира, пытаясь втравить в военные действия и Советский Союз. Из всех великих держав Китай был самым слабым и уязвимым. Пекин умело эксплуатировал взаимный страх США и СССР.

На Женевской конференции 1954 года, где обсуждался вопрос о мирном урегулировании во Вьетнаме, государственный секретарь США Джон Фостер Даллес демонстративно отказался пожать руку главе китайского правительства Чжоу Эньлаю. Но КНР и США все-таки договорились, поскольку дипломатических отношений между ними не было, поддерживать контакты на территории третьих государств. За пятнадцать лет — с 1955 по 1971 год — американские и китайские дипломаты провели 136 встреч, в основном в Варшаве (с 1958 года).

Мао не устраивало такое невнимание.

После окончания Корейской войны артиллерия народно-освободительной армии Китая стала обстреливать прибрежные острова, занятые тайваньскими войсками. Острова не были нужны Мао. Но он устроил маленькую войну, держа весь мир в напряжении. При этом отдал приказ своим войскам ни в коем случае не стрелять в американцев.

15 марта 1955 года Джон Фостер Даллес объявил, что Соединенные Штаты готовы применить тактическое ядерное оружие в случае нападения коммунистических войск на Тайвань.

На следующий день президент Дуайт Эйзенхауэр подтвердил слова своего госсекретаря. В Пекине все поняли. 23 апреля 1955 года Чжоу Эньлай на конференции в Бандунге заявил: «Китайский народ не намерен воевать с Соединенными Штатами. Китайское правительство желает сесть за стол переговоров с американским правительством, чтобы обсудить вопрос об ослаблении напряженности на Дальнем Востоке и особенно в районе Тайваня». На следующей неделе Китай прекратил обстрел островов.

Но в 1958 году Мао Цзэдун вновь устроил войну из-за архипелагов Цзиньмыньдао и Мацзу. 23 августа вечером начался артиллерийский обстрел островов. Затем последовали авиационные налеты и атаки торпедных катеров. Китайским войскам было приказано избежать жертв среди американцев и не отвечать на огонь американских кораблей.

Конечно, эти демонстративно громкие акции носили внутриполитический характер. Мао подвергался критике за авантюризм в экономических решениях со стороны более прагматичных руководителей. Ему нужно было мобилизовать Китай в свою поддержку.

Президент Эйзенхауэр сравнил бомбардировку островов с гитлеровской оккупацией Рейнской области, с захватом Муссолини Эфиопии, с нападением Японии на Маньчжурию в 1930-х годах.

Государственный секретарь США Джон Фостер Даллес знал, как иметь дело с Мао. 4 сентября он заявил, что США защитят и Тайвань, и прибрежные острова. 7-й американский флот перебросил на острова тайваньские подкрепления, доставил артиллерию. Запахло войной. 5 сентября Чжоу Эньлай заявил, что Пекин желает возобновить переговоры с США.

В Пекин отправился министр иностранных дел Андрей Громыко. «Международная напряженность более выгодна нашим странам и менее выгодна империалистам, — сказал Мао Цзэдун советскому министру. — Наша цель — скорее смести империализм. В этом смысле я — милитарист. США могут пойти на авантюру, на развязывание войны против КНР. Но капитулировать мы не намерены. Если США нападут на Китай и приме-

нят даже ядерное оружие, китайская армия отступит в глубь страны, чтобы заманить противника в ловушку». Мао объяснил, что делать Москве: «Советский Союз не должен давать на начальной стадии войны военный отпор американцам основными своими силами. Лишь затем, когда американские армии окажутся в центральной части Китая, СССР должен их накрыть всеми своими средствами». И мило осведомился у Андрея Андреевича Громыко: «Когда война закончится, где мы построим столицу социалистического мира?»

Из его слов следовало, что в грядущей войне Москва неминуемо сгорит в ядерном пламени. Громыко испугался. Но остановить попытались не Китай, а Соединенные Штаты. 7 сентября 1958 года правительство СССР предупредило американского президента: нападение на КНР будет рассматриваться как нападение на Советский Союз, и в случае применения агрессором ядерного оружия он «немедленно получит должный ответ теми же средствами».

Мао Цзэдун тут же написал в Москву: «Я от имени всех товарищей — членов Коммунистической партии Китая — выражаю вам сердечную благодарность... Мы глубоко тронуты вашей безграничной верностью принципам».

На встрече в Пекине 2 октября 1959 года Хрущев мягко выговаривал китайцам: «Если уж вы стреляете, то следует брать эти острова. А если вы не считаете необходимым брать острова, то нечего и стрелять. Я не понимаю такой вашей политики. Честно говоря, я думал, что вы возьмете острова, и был огорчен, когда узнал, что вы их не взяли. Это, конечно, ваше дело, но я говорю об этом как союзник... Обстреливать острова, чтобы дразнить кошек, не стоит».

Мао Цзэдун не счел необходимым предупредить Москву о намеченной военной операции. Но при этом требовал солидарности от советского руководства, которое, как он считал, должно было автоматически приходить ему на помощь.

Хрущев оказался в тяжелейшем положении. Он разрывался между нежеланием развязать ядерную войну и страхом потерять важнейшего союзника. Хрущев оказался актером, играющим роль в пьесе, написанной другими авторами.

Известный американский историк и политолог Ричард Пайпс писал:

«Хрущев предпринял крупную дезинформационную акцию с целью убедить Соединенные Штаты, что в его распоряжении имеется большее количество ядерных боеприпасов, а также более совершенные средства доставки, чем было на самом деле. Эта дезинформация принесла Советскому Союзу больше вреда, чем пользы, поскольку ее организаторы не учли всех политических последствий.

Во-первых, она подтолкнула Соединенные Штаты к расширению своего арсенала ракетного оружия.

Во-вторых, она привела в замешательство и рассердила китайское правительство, которое явно не было посвящено в секрет этой операции и приняло советское хвастовство за чистую монету, истолковав этот „факт“ как нежелание России использовать якобы имеющееся превосходство над Соединенными Штатами, как трусость или как тайный сговор с американцами либо как то и другое, вместе взятое».

Хрущев пытался произвести впечатление на Мао, но не владел тем языком, который Мао воспринимал всерьез. Никита Сергеевич предложил Мао отправить китайских рабочих в Сибирь. Мао его отчитал: это во времена колониализма Китай рассматривали как резерв дешевой рабочей силы, китайцы считают такие предложения обидными...

Мао нужна была советская поддержка для противостояния Соединенным Штатам. И одновременно он приложил немалые силы для организации движения неприсоединения, которое, собственно говоря, было направлено и против США, и против СССР.

28 июня 1958 года глава правительства КНР Чжоу Эньлай обратился к Хрущеву с просьбой помочь в строительстве ядерных подводных лодок. 21 июля советский посол в Пекине Павел Федорович Юдин передал Мао ответ: Москва предлагает общими усилиями создавать совместный советско-китайский подводный флот, который будет действовать с китайских баз.

Буквально на следующий день посла пригласили на заседание китайского политбюро и Мао устроил ему настоящий раз-

нос, обвинив СССР в попытке превратить страну в советскую колонию: «Вы никогда не доверяли китайцам! Для вас русские — люди первого класса, а китайцы — это низший сорт, дураки и неряхи... Если у вас есть несколько атомных бомб, то вы думаете, что можете контролировать нас... Мои замечания могут вам не понравиться. Вы можете обвинить меня в том, что я националист или новый Тито. Мой же контраргумент — ваш русский национализм простирается до китайского побережья».

Потрясенный реакцией китайского руководства Никита Хрущев тайно прилетел в Пекин объясняться.

— Я считал нужным, чтобы ваш приезд состоялся втайне, — сказал Мао, — дабы империалисты не могли воспользоваться вашим отсутствием и произвести внезапное нападение.

— Не думаю, чтобы они на это решились, — ответил Хрущев, — соотношение сил не в их пользу.

Сам диалог руководителей двух огромных государств свидетельствовал о крайне примитивном понимании внешнего мира.

Переговоры проходили в Запретном городе. Поскольку воцарилась страшная жара, Никита Сергеевич и Мао сидели у бассейна. Объяснение проходило на высоких тонах. Вроде бы обо всем договорились, но атмосфера переговоров была не очень приятной для советской делегации.

ЦРУ, разумеется, не знало, что Мао Цзэдун просил Хрущева дать ему ядерное оружие. Летом 1957 года в Москве решили ответить положительно. На следующий год в Китай отправилась небольшая группа советских ученых и инженеров из ядерного центра Арзамас-16. Они получили такое задание: «Китайские товарищи хотят сделать бомбу, и надо рассказать им, что такое ядерное оружие».

Они рассказали практически все о конструкции советской ядерной бомбы образца 1951 года. Китайцы спрашивали о более новых разработках, но ответа не получили. Никита Сергеевич предпочитал проявить осторожность.

Беседы в Пекине в 1958 году насторожили Хрущева. Советским ядерщикам сказали в нашем посольстве: «Хрущев уехал, и вы собирайте чемоданы». Мао счел это предательством. Так Хрущев превратился в личного врага.

В декабре 1963 года на пленуме ЦК в заключительном слове Хрущев прошелся насчет китайцев. Александр Трифонович Твардовский записал его слова: «Мне уже семидесятый, но я еще (некий петушиный жест)... (бурные аплодисменты, все даже встали — это в связи со словами о китайских расчетах). Они, китайцы, не против советской власти, не против даже партии нашей, даже ЦК, даже президиума в целом, а только против Хрущева. Они всякий раз, как объявляется наш очередной пленум, активизируются, всякий раз новая волна нападок на Хрущева. Словно надеются в информационном сообщении прочесть, что Хрущев, мол, выведен из состава пленума, снят...»

Не прошло и года, как надежды китайцев сбылись.

Мао Цзэдун мечтал превратить Китай в мощное военное государство, которое никогда больше не станет жертвой агрессии и будет играть ведущую роль в мировой политике. Мао верил в силу оружия. Еще 4 ноября 1938 года, выступая на VI пленуме ЦК компартии Китая, Мао произнес свой знаменитый афоризм: «Винтовка рождает власть». (Вообще-то это его соперник Чан Кайши, который прежде управлял Китаем, любил говорить: «Есть армия — есть власть», — так что Мао всего лишь переделал его формулу.)

Он стремился уравнять себя с великими державами психологически, сознавая слабость собственной военной машины. Доказывал, что не боится ядерного оружия, что смерть сотен миллионов китайцев не приведет к капитуляции страны, даже напротив, ускорит торжество коммунизма. На публике Мао демонстрировал презрение к ядерному оружию, повторяя, что «атомная бомба — бумажный тигр». «Американских атомных бомб, — пренебрежительно замечал он, — слишком мало, чтобы уничтожить всех китайцев». И при этом спешил обзавестись собственной бомбой.

Мало кто знал, что в те годы он чуть ли не каждое заседание высшего руководства страны открывал словами сожаления о том, что «у нас нет атомных бомб». Когда в провинции Гуанси нашли большие запасы урана, Мао пожелал увидеть образцы драгоценной руды. «Я разложил урановую руду на столе, — вспоминал министр геологии Лю Цзе, — и провел над ней счетчиком

Гейгера. Счетчик затрещал. Председатель Мао рассмеялся, как ребенок, и сам взял счетчик, провел над рудой, слушая его треск. Когда я уходил, Мао задержал мою руку в своей и сказал: „Ах, Лю Цзе! Я хочу, чтобы вы знали: вы сделали то, что решительно изменит нашу судьбу!“»

Созданием ядерной бомбы занимался специальный комитет под руководством главы правительства Чжоу Эньлая. Мао боялся превентивных мер со стороны Соединенных Штатов: а вдруг американцы попытаются силой остановить китайскую ядерную программу? Американцы следили за ходом работ с помощью самолетов-разведчиков У-2.

1 августа 1963 года президент Джон Кеннеди предупредил мир: сталинистский Китай, нацеленный на войну, с ядерным оружием представляет самую большую опасность для мира со времен Второй мировой войны. На совещании в Белом доме Кеннеди попросил своих генералов обсудить идею бомбардировки с воздуха китайских ядерных объектов. Летчики доложили, что это практически неисполнимо.

После убийства Кеннеди новый президент Соединенных Штатов Линдон Джонсон обсуждал со своими помощниками другую идею: сбросить тайваньских диверсантов над китайским ядерным полигоном Лоб-Нор, чтобы они там все взорвали. Этот полигон был изолирован от остальной страны. Рабочие и инженеры, участвовавшие в ядерном проекте, годами жили здесь в глиняных хижинах и палатках и не видели своих семей. Что такое отпуск, в Китае не знали. Но и идея Линдона Джонсона отпала.

Весной 1964 года подчиненные доложили Мао Цзэдуну, что осенью можно будет провести первое испытание. На всякий случай он хотел заручиться поддержкой Советского Союза. Он написал неожиданно теплое поздравление Хрущеву по случаю его семидесятилетия, призвав к солидарности: «В случае мирового кризиса мы встанем плечом к плечу против нашего общего врага... Пусть империалисты и реакционеры дрожат перед нашим союзом».

Вот тут американцы и оценили возможности разведывательных спутников. Директор ЦРУ Джон Маккоун объехал руководителей европейских государств, чтобы их предупредить: вскоре

Китай испытает ядерную бомбу. Он вспоминал: «Я рассказывал им, что Китай может взорвать свою бомбу в течение ближайших месяца-двух. Китайцы провели испытание через месяц. Европейцы смотрели на меня, как на пророка».

Первая бомба взорвалась 16 октября 1964 года на полигоне Лоб-Нор.

Первое ядерное испытание вызвало у китайцев невероятный восторг. Солдат без колебаний бросили прямо в эпицентр взрыва, чтобы доказать: китайская армия готова к войне с применением ядерного оружия. Испытание китайской ядерной бомбы сделало баланс сил еще менее предсказуемым. В Вашингтон прилетел премьер-министр Японии Эйсаку Сато. Его приняли президент Линдон Джонсон и министр обороны Роберт Макнамара. Сато умолял Соединенные Штаты в случае войны Японии с Китаем прийти на помощь и пустить в ход ядерное оружие.

Совершенно счастливый Мао сочинил короткое стихотворение:

Атомная бомба взрывается по приказу.
Какая безграничная радость!

По странному стечению обстоятельств, именно в эти дни в Москве убрали главного оппонента Мао — Никиту Хрущева. В Пекине это восприняли как двойной подарок...

«Я, видимо, скоро умру»

Новый руководитель страны Леонид Ильич Брежнев попытался использовать смещение Хрущева для сглаживания противоречий и нормализации отношений с Пекином (см. «Исторический архив», 2006, № 5).

Послом в Пекине был Степан Васильевич Червоненко. До войны он был директором средней школы на Украине, ушел на фронт и был тяжело ранен при форсировании Днепра. В 1949 году окончил в Москве Академию общественных наук при ЦК партии. В Киеве новоиспеченного кандидата наук принял хозяин Украины Никита Сергеевич Хрущев и предложил должность

заведующего отделом науки и вузов республиканского ЦК. Летом 1956 года Червоненко избрали секретарем ЦК компартии Украины, в октябре 1959 года отправили послом в Китай. Степан Васильевич попал в Пекин в трудные годы, когда стремительно ухудшались отношения с Китаем и к советским дипломатам стали относиться враждебно.

Через несколько дней после ухода Хрущева посол получил шифровку из Москвы: «Посетите т. Чжоу Эньлая и сообщите ему от имени ЦК КПСС и Советского правительства, что в Москве будут рады принять партийно-правительственную делегацию КНР на празднование 47-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Скажите, что в Москве согласны с тем, что поездка китайской делегации может послужить установлению контактов, обмену мнениями. Мы разделяем мнение ЦК КПК о том, что следует „делать шаг за шагом для улучшения советско-китайских отношений“... Исполнение телеграфьте».

Член постоянного комитета политбюро ЦК КПК Чжоу Эньлай возглавлял правительство Китая и фактически был в стране вторым человеком после Мао Цзэдуна. Чжоу Эньлай ответил советскому послу, что принимает приглашение на празднование Октябрьской революции, потому что «величайшее желание Мао» — улучшить отношения с Советским Союзом.

После снятия Хрущева и успешного атомного испытания в Пекине чувствовали себя увереннее, чем когда бы то ни было. Мао решил, что новые руководители в Москве помогут ему с ракетами. Бомба у него уже есть, но как ее доставить к цели?

Китайская делегация приехала. Но переговоры, продолжавшиеся четыре дня, оказались безуспешными. 14 ноября 1964 года Брежнев рассказал об этом на пленуме ЦК: «Ссылаясь на то, что генеральная линия КПСС остается неизменной, китайские товарищи отказались принять предложение о прекращении открытой полемики. Более того, они сказали, что если КПСС будет осуществлять курс XX съезда, следовать своей программе, то они не видят возможности для прекращения борьбы».

Кандидат в члены политбюро и секретарь ЦК коммунистической партии Китая Кан Шэн упрекнул Алексея Николаевича

Косыгина за то, что глава советского правительства на приеме в Кремле 7 ноября любезно беседовал с американским послом. «Я, — заявил Кан Шэн, — покраснел, когда товарищ Косыгин подошел к американскому послу с дружественным жестом. Перед лицом империалистов он показал, что Советское правительство имеет в этом вопросе две позиции».

Кан Шэн курировал спецслужбы и вошел в историю как «китайский Берия». А в искусстве изощренных пыток, которым придумывались красивые названия — «кресло наслаждений», «питье жаб», «обезьяна держится за веревку», «ангел играет на цитре», — возможно, и превзошел Лаврентия Павловича, не одаренного таким богатым воображением. «Кан Шэн, — пишут историки Юн Чжан и Джон Холлидей, — тощий усатый человечек в очках с золотой оправой, ценитель эротики, тем же взглядом ценителя наблюдал, как корчатся от боли, причиняемой пытками...» После смерти его исключат из партии и объявят контрреволюционером.

Твердолобый догматизм, который демонстрировали китайские руководители, претил даже советским аппаратчикам. Брежнев жаловался участникам пленума ЦК: «Кан Шэну было резонно сказано, что это всего лишь обычная дипломатическая практика, которой придерживается любой глава правительства, в том числе и сам товарищ Чжоу Эньлай. Этот эпизод наглядно показывает, как много нам предстоит поработать, чтобы добиться взаимопонимания с китайскими товарищами».

Советская делегация предложила провести встречу на высшем уровне. Чжоу Эньлай ответил, что еще предстоит создать подходящую атмосферу для такой встречи: «Если вы когда-либо сочтете, что условия для такой встречи уже созрели, вы могли бы внести какие-либо конкретные варианты — что и как обсуждать».

Атмосфера встречи была безнадежно испорчена настоящим скандалом.

На том же праздничном приеме в Кремле, 7 ноября, министр обороны маршал Родион Яковлевич Малиновский подошел к Чжоу Эньлаю. Маршал, возможно, несколько возбужденный

горячительными напитками, с солдатской прямотой сказал Чжоу:

— Мы не хотим, чтобы какой-то Мао или какой-то Хрущев мешали нашим отношениям.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — ответил Чжоу и ушел.

Малиновский повернулся к китайскому маршалу Хэ Луну:

— Мы от своего дурачка — Хрущева — избавились. Избавьтесь от своего — от Мао. После этого у нас вновь начнется дружба.

Чжоу Эньлай ночью отправил Мао телеграмму о происшедшем. Утром в резиденцию китайской делегации приехал Брежнев с членами Президиума ЦК извиняться за Малиновского. Но китайцы обратили внимание на то, что маршал не был наказан. Чжоу поклялся, что он больше никогда не приедет в Москву. И до смерти Мао вообще никто из руководителей Китая в СССР не приезжал. Только Дэн Сяопин сделал короткую остановку в Москве, когда в июле 1965 года ехал на партийный съезд в Румынии.

Для Брежнева это были первые важные переговоры международного характера. Он беседовал с китайцами искренне, хотел договориться. Но после окончания переговоров был настроен пессимистически: «Вполне возможно, что китайские товарищи смотрели на эти контакты как на своего рода „разведку боем“, с помощью которой они попытались прощупать нашу стойкость в защите принципиальной линии КПСС... Мы и впредь будем со всей решительностью отстаивать принципиальные позиции нашей партии. Отступать от них нельзя. Мы не можем встать на путь обострения международной напряженности и вооруженных авантюр. Мы не откажемся от линии на повышение благосостояния трудящихся и развитие социалистической демократии. Как бы ни дороги были нам согласие и дружба с КПК, такую цену за них платить нельзя...»

Тем не менее первое время Брежнев не терял надежды на какое-то сближение. Он отозвал из Пекина советского посла Червоненко, который занимал жесткую позицию в отношении китайского руководства (личных претензий не было, в порядке компенсации Степана Васильевича перевели в спокойную и комфортную Прагу).

В конце июня 1965 года в Москву приехала делегация компартии Индонезии, которая полностью стояла на позициях китайской компартии. С советской стороны переговоры вели Брежнев и секретари ЦК Михаил Андреевич Суслов и Борис Николаевич Пономарев. Брежнев, по словам заместителя заведующего Международным отделом ЦК Карена Нерсесовича Брутенца, предложил забыть о прошлом, примирительно сказал: «Я новый человек. Вы знаете, что я никогда ни с кем из вас не ругался».

Но в Пекине довольно быстро возобновили критику советского руководства, обвиняя его в перерождении и отказе от социалистических идеалов. Чжоу Эньлай доложил Мао Цзэдуну, что Брежнев производит впечатление слабого руководителя. Но Мао, подозрительный по природе, насторожился. Не зреет ли все-таки внутри Китая заговор против него самого, который поддерживает Москва?

Профессор Пекинского университета Ли Даньхуэй считает, что 1964 год был поворотным для Мао. Он решил повернуть вооруженные силы не только против США, но и против СССР. Летом шестьдесят четвертого Мао определил подготовку к войне как главную задачу.

Маршала Хэ Луна, с которым разговаривал Родион Малиновский, арестовали. В 1969 году он умер в тюрьме. Через четыре года, когда Мао нуждался в поддержке своих генералов (см. «Проблемы Дальнего Востока», 2006, № 6), на заседании военного совета ЦК он вдруг сказал: «Мне представляется, что в вопросе о товарище Хэ Луне была совершена ошибка. И я должен нести за нее ответственность... Я прислушивался только к одной стороне, к Линь Бяо, поэтому и совершил ошибку... Вот ведь как получилось: я несколько раз прислушивался только к одной стороне, тут действительно нехорошо получилось. Тут я перед товарищами выступаю с некоторой долей самокритики. Критикую себя...»

Заместитель министра обороны, побывавший в мае 1965 года в Советском Союзе в командировке, тоже был арестован. Его пытали, требуя, чтобы он рассказал, кто из китайских руководителей и военачальников связан с Москвой.

Министр иностранных дел Китая Чэнь И рассказал иностранным журналистам, что царская Россия оккупировала немалую часть китайской территории, а советские руководители не желают вести переговоры на эту тему. Это был прямой вызов.

В феврале 1964 года Мао сказал северокорейскому вождю Ким Ир Сену: когда Советский Союз исчерпает все средства давления на Китай, чтобы заставить его покориться, «останется еще такое средство, как война».

С тех пор Мао стал выспрашивать иностранных гостей: «Как вы считаете, способна Москва начать против нас войну?»

Осенью 1964 года группа офицеров генерального штаба Народно-освободительной армии Китая провела рекогносцировку в Северном, Северо-Восточном и Северо-Западном Китае: изучали возможные направления ударов советской армии. Больше всего тревожило монгольское направление. От Монголии до Пекина всего пятьсот километров. Чем остановить советские танки? В декабре 1964 года началась разработка грандиозного плана строительства противотанковых заграждений на Северо-Китайской равнине.

Теперь Мао полагал, что не Соединенные Штаты, а Советский Союз представляет главную опасность для Китая. Товарищи по руководству призывали Мао после провала «большого скачка» заняться исключительно экономическими делами, чтобы исправить все ошибки. Мао же думал: не пойдет ли в таком случае Китай по пути Советского Союза? Куда заведет этот путь — к западному капитализму? К советскому ревизионизму? Не захватят ли власть в Пекине политики, которые захотят союза с Москвой? Не попытаются ли эти карьеристы и интриганы свергнуть самого Мао, чтобы он не мешал?

Его очень беспокоил вопрос: не располагает ли Советской Союз действующей агентурой в Китае? Но его подозрения были беспочвенны.

Во время войны советская разведка имела двенадцать легальных резидентур на территории Китая, восемь из них — в Синьцзяне, богатом урановой рудой, золотом и нефтью. После прихода коммунистов к власти московские чекисты помогали

китайским товарищам в создании органов госбезопасности по советскому образцу.

Постановление политбюро ЦК ВКП(б) от 14 октября 1949 года:

«Вопрос МГБ СССР.

В связи с просьбой Мао Цзэдуна обязать Министерство государственной безопасности СССР (тов. Абакумова) направить в Народную Республику Китай для оказания помощи в работе органов государственной безопасности и их войск в качестве советников МГБ СССР тт. Иванова А. А. и Великанова П. С.»

30 мая 1947 года постановлением правительства был учрежден Комитет информации при Совете министров (Комитет № 4), который должен был вести и политическую, и военную, и научно-техническую разведку. В состав комитета включили Первое главное управление МГБ, Главное разведывательное управление Министерства вооруженных сил, а также разведывательные и информационные структуры ЦК партии, Министерства иностранных дел и Министерства внешней торговли.

Личный состав всех этих служб был сведен в единый аппарат, размещенный возле ВДНХ в зданиях, где когда-то работал Исполком Коминтерна. Впрочем, всем помещения не хватило, и нелегальную разведку пристроили в Лопухинском переулке.

Реорганизация стала результатом глубокого недовольства Сталина работой спецслужб. Годом раньше он сменил министра госбезопасности — вместо генерала армии Всеволода Николаевича Меркулова назначил генерал-полковника Виктора Семеновича Абакумова.

Но характерно, что Комитет информации при Совете министров возглавил не Абакумов, а министр иностранных дел Молотов, потом сменивший его на посту министра иностранных дел Андрей Януарьевич Вышинский. Вождь не хотел излишнего усиления Абакумова. Или не считал его способным руководить разведкой. Он вообще решил, что разведка напрямую должна служить дипломатии.

Сталин предполагал, что объединение создаст мощный разведывательный организм. Но Комитет информации тяготел

к политическим делам, и первыми стали жаловаться маршалы и генералы, что их отрезали от разведывательной информации.

Сталин пошел военным навстречу. Главное разведывательное управление вернули в Министерство вооруженных сил. Объяснение было простым: «В силу своего специфического характера разведывательная работа в военной области не может должным образом проводиться в структуре Комитета информации».

29 января 1949 года Комитет информации при Совете министров стал комитетом при Министерстве иностранных дел — «для более полного использования информационных возможностей Комитета информации в области политической разведки, а также подчинения политической разведки задачам внешней политики СССР и текущей работе Министерства иностранных дел». Андрея Вышинского на посту председателя комитета сменил заместитель министра иностранных дел Валериан Александрович Зорин. Он среди прочего должен был помочь китайским товарищам.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 4 ноября 1949 года:

«Вопрос Комитета информации.

1. Обязать Комитет информации (т. Зорина):

а) командировать в Народную Республику Китай к 25 ноября с. г. сроком на один год 3-х преподавателей-специалистов для обучения разведывательной службе слушателей школы по подготовке работников информации, организуемой китайским правительством;

б) подготовить в течение ноября с. г. и снабдить организуемую китайским правительством школу работников информации учебными пособиями по основам разведывательной службы, материалами, характеризующими подрывную деятельность разведок империалистических государств.

2. Обязать Министерство государственной безопасности (тов. Абакумова) командировать к 25 ноября с. г. сроком на два месяца в органы безопасности Народной Республики Китая 2-х специалистов МГБ СССР для обучения способам обнаружения тайнописи и негласного вскрытия корреспонденции.

Разрешить МГБ СССР после обучения передать китайским органам безопасности пять комплектов специальных кварцевых

ламп для обнаружения тайнописи и десять специальных аппаратов для негласного вскрытия корреспонденции».

Старшие советники появились в исполнение постановления Политбюро от 27 февраля 1949 года для «более тесной координации усилий МГБ СССР с органами безопасности стран народной демократии в обстановке „холодной войны“». Представители Комитета информации за границей, как и послы, утверждались на заседании Политбюро.

Впрочем, в науке разведки и контрразведки, а особенно политического сыска китайские коммунисты и сами весьма преуспели. А вот техническую помощь китайские товарищи принимали охотно.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 6 ноября 1950 года:

«Вопрос Китая.

Обязать Министерство государственной безопасности СССР (тов. Абакумова) направить в Китайскую Народную Республику для оказания помощи в работе органов государственной безопасности тт. Кулешова В. И. и Евдокимова А. И. — специалистов по выявлению вражеских подпольных радиостанций, с необходимым техническим оборудованием, т. Арефьева Д. А. — работника по пограничной службе и т. Фатьянова З. А. — по работе органов милиции».

Борьба с вражескими радиостанциями, радиоперехват, а также радиопеленгаторные установки и другая техника находились в ведении Министерства госбезопасности. Оно и получило указание всячески содействовать Пекину.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 октября 1951 года:

«Об американских и гоминьдановских агентурных радиостанциях, действующих на территории Китая.

1. Удовлетворить просьбу правительства Китайской Народной Республики о предоставлении китайским властям имеющихся в распоряжении МГБ СССР данных об американских и гоминьдановских радиостанциях, действующих на территории Китая.

2. Поручить МГБ СССР передать правительству Китайской Народной Республики через МИД СССР указанные в п. 1 данные об агентурных радиостанциях в Китае».

На посту министра госбезопасности Абакумова сменил партийный работник Семен Денисович Игнатьев. Вместе с министром вооруженных сил маршалом Александром Михайловичем Василевским и министром внешней торговли Михаилом Алексеевичем Меньшиковым он подготовил партию спецтехники для китайских друзей.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 октября 1951 года:

«О поставках радиоаппаратуры и оборудования в Китай для Министерства общественной безопасности.

Принять предложение тт. Василевского, Игнатьева и Меньшикова о поставке радиоаппаратуры и оборудования в Китай для Министерства общественной безопасности и утвердить представленный проект постановления Совета министров СССР по этому вопросу».

В октябре 1951 года Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило «Наставление для советников МГБ СССР при органах государственной безопасности в странах народной демократии». Советникам разрешалось давать «практические советы только в устной форме». Им запрещалось вмешиваться в решение кадровых вопросов, самим работать с агентурой, допрашивать арестованных и участвовать в оперативной разработке высших руководителей страны, в которой они работали.

Но это относилось к работе советских чекистов в восточноевропейских странах. В Пекине они с самого начала существовали в определенных и строго очерченных рамках.

В Китае резидентура советской разведки не только прекратила самостоятельную работу внутри страны, но и передала китайским друзьям всю свою агентуру, пишет бывший начальник нелегальной разведки КГБ генерал-майор Юрий Иванович Дроздов. Разведчики считают это непоправимой ошибкой, поскольку отношения между двумя странами быстро ухудшились, а потом и вовсе стали враждебными.

Так что советской агентуры внутри страны Мао мог не бояться. Впрочем, это не мешало ему периодически уничтожать ненужных ему людей как «советских шпионов».

Вот характерная история (одна из многих!).

Ли Лисань был одним из руководителей КПК в конце 1920-х годов. Он считал, что в Китае революционная ситуация и революцию надо торопить. В конце 1930 года его попросили приехать в СССР. В 1936 году он женился на русской женщине — Елизавете Павловне Кишкиной. В Китае она преподавала, взяв китайское имя Ли Ша. В 1938 году чекисты посадили Ли Лисаня, обвинив в троцкизме и шпионаже в пользу Японии...

Это было дело рук Кан Шэна, который стал в 1930 году заведующим орготделом ЦК, а в 1934-м — членом политбюро. Несколько лет Кан Шэн жил в Москве, был заместителем Ван Мина, руководившего делегацией КПК в Коминтерне.

Кан Шэн, тесно связанный с НКВД, помогал проводить чистку китайцев, оказавшихся в Советском Союзе. Он назвал имя Ли Лисаня, и того посадили (см. «Проблемы Дальнего Востока», 1991, № 3). Ли повезло. Он отсидел чуть меньше двух лет, и его освободили по просьбе Чжоу Эньлая, который приехал в Москву лечиться.

В 1946 году Ли Лисаню разрешили уехать в Китай. В Китайской Народной Республике он стал членом ЦК и министром труда. В сентябре 1959 года шеф госбезопасности Кан Шэн вызвал Ли Лисаня и посоветовал его жене выйти из советского гражданства. Она отказалась: «Советский Союз — моя родина, а родина бывает только одна».

В 1962 году образовали комиссию, которая выясняла, зачем жена Ли Лисаня ходит в советское посольство. Муж объяснил: исключительно по делу — продлить паспорт или оформить поездку в СССР, чтобы повидать родных. 14 октября 1962 года он написал главе правительства Чжоу Эньлаю: «Ли Ша живет со мной двадцать шесть лет, неизменно разделяя мои политические взгляды и не допуская ничего дурного в своем поведении. Она в Китае уже шестнадцать лет, горячо любит нашу партию и дело нашего народа».

Он сказал дочери: «Мне предлагают развестись с мамой, но я этого сделать не могу. Мы пережили вместе самые трудные годы. Она не отказалась от меня, когда я сидел в тюрьме, — как же я могу бросить ее сейчас! А потом ведь это меня не спасет — наоборот, если я с ней разведусь, то тем самым подтвержу все обвинения в ее адрес».

Его дочь Инна Ли, ныне профессор Пекинского университета иностранных языков, сама рассказала эту печальную историю (см. «Проблемы Дальнего Востока, 1999, № 6).

От советского гражданства все равно пришлось оказаться. Елизавета Павловна подала прошение о вступлении в гражданство КНР. В 1964 году прошение удовлетворили. Но семью это не спасло. В июне 1966 года секретаря Северного бюро ЦК КПК Ли Лисаня сняли с работы. Это было лишь начало. Ли Лисань фигурирует в учебниках истории как виновник многих неудач компартии Китая. Его не любили и в Москве, потому что он считал Внешнюю Монголию частью Китая.

23 мая 1967 года член Центральной руководящей группы по делам культурной революции объяснял цзяофаням, что главный объект борьбы в Северном бюро — это Ли Лисань, потому что он «не дохлый, а живой тигр, его жена — советская шпионка, а сам он поддерживает отношения с заграницей».

Хунвэйбины вселились в их дом, и он прошел через все муки ада культурной революции.

«Отцу на шею, — вспоминает Инна Ли, — вешали доску с надписью „антипартийный элемент“, заставляли часами стоять на ногах, склоняться в три погибели, принимать позу „реактивного самолета“ перед лицом изрыгающей проклятья толпы».

Потом Ли Лисаня отвезли в тайную тюрьму. 22 июня 1967 года родным сообщили, что он покончил с собой, приняв большую дозу снотворного. Его жену тоже посадили. Ей занималась комиссия третьей канцелярии ЦК КПК, которая ведала делами «шпионов и предателей». Обвинение: «Ли Лисань — резидент советской разведки. Много лет по ее заданию вел подрывную и вредительскую работу, а жена ему помогала».

Елизавета Павловна ничего не признала, потому что по опыту отца, прошедшего советскую тюрьму, знала, что надо держаться до последнего. В августе 1975 года следственная комиссия третьей канцелярии утвердила обвинительное заключение, признав супругов советскими шпионами. Ее отправили в ссылку. Ли Лисаня посмертно исключили из партии. Дочерей арестовали...

Насколько точно в Москве понимали идущие в Китае процессы? Китаистов хватало. И поток разведывательной инфор-

мации был огромным. Недостатком было нежелание резидентуры сообщать то, что могло вызвать недовольство центра. Поэтому, когда речь шла о политических делах, картина происходящего искажалась. Резидент ориентировался на настроения начальства. Офицеры, добывающие информацию, учитывали пожелания резидента.

Да и руководство страны фактически не стремилось получить всеобъемлющую информацию. Полковник Юрий Иванович Модин, который после войны в общей сложности проработал около десяти лет в лондонской резидентуре советской внешней разведки, писал: «Во всех странах секретные службы стараются добыть как можно больше информации по самым разным вопросам, затем она оценивается и распределяется между различными правительственными организациями. Наши методы работы были совершенно иными. Мы всегда получали приказ свыше добывать только определенную информацию».

Концентрация усилий разведывательного аппарата на каких-то направлениях, конечно, помогала добиться конкретного результата. Но лишала политическое руководство возможности понимать, что в реальности происходит в Китае. Не разведывательная информация была исходным материалом для анализа политических процессов, а собственные представления советских руководителей о китайских делах. От разведки же требовалось подтвердить правоту их выводов.

Разведка еженедельно составляла доклад о положении в мире, но руководство ведомства госбезопасности старательно причесывало текст, чтобы не раздражать начальство. Когда Дэн Сяопин начал свои реформы, советским разведчикам иногда даже поступали такого рода указания: проанализируйте состояние экономики Китая, но, смотрите, не увлекайтесь и не расписывайте успехи китайцев...

А в середине 1960-х Алексей Николаевич Косыгин требовал от Брежнева как можно скорее помириться с Китаем, предлагал совершить визит в Пекин. Леонид Ильич чувствовал, что дело безнадежное, ехать не хотел, отвечал недовольно: «Если считаешь это до зарезу нужным, поезжай сам».

В феврале 1965 года глава советского правительства отправился в Северный Вьетнам, чтобы сообщить вьетнамцам, что они получат массированную военную помощь для противостояния американцам.

На обратном пути из Ханоя он сделал остановку в Китае и 11 февраля встретился с Мао Цзэдуном. После разговора сообщил Политбюро, что Китай откроет свое воздушное пространство для прямых доставок советской боевой техники во Вьетнам. Алексей Николаевич не понял китайского вождя. Мао не разрешил советским военным самолетам летать через китайское воздушное пространство.

Мао вообще пытался заставить вьетнамцев отказаться от советской помощи. Чжоу Эньлай сказал премьер-министру Северного Вьетнама Фам Ван Донгу: «Вам лучше не принимать советскую помощь. Я не поддерживаю идею приезда советских добровольцев и советской помощи Вьетнаму».

Во Вьетнаме находилось больше трехсот тысяч китайских солдат и офицеров. Чжоу Эньлай говорил египетскому президенту Гамалю Абдель Насеру: «Чем больше войск Соединенные Штаты пошлют во Вьетнам, тем счастливее мы себя будем чувствовать, ибо их плоть окажется доступной нашим когтям, и мы сможем пить их кровь. Они станут нашими заложниками...»

Столь же безуспешно Косыгин пытался уговорить Мао снизить накал полемики между двумя странами и даже пригласил его в Москву. Мао отказался: «Я стар, даже не всегда принимаю участие в заседаниях политбюро и, видимо, скоро умру...»

Мао Цзэдун просто уклонился от разговора. Он не спешил не только в мир иной, но и на покой. Он уже решил, что необходима политическая революция внутри страны, чтобы помешать Китаю пойти по советскому пути. Мао вышел из тени и начал печально знаменитую культурную революцию, которая дорого обойдется китайскому народу.

17 июня 1967 года в Китае взорвали первую водородную бомбу. Мао уже видел себя будущим хозяином мира: «Америка и Советский Союз, — говорил он, — имеют слишком маленькое население, им не хватит человеческих ресурсов для выполнения

такой задачи. Кроме того, они боятся ядерной войны: их не волнует гибель населения в других странах, но им трудно примириться с потерей собственных граждан».

Хунвэйбины и цзаофани

«Советский Союз захватил слишком много земель», — заявил в 1964 году председатель ЦК коммунистической партии Китая Мао Цзэдун. Слова Мао прозвучали как прямое обвинение. У Китая есть территориальные претензии к Советскому Союзу. И сразу возник вопрос: не намерен ли Мао силой решить этот спор?

В июле 1964 года Мао Цзэдун принимал представителей социалистической партии Японии. Гости из Токио поинтересовались у Мао, что он думает относительно давнего конфликта между Японией и Советским Союзом из-за Курильских островов. Он ответил неожиданно резко: «На Ялтинской конференции Монголии номинально предоставили независимость, номинально отрезали ее от Китая. Фактически же она находится под контролем Советского Союза. Мы в свое время ставили вопрос о том, нельзя ли возвратить Монголию Китаю. Они нам отказали. Они отрезали от Румынии кусок, называемый Бессарабией, отрезали от Германии кусок Восточной Германии. Они еще отрезали кусок и от Финляндии. Они отрезали все, что можно было отрезать. Более ста лет назад они отхватили земли к востоку от Байкала, включая и Хабаровск, и Владивосток, и полуостров Камчатка. Этот счет не погашен, мы еще не рассчитались с ними по этому счету».

Вернувшись домой, японцы опубликовали текст беседы с Мао. Вспыхнул скандал. Отношения между Советским Союзом и Китаем уже были испорчены. Но до этого дня спор двух компартий носил большей частью теоретический характер: кто бóльшие марксисты? Мао же превратил идеологический спор в межгосударственный. Слова насчет того, что «мы еще не рассчитались», в Советском Союзе восприняли как прямую военную угрозу.

15 сентября 1964 года первый секретарь ЦК КПСС и председатель Совета министров Никита Сергеевич Хрущев тоже при-

нимал японскую делегацию. Хрущев дал публичный ответ Мао. В его голосе звучал металл: «Конечно же, если нам войну навяжут, мы будем сражаться всеми своими силами и всеми средствами. А средствами войны мы располагаем достаточно мощными, я бы сказал неограниченными. И если агрессоры развяжут войну, то они в ней погибнут. Я вынужден был вчерашний день потратить на осмотр новых видов оружия. Мне пришлось этим заниматься, потому что пока в мире есть еще волки, надо обязательно иметь средства для того, чтобы защищаться от этих волков...»

Что означали слова Мао Цзэдуна, сказанные японцам, о том, что Советский Союз «захватил слишком много земель»? В Пекине с февраля 1964 года шли территориальные переговоры. Китайцы предложили упорядочить линию границы и заключить новый договор. Москва согласилась. Дипломаты работали вполне успешно. Но Мао, похоже, хотел подтолкнуть переговоры.

Сегодня историки считают, что он не собирался требовать от Советского Союза возврата территорий, а стремился оказать давление на Москву, поставив ее перед суровым выбором: или результативное завершение переговоров о границе, или пугающая перспектива «получить к оплате» счет на полтора миллиона квадратных километров.

Мао промахнулся. Переговоры были прерваны. Вражда усилилась. Мао, похоже, сам испугался. Он объяснял гостям из Северной Кореи: «Мы сейчас говорим некоторые пустые слова. Говорим, что правительство царской России отрезало у нас миллион пятьсот тысяч квадратных километров. Хотим ли мы требовать возвращения этих районов? Мы и не думаем требовать этого. Цель состояла в том, чтобы привести Советский Союз в напряженное состояние и благодаря этому добиться сравнительно рационального договора о границе».

Примерно то же самое Мао повторил албанскому министру обороны: «Мы стремились к тому, чтобы на пограничных переговорах находиться в наступлении. Возможно, вы считаете, что мы и вправду хотим возвратить миллион пятьсот сорок тысяч километров земель, захваченных царями. Мы отнюдь этого не хотим. Это и называется произведением холостых выстрелов, приведением их в напряжение. Хрущев такой человек, что если

ты в него не произведешь несколько холостых выстрелов, то он будет чувствовать себя нездоровым...»

Смена первых лиц в советском руководстве осенью 1964 года не привела к снижению напряженности в двусторонних отношениях. Напротив, усилия официальной пропаганды обеих стран привели к чудовищному результату. Советские люди стали воспринимать Китай как врага номер один, китайцы готовились к войне с Советским Союзом. Начались стычки на границе. В марте 1969 года пролилась кровь: китайские солдаты стреляли в советских. Взаимная ненависть достигла предела.

В 1969 году вражда между Советским Союзом и народным Китаем приобрела зловещий военный аспект. Кровавый конфликт в районе острова Даманский начался 2 марта 1969 года расстрелом китайцами советских пограничников и захватом острова.

Поводом стали пограничные споры. Границы на реках проводятся обычно по главному фарватеру. Царское правительство когда-то заставило Китай согласиться на границу по урезу воды вдоль китайского берега (см. «Вопросы истории», 2004, № 5), иначе говоря, река Уссури со всеми островами оказалась российской.

В 1950-е годы китайские руководители заговорили о том, что пора бы провести более справедливую границу. В Москве согласились. В 1964 году начались переговоры. Но они были прерваны, когда Мао Цзэдун заявил, что Советский Союз «захватил слишком много чужой земли». Конфронтация между двумя странами сделала переговоры невозможными. Теперь уже китайцы откровенно претендовали на советские острова.

В Москве подозревали, что Китай готовится к большой войне, и думали, как одолеть столь многочисленного врага. В Китае ждали нападения со стороны Советского Союза. Боялись ядерного оружия. По всей стране строились бомбоубежища. Стычки на границе, которые устраивали китайцы, были инструментом полыхавшей в стране острой внутриполитической борьбы.

В Китае шла культурная революция — феномен, полного объяснения которому не найдено и по сей день.

Информированные люди, занимавшиеся экономикой, видели, что указания Мао губят страну. Когда в стране исчезло мыло, потому что весь жир Китай экспортировал, Мао сказал, что мыло и не нужно: он сам давно моет руки без мыла.

Второй человек в стране председатель КНР Лю Шаоци выступил с резкой речью: «Людям не хватает еды, одежды и других необходимых вещей. Сельскохозяйственное производство вовсе не выросло, а, наоборот, снизилось, причем не немного, а чудовищно. Мы скатились в пропасть...»

На Лю Шаоци сильно подействовала встреча с сестрой, которая жила в деревне. Глава государства привез ей гостиницы: два с половиной килограмма риса, килограмм печенья, килограмм конфет, девять яиц и банку свиного сала. Сестра рассказала, что ее муж умер от голода. Потрясенный увиденным Лю Шаоци извинился перед крестьянами: «Я глубоко поражен тем, как сурова жизнь моих земляков. Я чувствую ответственность за причиненные вам страдания и должен попросить прощения».

Глава правительства Чжоу Эньлай и его заместитель Дэн Сяопин пытались наладить экономику. Крестьянам разрешили брать землю в аренду у коммуны. Это была идея Дэн Сяопина, который произнес фразу, ставшую знаменитой: «Не важно, какого цвета кошка, главное, чтобы она ловила мышей. Называйте это как хотите, главное — поднять сельскохозяйственное производство и остановить голод».

Мао пришлось пойти на попятный. И он испугался самостоятельности технократов: их успех означал бы потерю им власти. Полем битвы избрал идеологию, где был несравненно сильнее. Мао обвинил своих оппонентов в забвении классовой борьбы и создал Группу по делам культурной революции. Первую скрипку в поиске «буржуазных элементов» играла его жена Цзян Цин, крайне амбициозная женщина. В мае 1966 года составили первый список тех, кого следует устранить: среди них были начальник генерального штаба, мэр Пекина...

25 мая 1966 года в Пекинском университете появилось дацзыбао (плакат), подписанное несколькими студентами и аспирантами, с критикой парткома университета, горкома партии и столичного правительства. Это не была инициатива масс.

Дацзыбао писалось по поручению созданной ЦК Группы по делам культурной революции, которую возглавляли Чэнь Бода (бывший личный секретарь Мао), Кан Шэн и Цзян Цин.

Лексика дацзыбао была весьма угрожающей: «Разобьем господство ревизионизма и все коварные интриги и темные планы, полностью уничтожим всю нечисть, всех контрреволюционных ревизионистов хрущевского типа!»

Летом 1968 года Мао обратился к молодежи: осудите своих учителей за то, что они отравляют вас «буржуазными идеями». Он распорядился прекратить занятия по всей стране. Через несколько дней, 18 июня, толпа студентов вытащила на площадь преподавателей Пекинского университета — их заставляли вставать на колени, мазали их грязью, надевали им на голову шутовские колпаки.

29 июня группа школьников в Пекине вывесила дацзыбао и подписалась так: «красные охранники» (хунвэйбины). Они поклялись охранять Мао Цзэдуна. Главный лозунг хунвэйбинов: «Мы втопчем врагов Мао в землю и раздавим их!» Появились значки с изображением Мао, их выпустили почти пять миллиардов штук. Всем вручали «Маленькую красную книгу» — сборник цитат из произведений Мао.

Харбинские хунвэйбины телеграфировали вождю: «Если председатель Мао прикажет, мы сумеем достать черепаху со дна океана, подняться в небо и поймать дракона! Мы готовы сразиться с прогнившим Парижем, сравнять с землей Нью-Йорк, освободить Лондон, доставить в Пекин кремлевскую звезду, захватить и привезти в Пекин мавзолей с Лениным! Установить его на площади Тяньаньмэнь! Окрасить новый мир в багряный цвет своей крови!»

Зачем все это понадобилось самому вождю?

Самая распространенная версия: Мао после фиаско с «большим скачком» временно ушел в тень. Власть оказалась в руках технократов — Лю Шаоци и Дэн Сяопина. Они пытались остановить безумные новации Мао, вернуть страну к нормальной жизни. Культурная революция стала возвращением Мао на политическую арену. Он показал согражданам, что революция не закончена.

Он устроил большую чистку в стране, на манер тех, что устраивал Сталин. Все, кто выступал против Мао, превращались во врагов народа. С ними расправлялись. «Я люблю большие драки», — говорил Мао.

Он видел, что в Советском Союзе государственное управление экономикой привело к невиданному разрастанию бюрократического аппарата, крайне неэффективного. Возможность перехода к рыночной экономике он отвергал с порога. И решил, что нужно ударить по бюрократии. Молодежь охотно подхватила этот лозунг. Она врывалась в учреждение и заявляла: «Ваши начальники — враги».

В современном Китае полагают, что культурная революция — это стихийное возмущение низов против всемогущего аппарата, бюрократизации, закостенения. Но если бы не борьба за власть, что было главным для Мао, это бы не случилось.

Мао не приказывал никого убивать и мучить. Это была инициатива масс. Желающих нашлось превеликое множество.

При Мао, считают историки, никому не позволялось участвовать в политическом процессе, и страна буквально кишела неудовлетворенными активистами. Они были лишены обычных почти для любого общества возможностей: например, сесть в кружок и поспорить. Теперь у них вдруг появился шанс.

А Мао устроил многочасовой заплыв на реке Янцзы. Он показывал стране, что в свои семьдесят два года здоров и полон сил для новой борьбы. 1 августа он сообщил «красным охранникам», что полностью их поддерживает. 5 августа в пекинской школе для девочек убили первую жертву культурной революции. Женщину, директора школы, которой было пятьдесят лет, избивали и поливали кипятком. Она умерла.

18 августа Мао с площади Тяньаньмэнь обратился к отрядам хунвэйбинов со словами: «Я решительно поддерживаю вас». Больше он ничего не сказал. Но этого было достаточно. По всей стране была объявлена война «старому миру» и началась атака на «старую культуру».

Молодежь срывала таблички с названиями улиц, заменяя их новыми. Девушкам запрещали носить длинные прически; юбки и туфли на высоком каблуке заставляли снимать прямо на улице.

Все должны были ходить в пиджаках и брюках военного образца, в руках — цитатник Мао, и у мужчин кожаный ремень с пряжкой, чтобы избивать врагов. Женщин избивали и обрезали им длинные волосы. В этих акциях охотно участвовали не только профессионалы — хунвэйбины и цзаофани (в переводе с китайского — «бунтари», еще одна категория гвардейцев культурной революции), но и обычные прохожие, охваченные безумием разрушения.

Писатель Лао Ш э немало горьких строк посвятил китайской толпе, жестокой, кровожадной, жаждущей отвратительных зрелищ: «Нация умеет умирать, но при этом и сама любит посмотреть на казни. Народ страны ритуалов любит смотреть, как убивают... Получив власть, любой из них смог бы вырезать город и сложить гору отсеченных женских грудей и ног, и с удовольствием! Не имея же такой власти, они не прочь посмотреть, как забивают свиней и баранов или казнят людей, чтобы отвести душу». Именно так во время культурной революции травили и самого писателя, что описано в книге «Дэн Сяопин и его время» доктора исторических наук Виктора Николаевича Усова.

Хунвэйбины врывались в дома, жгли книги, разрезали картины, ломали музыкальные инструменты, разбивали грампластинки. Летом того года только в Пекине незваные гости побывали в тридцати с лишним тысячах домов. Они забили до смерти тысячу семьсот человек. Министр общественной безопасности Се Фучжи освободил убийц от всякой ответственности: «Следует ли наказывать хунвэйбина, который убил человека? На мой взгляд, если человека убили, значит, он мертв, и только. Нас это не касается. Если ненависть масс к вредным элементам не знает предела, зачем же пытаться ей мешать?»

Из столицы изгнали сто тысяч человек — в деревню. Это было серьезное наказание. Крестьянам запрещалось уезжать из деревни, перебираться в город и менять профессию. Вот почему китайцы так боялись ссылки в деревню в наказание за проступки: это означало не только полуголодное существование и тяжелый труд, но обрекало на такую же жизнь и детей. Поколение, отправленное в годы культурной революции в деревню, не получило образования и впоследствии с трудом приспосаблива-

лось к экономическим переменам. Культурная революция разрушила китайскую систему высшего образования, после Мао молодежь придется отправлять на учебу за границу...

После первого акта начался второй. 15 сентября министр обороны маршал Линь Бяо на площади Тяньаньмэнь сообщил хунвэйбинам, что настало время разоблачить тех, кто облечен властью, но идет по капиталистическому пути. Для этого сформировали новые группы — цзаофани, они атаковали руководителей страны. Это уже было уничтожение тех, кто проявил непослушание, кто пытался поднять экономику наперекор Мао. Первой жертвой 21 января 1967 года пал министр угольной промышленности, который был противником «большого скачка». Ему разбили голову пряжками ремней.

Самые известные жертвы культурной революции — председатель Китайской Народной Республики Лю Шаоци и его жена Ван Гуанмэй. Из всех руководителей Китая только Лю Шаоци сочувствовал крестьянам. «Народ очень беден, — доказывал Лю Шаоци. — Он отчаянно нуждается в лучшей жизни... Крестьяне хотят иметь новую одежду, покупать носки, носить обувь, пользоваться зеркалами, мылом и носовыми платками, а их дети — ходить в школу». И Лю Шаоци, и его жену публично оскорбляли, избивали прямо на людях. Лю Шаоци лишили медицинской помощи. Он умер в заключении от невероятных страданий. О его смерти не сообщалось, и хунвэйбины продолжали поносить его как живого.

Точно так же издевались над героем войны маршалом Пэн Дэхуаем. Пэн Дэхуай восстал против Мао, понимая, каково приходится крестьянам. Пэн был против культа личности и считал правильным сократить расходы на военную промышленность. Пэн Дэхуай родился в провинции Хунань, как и Мао, но пятью годами позже. Он вырос в бедности и очень заботился о бедняках. Будучи офицером, тайно вступил в компартию в 1928 году и увел к коммунистам всю свою часть. Он стал первым министром обороны коммунистического Китая.

Летом 1959 года на расширенном пленуме ЦК в Лушане министра обороны Пэн Дэхуая обвинили в «антипартийных действиях» и «тайных сношениях с заграницей». Пэн Дэхуая изби-

вали палками, сломали ему ребра. Он сидел в одиночке. О его смерти 29 ноября 1974 года также не сообщили.

«Придя на рабочее место, — пишет Виктор Усов, — люди выстраивались перед портретом вождя и троекратно кланялись, мысленно испрашивая указаний, которые помогут справиться со стоящими перед ними задачами. Ритуал повторялся вечером — в форме доклада о достигнутых за день результатах. На городских вокзалах портрету трижды кланялись отправляющиеся в путь пассажиры — в противном случае их просто не пускали в поезд».

В разгар культурной революции Дэн Сяопину пришлось на митинге в Пекине каяться в проведении буржуазной линии: «Мои ошибки — не случайность, а проявление определенного стиля в работе». Самокритика не помогла. Дэн Сяопин лишился всех постов. Его младший брат, не выдержав издевательств со стороны хунвэйбинов, покончил с собой. Хунвэйбины измывались и над Дэном. Но его не уничтожили. За пределами Китая не понимали, почему Мао не расстреливал врагов, а лишь заставлял их каяться. Дело в том, что если китаец теряет лицо, он теряет больше, чем может себе представить европеец.

Дэн Сяопина с женой держали под домашним арестом. А их детей выселили, вода — во дворе, общественная уборная — на улице. Они, как все, стояли в очередях, чтобы отоварить талоны на продовольствие и уголь. Осенью стало холодно. «Мы натягивали на себя толстые ватные курки, — рассказывала дочь Дэна, — ватные штаны, ватные туфли. Сжавшись в комок, сидели у нашей печурки».

От дочери и сына Дэн Сяопина хунвэйбины требовали разоблачить отца. Старшего сына — Пуфана, студента физико-технического факультета Пекинского университета, — хунвэйбины доставили в свой штаб и стали пытать. Дети Дэна называли этот штаб «фашистским концлагерем». Пуфан не выдержал издевательств и выпрыгнул из окна. У него был перелом трех позвонков. Ему нужна была срочная операция, но одна больница за другой отказывались принимать сына Дэн Сяопина. Время было потеряно, и его парализовало, юноша стал инвалидом...

В октябре 1969 года Дэн Сяопина с женой отправили на перевоспитание физическим трудом в провинцию Цзянси. Жили

они под присмотром сотрудников госбезопасности.. Встречаться и разговаривать с кем-либо им запретили. В ноябре им нашли работу — в мастерских по ремонту тракторов. Дэн слесарил, как когда-то на заводе «Рено» во Франции. Его жену определили в бригаду электромонтеров. Дэн помалкивал и старался сохранить здоровье, чтобы пережить опалу. Катастрофически не хватало денег, ведь приходилось содержать пятерых детей, один из которых лежал в больнице — за это тоже надо платить.

«Дэн Сяопин перестал пить чай, — пишет Виктор Усов, — считая его слишком дорогим. Из спиртного покупал только самую дешевую местную водку „Три цветка“, выпивал по маленькой рюмочке после работы за обедом. Ему покупали один блок сигарет без фильтра в бумажной упаковке на месяц. Каждую пачку он растягивал на три-четыре дня. По утрам и на работе он не курил, курил только вечером, строго придерживаясь установленной нормы».

Над искалеченным Пуфаном продолжали измываться. Его выкинули из больницы и мучили, пока, наконец, кто-то из высшего начальства не распорядился отправить несчастного юношу к родителям. Они не виделись пять лет... Дэн трогательно ухаживал за ним, переворачивал каждые два часа, чтобы не образовались пролежни, обтирал его полотенцем, потому что в провинции Цзянси жарко и влажно.

«Жизнь в Китае была очень жестокой, — напоминает Андрей Карнеев. — Это была страна, в которой продавали детей, чтобы купить продовольствие. Можно было купить человека, который вместо преступника понес бы наказание, и даже могли его казнить. Это была эпоха, когда человеческая жизнь стоила мало».

Дэн много читал. Часами ходил по двору и думал. Видимо, тогда в нем зрели идеи, которые потом помогут Китаю ожить...

Постепенно группы хунвэйбинов стали враждовать друг с другом, находя презренных консерваторов и реакционеров уже в собственном кругу. Они перемещались из города в город в поисках новых жертв. Культурная революция была куда увлекательнее скучной работы. Китайцы переставали работать. Эко-

номика несла большие потери. Даже военная промышленность остановилась. Специалистов-профессионалов просто выгоняли. Начинался хаос. Система управления была парализована. Транспорт не работал. Это происходило по всей стране.

Только армия оставалась относительно свободной от культурной революции. Некоторые воинские части пытались подавить выходки обезумевших хунвэйбинов. Мао категорически запретил армии вмешиваться. На большом совещании маршал Е Цзяньин обрушился на Чэнь Бода: «Вы внесли смуту в партию. Внесли хаос в правительство, в работу заводов и фабрик. Этого вам недостаточно. Вы непременно хотите внести сумятицу в жизнь армии! Что же вы замыслили?»

В конце концов Мао испугался полного развала. Он распорядился ввести армию в города и разогнать студентов. Потом вернул старых руководителей, способных наладить экономику. Но культурная революция привела к голоду и краху экономики.

Кровь на снегу

Конфронтация с Советским Союзом была незаменимым средством мобилизации широких масс. В течение пяти лет, с осени 1964 года, напряженность на советско-китайской границе росла. В январе 1968 года военный совет ЦК компартии Китая отправил в приграничные округи директиву: усилить войска на восточном участке границы, подготовиться к ведению боевых действий, разработать оперативные планы с задачей «вступил в бой — должен победить».

25 января 1969 года командование Хэйлунцзянского провинциального военного округа представило план ведения военной кампании. Генеральный штаб его одобрил. Не возражало и министерство иностранных дел. Окончательное решение приняли в ЦК партии. В феврале генштаб отправил директиву о подготовке боевых действий.

В апреле 1969 года Мао Цзэдун созвал партийный съезд, который должен был ознаменоваться военной победой (хотя бы небольшой) над Советским Союзом. Накануне IX съезда успешная военная акция должна была сплотить народ вокруг Мао.

Решили дать бой в районе острова Даманский (китайское название Чжэньбао) на реке Уссури. Почему выбрали именно этот остров? Уже договорились на двухсторонних переговорах, что он перейдет к Китаю, поэтому полагали, что Советский Союз не станет так уж сильно его защищать.

Пограничные заставы появились здесь лишь недавно, и пограничников явно не хватало на огромный участок необорудованной границы. 57-й пограничный отряд, которым командовал полковник Демократ Владимирович Леонов, находился в стадии формирования. Условия службы были тяжелые. Не хватало офицеров, старшин. Трудно было со связью.

Сначала на остров, нарушая государственную границу, приходили китайские рыбаки, обычные китайцы с плакатами, потом появились люди с оружием. Перед пограничниками стояла практически невыполнимая задача — малыми силами, не применяя оружия, раз за разом вытеснять китайцев с советской территории. Эти столкновения быстро перерастали в драки, в ход шли палки, колья, ломы. Пограничники обзавелись рогатинами и дубинами, обливали китайцев из огнетушителей. Потом стали применять пожарную машину, сметая китайцев мощной струей воды. Постепенно схватки приобрели массовый, ожесточенный характер. Запрещено было только одно — стрельба.

От советского берега до острова Даманский — полкилометра, от китайского меньше — в разное время года от трехсот до семидесяти метров. Остров необитаемый, весной его практически полностью заливает река. Китайские солдаты несколько раз пытались его захватить. Однажды произошел настоящий штыковой бой. Начальство требовало от пограничников не открывать огонь. За месяц до кровавых событий на Даманском с бронетранспортеров сняли боекомплект, опечатали и отправили на склад.

В феврале 1969 года все вроде бы успокоилось. В Москве решили, что острый период миновал. Резервные группы вернулись в отряд, остался только личный состав погранзастав. Но командиры 1-й и 2-й застав не верили, что китайцы оставят их в покое. Нарушив приказ, на свой страх и риск они вернули боезапас в бронетранспортеры.

В ночь на 2 марта 1969 года на остров Даманский скрытно проникли несколько сотен бойцов Народно-освободительной армии Китая и замаскировались. Пограничники этого не заметили и не подозревали, что им устроена засада.

Утром 2 марта дежурный наряд засек группу вооруженных китайцев, которые двигались к острову. Начальник 2-й заставы старший лейтенант Стрельников поднял личный состав и на трех машинах выехал на остров. Иван Иванович Стрельников закончил курсы младших лейтенантов и сам построил эту заставу в рыбацком поселке Нижне-Михайловка.

Стрельников, как положено, потребовал от китайцев покинуть остров. Вместо ответа китайцы внезапно открыли огонь. Они практически в упор уничтожили две группы пограничников. И только третья группа, задержавшаяся в пути — подвела машина, — под командованием младшего сержанта Юрия Бабанского вступила в бой. Они бы тоже погибли, но подоспел с двадцатью двумя бойцами начальник соседней заставы — старший лейтенант Бубенин.

Виталий Дмитриевич Бубенин, закончив Алма-Атинское погранучилище, прибыл на Дальний Восток летом 1966 года. Сначала он был заместителем у Стрельникова. А на следующий год командующий Тихоокеанским пограничным округом отвез молодого офицера на вертолете на Кулебякины сопки и показал: «Запомните, лейтенант, здесь будет пограничная застава. Построите ее к 7 ноября — будете ее начальником».

Когда подоспел Виталий Бубенин, двадцать два советских пограничника были убиты, один, тяжело раненный, попал в плен. Вернут его китайцы мертвым...

Командование отряда находилось на учениях и не подозревало, что рядом идет настоящий бой. Пограничникам не разрешалось брать с собой больше двух магазинов к автомату, то есть они должны были отстреливаться, экономя патроны. К исходу первого часа боя Виталий Бубенин был ранен и контужен при разрыве мины, но из боя не вышел.

Старший лейтенант отвел своих людей, а сам на бронетранспортере двинулся вдоль острова и, ведя огонь из двух крупнокалиберных пулеметов, оказался у китайцев в тылу. Он вел огонь,

пока бронетранспортер не подбили китайские артиллеристы. При абсолютном численном превосходстве китайцы ничего не смогли сделать с небольшой группой советских пограничников. Ни один из наших солдат не сплоховал, ни один не поддался панике, ни один не отступил, хотя шанс выжить был минимальным.

На помощь подъехала резервная группа с заставы Бубенина. Она доставила весь остававшийся боезапас, пулеметы и гранатомет. Старший лейтенант Бубенин (раненный и контуженный!) пересел в бронетранспортер Стрельникова и опять двинулся в сторону китайцев. Бубенин ворвался в их расположение с фланга. Появление бронетранспортера было неожиданностью для китайцев. Безостановочно работавший крупнокалиберный пулемет рассекал китайские цепи.

Бубенину повезло — он выскочил прямо на командный пункт китайцев и расстрелял его в упор. Оставшись без командования, китайцы запаниковали и побежали. Уже в последний момент бронетранспортер подбили, и Бубенин вторично был контужен.

Только потом на вертолете появилось командование погранотряда, перебросили подкрепление с 3-й заставы. В бою погибли тридцать два советских пограничника. В плен попал тяжелораненый ефрейтор Павел Акулов, его тело обменяли на труп китайского солдата в середине апреля 1969 года. Цифра китайских потерь до сих пор держится в тайне.

Из Москвы прилетела комиссия, которую возглавлял первый заместитель председателя КГБ генерал-полковник Николай Степанович Захаров.

«В Имане (нынешнем Дальнереченске), где квартировало командование погранотряда, прошли первые похороны, — вспоминал собственный корреспондент «Известий» по Дальнему Востоку Павел Демидов. — Собрался чуть не весь город. Выступает начальник Иманского погранотряда полковник Демократ Леонов. Говорит хрипло, простуженно. Через несколько дней Демократ Владимирович погибнет, как и его соратники, с которыми он прощается сейчас. Оркестр исполняет Гимн Советского Союза, на этом фоне слышен стук молотков — забивают

гвозди в крышки гробов. И вдруг, перекрывая все звуки, раздается пронзительный детский крик: „Па-а-па-а!“»

На всем участке 57-го погранотряда перешли на усиленный режим охраны границы. Командир расквартированной по соседству 135-й мотострелковой дивизии получил приказ наметить маршруты выдвижения войск и артиллерии, если придется вступать в бой. Но вводить в действие армейские части не хотели, и пока что на помощь малочисленным пограничникам выдвинули всего две мотострелковые роты и два танковых взвода. Почему-то в Москве рассчитывали на то, что китайцы больше не полезут. И допустили непростительную ошибку, за которую опять пришлось заплатить кровью наших пограничников. Меньше чем через две недели вновь вспыхнули бои.

15 марта 1969 года заместитель министра иностранных дел Владимир Семенович Семенов записал в дневник: «В восемь часов утра позвонил Ю. В. Андропов и сообщил о новых осложнениях на советско-китайской границе (у острова Даманский). Несмотря на субботу, было заседание Политбюро. Приняли текст заявления советского правительства. Внутри МИДа создал оперативную группу, ввел круглосуточное дежурство, вертелся у телефонов, как пляшущий человечек».

Китайцы наступали с самого утра при поддержке артиллерийского и минометного огня. Противостояла им маневренная группа погранотряда, не имевшая тяжелого оружия. Пограничники просили соседей о поддержке — рядом стояла минометная батарея, но ей запретили открывать огонь. Под напором превосходящих сил пограничники отошли. Китайцы заняли остров. Но пограничники не сдавались, хотя не располагали силами и средствами для общевойскового боя. На бронетранспортерах они пошли в контратаку, но китайская артиллерия поджигала боевые машины.

Командир погранотряда полковник Леонов, не выдержав, буквально заставил четыре танка, не имевших приказа действовать, двинуться вперед. Он сел в головной танк, который подбили. Полковник Леонов выбрался из горящей машины, и китайцы забросали его гранатами.

Генерал армии Вадим Александрович Матросов был тогда начальником штаба пограничных войск. Через много лет он

рассказывал в интервью, как в тот день ему позвонил домой сам Брежнев: «Что там происходит? Это война?» Генерал Матросов на следующий день должен был вылететь на место событий. Он просил дать ему время разобраться — тогда будет ясно. Брежнев требовал ответа немедленно: «Мне из генштаба докладывают, что там уже все признаки настоящей войны». Матросов ответил, что, по данным разведки, китайцы своих войск к границе не придвинули. Так что пока это еще не война. Леонид Ильич несколько успокоился.

«Наверное, можно было бы и избежать такого обострения, — говорил генерал Матросов, — в чем-то уступить, но наши политики тогда на компромисс не пошли. В итоге мы получили на границе протяженностью в семь с половиной тысяч километров адскую обстановку. Люди находились в постоянном напряжении».

Генерал Матросов не мог понять логики высшей власти. Если не хотели пускать китайцев на Даманский, надо было сразу перебрасывать туда соответствующие силы и дать достойный ответ. Если, напротив, не хотели ничего затевать, — зачем подставили пограничников, обрекли их на смерть?

Пограничники жаловались, что командование Дальневосточного военного округа не желало вмешиваться и им помогать: это ваше дело, а не армии. К Даманскому вела всего одна дорога — развернуть войска было невозможно. Да и не хотели этого в Москве. Перестрелка между пограничниками — это инцидент на границе. Использование вооруженных сил — это уже война.

Только поздно вечером, после целого дня боев, пограничникам разрешили использовать четыре дивизиона ракетных установок залпового огня «Град». Это Брежнев дал согласие. После десятиминутной обработки острова ракетами, артиллерией и минометами китайцы отошли. На этом кровавый конфликт вокруг Даманского закончился. «Два залпа нашей ракетной установки “Град„, наконец, поставили точку в кровавом конфликте: противника как ветром сдуло, — писал Павел Демидов. — Но к тому времени — к 16 марта — наши потери уже составили пятьдесят восемь человек убитыми и девяносто четыре тяжело-

ранеными... Остров Даманский — тысяча семьсот метров в длину и пятьсот в ширину. Весной его заливало с макушкой, летом и осенью там косили траву для скота, а зимой — белое безмолвие... Через полгода было решено отдать Даманский Китаю. Соседи быстренько засыпали протоку между берегом и островом, и теперь о тех событиях напоминают могилы в центре Имана да детский вопль на пленке моего диктофона, перекрывающий стук молотков».

Во время событий на острове Даманский в марте 1969 года в комитете госбезопасности Юрий Владимирович Андропов устроил совещание. Что делать? Как реагировать? Горячо выступали сторонники мощного удара по китайцам. Андропов был против, и его поддержал Брежнев. Обошлись без войны с Китаем, и конфликт постепенно угас.

16 и 17 апреля столкновения между советскими и китайскими пограничниками произошли на границе между Синьцзяном и Казахстаном. В мае и в начале июня продолжались столкновения по всему Амуру. 8 августа произошли новые стычки. Китайское информационное агентство «Синьхуа» обвинило Советский Союз в подготовке войны против Китая. Критические ситуации на китайской границе возникали и позже, но таких потерь, как на Даманском, уже не было.

Если говорить о событиях вокруг острова Даманский, то китайские руководители поступили преступно и подло, с восточным коварством устроив засаду советским пограничникам. Но было очевидно, что в соответствии с нормами международного права Даманский принадлежит китайцам. Была ли необходимость проливать за него кровь? Уже в перестроечные времена переговоры с Китаем привели к изменению линии границы. Остров Даманский отошел к Китаю и теперь называется Чжэньбао.

В Пекине, похоже, действительно не хотели тогда большой войны. Но если бы лейтенанты Стрельников и Бубенин, сержант Бабанский и другие пограничники не проявили в марте 1969 года поразительное мужество, стойкость, готовность сражаться и, если надо, умереть в бою, у китайских руководителей, пожалуй, могло возникнуть желание вновь и вновь проверять прочность советских границ штыком...

Мао Цзэдун не ожидал такого отпора. Он приказал армии ответного огня не открывать. Испугался советского удара по Пекину в момент партийного съезда. Поэтому IX съезд открылся в полной тайне. О нем сообщили только после окончания. Делегатов тайно доставляли на заседания. Это был 1969 год. Советские войска уже вошли в Чехословакию, чтобы «спасти социализм». Мао думал: а ну как в Москве решат спасать социализм и в Китае?

12-й пленум ЦК КПК осудил СССР за «военную оккупацию Чехословакии с молчаливого согласия и при поддержке со стороны американского империализма».

Мао навряд ли собирался всерьез воевать с Советским Союзом. Но, видимо, хотел показать, что с Китаем не удастся поступить так же, как с Венгрией или Чехословакией. При этом понимал, что и советская армия не рискнет ввязаться в большую войну.

Бегство министра обороны

Главе правительства Косыгину досталась почти невыполнимая миссия — договариваться с китайцами после боев на острове Даманский. Москву и Пекин все еще связывала линия правительственной высокочастотной связи, которую протянули в годы большой дружбы. В конце марта в советское посольство в Пекине позвонил Косыгин. Трубку снял дипломат Алексей Иванович Елизаветин. Несколько расстроенный Косыгин сказал: «Я имею поручение Политбюро переговорить лично с товарищами Мао Цзэдуном или Чжоу Эньлаем. Мы пытались связаться с ними по аппарату ВЧ-связи, но на телефонной станции в Пекине сидит какой-то хам, отвечает грубо и отказывается соединять меня с ними. Чем может помочь посольство?» Елизаветин объяснил, что теперь связаться с китайскими руководителями без предварительной договоренности с министерством иностранных дел едва ли возможно.

Посольство в Пекине официально попросило МИД устроить разговор между главами правительств. Китайский чиновник высокомерно ответил: «Никакого разговора по телефону быть

не может. Если у советской стороны есть что сказать нашему руководству, то это следует сделать по дипломатическим каналам». Это был отказ в самой невежливой форме, о чем Елизаветин доложил Косыгину по телефону в сдержанных выражениях, исходя из того, что переговоры по линии ВЧ-связи китайцы естественно, прослушивают.

Первая удобная возможность поговорить с китайцами возникла во время похорон вьетнамского лидера Хо Ши Мина. В Ханой прилетели и Косыгин, и Чжоу Эньлай. Советские дипломаты предложили китайцам организовать встречу, вспоминает посол Валерий Васильевич Цыбуков, бывший сотрудник секретариата министра иностранных дел.

Китайцы долго не реагировали. Косыгин, не дождавшись ответа, полетел домой. Когда он уже сделал промежуточную посадку во Фрунзе (ныне Бишкек), Пекин сообщил, что Чжоу Эньлай готов встретиться. В Политбюро считали, что Косыгину не к лицу поворачивать назад. Но хитроумный министр иностранных дел Громыко нашел выход. Косыгин полетит в Пекин, но в официальном сообщении будет сказано, что он сделал остановку в китайской столице по пути домой. Беседовали в пекинском аэропорту — китайцы были не слишком гостеприимны. Но этот разговор 11 сентября 1969 года позволил снизить уровень напряженности между двумя странами. 19 октября возобновились переговоры о границе.

Пограничный инцидент мог перерасти в войну. Председатель КГБ Юрий Андропов, вспоминал его бывший помощник Владимир Александрович Крючков, предлагал локализовать конфликт, решать его только силами пограничников, не допуская участия в боевых действиях армии. Но были сторонники другой точки зрения — использовать инцидент как повод для мощного удара по китайцам.

Командующий Воздушно-десантными войсками генерал армии Василий Филиппович Маргелов в беседе с группой работников ЦК, приглашенных на показательные учения, сетовал, что ему не разрешают «заняться» Китаем. Он внушал цековцам, что хорошо было бы сбросить его «ребят-десантников» на Пекин, они там разберутся...

Но было ясно, что любой успех в боевых действиях с Китаем будет носить временный характер. А что потом? Вести войну на истощение со страной, имеющей миллиардное население? Пустить в ход ядерное оружие?

Чтобы поиграть на нервах Мао, в газете «Лондон ивнинг ньюс» поместили статью Виктора Луи, советского гражданина, которому разрешили стать корреспондентом иностранной газеты в обмен на исполнение деликатных поручений второго (контрразведывательного) главного управления КГБ СССР. Луи писал, что в Москве обсуждается идея бомбардировки ядерных объектов Китая и смены руководства в Пекине. В статье говорилось, что на территории Китая действует подпольная радиостанция, принадлежащая антимаоистским силам. Эти силы могут обратиться к другим социалистическим странам с просьбой оказать им «братскую помощь».

На самом деле тайная радиостанция, вещавшая на китайском языке — будто бы от имени противников Мао Цзэдуна, — была создана усилиями Комитета госбезопасности и находилась в Москве. На этой станции подрабатывали (под разными китайскими псевдонимами) многие отечественные синологи. Почетным автором комментариев был недавний соперник Мао — Ван Мин, пока он не скончался в Москве в марте 1974 года...

Но Виктор Луи напомнил о вводе войск Варшавского договора в Чехословакию, которые подавили «пражскую весну» и сменили руководство страны. «События прошлого года, — писал Луи, — подтвердили, что Советский Союз придерживается доктрины, провозглашающей, что социалистические страны имеют право вмешиваться в дела друг друга в своих собственных интересах или в интересах других стран, оказавшихся под угрозой».

Мао Цзэдун поверил в угрозу. Опасаясь ракетно-ядерного удара, начальник генерального штаба Народно-освободительной армии Китая Хуан Юншэн отдал «приказ номер один» — о рассредоточении руководства страны. Члены политбюро должны были разъехаться в разные города, чтобы не погибнуть в пламени одного ядерного удара. Несколько месяцев в Китае царил военный психоз. Мао готовился отразить советское во-

енное вторжение. Под Пекином строились гигантские бомбоубежища.

Когда Мао согласился на приезд в Пекин советской делегации для пограничных переговоров, он всерьез предполагал, что на самолете может быть ядерная бомба, поэтому все руководство страны покинуло столицу. Он успокоился только тогда, когда советский самолет благополучно приземлился и делегация спустилась по трапу — без бомбы.

9 мая 1969 года в приказе министра обороны маршала Андрея Антоновича Гречко по случаю победы в Великой Отечественной войне впервые Китай вместе с Соединенными Штатами и Федеративной Республикой был назван основным врагом Советского Союза.

Андрей Антонович Гречко был единственным человеком, который на пленумах ЦК называл Брежнева на «ты». Выступая, пренебрежительно заметил, что у китайцев не так уж много ядерных ракет. «А у нас, — и, прервав себя, повернулся к президиуму: — Как ты думаешь, Леонид, сказать, сколько у нас?» Брежнев остановил министра обороны: «Не надо, не пугай!»

Многие советские генералы китайцам не верили и были настроены воинственно. В середине декабря 1970 года на Политбюро обсуждали отношения с Китаем. Выступил министр обороны маршал Гречко: «Антисоветская ненависть охватила Китай. Китай собирается взять реванш и отобрать у нас полтора миллиона километров нашей территории. Китай проводит широкие военные мероприятия, строит подземные заводы, аэродромы, изготовляет и закупает новое оружие. Мы располагаем данными, что Китай к 1971 году изготовит сорок пять — пятьдесят ядерных бомб. Мы не можем ко всему этому относиться равнодушно. Надо, конечно, добиваться заключения договора с Китаем, но самим быть ко всему готовыми...»

На Дальний Восток переводились общевойсковые объединения, полностью укомплектованные новые дивизии. В Монголии дислоцировали полнокровную 39-ю армию. Не только Дальневосточный, но и Забайкальский военный округ готовился к противостоянию. Строились глубокоэшелонированные рубежи обороны.

В Китае ждали нападения Советского Союза, по всей стране строились бомбоубежища. В Москве верили, что Китай готовится к войне, и думали, как одолеть врага. Китайскую угрозу переоценили. Народно-освободительная армия Китая, состоявшая из неграмотных солдат, вооруженных винтовками, не представляла опасности для Советского Союза. Стычки на границе, которые устраивали китайцы, были средством внутриполитической борьбы. Переброска дополнительных войск на Дальний Восток и связанное с этим военное и транспортное строительство были безумной растратой денег.

25 августа 1975 года писатель Юрий Маркович Нагибин описал в дневнике свои впечатления от посещения Благовещенска, который стоит напротив китайского города Хэйхэ: «Я был у пограничников. Там на стенах висят плакаты, учащие, как надо поступать с нарушителями границ. Приемы борьбы, удушений, ножевых ударов. Противником нашего бойца выступает некто узкоглазый в маодзэдуновке. Хорошие иллюстрации к пресловутой „дружбе народов“. Вот на какой ноте оборвалась песня братской любви двух великих народов „Москва — Пекин“... Мы потешаемся над китайскими глупостями, будто не совершали худших — да и сейчас совершаем. Ведь мы издеваемся над нашим собственным отражением в китайском зеркале».

Новый состав ЦК компартии Китая, избранный после боев на острове Даманский, на четыре пятых состоял из новичков. Половина — военные. В политбюро вошла жена Мао — главный функционер культурной революции Цзян Цинь. Министра обороны маршала Линь Бяо в уставе партии назвали преемником Мао Цзэдуна. После культурной революции армия взяла на себя ответственность за восстановление порядка в стране, и маршал становился человеком номер два в Китае.

В партийных документах Линь Бяо именовался «близким соратником» Мао. На IX съезде в апреле 1969 года в устав партии вписали, что Линь Бяо — «продолжатель» дела Мао. Вождь познакомился с Линь Бяо еще в 1928 году, когда двадцатилетний Линь командовал ротой. В 1959 году он сменил слишком самостоятельного маршала Пэн Дэхуая на посту министра обороны.

Имя Линь Бяо в переводе с китайского означает «лесной барс». Но историки пишут, что скромный и застенчивый от природы, он по характеру не был лидером. В кругу вождей китайской компартии его называли «девушкой». Худенький и низкорослый, с густыми, чуть удивленно поднятыми вверх бровями, он и вправду напоминал красотку из пекинской оперы, где все женские роли исполняли мужчины.

Линь Бяо был четырежды ранен, страдал от головной боли, бессонниц, нервного расстройства. Еще в 1939 году Линь Бяо с женой приехал в Советский Союз на лечение. В августе 1941-го он вернулся в Китай. Его жена осталась и работала в Ивановском интердоме — вместе с бывшей женой Мао. А Линь Бяо женился вновь. Новая жена Е Цюнь была моложе его на двенадцать лет. Она родила ему дочь Линь Лихэн и сына Линь Лиго. Летом 1951 года Линь Бяо вновь приехал в Москву лечиться. Но постепенно он перестал доверять врачам.

«У него развилась мания преследования, — пишет профессор Панцов. — Ему казалось, что врачи замышляли убить его, подсыпая яд в ванны, которые ему прописывали. Он отказался от врачей, и его лечила жена. Эта женщина обладала поразительно сильным характером, так что не удивительно, что безвольный Линь Бяо оказался полностью в ее власти. Любить мужа, изнывавшего от депрессии, она не могла. Линь Бяо, зациклившийся на своих болезнях, потерял интерес к интимным отношениям. Но брак с ним был для нее трамплином в высшую власть, поэтому она старалась ублажить больного супруга».

Если министру обороны предстояло выступать на публике, ему вводили лекарство, которое официально именовалось «витамин С». Похоже, это был наркотический препарат. Состояние маршала ухудшалось. Он месяцами не мог работать.

«Линь Бяо был неврастеником, он так боялся света и сквозняков, что редко выходил из дома, — вспоминал личный врач Мао. — Он и воды боялся. Никогда не мылся — его обтирали сухим полотенцем. Жидкости не пил. Жена размачивала в воде булочки, приготовленные на пару, и кормила ими мужа, чтобы его организм получал жидкость хоть таким образом... Линь Бяо явно страдал душевной болезнью».

Несмотря на некоторые странности, министр обороны Линь Бяо и его генералы вполне здраво говорили, что пора заняться перевооружением армии, а затянувшаяся культурная революция этому мешает. Цзян Цин и ее сторонники были недовольны руководством армии, которое оставалось в стороне.

На пленуме ЦК в августе-сентябре 1970 года Линь Бяо завуалированно обрушился на ее группу. Генералы, ненавидевшие жену Мао, поддержали своего министра. Бойцы культурной революции испугались и бросились к Мао за поддержкой. Они обвинили военных в заговоре.

Линь Бяо проиграл жене Мао в изощренной аппаратной борьбе. Мао встал на сторону жены. Ему и самому казалось, что Линь Бяо забрал слишком много власти. Он потребовал от генералов и Линь Бяо самокритики. Министр не желал признавать себя виноватым.

Кампании критики и самокритики были характерной чертой политической жизни Китая. Члены партии были обязаны находить врагов в собственных рядах и их разоблачать. В отличие от советской ситуации публичная критика почти всегда предшествовала расправе. И самокритика считалась обязательной. Во-первых, так собирался материал для уничтожения попавшего в опалу. Во-вторых, эта процедура унижения считалась едва ли не менее важной, чем снятие с должности и отправка на перевоспитание.

Разговоры о заговоре Линь Бяо против вождя китайской революции не нашли документального подтверждения. Но вот сын министра обороны, похоже, и в самом деле считал Мао врагом. Линь Лиго, самоуверенный молодой офицер, был уже заместителем начальника оперативного управления штаба военно-воздушных сил. Вместе с несколькими офицерами он образовал тайное общество, где разрабатывали «Проект 531» (это число по-китайски звучит так же, как и слова «вооруженное восстание»). Мао Цзэдун фигурировал в нем под кодовым именем Б-52.

Молодые офицеры были настроены серьезно: «Мы должны поднять вооруженное восстание. Б-52 нас подозревает. Лучше сжечь за собой мосты, чем сидеть и ждать, когда тебя схватят.

Это борьба не на жизнь, а на смерть. Или они уничтожат нас, или мы — их». Заговорщики искали способ убить Мао. Самый молодой в Народно-освободительной армии Китая генерал Цзян Тэнцзяо был готов помочь. Они изучали разные варианты: обстрелять поезд Мао из базуки, разбомбить его.

А Мао Цзэдун тем временем уже целый месяц ездил по стране, встречался с местными партийными секретарями и армейскими политработниками. Он поносил министра обороны Линь Бяо и его людей: «Они предприняли внезапную атаку. Начали подпольную деятельность. Это показало, какие у них подлые душонки. Сначала действовали скрытно, а потом вдруг перешли в наступление. Кто-то страстно желает стать председателем государства, поэтому хотел расколоть партию и захватить власть».

Слова Мао дошли до Линь Бяо. Министр обороны и его жена Е Цюнь отдыхали на курорте в Бэйдайхэ. Рядом в аэропорту постоянно находился личный самолет министра обороны. Понимая, что их ждет, они решили бежать.

Вечером 12 сентября 1971 года сын министра поделился планами с сестрой, у которой были очень плохие отношения с матерью. Она почему-то считала, что Е Цюнь — не настоящая ее мать. Дочь министра донесла заместителю начальника управления правительственной охраны, что мать и брат решили похитить отца и бежать. Тот позвонил в Пекин.

Тем временем беглецы на машине приехали на аэродром. Из девяти членов экипажа на борту было только четверо — командир корабля и три механика. Они только начали готовить самолет к полету и не успели его полностью заправить. Линь Бяо приказал взлетать. Полетели без второго пилота, штурмана и радиста.

Чжоу Эньлай предложил поднять в воздух истребители и сбить самолет Линь Бяо. Но Мао не доверял авиации. Он запретил все полеты и приказал взять под контроль военные аэродромы. «Дождь будет идти с неба, — в привычно загадочной манере говорил Мао. — Вдовы вновь выйдут замуж. Линь Бяо хочет бежать. Что мы можем сделать? Пусть бежит».

Уже наступило 13 сентября, когда самолет с беглецами вошел в воздушное пространство Монголии и исчез с экранов радаров.

Днем китайский посол в Монголии сообщил в Пекин, что китайский самолет разбился 13 сентября в половине третьего ночи. Кончилось топливо, и самолет пытался совершить аварийную посадку. На борту было девять человек — восемь мужчин и одна женщина. Все погибли.

«В трупе № 5, — докладывал китайский посол, — мы опознали Линь Бяо. Труп № 8 — жена Линь Бяо. Она обгорела сравнительно мало, волосы практически целы. Труп № 2 — сын Линь Бяо: его лицо обуглилось и приняло мученическое выражение, как будто до смерти он горел в пламени. Из вещей, принадлежащих погибшим, обнаружен пропуск № 002 в военно-воздушную академию на имя Линь Лиго».

Из Москвы в Монголию вылетела группа офицеров советского КГБ, чтобы проверить, действительно ли это был Линь Бяо. Обгоревшие трупы эксгумировали. Головы Линь Бяо и его жены отделили и отправили в Советский Союз на экспертизу. Линь Бяо когда-то лечился в Москве, так что с помощью рентгеновских снимков и записей в старой медицинской карте удостоверились, что министр обороны Китая действительно пытался бежать от Мао.

Мао Цзэдун без труда одержал еще одну победу. Одну из многих. Никто не мог ему противостоять. Но история с бегством маршала Линь Бяо сильно на него подействовала. Мао как-то сразу постарел, еле ходил, ему не хватало воздуха — сказывалась сердечно-сосудистая недостаточность. «Сутками он лежал в кровати, — вспоминал его личный врач, — ничего не говорил и не делал».

Пекин преподносит урок

Враждебность между Москвой и Пекином привела к тому, что в 1970-е годы наладились американо-китайские отношения. В мировой политике это был крупнейший переворот.

В 1949 году свергнутый коммунистами президент Чан Кайши вместе с остатками своих войск бежал с материкового Китая на остров Тайвань. Соединенные Штаты признали режим на Тайване, управлявший семнадцатью миллионами человек, в ка-

честве подлинного правительства всего Китая. Миллиардный Китай в дипломатическом отношении просто не существовал для США и их союзников. На протяжении двадцати лет Вашингтон не позволял Китаю занять место в ООН и изолировал его практически от всего мира.

В конце 1950-х Китай стал главным раздражителем для Соединенных Штатов. Конфронтация с Советским Союзом бывала весьма острой, но реальная война могла разразиться между США и КНР. Два самых опасных кризиса — из-за Берлина и Кубы — созревали достаточно долго, великие державы имели время подумать и сообразить, что им делать. На Дальнем Востоке штормы начинались без предупреждения и потому были более опасны. Китай, считали на Западе, еще менее предсказуем, чем Советский Союз.

В 1949 году Великобритания признала коммунистическое правительство в Пекине, рассчитывая прежде всего на масштабные экономические отношения. В этом отразилось стремление Лондона признавать те правительства, которые обладают реальной властью. Тогдашний британский премьер лидер лейбористов Клемент Эттли не хотел быть втянутым в большую войну из-за Китая. Англичане понимали, что им не удержать Гонконг.

В декабре 1950 года Комитет информации (так называлась в те годы внешняя разведка) при Министерстве иностранных дел СССР доложил Сталину:

«Английские власти принимают срочные меры к усилению обороны Гонконга. Строятся оборонительные сооружения вдоль границы с Китайской Народной Республикой... Наряду с усилением военно-морских и военно-воздушных сил гонконгские власти приняли решение увеличить механизированную сухопутную армию до 30—40 тысяч человек и оснастить ее новейшим оружием.

Начальник штаба английских сухопутных сил Слим приказал усилить английские войска в Австралии, Индии и Новой Зеландии на случай необходимости оказания помощи Гонконгу. Правительство Англии предложило гонконгским властям приступить к эвакуации материальных ценностей из Гонконга в Сингапур и на Филиппины.

Для проведения этого мероприятия Охранное управление направило в наиболее важные пограничные с Китайской Народной Республикой пункты восемь охранных отрядов, бойцы которых одеты в гражданскую одежду. В задачу этих отрядов входит усиление охраны на дорогах, проведение облав, проверка документов у лиц, находящихся на пристанях, в трамваях, автобусах и в жилых помещениях».

А вот США отказались признать власть коммунистов над Китаем. В разгар холодной войны все коммунисты воспринимались как агенты Советского Союза. Победа китайских коммунистов произвела на американцев гнетущее впечатление. Потеря Китая казалась поражением глобального масштаба, свидетельством серьезности красной опасности: коммунисты, имея атомную бомбу, контролировали треть мира.

24 января 1955 года президент Дуайт Эйзенхауэр потребовал у конгресса предоставить ему особые полномочия и на следующий день получил право принимать меры, «которые могут предусматривать применение вооруженных сил в случае, если возникнет необходимость обеспечить безопасность Формозы (Тайвань) и Пескадорских островов».

Это была демонстрация силы. Но никто не знал, насколько далеко способны зайти Соединенные Штаты и как долго можно оборонять острова. Тем более что с точки зрения международного права невозможно было отрицать, что они принадлежат континентальному Китаю.

Начальник штаба американской авиации генерал Натан Твайнинг грозно говорил: «Я не думаю, что три небольшие атомные бомбы, если их положить точно в цель, принесут слишком много неприятностей. Зато они преподадут китайцам хороший урок».

Поскольку Вашингтон не признал Китайскую Народную Республику, американским дипломатам и разведчикам пришлось покинуть Пекин. Главным разведцентром, который занимался Китаем, стало генеральное консульство в Гонконге — самое большое генконсульство в мире: сорок два вице-консула и сотни человек вспомогательного персонала.

Один из разведчиков получил из Вашингтона телеграмму: проверить подлинность информации о том, что презервативы

западного производства через Гонконг уходят в коммунистический Китай. Он бросился выяснять, сколько презервативов поступает в Гонконг, сколько использует местное население, сколько может отправляться в Китай. Тут поступила вторая телеграмма, объясняющая, почему ему поручена задача первостепенной важности: «Есть информация о том, что китайские коммунисты используют презервативы, чтобы прикрывать дуло автомата от влаги».

Вице-консул задумался над тем, как же помешать отправке презервативов военного значения в Китай. Но задание отменили. Специалисты объяснили разведчикам: если завертывать дуло в презерватив, оно очень быстро ржавеет...

ЦРУ проводило тайные операции прежде всего на юге Китая. Беженцы, устремившиеся в Гонконг, помогали американцам разобраться в настроениях внутри китайского общества. Особенно важным этот пост стал в 1960-е годы, когда в КНР вспыхнула культурная революция и китайцы всеми способами искали убежище в Гонконге. Никогда еще, вспоминали ветераны американской разведки, у них не было так много информации из Китая.

Поскольку в 1949 году так и не было подписано перемирие между КНР и Тайванем, правительство Чан Кайши считало себя вправе вести тайную войну против коммунистов. С Тайваня на континент перебрасывались диверсионные подразделения, иногда численностью до батальона. ЦРУ обучало тайваньский спецназ.

Однажды на континент высадили четыре тысячи пехотинцев и тысячу спецназовцев. Они успешно вернулись назад с семьюстами пленными. Отличившиеся спецназовцы даже участвовали в проходившем в Тайбэе параде по случаю дня рождения Чан Кайши. Однако попытки продвинуться в глубь континента приводили к гибели отрядов. Поднять население против коммунистического режима не удалось. Ограничились распространением пропагандистских материалов и короткими рейдами.

В 1950-е годы внутри ЦРУ оказалось достаточное количество полковников и майоров с опытом боевой работы, их тянуло к полувоенным операциям, которые проводились по периметру

китайских границ. Где спецслужбы — там нарушение закона. В 1952 году проверка бангкокской резидентуры показала, что под видом тайных операций против китайских коммунистов там занимались контрабандой опиума.

ЦРУ на Тайване располагало собственной авиакомпанией «Сивил эйр транспорт», которая сбрасывала боевые группы над территорией КНР. Один из самолетов С-47, принадлежавших ЦРУ, был сбит. Пилоты погибли, а два молодых сотрудника ЦРУ выжили. Они провели в китайских тюрьмах два десятилетия, пока президент Ричард Никсон не договорился об их освобождении.

Полувоенные и подрывные акции проводились для того, чтобы держать Китай в напряжении: если Мао Цзэдун будет считать, что у него дома неспокойно, он не развяжет большую войну. В реальности интенсивные конфликты вокруг Китая в любую минуту могли сдетонировать в большую войну.

Серьезный кризис разразился 11 апреля 1955 года.

В Бандунге (Индонезия) собрались лидеры неприсоединившихся государств. Местные резидентуры ЦРУ предложили взорвать самолет с главой китайской делегации Чжоу Эньлаем — это послужит предупреждением другим коммунистическим лидерам. Вашингтон предложение отверг. А на Тайване решили воспользоваться благоприятной возможностью.

В ответ на артиллерийский обстрел островов агенты тайваньской разведки подложили бомбу в индийский самолет, который вез китайских журналистов в Индонезию. Это сделали во время дозаправки в Гонконге. Экипаж и пассажиры погибли. Говорили, что глава правительства Чжоу Эньлай тоже собирался лететь этим самолетом...

Расследование закончилось ничем — к разочарованию Пекина. Рассекреченные в 1999 году документы показали: тогдашнему премьер-министру Великобритании Энтони Идену доложили, что сотрудник аэропорта в Гонконге, на которого указали китайцы, действительно был завербован тайваньской разведкой. Энтони Иден не пожелал тогда провести расследование и отдать виновных под суд, лишь потребовал выслать из Гонконга шестерых сотрудников тайваньской разведки, причастных к теракту...

Американская и британская разведки тщетно пытались раздобыть информацию о китайской ядерной программе. Руководитель резидентуры в Гонконге Джон Коллинз потратил большие деньги и докладывал, что с помощью сети информаторов и агентов создал досье на важнейших китайских чиновников. Но выяснилось, что надежной информацией он не располагает. Попытки заслать в КНР сколько-нибудь агентов не удались. Переброшенные по ту сторону бамбукового занавеса агенты или исчезали, или возвращались с пустыми руками.

В 1950-е годы Мао постоянно демонстрировал готовность захватить Тайвань, куда, проиграв гражданскую войну, с остатками войск бежал бывший президент Китая Чан Кайши. Историки полагают, что он провоцировал Соединенные Штаты на резкие ответные меры, чтобы под предлогом американской опасности получать от Советского Союза военную технику и самые современные технологии.

Только при президенте Ричарде Никсоне Соединенные Штаты признали, что Китай один и Тайвань является его частью. Поначалу американцы не думали, что примирение с Пекином, где полыхала культурная революция, возможно.

Тональность высказываний Мао Цзэдуна в отношении США начала меняться, хотя немногие в ту пору заметили эту перемену. В 1965 году он сказал американскому писателю Эдгару Сноу, поклоннику китайской революции и автору книги «Красная звезда над Китаем»: «Я лично сожалею, что силы истории разделили американский и китайский народы. Тем не менее, я не верю, что это закончится войной, что стало бы одной из самых страшных трагедий в истории».

Его слова остались неуслышанными.

7 апреля 1965 года президент Линдон Джонсон оправдал американское вмешательство во вьетнамские дела коварными замыслами Китая: «Над всей Азией нависла тень коммунистического Китая. Ханойские властители подталкиваются Пекином. Противостояние во Вьетнаме — часть более широких агрессивных замыслов...»

Но Мао не имел отношения к вьетнамской войне. Его вообще мало интересовала мировая революция. Он говорил Эдгару

Сноу: «Если где-то происходит революция, мы делаем заявления и проводим митинги в ее поддержку. Мы любим произносить пустые слова, но мы не посылаем войска».

В октябре 1967 года будущий президент Ричард Никсон писал в журнале «Форин афферс» в статье «Азия после Вьетнама»:

«С позиций длительной перспективы мы просто не можем позволить себе навсегда оставить Китай за пределами семьи народов, чтобы он, находясь в таком состоянии, вынашивал фантастические замыслы, копил ненависть и угрожал соседям. На нашей маленькой планете нет места, где бы миллиард китайцев — потенциально самый способный народ — мог жить в состоянии злобной изоляции... Необходима политика, рассчитанная на то, чтобы убедить Пекин, что он может обеспечить свои интересы, только восприняв основные правила международной корректности. Эта политика означает возвращение Китая в мировое сообщество, но в качестве великой и развивающейся страны, а не центра мировой революции».

В марте 1968 года Никсон предсказал, что Советский Союз станет более сговорчивым из-за плохих отношений с Китаем. В определенном смысле он оказался прав. Советник президента Соединенных Штатов Генри Киссинджер вспоминал: «18 августа 1969 года сотрудник советского посольства в Вашингтоне спросил чиновника госдепартамента, какой будет реакция США, если СССР нанесет удар по ядерным объектам Китая. Я отнесся к этому сообщению достаточно серьезно, чтобы собрать заседание вашингтонской группы специальных действий — подкомитета Совета национальной безопасности, занимающегося разработкой планов на случай непредвиденных обстоятельств».

Первый сигнал о желательности сближения пришел в Вашингтон из Китая после ввода советских войск в Чехословакию в августе 1968 года. Китайцы хотели избавиться от угрозы войны на два фронта — против Советского Союза и против Соединенных Штатов, выйти из международной изоляции и продемонстрировать всему миру свою значимость.

В 1969 году вражда между Москвой и Пекином приобрела зловещий военный аспект. Когда произошли столкновения со-

ветских и китайских войск на берегах реки, о которой раньше никто в Америке и не слышал, Вашингтон без колебаний повернулся лицом к Китаю. Некоторые американские дипломаты говорили, что сближение с Китаем подорвет отношения с Советским Союзом. Киссинджер, напротив, считал, что это заставит Москву искать взаимопонимания с американцами.

Архитектор американской внешней политики Генри Киссинджер без колебаний повернул дипломатию в сторону Китая. А Ричард Никсон не упустил возможность войти в историю как политик, который восстановил отношения с Пекином.

Бои на острове Даманский были задуманы китайцами как попытка произвести шоковое впечатление на советских лидеров, напугать их. Типично китайская тактика: вместо того чтобы добиваться военной победы, нанести психологический удар и заставить противника отказаться от самой идеи войны. Но Мао ошибся: реакция Москвы была иной. Началось усиленное военное строительство по всей линии границы. И это еще больше подтолкнуло Пекин в сторону Вашингтона.

Москва хотела, чтобы в советско-китайском противостоянии Соединенные Штаты придерживались политики нейтралитета. Американцам казалось, что Москва способна нанести упреждающий ядерный удар по Китаю. Генри Киссинджер был убежден, что нельзя допустить поражение Китая в войне с Советским Союзом, потому что после этого вся военная мощь СССР обратилась бы против Запада.

В августе 1969 года на заседании Совета национальной безопасности президент Никсон сказал, что в нынешней ситуации Советский Союз опаснее Китая и не в интересах Соединенных Штатов допустить, чтобы советская армия размазала Китай... В Вашингтоне решили, что в случае советско-китайской войны объявят о нейтралитете, но максимально благоприятном для Китая. Американские дипломаты получили указание предупредить Советский Союз, что в случае такой войны США не останутся безразличными.

Это была революция во внешней политике. Впервые президент США провозгласил, что американцы заинтересованы в выживании коммунистической державы, с которой они даже не имели дипломатических отношений.

«Китай имел для нас такое важное значение не потому, что он был сильным, — писал Киссинджер. — Чжоу Эньлай говорил, что его страна не является сверхдержавой, и был, безусловно, прав. Если бы Китай был сильнее, он бы не стал так настойчиво добиваться улучшения отношений с нами. Мы нужны были Пекину для того, чтобы он мог выйти из изоляции, и для противовеса смертельной угрозе, нависшей над ним с севера. Нам же Китай нужен был для того, чтобы мы могли придать нашей дипломатии больше гибкости».

Во время холодной войны Пекин маневрировал очень умело. Китай в отношениях с Соединенными Штатами перешел от враждебности к союзу. И проделал обратную эволюцию в отношениях с Советским Союзом.

Китайские руководители хотели избавиться от угрозы войны на два фронта — и против СССР, и против США — и продемонстрировать всему миру свой престиж и значимость. Имея дело с двумя великими ядерными державами, Мао думал о главном: не дать им объединиться против Китая. Он предпочел сблизиться с Америкой, чтобы гарантировать себя от войны с Советским Союзом.

«Так начался, — вспоминал Киссинджер, — сложный менуэт между нами и китайцами, настолько тонко организованный, что обе стороны всегда могли утверждать, что между ними нет контакта; менуэт исполнялся в таком стиле, что ни одна страна не должна была нести ответственность за проявление инициативы».

Первыми американцами в Пекине оказались члены американской команды по настольному теннису, которых пригласил лично Мао. 14 апреля 1971 года их принял глава правительства Чжоу Эньлай.

Уолтер Стессел, посол США в Польше, получил указание наладить контакты с китайцами, а те буквально бегали от американцев, пытавшихся с ними заговорить и куда-нибудь пригласить. Стессел увидел китайского дипломата на выставке и передал послание из Вашингтона: американцы готовы к серьезным переговорам. У китайского дипломата едва не начался сердечный припадок, он не знал, что ответить. Контакты налаживали через румын и пакистанцев.

«Американский империализм находится при последнем издыхании, — писала газета «Жэньминь жибао», центральный орган компартии Китая. — Хотя он дошел уже до своего конца, Никсон имеет наглость говорить о будущем. Человек, стоящий одной ногой в могиле, пытается утешиться мечтами о рае».

Тайная поездка Киссинджера в Китай состоялась в июле 1971 года.

Чжоу в разговоре с Киссинджером определил принципы отношений двух стран: взаимное доверие и взаимное уважение.

Многие американские дипломаты опасались, что сближение с Китаем подорвет отношения с Советским Союзом. Киссинджер, напротив, считал, что это заставит Москву искать взаимопонимания с американцами. Реакция Советского Союза оказалась именно такой, какой ее ожидал увидеть Киссинджер. Москва спешила показать, что с ней можно иметь более серьезные дела, чем с китайцами.

Каждый шаг Китая в международных делах оказывался неприятным сюрпризом для Кремля. Несколько десятилетий советские дипломаты добивались, чтобы место в Совете безопасности ООН, зарезервированное для Китая, занял представитель КНР, а не Тайваня. Когда это произошло, в Совете безопасности обосновался ярый враг Советского Союза...

«На Генеральной Ассамблее, — рассказывал Киссинджер, — почти ежегодно проходило голосование по вопросу о том, какое правительство — Китайской Республики на Тайване или Китайской Народной Республики в Пекине — имеет право представлять Китай. Вначале большинство голосовало против допуска КНР. Но с каждым годом росло число стран, выступавших в пользу Пекина.

Соединенные Штаты нашли выход в процедуре. Начиная с 1961 года мы и наши союзники ежегодно вносили резолюцию, в соответствии с которой предложение изменить представительство Китая считалось „важным вопросом“, требующим для своего одобрения большинства в две трети голосов на Генеральной Ассамблее... Мы были в состоянии блокировать принятие Пекина, набрав треть голосов плюс один голос... Однако неизбежное в конечном счете поражение становилось все более очевидным».

Американской делегации не удалось набрать необходимую треть голосов, и представителю Тайваня пришлось оставить кресло в Совете безопасности.

Свидетельствует тогдашний представитель США в ООН (и будущий президент страны) Джордж Буш-старший:

«Делегация КНР в своих мешковатых серых френчах прибыла в Нью-Йорк 11 ноября 1971 года... Я по-настоящему удивился тому, что они всего лишь недолюбливают нас, но ненавидят русских. Это стало очевидно, когда посол Китая в ООН Хуан Хуа присутствовал на своей первой неофициальной встрече пяти постоянных членов Совета безопасности.

Эта встреча проходила в резиденции французского представителя Жана Костюшко-Моризе... Поприветствовав Хуан Хуа у дверей своей резиденции, Костюшко-Моризе ввел его в гостиную, где уже находились сэр Колин Кроу, Яков Малик и я. Хуан был представлен сэру Колину и подал ему руку, затем — мне, и я подал руку. Потом протянул свою руку Малик. Я увидел, как Хуан Хуа вытянул было руку, но, услышав слова: „Советский посол!“, быстро убрал ее назад, круто повернулся и отошел в сторону.

Оскорбление не могло быть более расчетливым. Хуан заранее знал, что Малик будет присутствовать на встрече... Я понял, что действия Хуана — это преднамеренная и открытая демонстрация другим великим державам того, что китайцы рассматривают советский „гегемонизм“ в качестве главной угрозы безопасности, даже большей, чем американский империализм...

Рука Малика повисла в воздухе, а его лицо покрылось ярким пурпуром, словно Хуа дал ему пощечину. В этот момент — он длился несколько секунд, хотя казалось, что времени прошло гораздо больше, — напряжение в комнате было настолько велико, что его трудно даже описать. Не было произнесено ни единого слова, слышалось лишь тяжелое дыхание всех присутствующих. Затем наш французский хозяин в полной панике быстро двинулся в направлении столовой, отчаянно жестикулируя и громко призывая: „Прошу! Прошу! Давайте начнем совещание“».

Яков Александрович Малик был очень опытным дипломатом. Он занимал должность посла в Японии во время Второй

мировой войны, был заместителем министра иностранных дел. Один из его подчиненных, Дмитрий Федорович Сафонов, вспоминал:

«Одним он казался очень строгим, неорганизованным и не в меру шумливым начальником — каким-то импульсивным, шебутным, требовавшим от своих подчиненных много такого, в чем ни он сам, ни дела, которыми он занимался, совсем не нуждались — так, впрок, лишь бы не сидели без дела...

Но был и другой Малик, вне работы, совсем не похожий на первого: общительный, веселый, остроумный, готовый принимать участие в самых несерьезных мероприятиях — застольях, танцах и различных играх... Женщины буквально восторгались таким Маликом и считали его отличным кавалером и настоящим джентльменом...»

Очаровать китайских партнеров — это была непосильная задача...

2 июня 1971 года Ричард Никсон получил от главы китайского правительства Чжоу Эньлая приглашение посетить Китай. Его передал президент Пакистана Яхья Хан. Никсон очень хотел знать, что его ждет в Пекине. 30 июня 1971 года президент сказал руководителю своего аппарата Роберту Холдеману: «Надо забраться туда, обшарить все, взять документы и доставить их сюда». Речь шла о похищении документов из дипломатического представительства Китая. Тем самым президент приказал совершить преступление — за год до скандала в Уотергейте. Никсон говорил откровенно, забыв, что тайные микрофоны работают. О них не знала даже его личный секретарь.

Микрофоны находились повсюду: пять — в его письменном столе, по одному — с обеих сторон камина в овальном кабинете, два — в личном кабинете президента. К магнитофону подключили его телефонные линии, потом стали записывать и его разговоры в Кемп-Дэвиде. Практически везде они включались, когда он начинал говорить.

Никсон, который рассчитывал, что его президентство войдет в историю, хотел сохранить свои разговоры и для историков, и для собственных мемуаров. Он уже выпускал книги и знал, что они могут быть очень успешными и прибыльными. Кроме того,

как опытный политик он не хотел, чтобы помощники его надували, меняя свое мнение и уверяя, что они всегда так думали...

Но сам же первый и забывал, что запись идет! И произносил то, что не говорят в подобной ситуации, порой с применением лексики из гангстерских фильмов.

Подготовка визита Никсона в Китай проходила в полной тайне. Ничто не просочилось в прессу, и влиятельные противники сближения с Пекином были захвачены врасплох. Перед поездкой французский писатель Андре Мальро сказал Никсону о Мао: «Вам предстоит встреча с колоссом, но с колоссом, стоящим одной ногой в могиле. Знаете, о чем подумает Мао, когда увидит вас? Он подумает: „Вот человек намного моложе меня“. Вы будете считать, что он говорит с вами, на самом же деле он будет беседовать со смертью... В Мао есть что-то колдовское. Его снедают видения, они поглощают его».

Ричард Никсон прилетел в Пекин 21 февраля 1972 года, это был дождливый день. В аэропорту его ждал Чжоу Эньлай. Когда Никсона везли в город, улицы были пусты. В вечернем выпуске новостей сообщение о визите американского президента было последним.

«На первом официальном обеде в Пекине, — вспоминал Никсон, — Чжоу Эньлай, чтобы продемонстрировать крепость „маотая“, китайской водки, налил ее в блюдце и поднес спичку. Водка вспыхнула, как церковная свечка. Представляете, что случится, если этот напиток попадет в желудок».

На прощальном банкете Ричард Никсон поднял бокал: «Мы провели здесь неделю. Это была неделя, которая изменила весь мир».

В Москве приезд Никсона в Пекин в феврале 1972 года восприняли как поражение, как неудачу. В действительности это был путь к стабилизации ситуации. Китай переставал быть непредсказуемым, опасным соседом, от которого можно ждать чего угодно. Он начал превращаться в нормального игрока, который в мировой политике подчиняется определенным правилам.

До этого Москва не горела желанием организовать встречу Никсона и Брежнева. После поездки американского президента в Пекин позиция переменилась. Советские руководители спе-

шили показать, что они — более серьезные партнеры, чем китайцы. «Действительной ценой, назначенной Советским Союзом за встречу на высшем уровне, был сговор против Китая», — констатировали американцы. Они оказались в выгодном положении: сближения с ними жаждали и в Москве, и в Пекине.

Визиту Никсона в Москву придавалось большое значение. Протокольные вопросы обсуждали на заседании Политбюро. Брежнев озабоченно говорил: «Никсон в Китае ходил по Великой китайской стене с мадам. А у нас всюду мадам будет ходить одна. А вместе — только на „Лебединое озеро“. Удобно ли? Не надо селить сопровождающих Никсона в гостинице. Там за ними Андропову не уследить. Надо их всех — в особняки на Ленинские горы. Заодно и контактов будет меньше. Встреча на аэродроме. Обычно у нас машут флажками и кричат „Дружба!“ Сейчас это не пойдет. Но надо, чтобы не молчали совсем. Надо пятерых-шестерых ребят подготовить, чтобы что-нибудь по-английски сказали президенту, пожелали, скажем, успеха в переговорах...»

Подгорный предложил показать Никсону ансамбли Осипова и Александрова. Брежнев отмахнулся: «Это не то, чем мы можем блеснуть». Суслов посоветовал сводить в Алмазный фонд. «Не то! Мы с Николаем (Подгорным) видели в Иране такой фонд, что наш на его фоне просто жалкий».

Николай Викторович Подгорный, председатель Президиума Верховного совета СССР, предложил представить Никсону дипломатический корпус не в аэропорту, а позже в Кремле. И эта идея не понравилась Брежневу. «Голо будет на аэродроме. И вообще не надо походить на китайцев. Вон Чжоу Эньлай: пришел в своих широких штанах, угрюмый и повел Никсона внутрь аэровокзала. Это не годится. Мы — культурные люди...»

В мае 1972 года Ричард Никсон прилетел в Москву, и это было огромное событие для обеих стран. Помимо всего прочего Брежнев жаждал ответа на вопрос: не затевают ли американцы союз с Китаем против СССР?

Пекин настойчиво подталкивал Вашингтон к конфронтации с Москвой.

В феврале 1973 года Генри Киссинджер в Пекине вел переговоры с Чжоу Эньлаем.

«Китайский премьер, — вспоминал Киссинджер, — призвал нас взять на себя руководящую роль в организации антисоветской коалиции, простирающейся от Японии до Западной Европы, включая Китай, Пакистан, Иран и Турцию. Китайский коммунистический лидер высмеивал саму мысль о переговорах с Советским Союзом.

С его точки зрения, экспансионистские тенденции советской системы неизменны, и переговоры могут лишь все запутать. Задача Китая — разоблачать советские замыслы и тем самым обеспечивать базу для согласованного им противодействия. Разрядка, предупреждал американцев Чжоу, может усыпить бдительность Запада, обеспечить Советскому Союзу свободу рук для нажима на Китай и подорвать волю к сопротивлению».

16 июня 1973 года, через год, Брежнев отправился в Вашингтон с ответным визитом. В здании советского посольства Леонид Ильич дал большой обед. Продукты и спиртное были доставлены спецсамолетом из Москвы. 22 июня Брежнева повезли в Сан-Клементе — летнюю резиденцию Никсона.

На встрече с президентом в узком составе Брежнев обрушился на китайцев. Генри Киссинджер записал его слова. Китайцы, по мнению Брежнева, вероломны и умело скрывают свои истинные цели. «Культурная революция» — пример морального вырождения. Какие же это руководители, возмущался Леонид Ильич, если они подавляют свой народ и в то же время пропагандируют свои идеи по всему миру?

Брежнев намекнул, что, по мнению советских врачей, Мао Цзэдун страдает психическим заболеванием. Цель этого монолога состояла в том, чтобы предостеречь Соединенные Штаты от сотрудничества с Китаем в военной сфере. Но добиться этого было невозможно.

В 1973 году, когда Киссинджер прилетел и беседовал с Чжоу, тот фактически просто требовал, чтобы США мобилизовывал всех и вся на борьбу с Советским Союзом. А Мао демонстрировал, что не боится СССР. Сказал американскому гостю: «Если Советский Союз сбросит на нас свои бомбы и убьет всех китайцев старше тридцати лет, то это даже хорошо — это решит про-

блему с диалектами. Старики вроде меня не могут выучить мандаринский диалект...»

Страшное видение преследует Китай — что все его могущественные враги объединятся. Тогда в Пекине боялись сближения СССР, Индии и США. А вдруг Москва и Вашингтон сговорятся против Китая?

Осенью 1974 года главой американской миссии связи в Пекине, состоявшей из трех десятков человек, стал Джордж Буш-старший. Исходя из его биографии, он был наилучшим кандидатом для того, чтобы занять Овальный кабинет. Самый молодой боевой летчик во Второй мировой. Пятьдесят пять боевых вылетов. Четыре раза его самолет подбивали или там что-то ломалось. И он выжил.

«Китайская дипломатия, — вспоминал Буш, — довела до степени искусства умение пользоваться загадочными фразами. Подайте просьбу о встрече с высокопоставленным китайским официальным лицом, и вы можете получить отказ в трех вариантах, но всегда вежливо.

Во-первых, вам могут заявить, что встреча „не очень удобна“. Это значит, что вы никогда не встретитесь с тем, с кем хотели.

Во-вторых, что ваша просьба „в принципе“ может быть принята. Смысл этого: ждите, затаив дыхание.

В-третьих, вам могут сказать, что такая встреча „возможна, но ее подготовка может занять некоторое время“. Поскольку китайцы измеряют время иным способом, чем нетерпеливые европейцы, „некоторое время“ может означать все, что угодно — от пяти до двадцати лет...

С точки зрения китайцев, иностранцы могут узнать только то, что им позволят хозяева. Их обычный прием сводится просто к тому, чтобы ограничить доступ приезжих к источникам информации; но для особых гостей у них есть свои варианты „потемкинских деревень“».

Впрочем, и для самого Буша-старшего был характерен очень осторожный и секретный стиль дипломатии. Он принадлежал к числу патрициев — дипломатов, которые считали, что в силу своего происхождения, образования и положения они лучше понимают, что нужно обществу, которое даже не стоит ставить

в известность. Став главой миссии в Китае, он начал регулярно надиктовывать личный дневник. Но, боясь утечек информации, не произносил ни одного рискованного слова.

Ладить с китайскими чиновниками американцам было не легче, чем с советскими. Но высшее руководство в Пекине старалось расположить к себе американцев.

«Во время визита Киссинджера, — рассказывал Джордж Буш, — когда Генри и я посетили заместителя премьер-министра Дэн Сяопина, тот спросил, была ли у меня возможность посмотреть „пещеры“. Когда я сказал „нет“, была организована специальная рождественская экскурсия.

На определенном перекрестке в Пекине меня встретили представители Народно-освободительной армии и провели в находящийся неподалеку магазин одежды. Мы подошли к каким-то полкам, один из сопровождающих нажал скрытую кнопку. Стеллаж повернулся, и открылся проход. Мы спустились вниз и прошли по лабиринту тоннелей и довольно больших помещений. Там были туалеты, но я не заметил признаков вентиляционной системы, хотя сопровождавшие уверяли меня, что воздух здесь очень чистый, что тут устроена дренажная система и достаточно места для того, чтобы разместить тысячи людей, живущих по соседству...

Мне сказали, что СССР когда-нибудь все равно начнет против Китая войну, причем с использованием ядерного, а не обычного оружия».

Третий крупный игрок — Китай — оказывал серьезное влияние на взаимоотношения двух великих держав. Пекин давил на все кнопки, чтобы столкнуть Москву и Вашингтон.

Краткая встреча президента США Джеральда Форда и Леонида Ильича Брежнева во Владивостоке в ноябре 1974 года ухудшила отношения США и Китая. Место встречи было выбрано исключительно из прагматических соображений. Форду нужно было встретиться с советским генсеком. Тема переговоров была очень непростой— обсуждалось новое соглашение по ограничению стратегических наступательных вооружений. Организовать их в Европе было невозможно, потому что Форду пришлось бы встречаться с рядом европейских лидеров, а рас-

писание не позволяло. Его визиты в Японию и Южную Корею были давно запланированы.

Однако же подозрительные китайцы восприняли встречу Брежнева и Форда как попытку советско-американского сговора — да еще в том самом районе, который, с их точки зрения, Россия приобрела в результате неравноправных договоров со слабым Китаем! Когда Киссинджер прилетел из Владивостока в Пекин, его встретили более чем холодно. Это был единственный раз, когда его не принял Мао Цзэдун.

В начале 1974 года глава правительства Чжоу Эньлай впал в опалу. Вместо него основным партнером американцев стал Дэн Сяопин. Он держал себя с неподражаемым апломбом и самоуверенностью.

«Генри Киссинджер вновь прилетел в Пекин 19 октября 1975 года, — вспоминал Джордж Буш-старший. — Во время встречи с Киссинджером Дэн Сяопин сокрушался — как ни парадоксально это звучало — о том, что Соединенные Штаты демонстрируют свою слабость перед лицом советской угрозы миру.

Дэн Сяопин, как Мао и другие китайские лидеры, был обеспокоен американской политикой разрядки по отношению к Советскому Союзу. Он бросил нам обвинение, что политика Соединенных Штатов аналогична политике Великобритании и Франции по отношению к Гитлеру в 1938 году в Мюнхене. Он так и сказал: подобна политике „умиротворения“.

Киссинджер негодовал, но сохранил самообладание и спокойно возразил:

— О стране, которая расходует сто десять миллиардов долларов на оборону, нельзя сказать, что она следует духу Мюнхена. Позвольте заметить вам, что мы сопротивлялись советскому экспансионизму уже тогда, когда ваши страны в силу ваших собственных интересов были еще союзниками».

В декабре 1975 года Киссинджер видел Мао в последний раз. Тот не мог встать с кресла без помощи двух медсестер. Говорил с трудом. Переводчица записывала его слова на бумаге и показывала иероглифы Мао. Если он кивал, она переводила слова вождя на английский. Мао говорил, что американский контингент в Европе слишком слаб, чтобы противостоять советской

армии в случае войны, а использованию ядерного оружия помешает общественное мнение.

Впрочем, обе стороны едва ли питали иллюзии относительно прочности взаимоотношений. Это был брак по расчету, который, говоря словами Киссинджера, превратился в эмоциональную связь главным образом благодаря психологической тонкости китайцев и сентиментальным воспоминаниям американцев о Китае, которого уж не существовало. Проницательные американцы не сомневались, что когда Китай будет достаточно сильным, чтобы выстоять в одиночку, он порвет с Вашингтоном. Или даже выступит против Америки, если придет к выводу, что этого требуют его интересы.

Киссинджер доложил президенту Джеральду Форду: «Я могу гарантировать, что если у нас возникнет конфликт с Советским Союзом, китайцы атакуют и нас, и Советский Союз. Хорошие отношения с Москвой более всего способствуют отношениям с Пекином. И наоборот».

В конце января 1979 года по случаю формального восстановления дипломатических отношений в полном объеме (это произошло 1 января) приехал в Вашингтон заместитель премьер-министра Дэн Сяопин. На первые роли он выдвигал других людей, а сам руководил как бы со стороны. Но все знали, что это Дэн принимает в Пекине все ключевые решения.

Главную роль в тайных переговорах между Белым домом и Дэн Сяопином, что привело к полной нормализации отношений с Китаем и позволило Дэну приехать, играл советник президента по национальной безопасности Збигнев Бжезинский.

Государственный секретарь Сайрус Вэнс был весьма уязвлен своей скромной ролью исполнителя, которого даже не посвящали во все секретные детали. Вэнса отправили в поездку по Ближнему Востоку, когда в Белом доме объявили о нормализации отношений с Пекином. Ничто не могло в такой степени подчеркнуть второстепенную роль государственного секретаря в принятии ключевых решений по внешней политике и первостепенную роль помощника президента.

Збигнев Бжезинский надеялся привлечь Китай к антисоветской коалиции. Во всяком случае, в Москве не сомневались, что таков замысел Бжезинского.

Бжезинский был любителем всякого рода геополитических, или, как он сам их называл, геостратегических построений относительно жизненно важных для США сфер, которым угрожает СССР, вроде района от Гиндукуша до Босфора, дуги нестабильности от Пакистана до Эфиопии. Бжезинский исходил из того, что СССР формирует антиамериканскую ось — СССР, Индия, Афганистан. И Вашингтону надо в ответ формировать антисоветскую ось — США, Пакистан, Китай, Саудовская Аравия...

Такие идеи мгновенно овладевают слабыми умами. Непрофессиональные политики охотно верят в глобальные замыслы другой стороны. Классическая дипломатия предполагает недосказанность: я говорю тебе правду, но не всю правду. Современная дипломатия так стремительна, что на недосказанность не остается времени. Приходится говорить прямо, как есть, иначе будет потеряно дорогое время и доверие. А исчезновение доверия в дипломатии страшно опасно. Возникает подозрительность, которую невозможно развеять никакими силами. Приводит это к тому, что уже никто никому не верит. Все убеждены, что другая сторона сознательно делает выбор в пользу конфронтации и вынашивает коварные замыслы. Эскалация — от потери доверия до уверенности во враждебности замыслов соперника — происходит мгновенно.

Министр иностранных дел СССР Андрей Андреевич Громыко сожалел о конфронтации с Китаем именно потому, что это позволило американцам наладить отношения с Пекином, используя сближение для давления на Советский Союз. Сам по себе Китай его не интересовал.

Громыко интересовали только Соединенные Штаты, крупные европейские страны и Организация Объединенных Наций. Весь остальной мир для Громыко практически не существовал. Сердце у него не лежало к государствам третьего мира. Он не считал их серьезными партнерами. В Индию его заставили съездить всего однажды, и то чуть не силком. «Он считал, что третий мир — это одно беспокойство, — рассказывал многолетний посол в США Анатолий Добрынин. — Он сам мне это говорил».

Частично такая позиция объяснялась тем, что третьим миром и социалистическими странами занимался не МИД, а ЦК

партии. И послами туда отправляли не дипломатов, а бывших партийных секретарей. Восток и арабский мир Громыко не интересовали, поэтому он отдал эти регионы на откуп международному отделу ЦК, во главе которого многие годы стоял секретарь ЦК Борис Николаевич Пономарев — он начинал еще в Коминтерне. Зато министр не подпускал людей Пономарева к американским и европейским делам...

Дэн Сяопин впервые прилетел в Нью-Йорк в апреле 1974 года в составе китайской делегации на сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Формально делегацией руководил министр иностранных дел КНР.

Это Дэн придумал формулу, ставшую знаменитой: первый мир — сверхдержавы США и СССР, второй мир — развитые страны, третий мир — развивающиеся. С этой формулой из-за противоборства с Пекином у нас долго не соглашались. Советским журналистам «рекомендовали» избегать ею пользоваться, но удобное и всем понятное выражение «третий мир» прочно вошло в обиход.

Тогда еще роль Дэна не была ясна. Но с тех пор, пишет Киссинджер, американцы оценили этого маленького неустрашимого человека с меланхоличными глазами.

Когда в 1979 году Дэн прибыл в Соединенные Штаты, ему показали автомобильный завод и космический центр. Его усадили в кабину управления космическим кораблем, где моделировался реальный полет. Руководитель народного Китая увлекся игрой и не хотел уходить... Он и на родео побывал с интересом. Не отказал себе в удовольствии покрасоваться в ковбойской шляпе.

Дэн Сяопин обладал одним фантастически важным качеством. Он смотрел на мир незашоренным взглядом. Увидев, что рыночная экономика способна накормить людей, сделать страну процветающей, он безжалостно отбросил все догмы социалистического хозяйства. «Если бы я мог родиться снова, — сказал Дэн в узком кругу после поездки в Америку, — в Китае уже сейчас существовала бы рыночная экономика».

Один венгерский философ заметил когда-то, что ленинизм есть приспособление марксизма к решениям очередного Пле-

нума ЦК. Дэн Сяопин приспособил маоизм к фактическому разрушению социализма в том виде, в котором он существовал при Мао Цзэдуне. Дэна идеологические формулы не волновали. Он хотел, чтобы народ лучше жил, а государство было крепким, способным охранять свои границы от всякого рода посягательств извне.

Во время визита Дэн Сяопин всячески демонстрировал свое расположение к Соединенным Штатам. «Мы приехали, — говорил Дэн, — чтобы выразить дружбу китайского народа к американскому народу, и здесь, на вашей земле, мы ощущаем ваше дружеское отношение к нашей стране».

Одновременно Дэн Сяопин не упускал случая пройтись насчет Советского Союза. На одном приеме Дэн прямо обвинил Москву в агрессивности и вероломстве. (Да и в самом Китае, когда приезжали американцы, звучали зловещие тосты: «Долой нашего общего врага полярного медведя!») Журналу «Тайм» Дэн говорил: «Если мы хотим остановить полярного медведя, надо объединяться. Недостаточно полагаться только на мощь США. Недостаточно рассчитывать на мощь Европы. Вот если мы объединимся, то обретем вес...» Збигневу Бжезинскому он выговаривал: «Зачем вы торгуете с русскими? Вы тем самым помогаете русским преодолеть их слабость».

С Дэном беседовал президент Джимми Картер.

Картер вел себя нарочито скромно. Сам носил свой портфель, отправил дочь Энн в муниципальную школу, продал президентскую яхту, уменьшил количество служебных автомобилей в гараже Белого дома и сократил своим сотрудникам зарплаты на десять процентов. Он на всем пытался сэкономить. Он устраивал совещания с лучшими экономистами и банкирами страны, но ничем не угощал и даже не предлагал воды. Президент «Бэнк оф Америка» ходил в ванную, чтобы напиться из-под крана. На завтраках с руководителями конгресса Картер приказал ограничить меню печеньем и кофе. Законодатели взбунтовались и потребовали включить в меню яйца. Президенту пришлось пойти им навстречу.

После встречи с китайским гостем Джимми Картер записал в дневнике: «Дэн сказал, что Китайская Народная Республика

не желает войны. Китайцам нужен длительный мир, чтобы осуществить модернизацию. Советский Союз в конце концов развяжет войну. Но мы можем оттянуть войну до конца столетия. Дэн не считает, что нужен формальный союз, но мы должны координировать свои усилия, чтобы сдерживать Советский Союз».

В конфиденциальном разговоре Дэн Сяопин предупредил американцев, что Китай намерен «преподать урок» вьетнамцам. Отношения двух стран, между которыми всегда существовали сильные противоречия, приняли откровенно враждебный характер после того, как вьетнамские войска вошли в Камбоджу. Тогда она называлась Кампучией и у власти находились красные кхмеры во главе с Пол Потом.

Настоящее имя Пол Пота — Салот Сар. Ему дали стипендию для поездки в Париж на учебу. Во Франции он должен был получить диплом инженера, а стал марксистом. Он не сдал экзамены и вернулся домой, недоучившись. Присоединился к подпольному движению против французов. В 1963 году стал секретарем компартии. В 1968-м красные кхмеры начали партизанскую борьбу против полиции и армии. В 1975 году они взяли власть в стране.

Окружение Пол Пота состояло в основном из его друзей по учебе в Париже, все как на подбор — люди, лишенные элементарных человеческих добродетелей. Его неулыбчивые бойцы с холодными глазами приступили к чистке столицы от врагов. Врагов оказалось много. Уничтожали всех, кто служил свергнутому режиму, учителей, инженеров, врачей, вьетнамцев, буддийских монахов. Идеи Пол Пота представляли собой горючую смесь национализма и коммунизма. Он создавал коллективную экономику без денег. Страна осталась без еды и погибала.

Пол Пота называли «брат номер один». Он был похож на привидение — мало кто его видел, но все и всегда боялись. Те, кто разговаривал с ним, вспоминали, что он был мягок в обращении и вежлив, всегда улыбался. Но за три года и восемь месяцев у власти он превратил страну в кладбище. Красные кхмеры в стране с семимиллионным населением убили около двух миллионов человек.

Красные кхмеры, как и нацисты, аккуратно вели записи об уничтожении. Рядом с палачами работали клерки. Сохранились следственные дела, в которых арестованные признают себя одновременно американскими, советскими и вьетнамскими шпионами. Сохранились папки с отчетами партсобраний аппарата тюрем и лагерей, где следователи и надзиратели подвергали себя самокритике такого, например, содержания: «Мы должны правильно применять пытки, потому что иногда они говорят нам не правду, а то, что мы хотим от них услышать». Сохранились автобиографии служащих спецслужб красных кхмеров: «Мои братья служили в армии Лон Нола, американской марионетки. Они работали на врага. У меня нет к ним никаких добрых чувств». Такое признание означало уничтожение родственников.

Красные кхмеры отгородились от всего мира. Какие-то отношения они поддерживали только с Китаем и с Северной Кореей. Инструкторы, отправленные в Пномпень Ким Ир Сеном, обучали камбоджийские спецслужбы.

В определенном смысле красные кхмеры — тоже порождение холодной войны. Это одна из самых позорных страниц истории. Советские руководители с раздражением следили за их деятельностью, считая, что Пол Пот компрометирует мировое коммунистическое движение. Но Москва блокировала все попытки мирового сообщества вмешаться и даже не хотела осуждать красных кхмеров, потому что они строили социализм. Китай же вообще безоговорочно поддерживал красных кхмеров, потому что Пекин, как и другие крупные державы в годы холодной войны, нуждался в сателлитах.

При этом Китай поддерживал и короля Камбоджи Нородома Сианука. В марте 1970 года, когда Сианук находился с визитом в Советском Союзе, его сверг генерал Лон Нол. Сианука приютил у себя Китай. Мао Цзэдун обеспечил ему роскошную жизнь в своей бедной стране. В резиденцию Сианука прислали лучших поваров. Паштет из гусиной печени ему доставляли из Парижа на самолете.

Свергнувший его генерал Лон Нол содержал целую группу астрологов. Однажды они сказали, что дома на главной улице Пномпеня надо срыть, потому что улица проходит по хвосту

злого духа. Генерал Лон Нол приказал выполнить требование астрологов, но вскоре был изгнан из страны красными кхмерами. Теперь Сианук понадобился красным кхмерам. Мао Цзэдун отправил его в Пномпень.

Вся жизнь Сианука прошла в борьбе с многочисленными врагами и соперниками, которые старались его свергнуть и уничтожить. Но он отличался фантастической ловкостью. Он всегда был слишком слаб, чтобы бороться в одиночку, поэтому он вычислял сильнейшего, присоединялся к нему и возвращался на трон. После военного переворота многие думали, что Сианук навсегда сошел с политической сцены, что у него не осталось последователей в стране, что ему больше никто не доверяет. Это была ошибка. Выяснилось, что в Камбодже нет иной объединяющей силы, кроме короля.

И Китай заставил Сианука объединиться с его злейшими врагами. Прирожденная способность короля ладить со всеми, балансировать на самом краю обрыва всегда вызывала изумление. Он был гений политического маневра, хитроумной интриги. Казалось, он вообще запретил себе проявлять какие-то человеческие чувства. Многие его родственники были убиты красными кхмерами, но Сианук согласился сидеть с ними за одним столом.

Соседний Вьетнам красные кхмеры ненавидели и устраивали настоящие вьетнамские погромы. Ненависть маленькой Камбоджи к большому Вьетнаму имеет глубокие исторические корни.

Упадок империи Ангкор после XIV века привел к тому, что соседние Сиам (Таиланд) и Вьетнам стали делить территорию Камбоджи. Французская интервенция в XIX столетии помогла вернуть земли, отрезанные Таиландом. Но дельту Меконга и деревню рыбаков, которая со временем превратилась в Сайгон, французы оставили Вьетнаму. В 1856 году камбоджийский король обратился к французскому императору с просьбой о понимании: «Я надеюсь, Ваше Величество посочувствует мне и моему народу, и закончатся наши потери, которые сжали нас в нашем тесном королевстве».

Страх быть зажатыми со всех сторон с тех пор не покидает камбоджийцев. Вьетнамцы переселялись в Камбоджу и занима-

лись торговлей. К тому же французы назначали вьетнамцев на разные должности, в том числе и на каучуковых плантациях. К 1970 году число вьетнамцев в стране превысило полмиллиона. В апреле этого года в стране был устроен настоящий вьетнамский погром, порожденный нетерпимостью к чужакам и страхом перед ними.

Камбоджа подписала с существовавшим тогда Южным Вьетнамом соглашение о репатриации всех вьетнамцев. Красные кхмеры говорили, что «ни один вьетнамец не имеет права жить в Камбодже». Вьетнамцы бежали из страны. Оставшиеся жили в страхе.

Как отличить вьетнамца от кхмера? «Посмотрите, чем они заняты, — говорили местные националисты, — прислушайтесь к их произношению, попросите прочитать буддийскую сутру и вы отличите вьетнамца от кхмера. Кроме того, вьетнамки не умеют завязывать саронг. Попросите вьетнамку пробежать сто метров, и она потеряет саронг, а кхмерская женщина — никогда».

25 декабря 1978 года Ханой отправил в Камбоджу вьетнамские войска, которые выбили красных кхмеров и сформировали в Пномпене лояльное Вьетнаму правительство Хенг Самрина. 10 января 1979 года была провозглашена Народная республика Кампучия. С одной стороны, вторжение в соседнее государство было империалистической акцией, с другой, вьетнамцы спасли страну от красных кхмеров.

Ханой ввел войска в Камбоджу, не предупредив Москву. Вьетнамцы исходили из того, что Москве в любом случае придется им помогать. А китайцы, которые поддерживали красных кхмеров, были уверены, что Вьетнам действует по указке Советского Союза. В ноябре 1978 года СССР и Вьетнам подписали договор о дружбе и сотрудничестве. В декабре вьетнамские войска вошли в Камбоджу...

Кроме того, теперь уже в бедственном положении оказались не вьетнамцы в Камбодже, а жившие во Вьетнаме хуацяо — около двухсот тысяч этнических китайцев.

Для Китая речь идет о его национальной безопасности, втолковывал Дэн Сяопин президенту Картеру и его помощникам, об угрозе появления на его южной границе крупной

и хорошо вооруженной державы с фанатичным руководством, связанным с Советским Союзом. Ввод вьетнамских войск в Камбоджу означает гегемонию Ханоя в регионе. Поэтому главным для Китая является не столько победа красных кхмеров, сколько создание гарантий независимости и нейтралитета Камбоджи...

Китайцы возмущались «региональным гегемонизмом» Ханоя, считая, что Вьетнам намерен объединиться с Камбоджей и Лаосом в Индокитайскую федерацию, — и что за этим стоит Советский Союз.

В середине февраля 1979 года, меньше чем через две недели после поездки в Америку, Дэн Сяопин двинул китайские войска на Вьетнам.

Искусство китайской дипломатии состоит в том, чтобы создать впечатление, будто та или иная страна поддерживает политику Пекина, хотя этого нет и в помине. Так, в 1958 году Мао Цзэдун приказал начать обстрел островов в Тайваньском проливе через три недели после визита в Пекин Хрущева, создав впечатление, будто действует с благословения советского руководителя. Во всяком случае президент Дуайт Эйзенхауэр в это точно поверил.

Следуя той же тактике, Дэн Сяопин накануне вьетнамской войны побывал в США. Создавая иллюзию поддержки со стороны одной из сверхдержав, Китай гарантировал себя от вмешательства другой. И в Москве действительно предположили, что военная акция согласована с Вашингтоном.

В реальности на переговорах в Белом доме Збигнев Бжезинский пытался отговорить Дэна от военных действий. Объяснял: Соединенные Штаты не могут поддержать военную акцию. Обещал китайскому гостю: «Мы предоставим вам разведывательные данные, которые свидетельствуют о том, что советские войска не подтягиваются к вашим границам».

Фронты холодной войны перевернулись. Одно социалистическое государство напало на другое. Идеология отошла на задний план. По всему миру проросли зерна ненависти, посеянные холодной войной. Она продолжалась так долго, что стала жесткой структурой, определявшей все события в мире. Американцы,

русские, европейцы, да и все остальные стали заложниками этого противостояния.

Вместе с тем холодная война служила своеобразной гарантией от всеобщей катастрофы, не позволяла локальным конфликтам приобретать глобальный характер. Великие державы поставляли своим вассалам оружие, чтобы они могли воевать, но сами определяли масштабы конфликта.

17 февраля 1979 года одиннадцать армейских корпусов Народно-освободительной армии Китая вошли на территорию Вьетнама. Они захватили несколько приграничных уездов и провинциальных центров. Главный удар — пятью корпусами — китайцы нанесли в направлении города Лангшон, расположенного в сорока километрах от Ханоя. 4 марта китайцы взяли город. Им противостояли всего две вьетнамские дивизии, основные силы находились в Камбодже.

Сумел ли Пекин преподать вьетнамцам урок? С военной точки зрения это была крайне неудачная кампания для плохо обученной китайской армии. Культурная революция не прошла для НОАК бесследно: устаревшее оружие, устаревшая тактика, нехватка опытных бойцов и командиров. Вьетнамцы, имевшие большой боевой опыт, легко отразили нападение. Китайские войска заняли несколько городов, затем объявили себя победителями и ушли.

«За две с небольшим недели китайские войска опустошили район севернее Ханоя, — писал американский политолог (и будущий заместитель госсекретаря) Строуб Тэлботт. — Они временно заняли несколько городов и затем сделали то, что предлагали некоторые американцы во время военных действий США во Вьетнаме: Китай объявил себя победителем и ушел. Советский Союз не вмешался, не предпринял ни отвлекающих, ни карательных действий на северной границе Китая.

Кремль ограничился массивными морскими поставками Ханою оружия и предупреждениями, чтобы „китайцы остановились, пока не поздно“».

19 февраля 1979 года группа советских военных советников во главе с генералом армии Геннадием Ивановичем Обатуровым прилетела в Ханой. Обатуров командовал войсками При-

карпатского военного округа, с 1973 года был первым заместителем главного военного инспектора Министерства обороны. Ему было шестьдесят четыре года, но он занимался гимнастикой по системе йогов, стоял на голове, крутил «солнце» на турнике, играл в теннис. На курсах «Выстрел» сам водил танки и боевые машины пехоты, стрелял из стрелкового оружия. В Ханое его назначили главным военным советником при министре национальной обороны.

Советские войска на Дальнем Востоке были приведены в состояние полной боевой готовности, но дислокацию не меняли. Ограничились отправкой боевых кораблей в Южно-Китайское море и поставками Ханою оружия по воздуху. В апреле 1979 года в Китае подвели итоги вьетнамской войны: «Советский Союз не посмел двинуться с места».

Генри Киссинджер в своей новой книге о Китае полагает, что это был излюбленный китайский прием. Когда китайцы чувствуют, что сила противника растет, они отвечают тем, что подрывают уверенность противника в себе и получают право заявить о своей психологической победе. Вьетнам постоянно должен был находиться в напряжении, думать о возможности второй войны, держать на северной границе большую группировку войск... Эпоха вражды между двумя странами завершилась только в 2000 году, когда президент Вьетнама Чан Дык Лыонг приехал в Пекин, чтобы встретиться с главой Китая Цзян Цзэминем. Встречу назвали исторической.

А тогда премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю высказал свою точку зрения: «Западная пресса назвала китайскую акцию провалом. Я думаю, она изменила историю Восточной Азии».

Эта война была поворотным моментом в истории холодной войны и пиком американо-китайского сотрудничества. Началась продажа американского снаряжения военного назначения в Китай. Но в Вашингтоне явно зашли дальше, чем следовало бы. Через Таиланд не только Китай, но и США помогали красным кхмерам, которые теперь красиво именовались участниками камбоджийского сопротивления. Права человека были принесены в жертву геополитическим интересам. Вашингтон, конечно, предупредил китайцев, что не станет помогать крова-

вому палачу Пол Поту. Но Пекин заверил американцев, что не Пол Пот уже командует красными кхмерами, а другие люди...

Пассивность Москвы в начале 1979 года задним числом представляется признаком ослабления СССР в конце холодной войны. В таком случае не стало ли вторжение в Афганистан в конце того же года попыткой реваншироваться за неспособность поддержать Вьетнам?..

«Мы не знаем, какого следующего шахматного хода ждать от китайской стороны, — внушал министр иностранных дел Громыко своим подчиненным. — Средняя норма терпения, умноженная на тысячу, — вот, что нам нужно. Этот запас выдержки у нас есть. Не следует поддаваться наскокам, личным выпадам. Эта линия остается в силе».

Очевидная слабость Народно-освободительной армии Китая несколько успокоила советских генералов, встревоженных ростом военных расходов КНР. В Министерстве обороны предлагали развернуть на Дальнем Востоке мощную группировку сухопутных сил и построить там сеть укрепленных районов. Осуществление этого проекта потребовало бы от десяти до двадцати миллиардов долларов — непосильные деньги для советского бюджета.

«Ученые Академии наук, — вспоминал профессор Георгий Геннадиевич Малинецкий, заместитель директора Института прикладной математики имени М. В. Келдыша РАН (научный центр, много работавший на оборону), — проанализировав экономику, демографию, военно-стратегический потенциал страны, пришли к выводу, что до 2000 года развитие Китая не позволяет создать угрозу, устранение которой потребовало бы предложенных военными мер. Результаты математического моделирования исторических процессов в Кремле приняли во внимание, что позволило избежать неоправданно огромных затрат».

Часть четвертая

После холодной войны

Осталось ли что-нибудь от вражды 1960-х? От крови, пролитой на Даманском? От яростной пропаганды с обеих сторон? От ожидания войны, которая в какой-то момент казалась неизбежной?

В 1980-е годы Китай стремительно менялся. Менялось и отношение к нему. Это удачно совпало с другим тектоническим сдвигом в мировой политике — окончанием холодной войны, что прежде всего связано с внутриполитическими событиями в Советском Союзе.

Часто пытаются подсчитать, кто выиграл, а кто проиграл в холодной войне. На самом деле выиграли все. Холодная война прекратилась, и все исчезло, как наваждение, — страх войны, ядерная опасность, враг у ворот. Впервые за многие десятилетия пришло ощущение безопасности. Столько лет вооружались до зубов, а страх войны и чувство незащищенности только росли. А тут выяснилось, что безопасность зависит не от военных арсеналов, что холодная война не является неизбежностью, что это не порождение вечных геополитических конфликтов. Холодная война возникает в наших головах, и потому может прекратиться так же легко, как и началась.

Проиграли те, кто процветал благодаря холодной войне. Проиграла сама холодная война — политика конфронтации, милитаризма, ненависти к другим...

Михаил Сергеевич Горбачев поставил перед собой задачу покончить с холодной войной, помириться со вчерашними врагами, сократить ядерные вооружения и не тратить на армию столько денег. Ему нужно было установить добрые отношения с теми, кто раньше считался главным врагом, и создать условия для прогресса внутри страны, вывести Советский Союз из враждебного окружения, уменьшить давление на него, дать возможность заняться внутренними делами.

Абсолютно то же самое нужно было Китаю! Прекращение холодной войны, противостояния с Советским Союзом создало благоприятнейшие условия для китайских реформ и успеха преобразований, задуманных Дэн Сяопином. Как минимум Пекин, занявшись подъемом экономики, смог сократить непосильные военные расходы. Если бы не было Горбачева, изменившего мир, добился бы Китай таких успехов?..

«Разрешите называть вас товарищами»

Став генеральным секретарем, Михаил Сергеевич Горбачев сменил министра иностранных дел, а затем и внешнюю политику.

Министром стал недавний глава Грузии Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе. В курилках высотного здания на Смоленской площади его презрительно называли «кутаисским комсомольцем». Говорили, что он не только мира, но даже и Советского Союза толком не знает, иностранными языками не владеет, да и по-русски говорит неважно... Решили, что внешней политикой новый генеральный будет заниматься сам, а Шеварднадзе, бывшего министра внутренних дел Грузии, назначили для того, чтобы он перетряхнул дипломатическое ведомство и разогнал пижонов, которые оторвались от действительности и только за границу ездят. Ждали опричнины. Но Шеварднадзе чисток не устраивал, вообще никого не уволил. Напротив, двери министерского кабинета на седьмом этаже раскрылись для широкого круга сотрудников министерства. Эдуард Амвросиевич приглашал их не для того, чтобы устроить разнос или дать указание, а для того, чтобы выслушать их мнение.

Сверхзадача состояла в том, чтобы вывести страну из враждебного окружения, уменьшить давление на нее, создать благоприятные внешние условия для перемен и дать Горбачеву возможность заняться внутренними делами. Нормализация отношений с Китаем входила в первоочередную повестку дня.

Андрей Андреевич Громыко, покинув МИД, получил почетный, но безвластный пост председателя Президиума Верховного Совета СССР. Известный дипломат (и сын дипломата) Олег Александрович Трояновский, которого Горбачев отправил послом в Китай, нанес Громыко визит вежливости. Посол рассказал, что перед ним поставлена задача нормализовать советско-китайские отношения. Председатель Президиума Верховного Совета вдруг возразил, что ничего из этого не выйдет.

— Почему? — удивился Трояновский.

— Они уже слишком связаны с американцами.

Мир менялся, но Громыко жил прошлым.

При Горбачеве начался диалог с китайцами, с которыми договорились вновь обращаться друг к другу «товарищ». Это был большой успех.

Вторая половина 1980-х годов в дипломатии вообще была блистательной, и это позволило стране безболезненно выйти из холодной войны. Это был период очень творческой и активной дипломатии. Многие дипломаты были воодушевлены новыми возможностями, когда идеологические и даже психологические стереотипы отошли на задний план.

В конце февраля 1989 года в Пекин прилетел тогдашний президент США Джордж Буш-старший. Его интересовало, как Китай будет развивать отношения с меняющимся Советским Союзом. Китайцы отвечали, что военного союза и военного сотрудничества с Москвой, направленного против Соединенных Штатов, больше не будет. Буш встретился с Дэном.

«Дэн Сяопин, — пишет бывший американский президент, — был тщедушным, но исключительно подвижным человечком с асимметричными чертами лица. Он непрерывно курил, прикуривая одну сигарету от другой. Рядом стояла неизменная бронзовая плевательница, которой он виртуозно пользовался. На переговорах с китайцами главные участники располагаются

бок о бок, смотрят в одну сторону и могут ни разу не взглянуть друг на друга. Но Дэн был не таков. Он смотрел собеседнику прямо в глаза. Он буквально излучал энергию и говорил с прямотой, которая не оставляла сомнений в том, что он имеет в виду».

Беседуя с Бушем, Дэн произнес тогда длинный монолог об исторических грехах России: «За полтора века иностранные державы причинили китайскому народу огромный ущерб. Главным образом это были две державы — Япония и царская Россия или Советский Союз... В результате Второй мировой войны Советы захватили более трех миллионов квадратных метров китайской территории... Ялтинская конференция не только отрезала от Китая Внешнюю Монголию, но также включила северо-восточную часть Китая в сферу влияния Советского Союза... После основания Китайской Народной Республики был подтвержден суверенитет Китая над Северо-Востоком... Мы поднимали вопрос о Внешней Монголии, но не получили от Советского Союза никакого ответа... Те, кому за пятьдесят, помнят, что Китай имел форму кленового листа. Теперь, когда вы взглянете на карту, то увидите, что огромный кусок территории на севере отрезан...»

Все эти вопросы были сняты во время визита Горбачева в Пекин в мае 1989 года. Больше китайские руководители о территориальных претензиях не говорили. Это позволило дипломатам заняться демаркацией границы длиной в шесть тысяч километров. В мае 1991 года сменившему Шеварднадзе на посту министра иностранных дел Александру Александровичу Бессмертных удалось подписать соглашение с китайцами о границе.

Переговоры — это в значительной степени шахматная игра. Дипломат должен уметь играть в шахматы, если не умеет — немного добьется. Дипломат мыслит так же, как шахматист, просчитывает все вероятные повороты дискуссии, чтобы добиться нужного результата. Надо уметь воздействовать на своего собеседника, убеждать его в выгодности твоего предложения, в этом и заключается искусство дипломатии. Готовясь к переговорам, говорит Бессмертных, выстраиваешь логическое древо, предусматривая все возможные повороты в беседе. И надо по-

нять самое главное: вам нужно достичь своей цели, а вашему партнеру — своей. В результате достигается компромисс. Сломать партнера — это не дипломатия. В этом отличие дипломатии от шахмат: для нас победа — это когда обе стороны довольны...

Никто, правда, не знал, что процесс демаркации с Китаем растянется на многие годы. За это время СССР перестанет существовать. И переговоры с Китаем продолжит МИД Российской Федерации. Зато теперь отношения между двумя странами регулируются договором о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве.

Первый министр иностранных дел России Андрей Владимирович Козырев считает своим огромным достижением добрососедские отношения с Китаем. Хотя его обвиняли в том, что он сосредоточился на американском направлении, а в Азию совсем не ездит. «Взял бы кто-нибудь календарь и посмотрел, — отвечал на это Козырев. — Это все из области мифов. Одна из моих первых поездок была не в США, а в Китай. Я проводил активную китайскую политику. Но я действительно думаю, что нам нужно тесное партнерство с Западом. Это не значит, что при этом отойдет на задний план политика в Азии. Это значит, что наши возможности проводить сильную политику в Азии только увеличатся, если мы будем членами клуба наиболее развитых держав. Уважают развитых, тянутся к сильным. Тянутся к тем, кто производит „мерседесы“. Даже в Азии тянутся не к азиатской телеге, а к „тоёте“».

Китайцы быстро пошли на сближение, когда Козырев предложил им в 1992 году: давайте забудем о социализме и о капитализме, давайте не будем больше идеологическими братьями и идеологическими врагами, а просто признаем, что есть великий Китай и великая Россия, и станем строить нормальные отношения...

«И этому китайцы верны до сих пор, — говорил мне министр Козырев. — Я считаю огромным достижением, что мы выстроили ровные, дружественные, добрососедские отношения с Китаем. Очень хорошо, что в Китае сейчас настолько устойчивое руководство, опытное, что они даже не дают разыграть китайскую карту против Запада, как бы этого кому-то у нас ни хоте-

лось. У них есть проблемы с США, из-за Тайваня они схватываются. В эти эмоциональные мгновения менее опытное руководство могло бы легко попасться на предложение сыграть в антизападную карту. Они этого не принимают».

Американо-китайские отношения отягчены — Тайванем прежде всего. Бывают сбои, но американцы быстро выкарабкиваются. Сейчас обе стороны стараются не вспоминать о неприятном. Я бы не сказал, отмечал Козырев, что это особо успешная глава в истории американской дипломатии. И когда у американцев бывают какие-то заскоки, китайцы удерживают планку. Вообще Китай последние годы при этом руководстве, на этом историческом этапе по существу является фактором стабильности в мировой политике.

Проводить свою китайскую политику Козыреву было непросто. Больше всего он страдал от неразберихи в формировавшемся государственном аппарате, когда самые разные люди, пользуясь близостью к президенту, влезали в международные дела, подписывали ни с кем не согласованные указы и распоряжения или же что-то ему внушали по внешнеполитической части. Это были не просто ведомственные дрязги, речь шла о направлении внешней политики.

Андрей Козырев не считался сильной самостоятельной фигурой — слишком молод, никакого политического опыта. Его позиции казались слабыми. При всем добром к нему отношении президента он был одинок на вершине политической власти. Министра иностранных дел демонстративно не включили в первый состав Совета безопасности. Хотя этот орган скопирован с американского, в котором государственный секретарь является важнейшим действующим лицом. Совет безопасности пытался оттеснить Министерство иностранных дел и разрабатывать все основные внешнеполитические документы. Иногда Козырева приглашали на заседания совета, иногда не приглашали. Иногда ему присылали заранее документы к очередному заседанию. Иногда забывали...

Ему приходилось сложно на китайском направлении.

Старый спор между Россией и Китаем, спор из-за того, где проводить границу между нашими странами, продолжался еще

многие годы. Официально спор был решен. Подписали договор, и дипломаты занялись демаркацией и делимитацией границы, то есть устанавливали, где она точно должна пройти. Но некоторые дальневосточные и не только дальневосточные российские политики публично заявляли, что договор противоречит интересам России, что отдаем Китаю часть российской территории. В Китае эти заявления воспринимали очень болезненно.

Российский пограничный генерал, начальник комиссии по демаркации границы с Китаем ушел в отставку со скандалом, когда оставалось установить всего девять пограничных столбов. Генерал заявил, что не желает участвовать в передаче Китаю стратегически важной российской территории... ЧП не районного масштаба вновь пробудило старый страх перед великим дальневосточным соседом — Китайской Народной Республикой.

Во всех странах дальневосточного региона существуют большие китайские общины — по нескольку миллионов человек. По большей части хуацяо, то есть китайцы, живущие вдали от родины, занимаются торговлей и бизнесом на благо приютившей их страны.

«Мне многие китайские друзья, — рассказывает профессор Евгений Петрович Бажанов, — говорят: в России очень любят все рассуждать о политике. Приходишь в кафе или на стадион, — обсуждают политические темы... У китайцев это не принято. Идешь по китайской улице и слышишь, о чем люди говорят. Звучат ключевые слова: юань, доллар, купил, продал... Вот, чем они заняты, хозяйственными делами и бизнесом. Они нам говорят: вы слишком много времени тратите на болтовню, на споры, кто прав, кто виноват. А китайцы друг друга спрашивают: за сколько продашь? За сколько купишь?..»

Недовольство китайцами — всегда результат политических проблем. Скажем, в 1965 году индонезийские военные заявили, что китайцы-коммунисты готовят государственный переворот, и устроили резню... Во Вьетнаме во времена острого конфликта с Пекином считали китайцев пятой колонной. Реальных оснований для обвинений против китайцев не было. В демократических государствах ничего не имеют против китайцев. Чайнатауны

есть во многих европейских и североамериканских городах. Иногда, правда, в качестве аргумента против вспоминают о китайской организованной преступности, о так называемых триадах. Но нет оснований полагать, что в криминальной сфере китайцам удалось хоть в чем-нибудь опередить местное население.

В царской России к китайцам относились благосклонно. Во время Первой мировой из-за мобилизации не хватало рабочих рук. Царское правительство договорилось с властями Китая о найме китайцев на работу в России.

12 октября 1916 года в Петрограде состоялось правительственное совещание, решено было запросить все министерства и ведомства, чтобы «выяснить количество рабочих китайцев, потребных для каждого ведомства» (см. статью историков Е. А. Ермолина и В. Н. Козлякова в книге «Ярославское восстание. 1918»). Имелось в виду использовать китайцев на строительстве оборонительных сооружений и дорог, а также на военных предприятиях. В 1916 году пригласили первые пятьдесят тысяч китайских рабочих. К моменту Октябрьской революции в европейской части России находилось уже сто пятьдесят тысяч китайцев. Они строили Мурманскую железную дорогу, добывали уголь в Донбассе, валили лес в Карелии, трудились на заводах в крупных городах. После революции они потянулись назад. Но многие захотели остаться. Присоединялись к большевикам, сражались за советскую власть в составе интернациональных отрядов...

Численность населения российского Дальнего Востока уменьшается. Это всего несколько миллионов человек, что во много раз меньше населения любой из приграничных провинций Китая. С Дальнего Востока уезжает больше людей, чем приезжает. Одновременно увеличилось использование китайской рабочей силы. Но разговоры о миллионах китайцев, которые незаконно обосновались на территории России, судя по статистике, не имеют реальной основы. Небольшому числу китайцев так полюбилась Россия, что они решили у нас остаться. Остальные приезжают и уезжают.

Бескрайние, но не слишком гостеприимные и комфортные для жизни просторы Сибири и российского Дальнего Востока

не то место, где китаец мечтает обосноваться. Китайцы предпочитают либо юг, то есть соседние азиатские страны, либо Соединенные Штаты или Австралию.

Демографическая атака на Россию возможна только в случае политической катастрофы в Китае, разрушения страны как единого государства. Тогда сотни миллионов китайцев могут побежать в разные стороны, в том числе и в Россию. Но большинство специалистов сходятся в том, что такой радикальный сценарий едва ли возможен.

По подсчетам экспертов, в Сибири и на Дальнем Востоке работают около двухсот пятидесяти тысяч китайцев. Без них освоение богатств этого гигантского региона едва ли возможно.

Китайцы замечают, как к ним относятся в нашей стране. Едва ли разумно постоянно подозревать соседа в чем-то дурном, видеть в нем потенциального врага, приписывать китайцам намерения, которых у них нет, и тем самым провоцировать в них такие чувства и настроения. Если считать Китай врагом и не скрывать этого, Китай и в самом деле превратится во врага.

Когда шел процесс демаркации границы и многие в нашей стране весьма эмоционально на это реагировали, я беседовал на сей счет с известным китаистом профессором Львом Петровичем Делюсиным. Когда-то он начинал в отделе ЦК КПСС, которым руководил Юрий Владимирович Андропов.

«Мышление современных китайцев не то, что при Мао Цзэдуне, — говорил мне профессор Делюсин. — Нынешние руководители желают мира и развития. Трудно представить себе, что китайские войска вдруг рванут через Амур. Что они там будут делать? Разговор о китайской военной угрозе — оправдание своих военных расходов».

Заметные российские политики, в первую очередь тогдашний губернатор Приморья, говорили, считали, что демаркация границы в соответствии с договором 1991 года превратилась в передел границы, причем в ущерб России, призывали денонсировать договор с Китаем. Они сумели мобилизовать общественное мнение российского Дальнего Востока. Наверное, это выглядело очень патриотично: стучать кулаком по столу и говорить, что договор с китайцами надо порвать. Тот, кто так гово-

рит, не понимает главного. Такие же суперпатриоты есть и по ту сторону границы. Причем среди одного миллиарда трехсот миллионов китайцев их даже больше. Если бы Россия нарушила договор, сорвала демаркацию границы, китайские суперпатриоты считали бы, что руки у них развязаны...

«Это Мао пугал страну северным медведем, заставлял строить бомбоубежища, которые ни на что не годятся, — отмечал Лев Делюсин. — Дэн Сяопин все изменил. Китаю нужны хорошие отношения с Россией. Мы устали от вражды. Надо вернуться к доверию. У нас кричат: отдаем исконные земли. Да там медведи только бегали! Граница, которую кроили, долго отравляла отношения. Слава богу, решили. Меня поражает своеволие наших местных воевод. Внешняя политика — компетенция центрального правительства. Царь бы выгнал губернатора, который посмел бы критиковать внешнюю политику».

Осталась ли в китайцах неприязнь к России, к русским, неприязнь, которая воспитывалась при Мао Цзэдуне, особенно во времена культурной революции, когда твердили, что Россия отрезала от Китая огромные земли?

«Китайцу важно одно, — к такому мнению пришел профессор Делюсин, — чтобы никто не мешал ему работать на его поле. Мифические утерянные полтора миллиона квадратных километров, о которых говорили при Мао, ему не нужны. Большинство народа и понятия не имеет о пограничном споре. Другое дело, что существует слой национал-патриотов — и в России, и в Китае. У нас один губернатор кричал, что отхватили кусок российской территории и отдали Китаю, и в Китае есть мерзавцы, которые хотят поссорить наши народы. Но главное, что вопрос о границе решен. Мы похоронили вопрос, который нас будоражил много лет, и открылась — если не светлая, то, во всяком случае, не темная дорога в будущее».

Специалисты в один голос говорили: впервые в истории оформлена граница. Радоваться надо! Китайцы отказались от своих претензий.

«Дэн Сяопин сказал: у нас были претензии, но мы этот вопрос закрываем, подписываем документы и все, — рассказывал Александр Николаевич Панов, который в ту пору был замести-

телем министра иностранных дел России и отвечал за дальневосточное направление. — На два года мы приостановили процесс демаркации. Проводили проверки, совещались, обсуждали и пришли к твердому выводу: уступок нет. Все законно. Отдаем, но и получаем. И нет иного пути обеспечить надежность границы».

Точная граница проводилась впервые в истории отношений двух стран. Российские дипломаты работали с картами много лет.

В июне 2011 года после переговоров с главой Китая Ху Цзиньтао президент России Дмитрий Анатольевич Медведев предсказал, что товарооборот между нашими странами к 2015 году практически удвоится. Это сделает Китай крупнейшим внешнеторговым партнером России. Уже сейчас КНР — крупнейший импортер для России. Но по экспорту уступает Германии.

Напротив Благовещенска находится китайский город Хэйхэ. Это зона свободной торговли, здесь говорят по-русски и цены указаны в рублях. Путешествие через Амур занимает два часа. Сюда ездят за покупками, все дешевле, чем в России. На русские деньги Хэйхэ расцвел. Благовещенск хиреет.

Если одни подозревают Пекин в зловещих замыслах, то другие столь же ошибочно полагают, будто Китай готов всегда и во всем выступать с Россией единым фронтом против Запада.

Когда началось расширение НАТО на восток, в нашей стране звучали призывы свернуть отношения с Западом, перевооружить армию и искать новых союзников. Рисовалась идея анти-НАТО, то есть союза государств, которые бы противостояли Североатлантическому блоку. Больше всего рассчитывали на Китай. Но Пекин заявил, что ни в какие блоки и союзы входить не станет.

Китайское выражение «испить иностранных чернил» означает приобщиться к западной науке. Стремление получить иностранное образование всегда было формой нового подхода — использовать западные знания для сохранения китайских идеалов. Все западное следует изучить, чтобы побить Запад его же собственным оружием. Но китайское должно быть лучше иностранного. На одном небе не могут гореть два солнца. Китай никогда не имел равного себе союзника. Древняя китайская

традиция — никогда не показывать какой-либо необходимости в сотрудничестве с иностранцами. А когда грозит опасность, Китай — так было на протяжении всей его истории — стремится столкнуть своих потенциальных противников друг с другом.

«Умение китайских лидеров разбираться во внешней политике выше, чем у всех, с кем я когда-либо встречался», — признает Генри Киссинджер.

Китай ищет гарантии своей безопасности, создавая себе репутацию страны, ни в чем никому не уступающей. Главное доказать, что страна будет защищать свою честь и территориальную целостность любой ценой. Пекин ведет себя так, словно малейшая уступка станет для него полным поражением, поэтому обязан отвергать уступки и компромиссы с таким ожесточением, словно речь идет о национальном выживании.

Китайские лидеры — самые несентиментальные проводники политики равновесия сил. С древних времен китайцам приходилось противостоять сильным соседям. Часто, будучи слабее в военном отношении, они побеждали, так как понимали и использовали в своих целях психологию и предрассудки чужеземцев. Китай, когда ему грозит опасность, умело сталкивает своих противников друг с другом.

Руководители Китая действуют в стиле классических традиций европейских государственных деятелей. Коммунистические лидеры оценивают потребности в сохранении равновесия сил хладнокровно и невозмутимо, не позволяя довлеть над собой никаким соображениям идеологического порядка или эмоциям. Это специалисты в области эквилибристики, знатоки теории относительности.

Китай не рискнет поставить свое выживание в зависимость от доброй воли державы, занимающей господствующее положение на мировой арене. И не позволит возможному противнику накопить силы, обеспечивающие ему подавляющее превосходство над остальными странами.

Профессиональные дипломаты отмечают, что Китаю не нравится попытка разыграть китайскую карту против НАТО. Как нам не понравилась бы, скажем, попытка Китая разыграть российскую карту против кого-то.

Евгений Максимович Примаков, будучи министром иностранных дел, говорил о многополюсном мире. Что он имел в виду? Плохо, когда в мире осталась одна сверхдержава, то есть Соединенные Штаты, и все крутится вокруг нее. Примаков говорил: мы будем развивать отношения и с Западом, и с Востоком, и с теми, кто нам нравится, и с теми, кто нам не нравится. Процветание, удачливость, напор Соединенных Штатов вызывали у него неосознанное раздражение. Ему бы хотелось, чтобы, когда он садится за стол переговоров, за ним стояла бы такая же экономическая и военная мощь. Но увы...

Сейчас меньше говорят о многополюсном мире. Пришли к выводу, что эта концепция как раз больше подходит Китаю, чем России. Внешняя политика в последние годы несколько раз менялась — от предложения Западу тесного партнерства до почти холодной войны. Часто невозможно понять практический смысл этих перемен — кроме страстного желания доказать собственную значимость.

С одной стороны — тесные контакты с Европой, желание установить личные отношения с руководителями Германии, Италии и других европейских стран. С другой — частые антиамериканские и антизападные жесты и высказывания. Подозрительные соседи видят в жестах Москвы ничем не скрываемое высокомерие и эгоизм. Не самая привлекательная модель... В Москве постоянно говорят «нет», и этим все ограничивается. Позитивная программа, как правило, отсутствует, если не считать, конечно, широковещательных инициатив советского образца, не имеющих практического смысла.

Но российские руководители чувствуют себя более чем уверенно. Значение России на мировой арене уменьшается, но все еще остается весомым. Помимо ядерного арсенала и места постоянного члена Совета безопасности ООН немалое значение имеют богатые кладовые страны. Нефть и газ, без которых Европе не обойтись (и не только Европе!), — вот самые надежные союзники нашей страны на мировой арене. Китай — тоже потребитель российских энергоресурсов. Но он вовсе не так зависит от российских поставок, как казалось. Газом Китай обеспе-

чил себя практически полностью за счет поставок Мьянмы и Центральной Азии...

Неоправданные надежды на Китай не сбываются.

После пятидневной августовской войны с Грузией в 2008 году Россия признала государственную самостоятельность Абхазии и Южной Осетии. Перед российской дипломатией поставили задачу: добиться признания мировым сообществом двух новых республик — Абхазии и Южной Осетии. В Душанбе прошла встреча руководителей Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), на которую в Москве очень рассчитывали.

26 апреля 1996 года пять стран — Россия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Китай — подписали в Шанхае соглашение о мерах доверия на границе. Так появилась «Шанхайская пятерка». В 1997 году подписали новое соглашение — о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы. Шанхайская организация сотрудничества родилась в 2001 году, когда к пятерке присоединился Узбекистан, и она превратилась в настоящую международную организацию.

Но руководители Китая и других государств, воспринимаемые как союзники, на встрече в Душанбе просто отмолчались. Под давлением российской делегации включили в коммюнике лишь слова о «глубокой озабоченности в связи с недавно возникшей напряженностью вокруг югоосетинского вопроса». Максимум чего удалось добиться — слов о поддержке «активной роли России в содействии миру и сотрудничеству в данном регионе». Это позволило потом президенту Дмитрию Анатольевичу Медведеву говорить, что он получил поддержку от руководителей Шанхайской организации сотрудничества...

Задача обеспечить признание Абхазии и Южной Осетии осталась невыполненной. Можно предположить, что она практически неисполнима. Достаточно широкое признание независимости Косово, в чем крайне заинтересованы Соединенные Штаты и большая часть Европы, — исключение. А вот, скажем, Турецкую Республику Северного Кипра, фактически существующую уже несколько десятилетий, признает только сама Турция. Россия, конечно, более влиятельное государство, чем Турция. И кто-то готов пойти Москве навстречу. Но уже очевидно,

что ведущие государства Европы, Северной Америки и Азии твердо поддерживают территориальную целостность Грузии в границах 1991 года (когда она была признана самостоятельным государством). Остальные страны не захотят с ними ссориться даже ради России.

Похоже, у нас часто не понимают китайцев, неверно судят об их намерениях и амбициях. Китай ни в коем случае не захочет предстать в роли младшего партнера Москвы. Времена изменились. У Китая есть возможности, которых нет у России. Китайское телевидение создало целый высокотехнологичный канал на русском языке, который можно принимать по всей России...

К кому же Китай ближе — к России или к Соединенным Штатам?

Российских президентов встречают в Пекине более чем дружески. Еще недавно у власти в Китае находилось поколение политиков, которые еще говорили по-русски и сохраняли ностальгические воспоминания о большой дружбе 1950-х годов. Но поколения меняются, китайская молодежь говорит не по-русски, а по-английски, и едет учиться в Европу и Америку.

Китай сегодня — это СССР вчера?

Президент Соединенных Штатов Барак Обама констатировал: «Отношения между Америкой и Китаем определят облик XXI столетия».

В умах американцев Китай занимает то же место, какое в прежние времена занимал Советский Союз. Разница состоит в том, что Китай — важнейший торговый партнер для Америки. А в остальном ситуация очень похожа. Американцы не могут решить, что лучше: жестко разговаривать с Китаем, требуя соблюдения прав человека, религиозных свобод, решения тибетской проблемы? Или, наоборот, налаживать с ним отношения, считая, что постепенно все устроится?

Многие американцы считают Китай «империей зла», опаснейшим для Америки государством. Другие полагают, что Китай становится более демократичным, более прозападным.

Китай превращается во вторую по значению державу в мире и оттесняет Россию с позиции главного партнера США.

Но Вашингтону труднее иметь дело с Китаем, чем когда-то с Советским Союзом.

«Для любой администрации, — пишет бывший госсекретарь США Мадлен Олбрайт, — Китай представляет проблему совершенно особого рода: он слишком велик, чтобы можно было его игнорировать, слишком репрессивен, чтобы можно было с ним сближаться; он плохо поддается влиянию и очень-очень заносчив».

В год смерти Мао Цзэдуна товарооборот между Китаем и США составлял всего 336 миллионов долларов — чуть меньше, чем с Гондурасом, и в десять раз меньше, чем с Тайванем, население которого составляло 1,6 процента населения КНР.

Ныне Китай владеет миллиардами долларов. Золотовалютные резервы Китая к началу 2011 года достигли астрономической цифры — 2,85 триллиона долларов. Американцы зависят от дешевых китайских товаров. Китайский рынок настолько огромен, что его нельзя игнорировать.

После распада СССР отношение американцев к Китаю сильно изменилось. Первоначально в США была принята политика втягивания Китая в мировое сообщество. Ее сменила политика сдерживания. Китай по-прежнему ждут в сообществе наций, но ему придется подчиняться строгим правилам. Однако у Вашингтона маловато рычагов давления на Пекин.

Отношения с Китаем — головная боль для сменяющих друг друга американских президентов. Иногда кажется, что США и Китай идут к новой холодной войне. Представляет ли Народно-освободительная армия Китая серьезную опасность?

Американцы обеспокоены ростом военных расходов Китая. Особенно их пугает стремление Пекина построить военный флот. Максимальные средства выделяются на строительство подводных лодок, ракетного вооружения и ядерных взрывных устройств.

На военном параде в Пекине в честь 50-летия КНР 2 октября 1999 года была продемонстрирована межконтинентальная баллистическая ракета «Дунфэн-31», способная достичь террито-

рии Соединенных Штатов. Ядерный потенциал Китая приобрел новое качество. Китай создал полторы тысячи баллистических ракет ближнего радиуса действия, некоторое количество ракет среднего радиуса и неустановленное количество межконтинентальных баллистических ракет, способных обрушиться и на Москву, и на Вашингтон.

В ракетостроении Китай сильно отставал от России и Соединенных Штатов. Ракеты, установленные в шахтах, уязвимы в момент выхода из укрытия и подготовки к старту. Дело в том, что китайские ученые долго не могли создать миниатюрное ядерное устройство. Мало соорудить ядерную бомбу. Слишком большому заряду грош цена, ведь его нельзя толком пустить в дело. Взрывное устройство надо сделать достаточно компактным, чтобы оно вошло в боеголовку ракеты, запускаемой с подводной лодки или мобильной установки, неуязвимой для врага.

Китайцы разгадали эту загадку. Это помогло им обзавестись боеголовкой с разделяющимися головными частями, что позволило китайцам создавать ракеты не шахтного базирования, а мобильные и, следовательно, менее уязвимые.

Своим умом дошли или украли тщательно охраняемый секрет? Американцы считают, что китайские ученые сами бы этого не придумали, а значит, украли. Выяснилось, что китайская боеголовка чрезвычайно похожа на американскую.

Американцы долго вели расследование и пришли к выводу, что двое ученых-китайцев довольно долго похищали секретную информацию и передавали ее китайской разведке. Оба китайца были родом с Тайваня, считалось, что они не могут работать на континентальный Китай. Но они стали помогать Пекину, чтобы помочь родине нарастить свой интеллектуальный потенциал. Полагают, что китайцы украли из лаборатории и схему создания нейтронной бомбы...

В 1999 году в Соединенных Штатах был предан гласности отчет конгресса о китайском шпионаже. Доклад свидетельствовал о масштабах шпионажа, сравнимого только с действиями советской разведки в конце Второй мировой войны и сразу после нее. Китайцы не упустили ни одной возможности. Они использовали американские компании, которые хотят торговать

с Китаем. Получали информацию от китайских ученых, свободно работавших в американских лабораториях, и, наконец, просто ее покупали. Судя по всему, Китай, как когда-то Советский Союз, поручил разведке компенсировать недостатки отечественной науки и промышленности.

Американские военные надеялись только на то, что китайцам еще недоступен уровень технологии, необходимый для того, чтобы воспользоваться украденными секретами. Возможно, американцы ошибаются. В 1940-х годах они тоже думали, что Советскому Союзу понадобятся долгие десятилетия для создания собственного ядерного оружия.

Правда, специалисты уверяют, что большая китайская армия неважно подготовлена к ведению современного боя. И что у нее в основном старое оружие.

Китай долгое время не имел доступа к иностранным военным технологиям, что сдерживало военное производство. Кроме того, военно-промышленный комплекс, в отличие от других отраслей промышленности, практически не освоил современные методы управления и финансирования производства. Здесь действует старая бюрократическая социалистическая модель, не нацеленная на достижение реального результата. Китай делает ставку на закупку современного оружия у России.

Китай — выгодный покупатель. Если он, скажем, приобретает подводные лодки, то заодно выкладывает деньги и за береговое оборудование, за системы связи с подлодками. Процент российского оружия в Китае оценить трудно, потому что большая часть оружия, которое Китай производит сам, делается по нашим образцам. Они его просто модернизируют. Когда китайцы закупают в России, например, системы залпового огня, то сразу ставят условие, что со временем они будут производить эти системы сами. Вот поэтому и трудно понять, это еще наше оружие или уже их собственное.

Почему Москва разрешает китайцам изготовлять оружие, которое могла бы продавать сама? Торговцы оружием уверяют, что это выгодно, а копия в любом случае слабее оригинала. Лучшее, что удалось создать российским оружейникам, продавать за рубеж не разрешается. Есть утвержденный Президентом

перечень оружия, которое к экспорту запрещено. Это новые разработки и особо эффективные средства уничтожения, аналогов которых в мире нет.

Наши продавцы оружия уверяют, что никогда не позволят себе продать за рубеж оружие в том же виде, в каком оно идет нашим войскам. Экспортный вариант всегда хуже. Не упускается из виду малоприятная перспектива, что нашей армии когда-нибудь придется столкнуться с противником, который вооружен купленным в России оружием. Торговцы оружием уверяют, что эта боевая техника не сможет противостоять той, что стоит на вооружении российской армии.

Сторонники торговли с Китаем говорят, что если Китаю нужно оружие, он его все равно приобретет. Лучше, если он купит оружие у нас. По крайней мере мы контролируем, что именно он получает. К тому же, если бы Россия вдруг отказалась продавать Китаю оружие, это привело бы к резкому ухудшению отношений, как это произошло в конце 1950-х годов.

Китайцы стараются снять напряжение в отношениях с американцами, которые считают, что китайцы стали агрессивными и напористыми. Министру обороны Соединенных Штатов в знак особого расположения показали секретный объект, само существование которого еще недавно отрицалось: центральный командный пункт управления вооруженными силами Китая.

В январе 2011 года министр обороны США Роберт Майкл Гейтс прилетел в Пекин. Буквально за несколько часов до его встречи с председателем Ху Цзиньтао поднялся в воздух первый китайский боевой самолет J-20 — пятого поколения, с применением технологий малозаметности, — произведенный на авиационном заводе в городе Чэнду (провинция Сычуань). Первый полет самолета-невидимки продолжался всего пятнадцать минут. Для американцев это был неприятный сюрприз. Самолет может быть использован для удара по американским базам и военным кораблям в случае военного конфликта из-за Тайваня.

Специалисты утверждают, что появление супернового самолета — в немалой степени результат промышленного шпионажа. Самолет-невидимка удался китайским конструкторам после

того, как Сербия в 1999 году передала Китаю обломки сбитого американского истребителя F-117... Некоторые военные специалисты уверяют, что китайская машина повторяет американский самолет F-22, работу над которым в США остановили из соображений экономии.

Министр обороны Гейтс прямо поинтересовался у председателя Ху Цзиньтао: почему испытание произошло во время его пребывания в Пекине? Глава Китая невозмутимо ответил, что одно не имеет ни малейшего отношения к другому.

Вашингтон сильно обеспокоен попытками Китайской Народной Республики создать космическое оружие. 11 января 2007 года китайские зенитчики, демонстрируя свои возможности, ракетой сбили старый метеоспутник. В ответ 20 февраля 2008 года Соединенные Штаты показали, на что способны они: ракетой, запущенной с крейсера, сбили спутник на куда более высокой орбите. Это было первое испытание космического оружия после 1985 года. И соревнование продолжается! В январе 2010 года китайцы уничтожили одну из своих ракет на большом отдалении от Земли. В США сочли это шагом на пути создания противоспутникового оружия.

Многие страны, обладающие меньшим военным потенциалом, чем Соединенные Штаты, напуганы растущим арсеналом КНР.

Первые десять лет после создания Китайской Народной Республики ее армия формировалась с помощью Советского Союза. Затем Китай стал действовать самостоятельно. Пекин занялся созданием ядерного оружия, ракет и спутников военного назначения. Мао Цзэдун тратил на армию десять процентов валового национального дохода. В период культурной революции создание новых видов оружия фактически прекратилось из-за разрухи и хаоса в стране. После Мао китайские власти вынуждены были сконцентрироваться на гражданских отраслях экономики.

В 1979 году Дэн Сяопин, взяв курс на реформы, объяснил своим генералам и адмиралам, что им придется подождать, прежде чем модернизация Китая позволит дать дополнительные деньги армии и флоту. Большие военные проекты были отло-

жены до того времени, когда будут решены основные экономические задачи.

Дэн Сяопин говорил, что большая война в течение ближайших пятидесяти лет едва ли возможна и Китаю угрожают лишь локальные военные конфликты вблизи его границ. Поэтому нет необходимости в большой армии. Дэн заморозил военный бюджет и сократил армию с четырех миллионов до трех. Началась конверсия военного производства. Тем не менее в 1980 году было проведено первое испытание межконтинентальной баллистической ракеты. В 1987-м у Китая появилась первая атомная подводная лодка.

Теперь разбогатевший Пекин дает больше денег армии.

За десять лет — с 1995 по 2005 год — военные расходы выросли на триста процентов. Изменилась военная доктрина. Раньше делали ставку на живую силу, теперь — на современные технологии. Китайская армия, самая большая в мире, поражает своей грандиозностью, но при ближайшем рассмотрении не выглядит столь уж устрашающей. И, кстати говоря, последний опыт боевых действий был для Китая неудачным. В 1979 году большая китайская армия не смогла справиться с маленькой вьетнамской.

Но грандиозные маневры китайских вооруженных сил всякий раз пугают мир. Многодневная откровенная демонстрация силы возводит Китай в ранг великой державы, с которой остальным странам, особенно соседям, придется считаться. Все дни, пока в Китае идут военные маневры, пекинское телевидение с наслаждением демонстрирует картины грозной боевой мощи Народно-освободительной армии Китая. Дикторы торжествующе зачитывают победные генеральские реляции: цели поражены, враги уничтожены, задачи, поставленные перед армией, выполнены с честью...

Окружающий мир очень часто неправильно понимает мотивы действий китайских политиков. Западные страны полагают, что Китай вооружается безо всяких видимых оснований, с удовольствием показывая зубы. Но у китайцев иное видение мира. Они исходят из того, что американцы снабжают Индию и Тайвань оружием, держат свои войска на базах в Японии и Южной

Корее. Китайцы считают, что находятся во враждебном окружении.

Существует ли риск войны из-за Тайваня? Пекин требует воссоединения острова с КНР. Тайваньцы же считают свое государство независимым и добиваются международного признания. Для Пекина Тайвань — одна из провинций Китая. Поэтому Пекин пытается доказать: он способен применить военную силу ради того, чтобы покарать сепаратистов.

Вашингтон формально не имеет дипломатических отношений с Тайванем, но обещал защищать остров. Когда-то президент Рональд Рейган записал в дневнике: «Встретился с китайским министром иностранных дел Хуан Хуа. Китай предъявляет нам ультиматум относительно продажи оружия на Тайвань. Я не люблю ультиматумы. У нас есть моральные обязательства и пока не достигнуто мирное решение вопроса между материком и Тайванем, мы намерены исполнить свои обязательства».

Хозяева Белого дома меняются. Но эта позиция остается неизменной.

В Пекине говорят, что Тайвань всегда был частью Китая, но в прежние времена Китай не слишком интересовался этим островом. Здесь было мало китайцев, жители острова говорили на своем языке, который ближе к современному индонезийскому, чем к китайскому.

Ханьцы (самоназвание китайцев) завоевали остров, загнав коренное население в горы. Китайские рыбаки селились на побережье Тайваня в XVI—XVII веках, но в 1623 году остров оказался под властью Португалии. В 1683 году Тайвань вошел в состав Китайской империи, но по существу китайцы им не интересовались. Только в 1887 году Тайвань стал полноправной провинцией Китая. Но уже в 1895 году Китай, проиграв войну с Японией, потерял Тайвань. Местные жители пытались провозгласить самостоятельное государство, но Япония превратила остров в колонию.

Японцы строили школы и развивали экономику. Это единственная бывшая японская колония, которая сохранила теплые чувства к Японии. Старые тайваньцы говорили, что Япония сделала для них больше, чем континентальный Китай.

На Каирской конференции стран антигитлеровской коалиции в 1943 году права Китая на Тайвань были подтверждены. В 1945 году войска Чан Кайши взяли остров. Они обращались с местным населением как с врагом. 28 февраля 1947 года правительственные войска устроили кровавую резню — уничтожили тысячи тайваньцев, которые выступали против «освободителей».

Когда в 1949 году остатки войск гоминьдана в количестве примерно одного миллиона человек бежали на Тайвань, там жило около миллиона жителей. Они были не слишком рады такому количеству гостей. «Мы их сюда не звали», — говорили коренные тайваньцы.

19 мая 1949 года Чан Кайши ввел на острове военное положение. Только тридцать восемь лет спустя, в июле 1987 года, оно было отменено. Это сделал сын Чан Кайши, избранный президентом Тайваня.

Чанкайшисты пытались преобразить остров. Улицы были названы по-новому, детей учили мандаринскому (столичному) диалекту. Но и сейчас, через полвека, на острове ощутимо влияние японской культуры, а язык отличается от того, на каком говорят в Пекине. Есть словари, которые помогают переводить с мандаринского диалекта на тайваньский. На Тайване используют старое написание иероглифов, тогда как в КНР их написание упростили. Молодым гражданам КНР трудновато читать тайваньские газеты. С конце 1980-х жители острова стали часто ездить в Китай, чтобы повидать родные места. Но бедные родственники от них требовали подарков, и произношение друг друга казалось смешным и тем и другим.

У тайваньцев появилась собственная гордость. Они изучают историю своего острова и подчеркнуто говорят на своем диалекте. Раньше жители острова считали себя китайцами, теперь они именуют себя тайваньцами.

Есть ли смысл Китаю в нынешних условиях, имея такую блестящую перспективу развития, устраивать военный конфликт?

«Я не думаю, что китайская армия представляет какую-либо угрозу сейчас для России или для Соединенных Штатов, — счи-

тает профессор-китаевед Александр Вадимович Панцов. — Китайцы не самоубийцы. Они так заботятся о своем экономическом росте не ради того, чтобы уничтожить весь земной шар, а вместе с ним и собственную страну...»

«Посмотрите, они построили свой ракетно-ядерный потенциал ровно настолько, чтобы гарантированно не оказаться под ударом, но не более того, — полагает профессор Владимир Петрович Лукин, бывший посол России в США. — Они не стали наращивать свой арсенал, как это делали некоторые другие в свое время, пока не лопнули под тяжестью финансовых затрат. Я имею в виду наш любимый Советский Союз, мою родину. Они развиваются по-другому. Армию модернизируют, у них деньги на это есть, но считать, что они сейчас создают какой-то крупный кулак для крупных завоеваний, я бы не стал. Что будет через двадцать-тридцать лет, посмотрим, а пока это так...»

Китайские лидеры исходят из того, что оружие — не более чем средство сдерживания. Они и Тайвань не собираются завоевывать силой.

Тайваньский капитал вложил несколько десятков миллиардов долларов в экономику Китая. На территории Китая существуют тысячи тайваньских фирм. Конечно, тайваньцам неуютно, когда они видят под окном боевые корабли военно-морского флота Китая. И тайваньские капиталы бегут с острова. Куда? В Китай!

В январе 2011 года в Соединенные Штаты прилетел генеральный секретарь ЦК КПК и председатель КНР Ху Цзиньтао. Это был первый государственный визит главы Китая. Ху принимали по высшему разряду. Он приехал в Вашингтон в роли лидера второй по значению экономики мира.

Визиту предшествовал период серьезного охлаждения отношений. Пекин всегда болезненно реагирует на продажу американского оружия Тайваню и встречи американцев с духовным лидером Тибета далай-ламой. Вашингтон, в свою очередь, был недоволен отказом Пекина поддержать санкции Совета безопасности ООН против Ирана, его территориальными претензиями в Южно-Китайском море и тем, что лауреат Нобелевской премии мира 2010 года диссидент Лю Сяобо остается в тюрьме.

Накануне визита в Вашингтон Ху Цзиньтао дал интервью газетам «Вашингтон пост» и «Уолл-стрит джорнэл»:

«Мы всегда считали, что народная демократия — суть социализма. Без демократии не может быть и социалистической модернизации. Развитие социалистической демократии — цель, от которой мы никогда не отказывались... Тот факт, что в Китае наблюдается устойчивый, быстрый экономический рост и социальная стабильность и гармония, доказывает, что политическая система Китая подходит китайским национальным условиям и отвечает требованиям общего экономического и социального развития.

Политическая перестройка должна способствовать экономическому и социальному развитию и удовлетворять растущее желание людей принимать участие в политических делах... Мы будем и дальше расширять народную демократию и строить социалистическое государство на основе верховенства закона в соответствии с национальными условиями Китая».

На переговорах президент Барак Обама откровенно говорил и о правах человека в Китае, о судьбе нобелевского лауреата Лю Сяобо, отбывающего тюремный срок. В ответ Ху Цзиньтао неожиданно произнес то, чего раньше не говорил: «Мы признаем, что в плане соблюдения прав человека Китаю еще многое предстоит сделать».

Забавно, но Китай ведет себя, как Советский Союз в прежние времена. Если отношения с Западом улучшаются — выпускает диссидентов и сулит некие послабления.

3 апреля 2011 года китайский художник Ай Вэйвэй был задержан в аэропорту Пекина, когда он собирался улететь в Гонконг. Это один из самых знаменитых в мире художников, соавтор пекинского олимпийского стадиона «Птичье гнездо». США и европейские страны выразили протест. В Пекине объявили, что он обвиняется в экономических преступлениях. Накануне визита китайского премьер-министра в Германию Ай Вэйвэя внезапно освободили.

Пределы сближения Вашингтона и Пекина очевидны. И дело не только в таких застарелых проблемах, как вопрос Тайваня или Тибета. Существует ли реальная основа для сближения между демократическим и авторитарным обществами?

При этом Китай в реальности не против американского военного присутствия в Азии, потому что это придает уверенности его соседям, которые в противном случае испугались бы Китая. Впору говорить о некоем симбиозе Китая и Соединенных Штатов, сложной взаимозависимости двух государств, куда большей, чем та, что когда-то связывала СССР и США. Отношения Вашингтона и Пекина — важный фактор поддержания мира и безопасности в мире. Так что, скорее всего, войны между Соединенными Штатами и Китаем не будет. Но роль США в мире снижается, а роль Китая — растет.

«Я бы применил к отношениям между США и Китаем, — замечает профессор Евгений Петрович Бажанов, — формулу Мао Цзэдуна, который, оценивая советско-американские отношения, говорил, что две сверхдержавы дерутся и сговариваются. И чем больше они дерутся, тем больше они сговариваются. Вот то же самое могу сказать сейчас об отношениях Китая с США. Возьмем экономику. Они друг без друга жить не могут. Огромный объем взаимных инвестиций: китайцы держат огромное количество американских облигаций, то есть в их руках американские долги. Китайские товары наводнили американский рынок. И если сейчас прекратить экономические связи между Китаем и США, то обвалятся обе экономики, и американская, и китайская, значит, и мировая».

И одновременно Пекин и Вашингтон соперничают по всем направлениям.

«С точки зрения Китая, — продолжает профессор Бажанов, — американцы все больше окружают Китай, а американцам кажется, что китайцы на них наступают. Вот такое соперничество тоже развивается. Но при этом они, повторяю, понимают, что нужны друг другу, и не только в экономическом смысле, но и для решения всех глобальных проблем, что нельзя многие проблемы решать в одиночку или по методу „острие против острия“ в отношениях друг с другом. А надо это делать совместно».

Торговые войны

В Америке сформировался единый антикитайский фронт — объединились правозащитники, озабоченные репрессиями в Китае, политики, встревоженные растущей военной мощью страны, и бизнесмены, которые несут убытки из-за обилия дешевых китайских товаров (ведь Китай имеет огромное положительное сальдо в торговле с Соединенными Штатами).

Американское правительство обвиняет Пекин в искусственном занижении курса национальной валюты. Дешевый юань делает экспортный китайский товар конкурентоспособнее. Готовность много и тяжело работать за маленькие деньги — один из главных факторов успеха страны. Вашингтон недоволен нежеланием китайского правительства повысить обменный курс юаня, что помогло бы сократить колоссальный дефицит в торговле с КНР. А Пекин доказывает, что такой курс юаня важен для экономической стратегии страны. Низкий курс национальной валюты — это метод борьбы Китая за право войти в мировое экономическое пространство на своих условиях.

США требуют, чтобы Китай меньше экспортировал и больше потреблял сам. Для китайцев сокращение экспорта означало бы рост безработицы с непредсказуемыми политическими последствиями. Для Пекина поддержка внутреннего производителя — вопрос не экономики, а политики. Глава правительства Вэнь Цзябао в сентябре 2010 года прямо говорил американцам: «Вы даже не представляет себе, сколько китайских компаний обанкротится в случае повышения курса юаня. Это может привести к серьезным волнениям. Только у главы китайского правительства на плечах лежит такое бремя...»

Впрочем, нынешняя администрация США полагает, что американцы по собственной вине проигрывают соревнование с Китаем. Десятилетия процветания погрузили Соединенные Штаты в летаргический сон. Американцы привыкли ощущать себя уникальными и неуязвимыми. Растущее могущество Китая вызывает озабоченность.

Глобализация многое принесла американскому потребителю. Сбила цены на вещи, которые еще недавно считались пред-

метами роскоши, — от телевизоров с большими экранами до персиков в разгар зимы. Повысила покупательную способность мало зарабатывающего американца. Но глобализация же ведет к тому, что рабочие места утекают из страны. Америка импортирует больше, чем экспортирует, занимает больше, чем дает в долг.

Барак Обама считает, что Америка не победит в экономическом соревновании Китай, сокращая бюджетные расходы, но и не победит, отгораживаясь от мира, создавая торговые барьеры. Американский президент призывает сограждан объединиться и создавать динамичную свободную рыночную экономику. Вкладывать деньги в образование, которое в Америке всегда дает шансы на лучшую жизнь.

Когда-то после запуска первого искусственного спутника Земли, опасаясь, что Советский Союз опережает Америку в развитии техники и технологии, президент Дуайт Эйзенхауэр удвоил расходы на образование и создал управление по развитию оборонных исследовательских проектов, благодаря чему появились Интернет, штрихкод и компьютерный дизайн. Барак Обама хотел бы повторить успех своего предшественника, чтобы не отстать от Китая.

«Множество молодых людей готовы преподавать в школе, им нравится эта работа, — говорит Обама. — Но они быстро уходят, потому что им очень мало платят. Почему хороший опытный преподаватель должен получать меньше ста тысяч долларов в год? А преподаватели математики и точных наук должны получать и больше!»

Ребенку в Лос-Анджелесе приходится конкурировать не только со сверстником в Бостоне, но и с миллионами жадно набирающихся знаний детей в Пекине. А американские школы в бедных кварталах, где живут темнокожие дети и выходцы из Латинской Америки, мало что могут дать ребенку... Обама считает, что это задача не только правительства. Родители в первую очередь обязаны прививать своим детям стремление к успеху и тяжелому труду, как это принято в Китае.

Президенты, приходя в Белый дом, неизменно грозят, что Китай лишится возможности выгодно торговать с Америкой,

если не начнет процесс демократизации. Но, как правило, президентам приходится жертвовать своим благородным стремлением бороться за права человека в Китае, потому что торговля с дальневосточным гигантом позволяет Соединенным Штатам создавать рабочие места.

Запад в целом разрывается между желанием добиться от Китая соблюдения прав человека и необходимостью думать о своих экономических интересах. Один из министров иностранных дел Германии выразился необыкновенно цинично: «Конечно, мы выступаем за соблюдение прав человека, но за нами стоят миллионы безработных!»

Торговля с Китаем — двигатель экономического восстановления ФРГ после кризиса. Без Китая немецким фирмам было бы не подняться. Экспорт Германии в Китай вырос в 2010 году на шестьдесят процентов. Ее компании поставляют в Китай автомобили, станки и турбины для электростанций. «Фольксваген» отправляет в Китай каждую четвертую из своих машин. Германские фирмы сильно встревожены: куда они денут свой товар, когда КНР начнет конкурировать на рынке высокотехнологической продукции? А что произойдет, если экономический рост Китая остановится? Это больно ударит по компаниям Германии.

Валовой внутренний продукт США пока что в два с половиной раза больше китайского. Китай твердо намерен догнать Соединенные Штаты. Но не повторит ли Китай путь Японии, которая стремительно развивалась в 1960—1970-е годы, делая ставку на экспорт, а потом остановилась? Руководитель центрального статистического управления КНР Ма Цзяньтан призывает не спешить радоваться высоким показателям: «Хотя наша экономика растет, остается немало вопросов, так что надо сохранять трезвость».

Китай невероятно динамичен. Надеется вырваться на первые роли в производстве машин-гибридов и электромобилей. Разрабатывает самолеты, которые потребляют меньше керосина, чем нынешние. В производстве батарей для выработки солнечной энергии КНР обгоняет другие страны. Четыре из десяти крупнейших мировых производителей — китайские.

Китайские компании преуспели в электронике и биотехнологии. Они производят две трети ксероксов, микроволновых печей и обуви в мире, шестьдесят процентов всех мобильных телефонов, пятьдесят пять процентов видеомагнитофонов, половину цифровых видеокамер, треть персональных компьютеров, семьдесят процентов детских игрушек... Несколько десятков китайских компаний вошли в список пятисот крупнейших мировых компаний.

Но Китайская Народная Республика — нелегкий партнер. Китайских производителей подозревают в воровстве, в незаконном использовании чужих разработок. Китайские компании покупают лицензии у американских компаний. А заодно с черного хода торгуют подделками. К ним трудно подобраться, потому что они мешают настоящий товар с фальшивым.

Китай за это не раз наказывали. В Пекине очень хотели купить новейшую технологию очистки нефти. Все американские компании им отказали и продали старое оборудование, потому что никто не хотел рисковать: в Китае вообще не было охраны интеллектуальной собственности.

Американцы были невероятно обеспокоены ситуацией в Китае, где немногие понимают, что такое охрана авторских прав, и совсем мало кто понимает, что интеллектуальную собственность нужно охранять. Глубокое и искреннее неуважение к чужой собственности искореняется с трудом. Увидев цены на лазерные диски в Китае, американец лезет в карман, потому что таких фантастически низких цен нет нигде.

Американцы давили на китайских чиновников, грозили: если охрана интеллектуальной собственности не улучшится, торговля расти не будет. Министерство торговли США повторяет: защита интеллектуальной собственности — один из показателей благоприятного инвестиционного климата.

В США еще в октябре 1999 года создали Центр защиты интеллектуальной собственности, координирующий работу пятнадцати федеральных ведомств. Страна теряет сотни миллионов долларов ежегодно только на пиратских копиях компьютерных программ, компакт-дисков.

В Америке судебные иски успешно защищают авторские права вот уже двести лет — с тех пор, как в США принят первый

закон о защите авторских прав. Это целая отрасль права, национального и международного.

Парижская конвенция 1883 года защитила изобретения, торговые марки и промышленный дизайн. Бернская конвенция 1886 года защитила авторские права. Она гарантирует иностранным обладателям авторских прав такую же защиту, как и своим. Обе конвенции многократно пересматривались и улучшались. За этим следит Всемирная организация интеллектуальной собственности, созданная ООН в 1967 году.

Более значительный документ — это Парижская конвенция об охране интеллектуальной собственности. Она защищает патенты, промышленный дизайн, торговые марки. Этот закон позволяет изобретателю патентовать изобретение у себя на родине, а затем в течение от шести до двенадцати месяцев запатентовать его и в других странах. То есть ему не надо патентовать изобретение сразу во всех странах, что очень дорого и трудно.

Интеллектуальная собственность — это уникальное творение человеческого интеллекта. Скажем, рецепт сиропа, из которого делается кока-кола, есть интеллектуальная собственность. Интеллектуальную собственность можно купить и продать, как товар, ее можно зарегистрировать, от нее можно отказаться. Владелец интеллектуальной собственности заинтересован в том, чтобы предотвратить ее использование без его разрешения.

Авторское право — это исключительное право воспроизводить любую оригинальную авторскую работу. Не бывает авторского права на идею, процесс, систему. Бывает только право на авторское видение, восприятие, описание идеи, процесса, концепции. В США это право сохраняется за автором всю его жизнь, а после его смерти — пятьдесят лет за его наследниками. Авторское право не должно мешать другим использовать честным образом авторскую работу. Вопрос в том, что считать честным...

Патент — это некое соглашение, заключаемое изобретателем с обществом. Изобретатель предоставляет обществу право пользоваться своим изобретением в обмен на вознаграждение, которое компенсирует его денежные и интеллектуальные затраты и стимулирует других изобретателей.

Патент может быть выдан на станок, на технологию производства полупроводников, на новый процесс изготовления макарон, на новый вид овощей, выведенный с помощью биотехнологии. Патентная система стимулирует инвестиции в науку. Это доказывает простое сравнение количества изобретений в странах, в которых существует развитое патентное право, с теми странами, которые не охраняют патенты.

Во всем мире патент выдается тому, кто первым подал идею. В США — тому, кто первым изобрел. И существует система, позволяющая выяснить, кто же был первым. Во всем мире надо сначала подать заявку, а затем только обнародовать свое изобретение. В США изобретателю дают год после обнародования изобретения, чтобы он подал заявку. И кроме того требуют, чтобы изобретатель обнародовал наилучший способ использования своего изобретения.

Цель торговой марки (а теперь и сервисной марки) — обозначить производителя, выделить предлагаемый продукт среди множества предлагаемых и гарантировать определенный уровень качества. Торговые марки служат потребителю. Название «кока-кола» может быть написано даже китайскими иероглифами, но всякий сразу поймет, что перед ним именно кока-кола. Заводы, выпускающие в Китае или России кока-колу, принадлежат этим странам, но секретом сиропа фирма не делится.

Торговая марка может быть очень ценной. Например, немецкий автомобильный концерн BMW купил британскую компанию Rover в основном для того, чтобы получить портфель торговых марок — включая Land Rover и Range Rover.

Что дает регистрация торговой марки? Право требовать от таможни запретить импорт подделанного товара (с той же торговой маркой) и подавать в суд на тех, кто пытался торговать тем же товаром. Торговой марки можно лишиться: если давать другим компаниям лицензию на производство товара, но не контролировать его качество. Или если нет возможности помешать превращению названия товара в обозначение целого класса товаров. Это произошло, например, с аспирином, целлофаном, эскалатором, корнфлексом. Эти названия перестали быть тор-

говой маркой и стали обозначением целого класса товаров — между прочим, по решению суда.

В отличие от авторских прав право на торговую марку сохраняется навсегда. Поэтому никто до их пор не узнал секрета той же кока-колы. Если бы существовал другой закон, «Кока-кола кампани» давно бы уже рухнула под напором конкурентов, которые выпускали бы такой же напиток. В США самое небольшое отклонение от стандартов упаковки, от норм инструкций позволяет запретить продажу этого товара, даже если производитель получил лицензию от владельца торговой марки...

Впервые в 1982 году американцы подсчитали, что промышленность теряет миллиарды долларов в год из-за пиратства и подделок. Китай в этом держит пальму первенства. Чаще всего продают фальшивые продукты, одежду, лекарства, спортивные товары и игрушки. Подделыватели не ограничиваются тем, что нашивают фальшивые этикетки на одежду. Они используют сложные системы распространения, электронную почту, чтобы продавать большие партии фальшивых товаров.

Подделки опасны. Из-за комплектующих, изготовленных с нарушением технологии, падают самолеты и вертолеты. Даже оборудование для кардиохирургии может быть подделкой. Опаснее всего партии детского питания и игрушки, которые продаются с торговой маркой известных фирм, но на самом деле изготовляются подпольными цехами без соблюдения строгих стандартов. Подделки в косметике вызывают тяжелую аллергическую реакцию. Подделанные солнечные очки не предохраняют от ультрафиолетовых лучей.

Одна фармакологическая компания обнаружила, что в США был продан чуть ли не миллион противозачаточных пилюль с подделанной торговой маркой. В результате чего женщины беременели, не желая того, или же дело кончалось и вовсе плохо — внутренними кровотечениями. Подделка одного из антибиотиков привела к распространению опасной инфекции у детей.

В ходе так называемого Уругвайского раунда Генерального соглашения по тарифам и торговле (1994) были разработаны очень жесткие нормы сохранения интеллектуальной собственности. Государства, входящие во Всемирную торговую орга-

низацию, обязаны защищать чужие интеллектуальные права, как свои.

Как это выглядит на практике?

Возьмем настольную лампу. Ее электрическая проводка защищена патентом. Сама лампа, ее внешний вид защищены торговой маркой. Теперь введены патенты и на дизайн. Наконец, скульптурная подставка — это произведение искусства и защищается авторским правом. Производитель таких ламп может составить список поставщиков комплектующих для них и защищать его как торговый секрет. На того, кто передаст этот список конкуренту, запросто можно подать в суд и заставить возмещать ущерб.

Обладатели торговых марок, патентов, авторских прав могут выдавать лицензии на право их использования. Иногда компании обмениваются такой интеллектуальной собственностью. Это хорошее вложение капитала. Поэтому компании стремятся обладать как можно большим пакетом интеллектуальной собственности. В Соединенных Штатах существует бесконечное количество организаций, которые занимаются защитой патентов, торговых марок, авторских прав, торговых секретов. Чуть ли не вся промышленность нуждается в защите своих прав от китайских подделок.

В феврале 1995 года Вашингтон и Пекин договорились о защите авторских прав в Китае. Правительство Китая обещало ввести законы, наказывающие пиратов, принять жесткие меры против фабрик, изготовляющих пиратские копии. А также прекратить экспорт пиратских копий и открыть внутренний рынок для американских производителей. Китай согласился начать борьбу с незаконным производством в стране компьютерных программ, компакт-дисков, лазерных компьютерных дисков, видеокассет, видеоигр.

Компьютерные программы — самая быстро растущая часть мирового рынка. Программное обеспечение избавило обладателей персональных компьютеров от сложных манипуляций, от необходимости самостоятельно заниматься программированием. Уже давно владельцам компьютеров предлагаются очень простые, удобные в использовании компьютерные программы.

Но бич создателей программ — пиратство. Вместо того чтобы покупать программы у тех, кто их придумал, умелые люди бесплатно копируют программы и продают их по более низкой цене. В Азии каждая третья программа — пиратская. В Китае еще недавно девяносто восемь процентов всех программ были пиратскими.

С точки зрения создателя и производителя, пиратство — катастрофа. Пираты просто забирают у них деньги. С точки зрения владельцев компьютеров в развивающихся странах, пиратские копии — единственная возможность как-то соответствовать мировому уровню. Люди жалуются, что крупнейшие производители программ продают их по слишком высокой цене.

В производство такого программного обеспечения, как операционная система Windows, вкладываются сотни миллионов долларов. Чтобы вернуть затраченные деньги, компания должна продать огромное количество копий. По пиратским ценам настоящие программы продаваться никак не могут, потому что их создание требует серьезных денег на продолжительные разработки. Составление компьютерных программ приравнивается к литературной работе, и права авторов защищаются очень сурово. Автор программы обладает исключительными правами пожизненно, и авторские права сохраняются за его наследниками в течение пятидесяти лет после его смерти.

Китайские власти действительно закрывали фабрики, которые производили компакт-диски без лицензии, конфисковали и уничтожали миллионы дисков с компьютерными программами. Но хотя Пекин и обещал покончить с пиратством, на самом деле, как утверждают в Вашингтоне, оно росло. Особенно быстро увеличивалась продажа компакт-дисков. Проблема в том, что само китайское руководство являлось потребителем пиратской продукции. Даже министерства пользовались ворованными компьютерными программами. Говорят, что кое-кто из начальства имел личные финансовые интересы в фабриках, производящих пиратскую продукцию...

Китайские власти сообщали о большом количестве рейдов на пиратские производства, но они, похоже, продолжали действовать с прежней эффективностью. Товар для маскировки везли

не из Китая, а переправляли в США через Панаму и мексиканскую границу или через Восточную Европу, чтобы надежно скрыть страну-изготовителя. Прибыли большие. Скажем, китайская фабрика отдавала перекупщицам джинсы всего по пять долларов пара.

На Востоке имитация, копирование работ великих мастеров — обычный способ познания предмета. Это частое объяснение: дескать, китайцы не видят в интеллектуальном пиратстве ничего плохого.

Напрасно считалось, будто Китай может производить только низкокачественные товары. В Китае наловчились даже изготовлять голограммы — создаваемые лазером трехмерные изображения, применяемые в производстве упаковки для компьютерного обеспечения как доказательство подлинности программ. Эти голограммы очень дороги, считалось, что их крайне трудно копировать. Но одна китайская группа научилась изготовлять даже сертификаты качества на бумаге, из которой печатаются деньги... А пронести пачку фальшивых голограмм, которые стоят десятки тысяч долларов, можно в кармане пиджака, и таможенный инспектор, если он не предупрежден, ничего не заподозрит.

Соединенные Штаты оказывали сильнейшее давление на страны-нарушители, используя 301-ю специальную поправку к закону о торговле, принятому в 1988 году. Эта поправка создает механизм, позволяющий правительству вводить санкции против государств, которые нечестно ведут дела в сфере международной торговли. В том числе если правительство не защищает должным образом интеллектуальную собственность. В 1984 году был принят закон о борьбе с подделками торговой марки, который позволяет президенту США лишать развивающиеся страны преимуществ торговли, если они не защищают авторские права и торговые марки американских производителей.

Но Китай и сам великая держава! С ним не так просто. Западные правительства убеждали Китай: соблюдение авторских прав окажется для них выгодным. Но эта теоретическая выкладка пока что не подкрепляется практикой. В принципе, защита интеллектуальной собственности — важнейший элемент разви-

тия новых технологий, товаров. Если создатели не получают вознаграждения, это сдерживает творческую энергию людей, что отрицательно сказывается на развитии общества, то есть сдерживает развитие общества в целом. Хорошая защита авторского права стимулирует иностранные инвестиции. И напротив, если права патентовладельца не защищены, обладатели патентов не спешат передавать их развивающимся странам, что замедляет их развитие. Так в теории. А на практике получается иначе. Поэтому китайский бизнес сопротивлялся жесткому законодательству в сфере защиты интеллектуальной собственности.

Но Китай вступил во Всемирную торговую организацию, а она предъявляет очень жесткие требования относительно соблюдения авторских прав. Теперь все делается иначе. Для иностранцев условием работы в Китае становится передача передовых технологий. Чтобы получить заказ в Китае, компания вынуждена раскрыть секреты производства, а то и передать их китайским партнерам.

Китайцы, скажем, добились успеха в автомобильной промышленности, получив доступ к современным технологиям с помощью совместных предприятий. Иностранцы с горечью видят на китайских выставках копии своих моделей. Китайцы клонируют полюбившиеся им марки и продают по низким ценам в Индию и Россию.

Когда капитаны европейской индустрии находятся в КНР, они воспевают успехи Китая. Вернувшись домой, жалуются на промышленный шпионаж и велят во что бы то ни стало не нанимать китайский персонал. По этой части с китайцами никто не сравнится, потому что развивающейся китайской промышленности нужно все.

Китайское правительство отвергает обвинения в шпионаже. Но разведка работает — она ищет секреты в открытой печати, в Интернете, на торговых выставках или просто ворует секреты в компаниях и лабораториях. Правда, не очень ясно, где здесь работа министерства госбезопасности Китайской Народной Республики, а где мелкий бизнес частных умельцев, которые хотят заработать.

Министерство госбезопасности вербует талантливых студентов и профессоров, которые едут в США учиться. Им рекомен-

дуют устраиваться на работу, принимать американское гражданство, но при этом не забывать об интересах родины. Один бывший китайский агент рассказал американцам, что учился в разведшколе в Нанкине. Время от времени он встречает своих однокашников по разведшколе в разных американских фирмах и даже в правительственных коридорах в Вашингтоне.

На одной промышленной выставке члены китайской делегации как бы невзначай опускали свои галстуки в новый проявитель, разработанный фирмой «Агфа», чтобы потом проанализировать его химический состав. Охранники ничего не могли сделать.

Китайский инженер, который работал в крупной американской фирме в штате Колорадо, украл очень дорогие компьютерные программы и исчез.

Начальник службы безопасности биотехнологической компании в Калифорнии получил анонимное письмо. Его предупреждали, что некий сотрудник намеревается украсть секреты препарата, который приносит компании полмиллиарда долларов годового дохода. Выяснилось, что этот сотрудник за последние несколько недель семьдесят раз звонил в Китай. Наняли детективов. Они обнаружили, что вор действительно работает на китайцев.

Почему американские компании не обращаются в полицию? Они заинтересованы в том, чтобы избежать огласки. И не хотят ссориться с китайскими властями, чтобы не лишиться доступа на рынок, где их товары может купить миллиард с лишним потребителей.

Пекин в мировой политике

В 1949 году Китай был отрезан от всего мира, коммунистическое правительство даже не сумело получить место в ООН. Китайская Народная Республика находилась в изоляции все годы холодной войны. Сейчас страна наслаждается преимуществами глобализации.

Вступление Китая во Всемирную торговую организацию привело к серьезному снижению импортных тарифов и сделало национальную экономику более открытой. По подсчетам Все-

мирного банка, ежегодный выигрыш Китая от вступления в ВТО составил сорок миллиардов долларов.

У Китая интересы повсюду. Все знают о том, как мир приходит в Китай. Но мало кто знает, что и Китай активно идет в мир. Пекин вкладывает деньги по всему свету и помогает меняться экономике во многих странах. Без китайцев не было бы работы во многих регионах мира. За два года КНР выдала развивающимся странам кредиты на сто десять миллиардов долларов — на десять миллиардов больше, чем Всемирный банк.

Китайцы хотят, чтобы страна играла большую роль в мире, чтобы ее влияние было сопоставимо с американским. Едва ли не главное достижение генерального секретаря ЦК КПК и председателя КНР Ху Цзиньтао — невероятный успех Китая в реализации своих намерений в мире, несмотря на все внутренние трудности.

«Китай, — отмечает Евгений Бажанов, — выступает за развитие отношений со всеми странами мира на основе принципов мирного сосуществования: Китай не делит государства на хорошие и плохие в зависимости от их идеологии, Китай стремится дружить со всеми, Китай не вмешивается в чужие дела, Китай не навязывает никому точку зрения... Но на практике Китай начинает вести себя все более энергично, и это обусловлено целым рядом причин. Во-первых, мощь возрастает и, естественно, возрастают амбиции. Во-вторых, это необходимо для обеспечения национальной безопасности — Китай большое государство с протяженными границами, очень много соседей у Китая, с некоторыми соседями очень серьезные проблемы, территориальные проблемы, экономические проблемы, этнические проблемы. Так что Китай должен, защищая свою национальную безопасность, вести себя более активно...»

Ху Цзиньтао неустанно проталкивает интересы страны в мире. В 2004 году он провел две недели в Латинской Америке — больше, чем тогдашний президент США Джордж Буш-младший. Ху обещал миллиардные инвестиции Аргентине, Бразилии, Чили, Кубе.

А глава китайского правительства Вэнь Цзябао за один год побывал в пятнадцати странах, принял в Пекине руководителей

сорока восьми африканских стран, слетал во Вьетнам, затем в Лаос — и отправился в путешествие по Индии и Пакистану.

Собрав африканских лидеров, премьер обещал вдвое увеличить помощь странам континента, подготовить пятнадцать тысяч специалистов в разных сферах, пригласить на учебу четыре тысячи темнокожих студентов, помочь африканским странам наладить систему медицинской помощи. В Африке Китай прокладывает автомобильные и железные дороги, строит текстильные фабрики и добывает нефть.

Многие развивающиеся страны ориентируются на Китай. Им нравится китайский вариант сочетания рыночной экономики и однопартийной политической системы. КНР создал по всему миру пятьсот институтов Конфуция, которые должны доказывать культурное превосходство Китая. Вдвое больше индонезийцев учатся в Китае, чем в Соединенных Штатах.

18 ноября 1997 года в Вашингтоне президент Казахстана Нурсултан Назарбаев подписал масштабное соглашение о сотрудничестве с двумя американскими нефтяными гигантами — «Тексако» и «Мобил». За два месяца до этого Казахстан заключил соглашение с Китаем о сотрудничестве в области нефти и газа. Ныне Китай контролирует пятую часть нефтяного рынка Казахстана. Глава Китая принял участие в торжественной церемонии по случаю ввода в эксплуатацию первой нитки газопровода Казахстан—Китай. Китай сумел построить два трубопровода, пересекающих территорию Казахстана. Причем фактически на свои средства. Стратегическая задача Китая — получать из Казахстана не менее пятидесяти миллионов тонн нефти плюс газ.

Пекин проявил большой интерес к Казахстану, хотя отношения были омрачены враждебностью советского периода. В Казахстане побаивались, не возникнут ли у Китая территориальные претензии к соседу. Особенно серьезно это обсуждалось, когда наступило временное охлаждение между Алма-Атой и Москвой в начале 1990-х годов: не воспользуется ли этим обстоятельством Пекин? Казахской дипломатии удалось то, что было не под силу советской, — достаточно быстро решить все спорные вопросы и подписать соглашение о казахско-китайской границе. «Признаться, я достаточно осторожно от-

носился к возможности быстрого решения всех существовавших в тот период проблем, — вспоминал президент Назарбаев. — Сказывалась длительная антикитайская пропаганда, которая формировала негативный образ руководства этой страны. Но я ошибся, и этот урок был для меня полезен».

Назарбаев установил тесные отношения с главой Китая Цзян Цзэминем. В сентябре 1995 года Назарбаев побывал в Китае. Удачные переговоры с председателем КНР Цзян Цзэминем положили начало процессу делимитации и демаркации границы. «Тяжелым наследием для нас стали пограничные проблемы с Китаем, — рассказывал Назарбаев. — А это около тысячи семисот километров, на которых были прежде сконцентрированы огромные воинские контингенты. Китайско-советская граница долгие годы была границей напряженности. Напомню хотя бы события в районе Семипалатинска, когда китайские войска вторглись на нашу территорию». «Пограничную проблему нужно решать, не откладывая дело в долгий ящик, — говорил Цзян Цзэминь Назарбаеву, — следующее поколение руководителей с этой задачей уже не справится, что породит множество трудностей для наших потомков».

Назарбаев и Цзян договорились о спорных вопросах. 4 июля 1997 года договор о границе был подписан. Территориальная проблема была снята с повестки дня. Пекин отказался от претензий на казахские земли, включая озеро Балхаш. В Пекине согласились не препятствовать переезду казахов из Китая на историческую родину. Назарбаев обещал запретить сепаратистскую деятельность уйгуров на своей территории. «Известен ряд случаев, — рассказывал Назарбаев, — когда на территории Казахстана проявили себя отдельные члены организаций сепаратистского толка — „Международного Комитета освобождения Восточного Туркестана“ и организации „За освобождение Уйгурстана“. Уйгурские сепаратисты убили несколько наших граждан».

23 декабря 2002 года в Пекине был заключен договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве КНР и Казахстана. 3 июля 2005 года Цзян Цзэминь и Назарбаев подписали документ под названием «Стратегическое партнерство на XXI век».

Что будет с Китаем дальше? Как изменится его политика? Это важнейший вопрос для того же Казахстана. Мы, как выразился один современный казахский писатель, «хорошо ощущаем горячее дыхание Китая». Действительно, Китай стал проводить наступательную политику в отношении Казахстана по всем направлениям, потеснив позиции США, России, Турции и других стран. Так что же, Пекин приступил к реализации своей древней стратегии «Помогать народам, управлять народами»?

Когда в июле 1996 года Цзян Цзэминь приехал в Казахстан, он обещал Назарбаеву: «Китай никогда не сделает ничего плохого для Казахстана, никогда не причинит зла вашей стране». Цзян Цзэминь сказал, что понимает: Китай воспринимается как огромный дракон, каждое его движение целые континенты бросает в дрожь. Поэтому Китай ведет себя тихо и скромно. Китай — единственная из мировых держав страна, оказавшая реальную помощь Казахстану во время финансово-экономического кризиса. Пекин выделил десять миллиардов долларов кредита на льготных условиях.

Но китайцев побаиваются. Стоило президенту Назарбаеву в конце 2009 года на Совете инвесторов заговорить о возможности передать китайцам в аренду земельные участки для выращивания сои, рапса и кукурузы, как пошли разговоры об угрозе «массовой китаизации Казахстана». «Я отвечу кратко, — говорил Назарбаев журналистам. — В статье 23-й Земельного кодекса черным по белому написано, что земля не может быть продана иностранцам. Что еще можно добавить к этому? Я дам поручение правоохранительным органам привлечь к ответственности лиц, распространяющих лживые слухи о продаже земли китайцам...»

Однажды американский президент Джордж Буш-младший спросил Назарбаева:

— Вы не боитесь китайцев, которые начнут осваивать ваши просторы?

— Вот поэтому я здесь, у вас в гостях, — пошутил Назарбаев.

28 мая 2010 года Россия и Казахстан приняли решение о создании Таможенного союза. Журналисты, воспользовавшись возможностью, спросили Назарбаева об ориентации Казахстана

на Китай. Ответ последовал мгновенно: «Мы Таможенный союз создали с Россией, а не с Китаем...»

Китайские лидеры завоевывают мир, проводя агрессивную торговую политику, предоставляя займы под низкие проценты странам Африки и Латинской Америки, используя все дипломатические средства для давления на партнеров, обвиняя Запад в культурном империализме — в ответ на критику положения с правами человека. И предоставляя самый большой — среди постоянных членов Совета безопасности — воинский контингент для миротворческих операций.

В ООН и других международных организациях китайские дипломаты все чаще добиваются успеха. Китайцев поддерживают многие страны третьего мира — в благодарность за внимание к ним. Китай, конечно же, прежде всего обхаживает страны, располагающие нефтью и газом. Это Венесуэла, Казахстан и Нигерия. Но также развивает отношения со странами, которыми Запад пренебрегает, — ведь у них тоже есть право голоса в различных международных организациях!

Африканские страны получают миллиардные займы и помощь в строительстве инфраструктуры при соблюдении всего лишь двух условий: не иметь отношений с Тайванем и поддерживать при голосовании КНР. Пекин не столь требователен, как Вашингтон. Если Запад наказывает авторитарные режимы, лишая их экономической помощи, КНР, напротив, строит диктаторам дворцы и скоростные магистрали к их виллам. Права человека китайских политиков и дипломатов не интересуют.

Современный Китай проявляет характер. Пекин долго старался ни во что не вмешиваться во внешней политике. Теперь показывает, что у него есть глобальные интересы. Одна из важнейших задач китайских дипломатов: не позволять никому вмешиваться в дела Китая. Китайцы четко обозначают, что такое внутренние дела. Например, происходящее в Тибете. С точки зрения Пекина, далай-лама — не духовный лидер буддистов, а сепаратист. Что касается Тайваня, то Пекин готов терпеть нынешнее неопределенное положение, но не признание острова самостоятельным государством.

Китай возражал против вторжения в Ирак и против бомбардировок Югославии. И не из-за того, что одна из бомб угодила в китайское посольство в Белграде в 1999 году: отвергается сама идея вмешательства в чужие дела.

Пекин поддерживает отношения с такими диктаторскими государствами, как Зимбабве, Судан, Мьянма и Йемен. Для Запада эти страны — проблема. Для КНР — рынки и партнеры. Результат: если десять лет назад позицию Пекина в вопросе о правах человека поддерживала только половина всех государства, входящих в ООН, то теперь — уже почти три четверти.

В 2004 году Международный валютный фонд не дал заем Анголе из-за коррупции. А Китай легко ссудил Анголе два миллиарда долларов... Пекин снабжает оружием и деньгами президента Зимбабве Роберта Мугабе, правительство которого обвиняют в массовых нарушениях прав человека.

Пекин вновь и вновь бросает вызов политике Запада. Китайская Народная Республика как постоянный член Совета безопасности ООН, имеющий право вето, не позволяет, скажем, принять резолюции, требующие от правительства Судана прекратить этнические чистки в Дарфуре. Пекин поступает так не по политическим, а по деловым мотивам. Китайская нефтяная компания владеет сорока процентами нефтяных концессий на юге Судана, и там находятся четыре тысячи китайских солдат, которые охраняют интересы собственной страны. Две трети суданской нефти поступает в Китай. В благодарность Пекин даже принимает президента Судана Омара Башира, на арест которого выдал ордер Международный уголовный суд в Гааге. «Китай и Судан — давние друзья, — заявил представитель МИД КНР. — Наше прагматичное сотрудничество уже дало огромные результаты. Судан — третий по значению торговый партнер Китая на африканском континенте».

Китаю нужны стабильные поставки природных ресурсов, чтобы поддерживать высокие темпы экономического роста, необходимые для социальной стабильности внутри страны. Когда-то страна удовлетворялась собственной нефтедобычей — разрабатывалось открытое в 1960-х годах месторождение в Дацине. Но экономика растет так быстро, что своей нефти давно не хватает.

Китай — крупнейший потребитель энергоресурсов и по всему миру ищет топливо для своей растущей экономики. Без разбора налаживает отношения и с демократиями — Австралией и Бразилией, и с государствами-париями Суданом и Бирмой, потому что все они располагают большими запасами углеводородов. Так ведут себя страны, которым позарез нужны ресурсы — без них не работает их экономика.

Председатель КНР Ху Цзиньтао на встрече руководителей Шанхайской организации сотрудничества в Ташкенте в 2010 году предложил разработать стратегию защиты газо- и нефтепроводов. Это и есть умелое использование дипломатии в экономических целях.

Китайская Народная Республика подписала в декабре 2006 года контракт с Ираном стоимостью в шестнадцать миллиардов долларов на покупку природного газа и планирует инвестиции в иранскую экономику. Двенадцать процентов потребляемой Китаем нефти — иранского происхождения. Вот Пекин и не позволяет Совету безопасности ООН принимать слишком жесткие санкции против Тегерана.

Никогда раньше Китаю не приходилось добывать ископаемые в таких гигантских масштабах. И страна еще не научилась получать все необходимое без того, чтобы изображать из себя друга диктаторов.

Поддержка таких режимов, как в Зимбабве и Бирме, не сделает мир лучше. Можно ли повлиять на Пекин? Уговорить китайских руководителей не поддерживать диктаторов?

В Китае готовность к компромиссу воспринимается как слабость, упорное отстаивание свой позиции — как признак силы. Но участие в мировой политике усиливает давление со всех сторон. Даже сама Африка призывает Пекин не вести себя как белые империалисты. И поведение Китая меняется. Ведь когда-то Пекин вообще поддерживал настоящих террористов, давал им деньги и оружие. Это делалось для того, чтобы обрести союзников. И позлить Советский Союз.

Глава правительства Чжоу Эньлай 18 февраля 1974 года на встрече с президентом Замбии с насмешкой говорил, что Советский Союз через полвека после революции вынужден «выпра-

шивать займы» и «распродавать свои природные ресурсы»... Это свидетельство экономической неудачи советской системы.

«Китайцы, — отмечал американский историк Ричард Пайпс, который работал в аппарате Белого дома, — создали угрозу СССР на том фланге, который он всегда считал надежным, а именно со стороны левых политических сил. Китайцы стремятся привлечь к себе те радикальные националистические силы в слаборазвитых странах, которые Москва с 1917 года рассматривала в качестве своего надежного резерва... От Восточной Африки до Юго-Восточной Азии идет жестокая схватка между Россией и Китаем за установление гегемонии над местными режимами».

Соперничество в третьем мире началось еще в 1950-е годы. Когда Хрущев попытался ограничить поставки оружия в Египет, Каир обиделся. В ответ 16 мая 1956 года Египет признал Китайскую Народную Республику. Президент Гамаль Абдель Насер надеялся, что великий революционер Мао Цзэдун, презиравший Хрущева, станет продавать ему оружие безо всяких условий. Но глава правительства Чжоу Энлай тогда огорчил Насера: «Китай не имеет возможности вооружить Египет».

Китайцы постарались как можно быстрее нарастить производство оружия, чтобы радовать тех, кто обращается к ним за помощью. Мао Цзэдуну нужны были какие-то партнеры, желательно, младшие. В Пекине первыми поддержали палестинских боевиков. К Организации освобождения Палестины в Москве поначалу относились настороженно. Не потому, что она занималась террором. Советское руководство опасалось, что палестинцы намерены дружить с Китаем.

Министр иностранных дел Громыко отправил в ЦК КПСС записку:

«Руководитель „Палестинской Организации освобождения“ Ахмед Шукейри, связанный с китайцами, за последнее время значительно активизировал свою деятельность в арабских странах, открыто призывая к войне с Израилем.

Шукейри заявил на пресс-конференции в Алжире, что „на смену словам, речам, конференциям, жалобам пришла вооруженная борьба“ и что „Палестинская Организация освобожде-

ния“ пользуется поддержкой КНР, которая поставляет ей оружие и готовит для нее военные кадры в целях разрешения палестинской проблемы военным путем. Имея в виду, что диверсионная деятельность палестинской организации „Аль-Фаттах“ на территории Израиля может повести к крупным осложнениям в этом районе, совпосол в Дамаске уже сделал соответствующее представление премьер-министру Сирии Зуэйну. Однако по ряду признаков палестинская организация, возглавляемая Шукейри, имеет сторонников среди влиятельных кругов в Сирии, Ираке и Иордании и может толкнуть к возникновению еще более серьезных инцидентов.

Следует учитывать, что за всем этим стоит повысившаяся на Ближнем Востоке активность китайцев, которые готовят у себя кадры палестинских партизан, стремясь к открытию „второго Вьетнама“ на Ближнем Востоке...»

Глава боевой палестинской организации ФАТХ Ясир Арафат сначала побывал в Пекине, а уж потом его приняли в Москве. В 1965 году китайцы разрешили открыть у себя представительство ООП. И оружие палестинцам первоначально предоставлял только Китай, причем не заикался о деньгах и давал даже больше, чем просили. Проблема состояла в том, что расстояние между китайскими портами и палестинскими базами в Ливане было слишком большим.

Тот факт, что в 1967 году Советский Союз не вмешался в шестидневную войну на стороне арабов, вверг арабскую общественность в состояние шока и раздражения. Арабы обвинили советских руководителей в том, что это они проиграли Израилю... Рушился авторитет Москвы в арабском мире, чем не преминули воспользоваться китайцы. Они обвинили Советский Союз в предательстве арабского дела. Председатель исполкома Организации освобождения Палестины Ахмед Шукейри отправился в Пекин получать советы Мао Цзэдуна. Китайцы рекомендовали развернуть по примеру вьетнамцев партизанскую войну против Израиля.

Среди первых на учебу в Китай отправился палестинский боевик Абу Нидаль, который станет одним из самых кровожадных террористов на Ближнем Востоке. Четыре месяца под руко-

водством китайских инструкторов он изучал тактику диверсионных действий. На него произвели впечатление жесткая дисциплина и культ вождя в социалистических государствах.

В 1960—1970-е годы леваки всего мира могли рассчитывать на поддержку Пекина. Как минимум они навещали китайское посольство, получали там ящиками красные цитатники Мао Цзэдуна — модное чтение левой молодежи — и продавали их желающим.

Поклонники Мао нашлись и в Латинской Америке. В Перу печальную славу завоевала маоистская партизанская армия «Сендеро луминосо» («Сияющий путь»). Ее лидер — бывший университетский профессор Абимаэль Гусман по прозвищу «Шампунь». Почему его так назвали? Потому что он мастерски промывал головы своим соратникам.

«Сияющий путь» получал вспомоществование от китайцев, и террористы носили с собой красные цитатники Мао Цзэдуна. Когда Мао умер, перуанские радикалы лишились поддержки. Зато они стали считать себя центром мирового коммунистического движения. Сам Гусман требовал именовать его «четвертым мечом мировой революции».

«Сияющий путь» ушел в подполье. Боевики создали себе базу в Андах, запугивая крестьян и убивая тех, кого подозревали в сотрудничестве с армией. На счету группы не одна тысяча жизней. Люди Гусмана предоставляли помощь и защиту наркомафии и таким образом зарабатывали деньги. Это обычное явление для латиноамериканских ультралевых. Точно так же помогали наркомафии колумбийские террористы из «Революционных вооруженных сил Колумбии», которые вели войну с правительством тридцать с лишним лет. «Революционные силы» состояли из двенадцати тысяч боевиков. Они зарабатывали деньги, охраняя кокаиновые плантации и лаборатории.

В сельских районах Перу боевики «Сияющего пути» методично уничтожали все институты государственной власти и брали на себя управление. Профессор Гусман вел собственную народную войну по рецептам Мао Цзэдуна. При этом он сурово порицал происходившие после смерти Мао перемены в компартии Китая. Его люди развешивали на улицах Лимы плакаты «Дэн Сяопин — сукин сын».

Когда власти Перу спохватились, было поздно: «Сияющий путь» умело противостоял регулярной армии. Был момент, когда казалось, что он сумеет свергнуть правительство и взять под контроль всю страну. Но президент Альберто Фухимори безжалостно подавил террористов. Самого Гусмана поймали и посадили.

Но с тех пор политика Пекина сильно изменилась. Китайцы понимают, что надо учитывать настроения общественности. Осваивают искусство международной дипломатии. Несколько десятилетий она была примитивной — клеймили империализм: что хорошо для США и Запада, то плохо для Китая, и наоборот — и все. Эти дни миновали.

Китай воевал с Индией в 1962 году и с Вьетнамом в 1979 году, поддерживал подпольные коммунистические движения в Сингапуре, Таиланде и Малайзии. Китай пытался изменить судьбу Индонезии.

Первый президент страны Сукарно, противник империализма и капитализма, считал, что западная демократия Индонезии не подходит. Ему нравилась идея «управляемой демократии». Он распустил парламент, сам назначал депутатов, а себя провозгласил пожизненным президентом. Он укрепил связи с Китаем и включил коммунистов в правительство.

В сентябре 1963 года Чжоу Эньлай доставил руководителя компартии Индонезии Айдита (компартия насчитывала несколько миллионов человек) на встречу с Хо Ши Мином и вождями лаосских коммунистов. Они делились опытом партизанской войны. Похоже, китайцы подтолкнули Айдита к захвату власти. Коммунисты считали, что армия окажется на их стороне, надо только избавиться от генералов.

В августе 1965 года Айдит побывал в Китае. 30 сентября 1965 года группа офицеров убила главнокомандующего армией и еще пять генералов. Но генерал Сухарто, герой войны за независимость, воспользовался этой возможностью, чтобы взять власть. Он заявил, что компартия по указанию Советского Союза и Китая пытается совершить государственный переворот. Военные залили страну кровью...

Теперь у Китая прекрасные отношения со всеми странами Юго-Восточной Азии. Объем торговли с Таиландом и Лаосом

таков, что там в северных провинциях говорят на мандаринском диалекте китайского языка, пользуются китайским юанем. С бывшим врагом — Индией — Китай договорился удвоить объем торговли и вместе участвовать в нефтяных проектах.

Изменилась лексика китайских дипломатов. Интересы более осознанны: они включают сотрудничество с мировым сообществом и в соблюдении авторских прав, и в нераспространении ядерного оружия. Пекину это дается непросто: скажем, в ситуации вокруг КНДР Китаю приходится выбирать между верностью давнему союзнику и разумным сотрудничеством с мировыми державами.

Великий вождь Северной Кореи Ким Ир Сен попытался перехитрить историю. Он придумал идею «незаконченной революции». Раз начатая им революция не завершена, то ее должен продолжить тот, кто является продолжателем его дела. А кто же еще может быть наследником Ким Ир Сена, как не его сын Ким Чен Ир, которому передались многие выдающиеся черты его отца? Двадцать лет он готовил передачу власти сыну, хотя не добился в этом понимания и поддержки даже у своего единственного союзника — Китая. Но Пекину пришлось примириться: когда в июле 1994 года старший Ким ушел в мир иной, трон перешел к сыну.

Лицо Ким Ир Сена по-прежнему можно увидеть повсюду — на телеэкранах, партийных значках, приколотых к лацканам пиджаков, на почтовых марках. Ким смотрит на своих подданных с гигантских щитов, установленных среди цветочных клумб во всех городах и деревнях. Дворец, в котором работал Ким, превращен в мемориальный комплекс. Сюда ровно через год после его смерти было помещено набальзамированное тело Ким Ир Сена. Ему соорудили грандиозную усыпальницу. Лозунг Северной Кореи наших дней: «Великий вождь товарищ Ким Ир Сен будет с нами вечно».

Ким Чен Ир унаследовал все отцовские должности, кроме одной — главы государства. Корейцы долго соблюдали траур, но все были уверены, что в конце концов Ким Чен Ир, наконец, станет президентом вместо отца. Но Ким решил иначе. Он объявил своего покойного отца вечным президентом. 5 сентября 1998 года первая

сессия верховного народного собрания КНДР десятого созыва приняла социалистическую конституцию в новой редакции, определившую первого президента Ким Ир Сена в качестве вечного президента КНДР. Таким образом, власть в Корейской Народно-Демократической Республике принадлежит мертвецу.

В мире есть демократии, есть деспотии, есть теократические государства, где у власти стоят священнослужители. В Северной Корее появилась новая форма государственного устройства — некрократия, когда верховная власть принадлежит умершему человеку.

К Ким Ир Сену относятся так, словно он еще жив. Военный парад по случаю полувекового юбилея страны прошел под лозунгом «Великий вождь Ким Ир Сен всегда будет с нами». Ким стал для своих подданных живым богом. Произошло удивительное соединение марксизма с корейскими королевскими традициями. Марксизм и монархия идеально подошли друг другу. Если Ким Ир Сен фактически приравнивается к богу, то его сын, ныне управляющий страной, автоматически становится сыном бога, в непогрешимости которого сомневаться невозможно.

У старшего Кима была навязчивая идея сделать КНДР ядерной державой, чтобы даже с великими державами говорить с позиции силы. Ни Россия, ни Китай, ни Соединенные Штаты ничего не смогли бы ему навязать. Он не забыл об унизительной необходимости ездить в Москву или в Пекин на поклон.

Первый исследовательский реактор был получен в подарок от Москвы еще в 1965 году. И будущие корейские ядерщики учились в нашей стране. В 1985 году Северная Корея получила от Советского Союза ядерный реактор мощностью в пять мегаватт. Через несколько лет корейцы достали из реактора отработанное топливо и выделили из него плутоний оружейного качества. С тех пор ядерный центр в Ёнбёне, где расположен и реактор, и завод по обогащению плутония, находится под неусыпным наблюдением разведывательных спутников. В феврале 1990 года председатель КГБ Владимир Александрович Крючков доложил Горбачеву, что в центре атомных исследований в Ёнбёне завершена разработка первого ядерного устройства, но испытания отложены, чтобы не привлекать внимание мировой общественности.

Ким Чен Ир продолжил дело отца. Но до последнего момента многие не верили, что пхеньянский вождь может обзавестись ядерным оружием. 10 февраля 2005 года министерство иностранных дел Северной Кореи заявило, что в стране создано ядерное оружие. Но корейцам, ясное дело, никто не поверил. Многие российские специалисты говорили, что корейское ядерное оружие — это миф.

9 октября 2006 года Северная Корея сообщила о первом успешном испытании ядерного оружия. За два часа до испытания Пхеньян предупредил Россию. Китайцев информировали только за двадцать минут, чтобы не дать им возможность вмешаться.

Накануне первого ядерного испытания Ким Чен Ир встретился с военным командованием, которое, как обычно, поклялось «отдать жизнь за уважаемого главнокомандующего, стать и пулями и бомбами из человеческих тел». Это был счастливейший день в жизни Ким Чен Ира. Как и отец, он, несомненно, мечтал о собственной ядерной бомбе. Чем он хуже Сталина и Мао, которые в обладании ядерным оружием видели основу своего могущества и влияния? Создав ядерное оружие, Мао Цзэдун когда-то продемонстрировал, что встал в один ряд с Советским Союзом. Теперь Ким Чен Ир показал, что больше не зависит от ядерного зонтика Китая.

Соединенные Штаты долго не верили, что Северной Корее удалось провести ядерное испытание, считали, что Ким Чен Ир блефует, пока замеры радиоактивности не подтвердили, что на сей раз в Пхеньяне сказали правду.

Американская делегация подготовила проект резолюции Совета безопасности ООН, который предусматривал запрет на продажу Северной Корее не только материалов, используемых при создании ядерного оружия, но даже стрелкового оружия. Россия и Китай вычеркнули этот пункт из резолюции, не желая лишать себя возможности продавать Северной Корее оружие. Зато там остался пункт о запрете экспорта в Северную Корею предметов роскоши, чтобы оставить Ким Чен Ир без хороших французских вин и устриц. Резолюция призвала все государства принять участие в досмотре судов, которые могут доставлять в КНДР запрещенные грузы.

У России нет рычагов влияния на Ким Чен Ира. Один из российских дипломатов рассказывал: «Северная Корея как бы остается нашим союзником. Но нас могут месяцами не принимать, хотя мы ломимся в дверь. Если не так повел себя наш лидер, сразу табу на все встречи с русскими. Полный отлуп. Потом новое указание, и как ни в чем не бывало. Без извинений, бестактно. Это унизительно».

Северная Корея куда больше зависит от Китая. Но и возможности Пекина влиять на своенравного соседа ограничены. У китайцев тоже нет доступа к великому вождю. Они жалуются на то, что их держат на расстоянии.

Руководство Китая потребовало прекратить ядерные испытания; посланца Пекина принял сам Ким Чен Ир и вроде бы обещал, что второго испытания не будет. Китай, чтобы продемонстрировать серьезность своих намерений, сократил поставки топлива в Северную Корею, что очень чувствительно для страны.

Тем не менее 25 мая 2009 года КНДР провела второе испытание ядерного взрывного устройства. Если первое эксперты сочли неудачным, на сей раз все убедились: Северная Корея точно владеет и боеголовками, и ракетами.

Южная Корея заявила, что присоединяется к американской программе противодействия распространению ядерного оружия (предусматривающей досмотр торговых судов, если есть подозрения, что они перевозят ядерные или ракетные материалы). В ответ Северная Корея объявила это актом войны и вышла из соглашения о перемирии 1953 года. Агентство ЦТАК передало заявление представителя Корейской народной армии: «Любой недружественный акт в отношении наших мирных судов, в том числе досмотр и арест, будет рассматриваться как непростительное нарушение суверенитета нашей страны... Мы немедленно ответим мощным военным ударом».

И как же поступили в Пекине? Осудили Пхеньян за ядерное испытание и присоединились к санкциям Совета безопасности ООН. Разве раньше это было возможно? Но мотивы Китая иные, чем у США: в Пекине не хотят, чтобы действия Северной Кореи спровоцировали гонку ядерных вооружений в регионе. Ядерная программа КНДР становится и китайской головной

болью. Ядерное оружие в руках КНДР приведет к тому, что Япония или Южная Корея, Вьетнам или Индонезия тоже захотят владеть бомбой, а это изменит политический и военный ландшафт Азии отнюдь не в пользу Китая.

Рост китайского могущества иначе ставит вопрос о положении на Корейском полуострове. Китай заинтересован в мирном объединении Кореи, но он также заинтересован в том, чтобы американские войска оттуда ушли. Но Соединенные Штаты опасаются покидать полуостров именно по причине стремительного роста Китая.

США держат в Азии сто тысяч солдат и офицеров, почти столько же, сколько в Европе, и это порождает в китайцах древний страх перед враждебным окружением. Южная Корея, Япония и США воспринимаются как антикитайская ось.

Китай озабочен намечающейся сменой лидера: Ким Чен Ир сильно болен. У него трое сыновей. Старший сын Ким Чон Нам развлекается то в Гонконге, то в Макао. Вокруг него постоянно возникают скандалы. В 2001 году его задержали в Токио с фальшивым паспортом и выслали в Китай. Эта история погубила его репутацию. Средний сын Ким Чон Чхоль, напротив, слишком тих и скромен.

Ким Чен Ир сделал выбор в пользу младшего — Ким Чон Уна. Как будто бы руководство партии, армии и загранпредставительства уже получили соответствующую директиву. Молодой человек учился в Швейцарии, вел себя очень скромно. Никто и не знал, что он сын великого вождя, думали, что его отец посол в Берне. Юноша изучал иностранные языки и увлекался баскетболом. Он иногда появляется в военной форме, и отец с гордостью называет его «молодой генерал». В сентябре 2010 года прошла первая за четыре с лишним десятилетия конференция Трудовой партии Кореи. Ким Чон Ун стал членом ЦК и заместителем председателя центрального военного совета партии.

Наследника северокорейского престола возили на смотрины в Пекин, и китайскому руководству пришлось дать согласие на передачу трона сыну Ким Чен Ира. Китай не желает давить сверх меры, потому что опасается распада коммунистического режима в Пхеньяне и объединения Кореи...

Часть пятая

Почему начались реформы

Преобразования, начатые Дэн Сяопином, были вынужденным решением. Выходом из тупика, в который страну за три десятилетия загнал Мао Цзэдун. «Если социалистическая страна, — говорил Дэн Сяопин, — по темпам развития производительных сил на протяжении большого отрезка времени отстает от капиталистических стран, то какая может быть речь о преимуществах социализма?»

Коммунистическое руководство Китая при Мао шло советским путем: национализация промышленности, поголовная коллективизация на селе, отказ от торговли в пользу распределения продовольствия и рационирования товаров. Да в Пекине еще и вознамерились, учитывая ошибки «ревизионистов» в Москве, зайти дальше, чем Советский Союз. Китайцы считали, что напрасно в СССР топчутся на этапе социализма, надо смело идти к коммунизму (см. «Новая и новейшая история», 2001, № 1). Мао гордо обещал Хрущеву построить коммунизм быстрее, чем это сделает Советский Союз.

Большой скачок и большой голод

Мао попытался одним махом решить все проблемы и превратить Китай в сверхдержаву. В мае 1958 года началась программа «большого скачка». Задача: «Обогнать все капиталисти-

ческие страны в короткое время и стать одной из самых богатых, самой передовой и мощной державой в мире».

Начали с конфискации продовольствия. Мао объяснял своим подручным: «Крестьяне скрывают продовольствие и очень нам вредят. В них совсем нет коммунистического духа. Крестьяне остаются всего лишь крестьянами».

За советские промышленные поставки, за строительство заводов, за помощь специалистов Китай расплачивался продовольствием, которого самим не хватало. Снабжали и другие социалистические государства, хотя нечем было кормить своих сограждан.

Выступая на сессии Всекитайского собрания народных представителей, Мао Цзэдун сам себе задал вопрос: «Что делать, когда не хватает продовольствия?» И сам ответил: «Ничего страшного, надо просто меньше есть. Восточный образ жизни — это хорошо для здоровья. Западные люди едят очень жирную пищу. Чем дальше на Запад, тем больше в ней жира. Я всегда презирал западных людей, объедающихся мясом. Я считаю, что есть меньше только полезно. Что хорошего в том, чтобы объедаться и растить себе живот, как у иностранного капиталиста в мультфильме?»

Глава Китая считал, что крестьяне едят слишком много. «Научите крестьян есть меньше и варить похлебку пожиже, — писал Мао. — Государство должно приложить все силы для того, чтобы отучить крестьян есть слишком много».

На политбюро Мао сказал: «Государство находится в состоянии войны с населением. Это война с производителями продовольствия, а также с его потребителями».

Мао велел сократить импорт удобрений, необходимых сельскому хозяйству. Велено было лучше использовать местные возможности. За деревнями закрепили определенные отхожие места в городах (канализации не было). Каждое утро крестьяне приходили сюда, чтобы собрать драгоценные фекалии в специальные высокие бочки на колесах. Иногда за выгребные ямы возникали драки между выходцами из разных деревень.

Мао нравилась сталинская модель государства. Но он считал, что советская система полна недостатков. Пытался довести

ее до совершенства. Мао был поражен, когда ему сказали, что колхозник-пасечник Ферапонт Петрович Головатый во время войны из патриотических чувств внес два миллиона рублей на строительство боевых самолетов (на самом деле он передал меньше, но для Мао это все равно были непозволительно большие деньги). «Какой же это социализм, — говорил Мао, — если у колхозника есть два миллиона?!»

«Считается, что бедность — это плохо, — утверждал Мао Цзэдун. — На самом деле бедность — это хорошо. Чем народ беднее, тем он революционнее. Просто ужасно представить себе время, когда все станут богатыми. Из-за избытка калорий у людей будет по две головы и по четыре ноги».

Он, как и положено марксисту, презирал деревню и хотел отобрать у крестьян собственность. Потребовал, чтобы все крестьяне вступили в колхозы. Это среди прочего упрощало отъем урожая. Крестьяне-единоличники могли что-то припрятать. А в колхозе весь урожай прямо с поля переходил в распоряжение государства.

Мао Цзэдун пытался претворить в жизнь догмы, от которых в Советском Союзе уже отказались. Летом 1958 года он велел объединить всех крестьян в «народные коммуны». Это означало: отказаться от всего имущества. Людям не только запретили готовить и есть дома, но и заставили сдать всю посуду. В коммунах установили палочную дисциплину. По существу это были трудовые лагеря, где трудились за пайку.

Это привело к краху сельского хозяйства и закончилось настоящим голодом. Глава правительства Чжоу Энлай объяснял советским специалистам: «Некоторые руководители на местах плохо рассчитали запасы зерна — вместо того чтобы распределить его на весь период до нового урожая, вводили в общественных столовых народных коммун бесплатное питание по принципу „ешь, сколько пожелаешь“».

В отличие от советских колхозов в Китае все было обобществлено. Считалось, что еда должна делиться поровну. Каждый мог есть сколько хотел. В народных коммунах просто сами проедали крохотный урожай. На «крестьянский аппетит» жаловался и министр иностранных дел Китая Чэнь И: «В деревне про-

живает пятьсот миллионов человек, и если все их рты соединить в один — получится такой огромный рот, что можно проглотить целый земной шар».

Мао Цзэдун требовал такой мобилизации ресурсов, на какую страна не была способна. Историки полагают, что за четыре года «большого скачка» в Китае умерли примерно тридцать восемь миллионов человек — от голода и истощения. Они стали жертвой попытки Мао создать общество равных. Это была смерть от идеологии. Другой такой трагедии история человечества не знает. Вождя это не беспокоило. 9 декабря 1958 года он сказал своим помощникам: «Умершие приносят нам выгоду. Они могут удобрять почву».

«Мао, — пишут историки, — злился и требовал от всего народа лихорадочного темпа работы, культивировал соперничество. Полуголодные и измотанные работой мужчины, женщины и дети должны были бегом тащить тяжелые корзины с землей, причем делать это в любую погоду, в палящий зной и в пронзительный холод».

Когда председатель ЦК компартии Китая Мао Цзэдун символически бросил лопату земли на строительстве плотины в пригороде Пекина, газета «Жэньминь жибао» писала: «Как только председатель Мао положил лопату на землю, солдат по имени Юй Бинсэнь тут же поднял ее и завернул в свой китель. Он произнес счастливым голосом: „Теперь, глядя на эту лопату, мы будем думать о председателе Мао и наполняться исходящей от нее энергией“».

«Был брошен лозунг: перегнать все страны по производству стали, — говорит доктор исторических наук Александр Лукин. — Каждый должен был строить маленькую доменную печь. Сталь никуда не годилась, люди отвлекались от дел, это привело к краху экономики. Но такова была идеологическая установка. Мао верил, что на голом энтузиазме можно много достичь». Придуманные Мао домашние металлургические печи в лучшем случае выплавляли никому не нужный чугун низкого качества. Зато пустили в переплавку множество полезных орудий и предметов. Это было чистое разорение страны.

В Китае, вспоминают работавшие в стране наши журналисты, проводились недели борьбы против «четырех зол» — мух,

комаров, крыс и воробьев. Во время поездок по стране Мао Цзэдун строго спрашивал своих сограждан: «Мухи у вас в доме есть? А комары?» Мао решил, что воробьи склевывают слишком много зерна. Китайский научно-исследовательский институт зоологии подсчитал: в Китае два с половиной миллиарда воробьев, каждый склевывает за год два с половиной килограмма зерна. В результате пропадает зерно, которым можно было накормить тридцать пять миллионов человек... Безумная кампания уничтожения воробьев привела к тому, что невероятно размножились вредители, которых раньше съедали воробьи.

Самоуверенным китайским руководителям было обидно, что они вынуждены постоянно просить помощи у Советского Союза. «И они решили за несколько лет перегнать и Советский Союз, и Западную Европу, — отмечает профессор Евгений Бажанов. — Это был авантюризм. Мао не понимал экономики. И закончилось это крахом».

Удивляться нечему. Заведующий организационным отделом ЦК компартии Китая сказал советским дипломатам в Пекине: среди руководящих работников партаппарата неграмотных и малограмотных — половина. Это не мешало им руководить страной. Результат: самолеты, сделанные в Китае, не летали, танки — не ездили, корабли — тонули.

Даже вполне правоверный глава правительства Чжоу Эньлай пытался отговорить Мао от невиданных по масштабу военных программ. Милитаризация страны слабой экономике была не под силу. Мао Цзэдун не хотел с этим считаться. Но технократы в китайском руководстве сократили финансирование военной промышленности. Они почувствовали себя более уверенно после XX съезда КПСС в Москве и разоблачения преступлений сталинизма. В спорах они ссылались на руководителя советских коммунистов Никиту Сергеевича Хрущева, который выступил против культа личности.

Мао поначалу не решался прямо возражать руководителям Советского Союза. Но председатель ЦК КПК встревожился: а что если все споры — лишь повод для атаки на него самого и Хрущев со своими сторонниками в Китае попытаются убрать Мао?

2 июля 1959 года Мао пригрозил: «Если у меня есть противники, я уйду, чтобы возглавить крестьян и сбросить правительство. Я уйду в горы и начну партизанскую войну». Так созрела идея полного переворота в стране путем тотальной чистки. Главным союзником Мао стала его жена-актриса, которая увидела возможность получить в этой драме ведущую роль.

Красная императрица

Председатель ЦК компартии Китая Мао Цзэдун женился четыре раза. Первую жену ему подыскал отец, когда будущему вождю китайской революции исполнилось всего четырнадцать лет. Судьбы жен Мао оказались трагичными. Вторую жену, родившую ему троих сыновей, в годы гражданской войны арестовали правительственные войска, и поскольку она не отреклась от мужа, казнили. Третья жена Мао тяжело болела, ее лечили советские психиатры, а после возвращения в Китай упрятали в психиатрическую клинику. Время от времени ей проводили курс шоковой терапии.

Цзян Цин — четвертая и последняя жена Мао — стала самой могущественной женщиной в мире. Она не пожелала жить в тени великого человека и состариться в неизвестности. Но ни внешний мир, ни родная страна не признавали ее стремления к власти. «Она обладала особой привлекательностью, особым очарованием, — писала встречавшаяся с ней американская журналистка Роксана Уитке. — Это можно было бы назвать сексуальностью, проистекавшей из ее огромной власти».

Цзян Цин родилась в марте 1914 года в городе Чжучэн, неподалеку от порта Циндао в провинции Шаньдун. Ее настоящее имя Ли Цзинь. В год, когда она родилась, Япония прибрала к рукам эти места. «Я выросла в старом обществе, — рассказывала она, — и у меня было жалкое детство. Я не только ненавидела помещиков Китая, но и испытывала стихийное чувство неприязни к зарубежным странам, потому что иноземные дьяволы и с Востока, и с Запада обычно грубо обращались с нами. Иностранцы смотрели на нас свысока и называли нас больными людьми Востока».

В детстве ей доставались только обноски от брата. Другие дети над ней смеялись. Из одного изношенного башмака вылезал большой палец, который насмешливо окрестили «старшим братом», а сзади выступали ее пятки, прозванные «утиными яйцами».

Она росла в жестокие времена, и впечатления юности никогда ее не покидали. Однажды она увидела старика, который нес на плече шест с отрезанными головами: они болтались, привязанные за волосы, с них еще капала кровь. Она прибежала домой и бросилась на кровать, ее трясла лихорадка.

Мечтавшую об актерской карьере Цзян Цин, как и тысячи молодых китайских писателей, художников и драматургов, неудержимо влекло в Шанхай. Этот город — тогда его называли Парижем Востока, Меккой современной китайской культуры — с его уникальным космополитическим духом давал возможность приобщиться к современной западной цивилизации.

В начале 1930-х в Шанхае, городе с трехмиллионным населением, иностранцев было примерно пятьдесят тысяч. Они жили в аристократической неприкосновенности, услаждая себя собственными оркестрами, балетом и кино. Шанхай 1930-х — это бары, где подавали коктейли, которые еще были новинкой, магазины парижских мод, танцевальные залы и целые кварталы публичных домов и массажных салонов. Экзотика — доступные женщины из числа «белых русских», эмигранток, бежавших от большевиков.

Китайская опера отличается простотой сюжета, стилизованными персонажами, непременной пантомимой, захватывающей акробатикой, пронзительным пением и слабой оркестровкой. Все роли исполнялись мужчинами. Актрисы были редкостью. На них смотрели с презрением. Даже в космополитическом Шанхае 1930-х годов их ставили на одну доску с палачами, преступниками, бродягами и проститутками. Но Цзян Цин мечтала о большой сцене и главных ролях.

Цзян Цин была красива. Стройная и узкая в кости, с покатыми плечами и тонкой талией, она двигалась с исключительной гибкостью и грацией. Жесты ее изящных с длинными и тонкими пальцами рук были плавными. Она была темпераментной и весьма самостоятельной женщиной с сильным

характером. О ней судачили в шанхайских газетах. Когда кинозвезда стала женой Мао Цзэдуна, припомнили ее богатое прошлое — связанные с ней сексуальные истории, любовные приключения и разбитые ею сердца.

Честолюбивая молодая актриса верила, что нет искусства, которым она не могла бы овладеть, науки, которой она не сумела бы познать, царства, которого она бы не завоевала. Она была осколком феодальной эпохи, когда правители женились на красивых и талантливых женщинах. Но немногим удавалось со временем обрести реальную власть у трона и совсем редко — править с самого трона.

«Моя жизнь тогда была такой романтичной, — вспоминала жена Мао Цзэдуна годы, проведенные в Шанхае. — У меня было так много поклонников, которые меня добивались».

Она восхищалась американской актрисой Гретой Гарбо и обожала американский фильм «Унесенные ветром». Пробовала писать романы, пьесы и стихи. Занялась политикой и вступила в коммунистическую партию. Ее арестовали и посадили.

Освободившись, в августе 1937 года она из Шанхая приехала в город Яньань, где находилось руководство компартии Китая. Началась новая жизнь, вот тогда она и взяла себе имя Цзян Цин, в переводе с китайского — «лазурные реки». В Яньане она поступила в партийную школу. Когда в аудиторию приходил Мао Цзэдун, она садилась на первую парту и задавала вопросы, чтобы он обратил на нее внимание. Она произвела на Мао впечатление — его прежние жены были крестьянками, а тут городская штучка, актриса.

Мао Цзэдун льстил китаянкам, когда говорил: «На женщинах держится половина неба». В реальности немногие женщины были вознесены на высшие посты после революции. Бывшей актрисе Цзян Цин приходилось преодолевать инстинктивное презрение крестьян к девушкам из больших городов с их свободной моралью и свободной любовью. «Цзян Цин мало кто любил в партии, — пишет профессор Александр Панцов. — И в этом заключалась ее главная трагедия. Нелюбовь многих членов партийного руководства и их жен разжигали в ней злобу, зависть и ненависть. Чем больше ее презирали, тем сильнее она

всех ненавидела, но чем изощреннее преследовала она врагов, тем яростнее ее третировали».

Семейное счастье оказалось недолгим. У четвертой жены Мао тоже возникли серьезные проблемы со здоровьем. Почти пять лет, с зимы 1953 до 1958 года, Цзян Цин была прикована к постели. У нее нашли рак и отправили лечиться в Советский Союз. Новых союзников, китайцев, в Москве всячески обхаживали, приглашали на отдых и лечение. Принимали по высшему разряду. В решении Политбюро в 1949 году записали:

«1. Расходы по приему, обслуживанию, лечению и отдыху в СССР партийных и государственных деятелей зарубежных стран принять за счет Советского правительства. Выдавать прибывающим в СССР для лечения и на отдых партийным и государственным деятелям зарубежных стран за счет Советского правительства на личные расходы денежные пособия в размере 10 000 руб. на каждого, а при приезде с членами семьи — в размере 20 000 руб.

2. Утвердить мероприятия по приему, содержанию, лечению и другому обслуживанию приезжающих в СССР партийных и государственных деятелей зарубежных стран.

3. Обязать МГБ СССР (т. Абакумова) обеспечивать охрану, размещение и обслуживание прибывающих в СССР руководителей братских компартий, президентов и премьер-министров стран народной демократии.

4. Обязать Министерство внешней торговли СССР (т. Меньшикова) в случаях необходимости по представлениям Внешнеполитической Комиссии ЦК освобождать от таможенного досмотра прибывающих в СССР руководящих деятелей братских компартий».

Политбюро поручило Моссовету выделить для приема гостей три люкса и пять полулюксов в гостинице «Москва» и шесть квартир в доме № 9 на улице Горького. Иностранным гостям отвели два люкса в доме отдыха Совета министров «Сосны», госдачи № 1 в Успенском и № 43 в Серебряном Бору, два люкса и три полулюкса в санатории «Барвиха», а также дачи и отдельные номера в санаториях в Крыму, Сочи, Гаграх, Кисловодске...

В первый раз жена Мао Цзэдуна приехала в Москву летом 1949 года — нелегально под фамилией Юсупова. Это было сделано с санкции высшего руководства страны. Постановление политбюро ЦК ВКП (б) от 12 мая 1949 года:

«О приезде в СССР на лечение семьи Мао Цзэдуна.

1. Поручить Министерству Государственной Безопасности СССР (т. Абакумову) размещение, обслуживание и охрану жены Мао Цзэдуна — Цзян Цин и дочери Ли Ла на время пребывания их в Советском Союзе.

2. Обязать Управление делами ЦК ВКП(б) (т. Крупина) обеспечить тт. Цзян Цин и Ли Ла необходимым обслуживанием и лечением».

В аэропорту Внуково из самолета жену Мао вынесли на носилках.

Доктор исторических наук Анастасия Ивановна Картунова работала младшим референтом в секторе стран Дальнего Востока отдела внешней политики ЦК партии. Ей, знавшей китайский язык, поручили заниматься женой Мао, которая несколько раз приезжала в Москву. «Выглядела она всегда элегантно благодаря изящной фигуре, умению носить одежду и отработанной манере поведения, — вспоминала Анастасия Картунова. — Она как-то точно „угадывала“, с кем и как следует себя вести. Думаю, помогала ей и школа киноактрисы в прошлом... Я подумала о том, как Цзян Цин способна была задурить головы и юным хунвэйбинам, выступая перед ними во время культурной революции, называя их „маленькими генералами“, наигранно задушевным тоном вливая яд в их души... Цзян Цин жаловалась на бессонницу. Говорила, что это результат переутомления, неустройства быта... Снотворные средства, по ее словам, не действовали. Попросила, чтобы в спальне на ночь ей оставляли коньяк, поскольку рюмка коньяку перед сном порой помогала ей уснуть...»

Иметь дело с женой вождя оказалось непростым делом. Анастасия Картунова пишет: «Она была человеком резко меняющегося настроения. Однажды я приехала в больницу на Грановского, где Цзян Цин занимала отсек на втором этаже. В вестибюле я увидела Машеньку, закройщицу из пошивочного

бюро на Кутузовском проспекте, всю зареванную. Она сказала: „Да как же тут не заплачешь! Я ей всю ночь готовила платья к примерке, а она не хочет их примерять!“ Не знаю, что было причиной дурного расположения духа Цзян Цин...»

В 1953 году жена Мао Цзэдуна изъявила желание посетить в Москве универмаг. «И вот мы в ГУМе, — вспоминала переводчица. — Со второго этажа на первый вытянулась длинная очередь. Цзян Цин спросила меня, что это. Я попросила офицера охраны узнать, за чем очередь. Когда он вернулся и рассказал, я повернулась к Цзян Цин: „Товарищ Цзян Цин, это шерстяные кофты вашей страны пользуются таким большим успехом у наших покупателей“. Цзян Цин была явно шокирована...

Вернувшись в особняк, Цзян Цин в сердцах сказала:

— Это советский народ, который совершил Октябрьскую революцию и открыл новую эпоху в истории человечества, это советский народ, который неисчислимыми жертвами спас народы мира от фашистских варваров, — этот народ стоит в огромной очереди за нашими китайскими паршивыми кофтами! Да мы все, страны народной демократии, должны отрывать от себя последнее, чтобы советские люди ни в чем не нуждались...

Я доложила заведующему сектором Илье Сергеевичу Щербакову. Он направился к заведующему отделом. Возвратившись, сказал:

— Садитесь и изложите этот эпизод в письменном виде. Будем докладывать.

Помнится, дня два эта бумага читалась, правилась, вычитывалась по буквам, прежде чем пошла „на самый верх“...

Вокруг виллы Цзян Цин устроили тропический ботанический сад: вьющаяся бугенвиллея, хибискус (китайская роза) с яркими цветками, розоватые лотосы на прудах, пахучая магнолия, жасмин и цветы имбиря.

— У меня хроническое заболевание верхних дыхательных путей, — рассказывала она гостям. — Это плохо сказалось на мочевой системе. В прошлом всякий раз, когда у меня бывала температура, мне делали инъекции антибиотиков. Сейчас я принимаю стебель лотоса четыре раза в день и чувствую себя

намного лучше. Пятнадцать минут кипятите его в воде, а затем пьете эту жидкость, как чай...

Она принимала транквилизаторы, глотала снотворное и все равно плохо спала.

— Я больна, — жаловалась сама Цзян Цинь, — меня беспокоят свет, шум и сквозняки...»

Она становилась все несноснее и вымещала свой гнев на обслуживающем персонале, обвиняя медсестер в том, что они преднамеренно ее мучают. «Однажды вечером, — вспоминал личный врач Мао, — вступив в горячую ванну, приготовленную служанкой, Цзян Цин закричала от боли. Она обвинила девушку в попытке обварить ее кипятком, хотя из крана никогда не идет кипяток. Затем Цзян Цин заявила, что кто-то пытался отравить ее снотворными пилюлями, хотя все лекарства проверялись пекинской спецбольницей...»

В этом смысле она мало отличалась от своего мужа.

«Мао повсюду мерещились заговоры, — рассказывал его врач. — Он мистически боялся яда. Я впервые почувствовал его паранойю, когда Мао заподозрил, что его плавательный бассейн отравлен. В какой-то момент ему показалось, что его болезнь вызвана ядом, которым пропитали дом, где он разместился».

По словам его личного доктора, написавшего мемуары (в Китае они запрещены), у Мао были весьма странные привычки и вкусы. С 1949 года, с того момента, как он стал главой государства, Мао не принимал ванну. Его каждый день растирали горячими полотенцами и делали ему массаж, а парикмахер укладывал волосы. Мао наслаждался властью. Он любил хорошую жизнь, и власть позволяла ему вести такую жизнь. Доктор описал, как развлекался вождь коммунистов.

Советские врачи диагностировали у Цзян Цин рак. Ее облучали, она очень страдала, но поразительным образом преодолела неизлечимый недуг, подобно Солженицыну. Возможно, это свойство особо сильных натур.

Болезнь Цзян Цин разрушила семейные отношения. По мнению историков, Мао Цзэдун потерял интерес и к четвертой жене. «Я видел, — свидетельствует личный врач Мао, — что его жена при всех ее привилегиях и окружающей ее роскоши глубо-

ко несчастна. Игры Мао с женщинами становились все более явными и Цзян Цин очень нервничала. Но были и другие причины, заставлявшие ее чувствовать себя несчастной. Цзян Цин сжигали политические амбиции...»

А Мао предпочитал общество юных и здоровых женщин. «Я сопровождал Мао на танцы, — вспоминал личный врач вождя, — и мог видеть, как председатель уводил молодых партнерш в свою комнату, чтобы „отдохнуть“ вместе с ними... Для большинства китайцев перехватить взгляд Мао было счастьем. Те, кому удалось подать руку председателю, несколько недель не мыли руку. Друзья и знакомые приходили к ним, чтобы коснуться руки, которую пожал председатель Мао... Когда Мао уставал от них, и райская жизнь заканчивалась, они выходили замуж за молодых людей из охраны или обслуги или просто исчезали».

Жена исчезнуть не могла.

Однажды ее увидели рыдающей. «Не говорите никому, — попросила Цзян Цин. — Никто не может победить председателя в политической борьбе. Никто не может превзойти его и в обладании женщинами».

«Мао, — писал его врач, — и Цзян Цин достигли взаимопонимания. Он согласился предоставить ей видную общественную роль, обязался не оставлять ее и не разводиться. Взамен Цзян Цин обязалась не реагировать на молодых женщин в его спальне. Цзян Цин смогла наконец удовлетворить свои политические амбиции. Она изменилась. Она шагала энергично, держала спину прямо, и больше не жаловалась на здоровье. Ее не беспокоили ни яркие огни, ни шум, ни сквозняки. Головные боли прошли. Она больше не нуждалась в услугах доктора».

Цзян Цин стала главным организатором культурной революции в Китае, погубившей судьбы целого поколения. «Я простой солдат из патруля председателя Мао на идеологическом фронте, — повторяла она. — Я стою на страже и сообщу председателю все, что обнаружу». В этом и состояла ее сила. Никто не знал, говорит она от своего имени или исполняет поручение председателя Мао... Однажды она сказала американской писательнице, которая сделала ее героиней своей книги: «Иностран-

цы не сознают, как глубока моя приверженность коммунизму...» Сказав это, она со зловещей улыбкой бросила взгляд на свое окружение; от ее слов повеяло холодом. «Моя настоящая специальность, — грозно произнесла Цзян Цин, — это выворачивать валуны и камни».

«Не знает жалости к себе, — писал о ней советский военный разведчик, работавший в Китае, — ее заботит только карьера».

Она была уверена, что народ ее обожает. «Меньше видят — больше восхищаются, — говорила Цзян Цин, — больше видят — меньше восхищаются. Когда я выезжаю на машине, я велю опустить матовое стекло, иначе массы узнают меня, закричат и побегут за машиной».

Она стала членом политбюро. Рассчитывала на большее. Но и она никогда не знала, поддержит ли Мао ее грандиозные проекты. Тем более что в последние годы Мао предпочитал играть роль удалившегося на покой философа, а не царствующего монарха.

Только две женщины имели постоянный доступ к вождю — Чжан Юйфэн, бывшая проводница его поезда, и Мэн Цзиньюнь, недавняя артистка ансамбля песни и пляски военно-воздушных сил. Они постоянно находились рядом с ним, исполняя все желания престарелого вождя. Попасть к нему можно было исключительно с их помощью.

В те годы о личной жизни Мао практически ничего не было известно. Американцы — президент Соединенных Штатов Ричард Никсон и его советник по национальной безопасности Генри Киссинджер — сделали Мао невероятную рекламу. Все мировые политики желали удостоиться аудиенции в Пекине. Мао наслаждался этим вниманием.

На встречи с Мао, вспоминал Генри Киссинджер, полагалось ехать в китайском автомобиле. Американцам даже не разрешалось брать с собой сотрудников охраны. Не доезжая до площади Тяньаньмэнь и здания Всекитайского собрания народных представителей, машины сворачивали влево и проезжали через традиционные китайские ворота с красными колоннами. Резиденция Мао, окруженная стенами Запретного города — старого императорского дворца, казалась скромной.

Принимая иностранцев, Мао очень веселился. На переговорах с Генри Киссинджером, тоже падким на женскую красоту, Мао сказал: «Ходят слухи, что вы на грани истощения. Сидящие здесь женщины крайне этим недовольны (смех). Они говорят, что если доктор Киссинджер близок к изнеможению, мы останемся без дела (смех)».

Генри Киссинджер обещал делиться с китайцами всей информацией о переговорах с Советским Союзам по военно-стратегическим делам. Советник президента Соединенных Штатов доверительно, как он умел, поведал китайцам: «Мы рассказываем вам о наших беседах с русскими, но мы не говорим русским о наших беседах с вами». Мао довольно сказал своим помощникам: «Америка превращается из обезьяны в человека. Хотя еще не совсем человек, так как у нее остается хвост, но она уже не рядовая обезьяна, а шимпанзе, так как хвост у нее не очень длинный. Америка начинает новую жизнь. Это эволюция».

В 1950-е годы Мао Цзэдун провоцировал Америку, чтобы под предлогом американской опасности получать от Советского Союза военные технологии. Теперь тот же номер он повторял с американцами: хотел получить от них современные технологии, чтобы противостоять Советскому Союзу.

Взору посетителя Мао Цзэдун представал в своем кабинете среди множества книг. Очень высокий и крупный для китайца, он смотрел на посетителя пронизывающим, слегка ироническим взглядом, улыбаясь и как бы предупреждая всем своим видом, что его бессмысленно пытаться обмануть. Даже когда над ним уже нависла тень смерти, мысль Мао была окрашена характерным для него сарказмом.

Одной из фраз в разговоре с Киссинджером как бы подвел черту под прошлым: «В прошлую эпоху вы были настроены против нас. Мы тоже были настроены против вас. Таким образом, мы с вами — два врага». И он рассмеялся. «Два бывших врага», — уточнил американец. Мао это показалось недостаточным: «Теперь мы именуем наши взаимоотношения дружбой».

Он не любил долгих монологов. С иностранными гостями предпочитал затеять шуточный диалог в сократовском духе. Облекал свои главные мысли в форму легкой болтовни и шуток.

В результате главные мысли были окутаны множеством иносказаний. Высказывания Мао напоминали зыбкие тени на стене. Создавалось впечатление, что имеешь дело с пришельцем с другой планеты, который иногда чуть приподнимал завесу, скрывающую будущее, давая возможность заглянуть за нее, но никогда не открывая всего.

«До тех пор, пока мы преследуем одни и те же цели, — продолжал Мао, — мы не будем вам вредить, и вы не будете вредить нам... Будет, конечно, случаться такое, что нам захочется немного вас покритиковать, а вам захочется покритиковать нас. Вы говорите: „Долой коммунистов!“ Мы говорим: „Долой империалистов!“ Иногда мы действительно говорим такие вещи. Без этого не обойтись».

Казалось, его замечания делались безо всякой цели. На самом деле это были прямые указания его подчиненным. Высказывания Мао были подобны внутренним дворам Запретного города, каждый из которых вел все дальше вглубь. Общий смысл композиции крылся в совокупности целого, и понять его можно было только после долгих размышлений.

Все помнили, как когда-то Мао произнес фразу, ставшую знаменитой: «Пусть расцветают сто цветов». Тогда подумали, что вождь — сторонник свободы мысли, и ошиблись. Мао писал стихи, любил читать, но собственную интеллигенцию — гуманитарную (ядерщики и ракетчики были необходимы) — считал ненужной. Эти слова были ловушкой для инакомыслящих. «Как бы мы изловили всех змей, если бы не выманили их из нор? — говорил потом Мао. — Мы хотели, чтобы эти сыны черепах выползли из своих убежищ, и запели и засмердели. Лишь тогда мы смогли отловить их всех».

Иностранцы не всегда могли уловить смысл его высказываний.

— Китай — очень бедная страна, — вдруг сказал Мао Киссинджеру. — Мы располагаем немногим. Но что у нас имеется в излишке — это женщины.

Решив, что вождь шутит, Генри Киссинджер ответил в том же духе:

— На их экспорт не распространяются квоты и тарифы.

— Если они вам нужны, можем выделить вам небольшое число — несколько десятков тысяч, — предложил Мао.

— Разумеется, на добровольной основе, — уточнил присутствующий при беседе глава правительства Чжоу Эньлай.

— Пусть они поедут к вам, — продолжал понравившуюся ему мысль Мао. — Они натворят у вас дел. Так что вы сможете облегчить наше бремя.

И он громко рассмеялся.

Но Мао, видимо, почувствовал, что американский гость, скорее всего, его не понял. Исходя из того, что американцы известны своей несообразительностью, он вернулся к этой теме:

— Вам нужны наши женщины? Мы можем позволить им уехать и причинить вашей стране неисчислимые беды.

Тут Киссинджер, наконец, понял, что Мао пытается сказать ему что-то серьезное. Позднее работающие в Пекине американские дипломаты объяснили: радикально настроенные женщины — имелась в виду жена Мао Цзян Цин — весьма раздражали вождя.

Мао в письме предупреждал честолюбивую жену: «Не позволяй победе отравить тебя. Думай чаще о своих слабостях, недостатках и ошибках. Я говорил это тебе десятки раз...» Он, похоже, видел, что саморазрушительная культурная революция обрекала страну на бессилие и ставила под угрозу главное — независимость Китая. Коммунистическое государство не должно превращаться в бюрократическое царство, считал Мао. Но на старости лет почувствовал, что невозможно управлять государством с помощью идеологической экзальтации. Изоляция от мира вела к бедствиям. Мао меланхолично говорил иностранным гостям: «Нам придется отправиться на выучку за границу».

Если бы Мао мог жить вечно, Китай, возможно, и по сей день сотрясали все новые революции и «большие скачки». Но даже великие вожди не властны над природой.

Мао, пишет его биограф профессор Александр Панцов, страдал бронхитом, потому что выкуривал по две пачки в день. В последние годы предпочитал сигареты «Северная полярная звезда», которые набивались в Кантоне из импортного табака.

Спать ложился очень поздно, иногда под утро. Ел два раза в день — в два-три дня и в восемь-девять вечера. Любил жареную свинину, приготовленную в остром хунаньском соусе с красным перцем. Живую рыбу ему везли со всей страны. Рис для него выращивали в специальном хозяйстве.

Пил он мало и редко. Спал плохо. Пристрастился к снотворным. Он принимал в десять раз больше пилюль, чем необходимо. Такой дозой можно убить обычного революционера. Но Мао много лет употреблял снотворное, и у него выработалась невосприимчивость к барбитуратам...

Пока Мао был здоров, он пренебрежительно замечал, что чрезмерно большое внимание к собственным болезням носит классовый характер. Говорил: «Китайские органы здравоохранения стремятся перещеголять советские. Я же лишь наполовину следую советам врача. Если мы будем выполнять все требования врачей, то болезни увеличатся и жизнь станет невыносимой».

Но в 1970-е годы он стал серьезно болеть. В 1974-м Мао перестал бывать на заседаниях политбюро. Он практически ослеп, не мог читать даже с лупой — из-за катаракты на обоих глазах. У него развилась редкая болезнь Лу Герига — боковой амиотрофический склероз: отмирание нервных клеток спинного мозга ведет к параличу рук и ног, потом человек лишается возможности глотать, говорить и дышать. Мао не мог глотать твердую пищу, его поили бульонами. Он мог их пить только лежа на левом боку, чтобы жидкость проходила через горло в пищевод. Иногда пища попадала в трахею. «Ненависть, бессилие и жалость к себе, — пишут его биографы Юн Чжан и Джон Холлидей, — были главными чувствами, которые испытывал Мао в последние дни жизни».

А в его окружении шла закулисная борьба за власть между двумя группами. Условно говоря, идеологи, которые возвысились в годы культурной революции, противостояли технократам, озабоченным бедственным состоянием экономики. Идеологов возглавляла жена председателя — Цзян Цин. Самым опасным технократом она считала Дэн Сяопина, отправленного в ссылку, но еще живого.

У парализованного сына Дэн Сяопина оказались золотые руки. Он собрал радиоприемник. Из передач иностранного радио Дэн узнал о том, что второй человек в стране министр обороны маршал Линь Бяо пытался бежать из Китая и объявлен предателем. 8 ноября 1971 года Дэн написал Мао письмо с критикой Линь Бяо, чтобы напомнить о себе. «У меня нет никаких просьб, — скромно писал опытный Дэн, — надеюсь, что я еще смогу что-то сделать для партии — конечно, я имею в виду работу технического характера. Я еще здоров, могу работать несколько лет до пенсии. Я всей душой желаю Председателю долгих лет жизни! Здоровье и долголетие Председателя — самое большое счастье для всей партии и всего народа!»

Мао прочитал письмо. Культурная революция уже отошла в прошлое. У вождя были иные заботы. Дэн Сяопин мог еще пригодиться. И отношение к нему изменилось. А тут Мао Цзэдуну доложили, что у главы правительства Чжоу Эньлая рак. «Оставьте пациента в покое, — сказал врачам Мао, — и позвольте ему закончить жизнь счастливым. Если бы я был болен раком, я определенно не стал бы лечиться».

Подобная история произошла, когда рак диагностировали у Кан Шэна. «Существовало неписанное правило, — свидетельствует личный врач Мао, — ни один из высших руководителей или сотрудник личного аппарата Мао не мог быть подвергнут хирургическому вмешательству без разрешения председателя. Мао операцию не разрешил. Рак неизлечим, заявил он. Чем больше рак лечат, тем скорее больной умрет».

Чжоу Эньлай больше боялся Мао, чем смертельной болезни. Этот страх преследовал его всю жизнь. А ведь именно Чжоу, по существу, основал китайскую Красную армию, когда 1 августа 1927 года возглавил мятежные армейские части в городе Наньчан! Он учился в Японии и Франции, пользовался успехом у женщин и авторитетом в партии. В октябре 1932 года на совещании в городе Нинду Мао сместили с должности. Его место занял Чжоу Эньлай, за что впоследствии принужден был постоянно каяться. Аппаратчик до мозга костей, партийный служака, он все терпел от Мао. Глотал все обиды и унижения. «Чжоу Эньлай, — считает историк Джон Холлидей, — оставался запу-

ганным рабом. А для всего мира он был виртуозным политиком, который очаровывал иностранных гостей. Многие считали его самой влиятельной фигурой в Китае и самым привлекательным человеком, которого они когда-либо встречали...»

«За шесть десятилетий в политике, — писал Генри Киссинджер, — я не видел более интригующей фигуры, чем Чжоу Эньлай».

Как оценить его деятельность?

Дэн Сяопин так сказал о Чжоу: «Без него культурная революция была бы еще хуже. Но без него же культурная революция не продолжалась бы так долго...»

Доктор исторических наук Виктор Николаевич Усов в своей книге «Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века» пишет, что летом 1928 года в Москве, где проходил VI съезд компартии Китая, учредили особый комитет по контрразведке. В него вошли три члена политбюро под руководством Чжоу Эньлая, будущего главы правительства КНР. Задачи комитета: охрана руководителей партии, информация о противнике, спасение арестованных товарищей, уничтожение предателей, связь с резидентурой советской разведки... При комитете образовали особый отдел (из четырех секторов), который занимался контрразведкой и охраной вождей. Им руководил Гу Шуньчжан, доверенное лица Чжоу Эньлая.

Гу когда-то был охранником Михаила Марковича Бородина (Грузенберга), который в 1920-е годы был главным политическим советником гоминьдана. Гу прошел спецподготовку в Советском Союзе, ему поручили выявлять провокаторов и предателей. В начале 1931 года он получил приказ поехать в Ухань и убить Чан Кайши. Но 25 апреля 1931 года гоминьдановская полиция его арестовала. Он дал показания: назвал конспиративные квартиры партии, систему организации связи, выдал нескольких руководителей партии.

Чжоу Эньлай приказал уничтожить родственников предателя. Восемь трупов нашли потом в Шанхае. Полиция арестовала исполнителей акции — работников особого отдела ЦК КПК. Они сказали, что получили приказ от Чжоу Эньлая и пожалели только младшего сына предателя. Кроме того, еще один сотруд-

ник аппарата указал еще пять мест, где похоронили убитых по приказу Чжоу и других партийных работников — уничтожили их во имя «поддержания дисциплины». Выкопали три десятка трупов.

Гу Шуньчжана вновь отправили учиться в Советский Союз. От гоминьдановцев он ушел, а от своих не сумел. В 1937 году его уничтожили. Чжоу Эньлай считался в китайском руководстве «умеренным»...

Соратники поражались его рабскому подобострастию. А Мао Цзэдун с каким-то наслаждением топтал самых своих верных соратников.

Когда Чжоу Эньлай оказался на больничной койке, Мао разрешил назначить Дэн Сяопина первым заместителем премьера — кто-то должен был заниматься экономикой. Потом Дэн стал заместителем председателя ЦК партии, заместителем председателя Центрального военного совета и еще начальником генерального штаба, потому что Мао сам побаивался армейской верхушки, ставшей слишком влиятельной после культурной революции. «Он человек решительный, — одобрительно сказал Мао о Дэн Сяопине, — способный семьдесят процентов своего времени делать полезные дела и только тридцать — плохие».

Но через три года его вновь сняли со всех постов — старая гвардия не принимала его идей модернизации. Вожди культурной революции, начиная с Цзян Цин, жаловались на Дэна: он говорит только о производстве и мало о революции... На сей раз ему грозила серьезная опасность. Он уехал в Кантон, где укрылся у старого друга, командующего военным округом. Мао вновь лишил Дэна всех должностей. Но не посадил. Не хотел нарушать баланс сил.

8 января 1976 года Чжоу умер. Мао назначил первым заместителем председателя ЦК партии и главой правительства Хуа Гофэна, который не принадлежал ни к одной из групп. Это-то и устраивало Мао. Поскольку он говорить уже не мог, то написал Хуа записку, слова которой вошли в историю: «Иди медленно, не волнуйся. Следуй прежнему курсу. Когда дело в твоих руках, я спокоен».

Назначение главой правительства Хуа Гофэна стало неприятным сюрпризом для Цзян Цин, которая сама рассчитывала на первые роли.

«Мао умел вводить людей в заблуждение, — считает Джон Холлидей. — А вот сам всегда чувствовал, что происходит у него за спиной. Он чувствовал тех, кто играет против него. Он умел ждать. Он мог годами ждать момента, когда можно будет взять реванш. Это был самый сладостный момент для него — как и для Сталина».

Но, к счастью для многих, земной срок отмерен даже диктаторам. 11 мая 1976 года у Мао Цзэдуна случился инфаркт. 26 июня последовал второй. 2 сентября его поразил третий инфаркт, более сильный, чем предыдущие. 7 сентября ему стало очень плохо. Едва наступило 9 сентября 1976 года, как Мао скончался.

Вождь не оставил наследника — в нарушение китайской традиции. Дети Мао от второго брака учились в Московском институте востоковедения. Вспоминает Анастасия Картунова: «Младшего брата, Мао Юньшу, мы звали Колей, а старшего брата, Мао Юньфу, — Сергеем. Сергей показал себя в институте юношей очень способным, я бы даже сказала, талантливым, широко начитанным. Мы, его однокашники, слышали, что по возвращении в Китай он не сошелся по ряду вопросов с отцом...»

Отец его отправил на корейскую войну, и Мао Юньфу погиб. Жена Мао Цзэдуна рассказывала, как погиб сын вождя: «Однажды, когда раздалась очередная тревога „воздух“, все побежали в ущелье, служившее в тот момент бомбоубежищем, а Мао Юньфу, вспомнив о котелке с рисом на огне, помчался за ним. Тут и настигла его бомба». У Мао остался только младший сын, страдавший от нервного заболевания.

Побег и смерть Линь Бяо лишили Мао преемника. Непонятно было, что произойдет со страной после ухода вождя. В последние годы жизни он искусно стравливал различные фракции, готовые вцепиться друг другу в глотку. Высший эшелон был полностью поглощен внутренней борьбой, парализовавшей страну. Смерть Мао, как и смерть Сталина, коренным образом

переменила жизнь страны. Одна эпоха закончилась, и наступила другая.

Траурная церемония продолжалась восемь дней. На венке, который Цзян Цин, возложила к его гробу, было написано: «Твоя ученица и соратница».

Уже через месяц вдова Мао была арестована вместе со своими соратниками по культурной революции — они не имели тесных связей с военной верхушкой и ветеранами.

Цзян Цин всегда считала: «Единственный путь, который позволяет не быть пешкой в чужих руках, — это обрести власть». Так же думал и сменивший Мао на партийном посту Хуа Гофэн. Он приказал «навсегда исключить» Цзян Цин из компартии и арестовать ее.

Пленум ЦК КПК поступил в лучших традициях мирового коммунистического движения. Члены ЦК сообщили китайскому народу, что член политбюро Цзян Цин «в 1935 году была завербована контрразведкой гоминьдана, а в 1937 году, скрыв свое помещичье происхождение и контрреволюционную биографию предательницы, пробралась в партию».

Красная императрица оказалась не на троне, а в тюрьме. Она не могла видеть, как весь Китай требовал расправы над ней. Но при желании могла представить себе эти картины. Ей достаточно было бы вспомнить беснующиеся толпы времен культурной революции. Еще недавно по всей стране устраивались митинги, на которых толпа скандировала: «Учиться у товарища Цзян Цин! Клянемся стоять насмерть за товарища Цзян Цин!» А теперь миллионные толпы по всей стране обвиняли Цзян Цин в намерении узурпировать власть и кричали: «Раскромсать Цзян Цин на десять тысяч кусков!»

Незадолго до смерти Мао написал жене: «Сейчас мы расстаемся и будем находиться в разных мирах. Эти несколько слов могут оказаться последним посланием тебе. Человеческая жизнь ограничена, но революция не знает границ. В борьбе, которую я вел последние десять лет, я пытался достичь вершины революции, но меня постигла неудача. Ты можешь достичь вершины. Если тебе этого не удастся, ты упадешь в бездонную пропасть. Твое тело разобьется вдребезги. Твои кости поломаются».

Цзян Цин говорила о себе: «Я была псом председателя Мао. Кого председатель Мао велел мне кусать, того я кусала».

Оправдания не помогли. Она здорово насолила многим людям. В январе 1981 года Цзян Цин приговорили к смертной казни с отсрочкой приведения приговора в исполнение на год. Потом смертную казнь заменили пожизненным заключением.

Культурная революция, которая вознесла Цзян Цин к вожделенному креслу в политбюро, отбросила Китай назад, искалечила духовно и нравственно целое поколение молодежи. Но судили Цзян Цин не за реальные преступления, поскольку роль судей взяли на себя люди, столь же виновные перед собственным народом.

В июле 1991 года последняя жена Мао Цзэдуна покончила с собой в возрасте семидесяти семи лет...

Реформатор

После смерти Мао к Хуа Гофэну перешли посты председателя партии и Центрального военного совета. Но он не удержался на вершине власти. В схватке за власть победил Дэн Сяопин, пользовавшийся поддержкой ветеранов и военных. Он вернул в страну порядок, вновь стали цениться профессионализм и эффективность.

Жизненный путь Дэн Сяопина — это мечта биографа, это фантастическая история, включающая в себя войну, революцию, взлеты и падения, поразительные успехи и личные трагедии. Казалось, жизненной энергии в нем хватит на века.

Когда российские политики боятся отказаться от старых, замшелых представлений и говорят себе в оправдание, что общественное мнение их не поймет, это кажется смешным. Нашему правительству надо убедить в своей правоте всего лишь сто сорок три миллиона человек. А Дэн Сяопину приходилось убеждать миллиард триста миллионов! И он справлялся с этой задачей.

Он родился в семье отнюдь не бедного человека. Прекрасно учился в школе. В 1920 году отправился учиться во Францию. Некоторое время работал на автомобильном заводе «Рено».

Во Франции он полюбил круассаны и пристрастился к игре в бридж. Здесь он вступил в компартию Китая. В 1926 году из Франции Дэн перебрался в Москву, чтобы учиться в университете имени Сунь Ятсена. Это было время ленинского нэпа. Дэн Сяопину был двадцать один год. В Москве его и других иностранных учащихся-коммунистов хорошо кормили, каждый получил пальто, ботинки, плащ, зимнюю одежду. Каждому студенту в Москве давали русскую фамилию, Дэн значился Дозоровым. Он был парторгом группы. Он пробыл в Советском Союзе шесть месяцев. В конце 1926 года его отозвали на родину. В Китае Дэн сразу оказался в подполье.

В 1943 году в зоне, которую контролировала китайская Красная армия, Дэн впервые начал борьбу за повышение урожая. Он предложил платить премии тем, что собирал больший урожай, и добился успеха.

В 1955 году Дэна избрали членом политбюро. Когда через два года Мао Цзэдун приехал в Москву, он показал Хрущеву Дэна: «Посмотрите на этого маленького человека. Он очень умный, и у него большое будущее».

Когда речь шла о политике, о роли партии, Дэн оставался доктринером. Он послушно следовал за Мао. Поддержал идею «большого скачка», что закончилось катастрофой для экономики страны. Но в начале 1960-х Дэн уже всерьез задумался над тем, как привести экономику в порядок, и это оттолкнуло от него Мао. Только смерть Мао в сентябре 1976 года открыла Дэну путь наверх.

ЦК компартии Китая принял постановление «Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР», в котором говорилось, что в деятельности Мао семьдесят процентов — заслуги и тридцать процентов — ошибки. Заметим: это то же соотношение дурного и хорошего, которое сам Мао когда-то определил в отношении Сталина.

Абсурдные идеи Мао забыты, но сам он сохранен как символ национального возрождения, как политик, который заставил мир разговаривать с Китаем на равных. Некоторые решения Мао назвали ошибочными. Но люди, которые после него руководили страной, сами были соратниками Мао.

Дэн Сяопин сообщил товарищам по партии: «По всей стране был пересмотрен ряд дел, сфабрикованных на основании надуманных, ложных и ошибочных обвинений. По неполным данным, реабилитировано в общей сложности почти три миллиона человек...» О культе личности Дэн сказал: «Нет зла большего, чем это зло». В устав компартии записали: «Партия запрещает культ личности в любой форме».

Это соотношение «семьдесят и тридцать процентов» отражает идеологическую платформу руководства в отношении печального прошлого. Очень похоже на брежневские идеи: о критике Сталина следует забыть! При Сталине хорошего было больше, чем плохого, и говорить следует о хорошем в истории страны, о победах и достижениях. Те, кто отступает от линии партии, должны быть наказаны.

Назвать Мао преступником означало взять часть вины и на себя. Китайские лидеры соучаствовали во многом, что тогда делалось. А как же чиновники молодого поколения, начавшие карьеру после Мао и культурной революции? Они не несли никакой ответственности за прошлое. Но тоже защищали вождя — по принципиальным соображениям. Если согласиться с тем, что прежняя власть совершала преступления, значит, придется признать, что и нынешняя может как минимум ошибаться. А вот этого они никак не могут допустить. Народ должен пребывать в уверенности, что партия, политбюро, генеральный секретарь, то есть власть, всегда правы. Никаких сомнений, никакой критики допустить нельзя!

Но в центральной прессе все равно появляются рассказы о трагедиях времен культурной революции. История КПК еще станет предметом внимательного изучения, жутких открытий, и неминуемый расчет с прошлым вряд ли окажется простым и легким.

Дэн Сяопин начал реформы в трудных условиях: перенаселенность Китая, нехватка пахотной земли и питьевой воды, низкий уровень экономики, образования, науки и техники. Историки говорят, что само государство было на грани развала. В те годы китайцы мечтали о трех колесах и о звуке — то есть о часах, велосипеде, швейной машинке и радио. Эти богатства казались недостижимой роскошью.

Сохраняя полный контроль над страной, Дэн Сяопин повернул экономику от плановой к рыночной. В 1978 году Китай выбрал путь экономической модернизации, и реформы принесли невероятный успех.

Дэн никогда не выражал сомнений в верности марксизма-ленинизма, но был прагматиком до мозга костей. Не так-то просто разобраться в его взглядах. Он жестко выступал против буржуазной либерализации, но позволил начаться послаблениям. Он поддерживал политиков, которые хотели либерализации, но сам же их убирал и назначал новых, которые вели куда более консервативную линию.

«Старшее поколение китайского руководства последовательно отказалось от пролетарского интернационализма во внешней политике, планового хозяйства в экономике и коммунистической идеологии, — пишет Андрей Владимирович Виноградов, автор книги «Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности». — Но главное, Дэн Сяопин восстановил реформу как главный инструмент модернизации, отвергнув революционные методы преобразований.

Высокоцентрализованная модель социализма („сталинская модель“) была, по мнению китайских ученых, продиктована „полуазиатскими“ особенностями российского общества... В результате поражения социализма в европейских странах социалистическая идентичность как таковая исчезла из современного мира... Новое понимание социализма вывело на первый план национальную модернизацию, которая вытесняла социализм... Характерные черты социализма, таким образом, подчинялись национально-государственному развитию, вымарывая социализм из сферы реальной политики».

Китай у многих в нашей стране сегодня вызывает откровенную зависть. Все-то у них получается, все у них ладится. И их достижения действительно достойны восхищения. Но кто побывал в Китае, тот едва ли захочет жить так, как живут китайцы. Уровень жизни китайцев все еще очень низкий. Даже в Пекине очень многие не имеют ни горячей воды, ни центрального отопления, ни канализации. Китай — это огромная страна с колоссальными проблемами, решить которые не проще и не легче

наших. И расставание с социализмом им тоже дается нелегко. Зависть — как говорят китайцы, болезнь красных глаз — заставляет ненавидеть тех, кто много работал и быстро разбогател.

Немало политиков в нашей стране предлагают идти китайским путем — постепенные экономические реформы без политических перемен. У профессиональных китаистов эта идея вызывает улыбку. В России, как минимум, слишком мало китайцев, чтобы следовать китайским путем, а никто другой не согласится работать в таких каторжных условиях.

У современного Китая много поклонников. Поклонникам китайского пути нравится то, что в КНР сохраняется партийная и государственная бюрократия, ограничена свобода слова. При этом они не хотят видеть того, что китайская бюрократия не мешает частной инициативе и предпринимательству, не угнетает бизнесменов и торговцев, не душит их и не унижает. Можно ли представить себе отечественную бюрократию, которая бы дала простор частной инициативе, привлечению иностранного капитала и не смела бы вмешиваться в дела частного производителя?..

Профессор Евгений Бажанов отмечает, что ортодоксальные коммунисты, националисты-антизападники восхищаются успехами Китая и утверждают, что СССР должен был пойти китайским путем: сохранить социалистический строй и развивать экономику.

Но в 1978 году китайское общество находилось в состоянии хаоса. Культурная революция закончилась полным разочарованием в марксизме. И партийно-государственный аппарат пострадал очень сильно, не мог и не хотел сопротивляться реформам. Советский аппарат все держал в руках и противился переменам... Дэн Сяопин, обладая огромным авторитетом, мог позволить себе решительные реформы. Горбачев, молодой политик из провинции, вынужден был маневрировать, действовать постепенно, шаг за шагом, оглядываясь на старую гвардию.

Восемьдесят процентов населения Китая составляли крестьяне, они хотели работать. Дэн дал им эту возможность: разрешил семейный подряд, позволил продавать излишки сельскохозяйственной продукции, и этого оказалось достаточно для того,

чтобы сельское хозяйство страны стало доходным, чтобы страна смогла себя прокормить. Успех был огромным. Он позволил Дэну двигаться дальше, к реформам в промышленности. Горбачев тоже пытался начать реформу в экономике. Но в СССР после десятилетий совхозов и колхозов осталось маловато желающих трудиться на земле. Да и перестраивать более современную экономику куда труднее. И Горбачев, повсюду упираясь в стену противостояния, в 1987 году приступил к демократизации, чтобы пробудить энергию народа. Демократизация привела к слому тоталитарного строя. А политический кризис сделал развитие экономики немыслимым...

Китайские реформы ведут отсчет от III пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва. Пленум был созван 18 декабря 1978 года для утверждения разработанного Дэном после кончины Мао плана реформ и открытости. Китайцам разрешили обогащаться.

«Как в деревне, так и в городе надо позволять части людей делаться зажиточными раньше других, — говорил Дэн в январе 1983 года. — Достигать зажиточности за счет честного труда законно. Разрешать части людей и районов переходить к зажиточной жизни — неплохое средство. Я одобряю появление крупных подрядных дворов в деревне».

«Обогащайтесь!» — это главный лозунг в Китае, тот самый партийный лозунг, который пришелся людям по душе. Мао считал, что бедность не порок. Дэн решил, что бедность — тяжкое бремя, от которого нужно избавляться.

Мао был реакционным утопистом, который тянул Китай назад к мотыге, к ручному труду, питал ненависть к интеллигентам. Дэн, напротив, повернул к научно-технической революции, он требовал от Китая уважать науку. Мао пытался изолировать Китай от мира, от внешнего влияния. Дэн избавился от этого железного занавеса.

Но главное состоит в том, что Дэн повернул Китай лицом к самому себе. Он заставил китайцев понять, что они живут в отсталой, нищей стране, которая отнюдь не идет в авангарде человечества, в стране, которую можно преобразовать только упорным трудом. Он заставил китайцев перейти от абстрактных

идей к практическим делам. Он требовал, чтобы люди работали с полной отдачей и строили не утопическое царство, а реальный Китай. Мао обещал народу построить счастье за несколько лет. Дэн такие сроки не ставил. Он понимал, что сделать народ богатым в сжатые сроки невозможно. Для него минимальный срок — это сто лет.

Против реформ не высказались даже военные.

Во времена Мао армии приходилось снабжать себя всем необходимым. Революционная армия всегда обрабатывала землю и производила какие-то товары, чтобы накормить и одеть себя. С тех пор у нее осталась экономическая империя. Двадцать тысяч военных компаний производили все — от запасных частей к автомобилям и катерам до игрушек и лекарств. Корпорация НОАК активно искала иностранных вложений и жаждала инвестиций. Иностранные компании, американские и японские, охотно вступили в долю с армией. Военные считаются хорошими партнерами. Они привыкли добиваться своего и не любят, когда им отказывают. Генералы-коммерсанты надежны в делах, им можно доверять, говорят иностранцы.

В Китае не всегда можно определить, кто же реальные акционеры, но часто известно, что тем или иным фармацевтическим предприятием или пятизвездочной гостиницей в центре Пекина владеет армия. Мировой производитель мороженого компания «Баскин Роббинс» занялась своим бизнесом в Пекине с помощью агентства, которое управляет китайскими спутниками. Так что китайские военные помогают продавать мороженое.

В НОАК все было распределено. С разрешения Центрального военного совета генеральный штаб контролировал три крупные компании, которые занимались внешней торговлей и крупными транспортными проектами, телекоммуникациями и строительством гостиниц. Главное политическое управление управляло угольными шахтами, производством бытовой электроники и барами с караоке. Главное управление тыла ведало производством лекарств и средств народной медицины, а также одежды, обуви и косметики. Завод начинал с выпуска военной формы, а потом стал шить одежду.

Для начала военные заводы осваивали гражданскую продукцию. Потом на их базе развивались самостоятельные производства, уже не имеющие отношения к армии, а потом юридически оформлялись гигантские концерны. Они приносили неплохой доход, который, судя по всему, частично попадал в карманы генералов. Генералы радовались прибыли, поэтому не было опасности, что армия станет на сторону твердолобых и помешает экономическим реформам в стране.

Со временем предприятия отберут у подразделений низкого уровня и передадут экономическому управлению армии. НОАК получала в год три миллиарда долларов чистой прибыли. Но сменивший Дэна Цзян Цзэминь потребовал от армии прекратить всю экономическую деятельность. Цзян считал, что вооруженные силы должны не деньги зарабатывать, а заниматься боевой подготовкой...

Много лет возглавлявший комсомол (Лигу молодых коммунистов) Ху Яобан в 1977 году стал руководителем организационного (важнейшего!) отдела ЦК партии. Именно он начал процесс реабилитации видных партийных, государственных и военных деятелей, пострадавших при Мао. В аппарате шутили: орготдел — «освобожденный район»... В конце 1978 года распустили третью канцелярию, которая была инструментом репрессий.

Уже в 1979 году началась критика Мао Цзэдуна. Анализом его деятельности занимался отдел пропаганды ЦК КПК. Ху Яобан требовал преодолевать косность и догматизм. С конца 1979 года группа историков пыталась заново оценить путь, пройденный партией. Итогом стал документ под названием «Решения по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР». Он многократно обсуждался в аппарате. Режим культурной революции был назван «феодально-фашистской диктатурой». Признали, что партия в этот период была парализована. Всю ответственность возложили на Мао, на его ошибки и единоличное правление.

Но Дэн вступился за Мао: «Товарищ Мао Цзэдун не изолированная личность, он был вождем нашей партии вплоть до самой смерти. Нельзя преувеличивать его ошибки. Преувеличивать его ошибки значит чернить его, чернить нашу партию и наше государство».

В середине 1990-х в Пекине в лавке древностей я отыскал старый бюст Мао Цзэдуна. Обошелся он мне недешево, но в обычном китайском магазине ни портрета, ни бюста Мао я не видел. Это само по себе о многом говорило. А тот антикварный экземпляр был ужасно грязный, и мне пришлось его долго отмывать. Видно, хозяин лавчонки без всякого уважения относился к покойному вождю.

Когда Мао был жив, мы мало что о нем знали. Но и теперь на самом деле плохо представляем себе, что это был за человек, который столько лет управлял страной с миллиардным населением. При жизни фигура Мао Цзэдуна была скрыта покровом таинственности и благоговения в значительно большей степени, чем это бывало с китайскими императорами.

Его жизнь — это целый роман о крестьянском сыне из Южного Китая, который поставил перед собой цель завоевать Поднебесную, нашел последователей, боролся сначала с японцами, а затем с правительством и победил.

Мао Цзэдун, отец китайской коммунистической революции, в стремлении добиться чистоты своей доктрины не пожалел собственного народа. Мао, похоже, понимал, что культурная революция обрекала страну на бессилие. Видел, что Китай, изолировав себя от остального мира, становится ненужным миру.

Когда Мао Цзэдуну говорили, что он изменил судьбу Китая и, вероятно, всего мира, он отвечал, что этого ему не удалось сделать. Казалось, это всего лишь скромность великого лидера. Но, возможно, последние годы Мао Цзэдун, подводя итоги, пребывал во власти ужасного чувства, отравлявшего его жизнь: все напрасно — все его усилия, все страдания, Великий поход, борьба за власть, «большой скачок», культурная революция! Все это не более чем эпизод в истории Китая, который переживал и не такое.

Посмертная судьба Мао Цзэдуна зависела от Дэн Сяопина, который возглавил страну.

Мао дважды сбрасывал Дэн Сяопина со всех постов. Старший сын Дэна, которого избивали хунвэйбины, стал инвалидом в годы культурной революции. Тем не менее Дэн не стал устраивать расправу над Мао. Он сохранил видимость культа Мао,

но поступал согласно собственным представлениям о том, как надо модернизировать страну. Он не позволил стране отречься от Мао, но на практике ничего не оставил от учения великого кормчего. Точнее было бы сказать, что теперь в Пекине цитируют Мао Цзэдуна лишь затем, чтобы легче было поступать по-своему.

На пятом пленуме в феврале 1980 года сформировали секретариат ЦК, генеральным секретарем избрали Ху Яобана. В сентябре 1980 года пост главы правительства вместо Хуа Гофэна занял Чжао Цзыян. Хуа вскоре утратил и пост председателя партии.

На XII съезде партии в сентябре 1982 года на шестьдесят процентов обновили состав ЦК. На пленуме после съезда Дэн Сяопин стал председателем Военного совета ЦК и председателем Центральной комиссии советников КПК. Летом 1985 года Дэн благодушно говорил: «Всю основную работу ведут товарищи Чжао Цзыян и Ху Яобан, я нахожусь чуть в стороне. В целом ситуация хорошая, даже лучше, чем предполагали».

Ху Яобан и Чжао Цзыян вдвоем сделали многое из того, что приписывается самому Дэн Сяопину. Они были единомышленниками, но придерживались различных взглядов, прежде всего относительно методов. Ху Яобан был сторонником еще более быстрых реформ, чем те, что поддерживал Чжао. Ху имел одно преимущество перед Чжао — дольше работал в центре, его лучше знали. Чжао не хватало связей.

Ху Яобан сделал министром культуры писателя Ван Мэна. В 1986 году министр писал: «Мы с радостью видим, что ныне соперничество всех ученых становится живой реальностью. Люди стали активнее мыслить, высказывать то, что они думают, обмениваться взглядами, безбоязненно искать, смело творить. Создалась прекрасная обстановка всеобщего оживления. У интеллигенции никогда еще не было так легко на душе».

Ху Яобан был очень открытым человеком, способным слушать и воспринимать другие мнения. Не позволял себе топтать подчиненных. С ним можно было не соглашаться и даже спорить. Ху нажил немало врагов, проводя кампанию по борьбе с коррупцией. В тюрьму угодили близкие родственники высших

руководителей (см. книгу Виктора Усова «Дэн Сяопин и его время»), которые как раз и были политическими оппонентами генсека. Как он мог понравиться ветеранам, настаивая на омоложении кадров? Ху еще и рассорился с военными, предлагая сократить и численность вооруженных сил, и непосильные оборонные расходы.

Глава правительства Чжао Цзыян поддержал генерального секретаря, обратился к нему с запиской, в которой говорилось: «Для ускорения социалистической модернизации, для длительного и стабильного развития страны необходимо ускорить темпы развития реформы политической системы».

Ху пострадал из-за интервью гонконгской газете в январе 1985 года, в котором увидели намерение отправить Дэна в отставку. Это была последняя капля. Поддержки Дэна он лишился еще раньше. Стала очевидной разница во взглядах.

Ху упрямо проталкивал реформы вперед, не поддаваясь на давление ястребов и сторонников жесткой линии. Он запретил ЦК вмешиваться в дела творческих союзов. С этим «старики» не смирились. Дэну докладывали, что генеральный секретарь противопоставляет себя его политике. Дэн сделал ему замечание, сказав, что генсек недооценивает необходимость борьбы с «буржуазным либерализмом».

В жизни страны стали заметны студенты, которые требовали обновления и демократии. С декабря 1986 года во многих высших учебных заведениях Китая проходили студенческие демонстрации, распространялись листовки. Студенты требовали политических свобод. Дэн Сяопин осудил митингующих. 30 декабря он провел совещание, сказал: «Студенческие демонстрации — не случайность. Это результат потери контроля над буржуазной либерализацией». Иначе говоря, возложил всю ответственность на Ху.

4 января 1987 года состоялось новое совещание у Дэна. Он показал высшим руководителям страны заявление Ху об отставке. 10 января устроили разбор его «ошибок». Ху очень волновался, у него на глаза навернулись слезы. 16 января провели расширенное заседание политбюро. Ответственность за беспорядки возложили на Ху Яобана: слишком радикален в экономиче-

ских реформах и слишком либерален к антипартийным выступлениям.

Его сменил Чжао Цзыян. Он стал генеральным секретарем в шестьдесят восемь лет — остальным членам высшего партийного руководства было много больше. Старейшины согласились с его кандидатурой, полагая, что он сосредоточится на экономике. Однако новый генсек сразу обозначил свою позицию по всем принципиальным вопросам. Заявил, что «борьба с буржуазной либерализацией не должна препятствовать развитию производительных сил, реформ, открытости и творческой работе интеллигенции».

Чжао Цзыян сделал карьеру в провинции Гуандун, где стал партийным секретарем в 1965 году в возрасте сорока шести лет. Он тоже потерял работу во время культурной революции. Его отправили на перевоспитание — работать на заводе.

Однажды ночью в апреле 1971 года раздался стук в дверь. Выяснилось, что надо срочно ехать в город. Его отправили на трехколесном мотоцикле — другого транспорта ему предоставить не смогли. В аэропорту его ждал самолет, чтобы доставить в Пекин. Здесь его поселили в хорошем отеле. Он не спал всю ночь, теряясь в догадках. Утром его доставили к главе правительства Чжоу Эньлаю. Чжао приготовил покаянную речь. Но глава правительства его оборвал: «Центральный комитет принял решение отправить вас на важную партийную работу во Внутренней Монголии».

В 1975 году он уже руководил провинцией Сычуань, где сумел поправить дела на селе. Чжао пришел к выводу, что привычные методы управления экономикой не работают: у людей нет стимула хорошо трудиться, поэтому мало чего удается достичь. С 1952 по 1980 год промышленность выросла в восемь раз, ВВП в четыре раза, а уровень потребления всего лишь удвоился...

«Я задумался, — вспоминал Чжао, — как сделать так, чтобы китайский народ получал конкретные результаты от своего труда?»

В 1977 году Чжао сделали кандидатом в члены политбюро. В 1980 году его перевели в Пекин и в скором времени поставили во главе правительства.

Чжао был волевым человеком. Он пристрастился к сигаретам в юные годы, но нашел в себе силы бросить курить накануне назначения премьер-министром. Но от выпивки не отказался. В компании легко выпивал шесть порций крепкой водки маотай. Самым счастливым временем была для него работа в провинции.

В Пекине Дэн поручил ему провести главные реформы, сначала в экономике, потом в политике. Но страна с трудом поддавалась радикальным переменам. И Дэн легко пожертвовал двумя самыми либеральными помощниками — сначала Ху Яобаном, а затем и Чжао Цзыяном...

На Чжао произвело сильное впечатление увиденное за границей — в 1979 году он побывал в Греции, Швейцарии, Франции, Великобритании и поразился уровню сельского хозяйства и процветанию крестьян. Чжао увидел, что нет нужды в огромных хозяйствах. Большие урожаи собирают на семейных фермах. И стали поощрять семейный подряд.

В одной из провинций крестьянам запрещали выращивать арахис, который давал высокие урожаи, и заставили сеять кукурузу, которая плохо росла. Чжао понял, что пора перестать командовать крестьянами: пусть они выращивают то, что дает большой доход. Это быстро принесло успех. К тому же с 1979 года несколько лет подряд в стране были очень хорошие урожаи. Отказ от народных коммун, созданных Мао, освободил 800 миллионов китайских крестьян. Энергия деревни казалась фантастической. Никто не ожидал от нее такого рывка!

Такие же изменения Чжао произвел в промышленности. Потребовались перемены в психологии: за годы маоистского социализма предприятия отвыкли отвечать за убытки и получать прибыль. Если они что-то зарабатывали — у них отбирали, если работали в убыток — их не наказывали...

«Наша стратегия развития индустрии, — рассказывал Чжао, — была основана на пословице „Не начинай готовить, пока нет риса“. Это означало, что в любой отрасли надо начинать с самой основы. Сначала разведать полезные ископаемые, затем наладить их добычу, проложить дорогу, и только потом строить сталеплавильный завод... Получалось невероятно затратное произ-

водство. Мы стали покупать дешевую руду в Канаде и Австралии, выплавляли сталь в прибрежных провинциях и экспортировали ее. А прибыль вкладывали в развитие индустрии! Наше огромное преимущество состояло в дешевой рабочей силе, что позволяло нам конкурировать на мировом рынке».

Архитектором реформ считается Дэн Сяопин. Он все начал. Но идея развития прибрежных провинций, создания там ориентированной на экспорт экономики принадлежит Чжао. И он сумел убедить Дэна в ее перспективности.

Дэн вел себя принципиально иначе, чем Мао, который давал руководящие указания во всех сферах жизни. Дэн выдвигал толковых людей на ключевые посты, предоставлял им возможность развернуться и поддерживал то, что работало, все удачные идеи.

Понадобились иностранные займы на закупку оборудования, чтобы развивать свое производство. Откуда их взять? Иностранные компании не спешили приходить в Китай. Им нужна была развитая инфраструктура — дороги, вода, электричество, а чтобы ее создать, требовались солидные вложения.

Один из гонконгских миллионеров объяснил Чжану: «Если у вас есть земля, вы можете заработать много денег. Все очень просто. Местные власти дают землю в аренду, что само по себе приносит деньги в бюджет, а получившая права на землю компания превращает пустырь в обитаемый район».

Но многие побаивались пускать иностранцев. Сказывалось прошлое — когда иностранные державы распоряжались на китайской территории как у себя дома. Говорили: выделить иностранцам территорию под развитие — значит потерять суверенитет, особые зоны превратятся в новые колонии, Макао тоже первоначально отдали португальским рыбакам, чтобы они сушили на берегу сети, а кончилось тем, что Макао превратилось в колонию Португалии.

Только со стороны кажется, что у китайцев все пошло как по маслу. На самом деле борьба за реформы была долгой. Идея импорта, закупок за границей воспринималась в штыки. Все должны делать сами! Стыдно покупать у буржуев!..

Чжао воспользовался тем, что многие развитые страны переводили производство в развивающиеся государства. Так посту-

пали Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг. Прибрежные провинции Китая предложили свои услуги, и здесь стали размещать современные производства разные иностранные компании. Сотни миллионов жителей прибрежных провинций смогли выйти на мировой рынок и смело на нем конкурировали.

Чжао с завистью спрашивал крупного тайваньского бизнесмена: «Как маленькому государству удалось аккумулировать такие огромные финансовые резервы?» Тот успокоил главу китайского правительства: «Продолжайте вашу политику реформ, открытости и развития внешней торговли. И очень скоро у вас будут большие деньги. Тайвань смог этого добиться, сможете и вы».

К 1985 году сельское хозяйство практически полностью стало рыночным. Шло сокращение плановой экономики. Чжао сказал на XXIII партсъезде в 1987 году: «Государство регулирует рынок, рынок управляет предприятиями».

Чжао и его сторонники вели борьбу за изменение законодательства, чтобы дать возможность в специальных экономических зонах владеть землей. Ввели акционерные общества. Запретили министерствам и ведомствам вмешиваться в дела предприятий. Чжао хотел, чтобы руководители предприятий полностью отвечали за свою работу и были заинтересованы в успехе.

Но даже успешная политика имеет свою цену. Переход к рынку привел к расцвету коррупции. Это стало острой проблемой примерно в 1988 году. Власть принадлежала партийным и государственным чиновникам, которые хотели получить свою долю от развития частного бизнеса.

После ухода Ху Яобана воодушевились сторонники твердой линии. Они хотели наказать либералов и «восстановить порядок». Но у Чжао поддержки они не нашли. Он хотел продолжения реформ. И считал, что бороться с коррупцией надо путем развития политической и юридической системы.

Пока Ху был генсеком, Чжао был поглощен экономическими делами, идеология находилась вне сферы его внимания. Теперь он обнаружил, что «партийные теоретики» ему постоянно мешают, ставят палки в колеса, подрывают то, что он делает.

Получая всякий раз одобрение Дэна, он стал очищать аппарат от догматиков, распустил целое подразделение в аппарате ЦК, закрыл центральный теоретический орган партии журнал «Хунци» («Красный флаг»). Чжао отстранял ветеранов от руководства идеологического аппарата, потому и стал для них врагом номер один. Чжао оказался на минном поле.

Аппарат сопротивлялся как мог. Влиятельная фракция догматиков не смирилась с переменами. Противопоставлять себя Дэну открыто мало кто решался. Зато убирали тех, кто проводил его линию. Так скинули Ху. Теперь на прицеле оказался Чжао Цзыян. О нем возмущенно говорили, что он «еще больше Ху Яобан, чем сам Ху Яобан». Пытались отодвинуть его от экономики: занимайся идеологией и кадрами, а в дела правительства не влезай. Жаловались на него Дэну.

В хозяйственных делах Дэн Сяопин был непреклонен. Говорил: китайская экономика создавалась по советской модели. Но если русские сами от нее отказались, зачем китайцам-то за нее держаться? Он вроде бы поддерживал и политические реформы, но неохотно. Что касается роли государства, то экономику Дэн сравнил с птицей: если слишком сильно сжимаешь ее рукой, она умрет, если отпустишь — улетит...

На очередном съезде влиятельные в партии ветераны Дэн Сяопин и Чэнь Юнь вышли из состава политбюро. Дэн стал председателем Военного совета ЦК КПК, а Чэнь — председателем Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины.

Чжао Цзыян объяснял иностранным партнерам, что хотя Дэн больше не входит в состав постоянного комитета политбюро, за ним остается роль лидера, принимающего главные решения. Пленум ЦК решил, что необходимо спрашивать совета Дэна по всем важнейшим вопросам и наделил Дэна правом созывать политбюро и принимать окончательное решение по любым вопросам. Он демонстративно советовался с другими ветеранами, возражавшими против любых послаблений в сфере идеологии и политики.

Чэнь Юнь говорил: «В погоне за западной моделью развития многие забыли, что правильно ориентированное и проведенное государственное вмешательство может творить чудеса. Некото-

рые люди, включая коммунистов, отошли от идеалов социализма и коммунизма, забыли основную идею служения народу. Тлетворная капиталистическая идея — рассматривать все сквозь призму денег — в серьезной степени разлагает стиль работы партии и отравляет общественную атмосферу». Чэнь Юнь сыграл важную роль в поправке дел в экономике в 1962 году, когда страна была в кризисе. Он поддержал реформы на первом этапе. Но Чэнь Юнь верил в возможности пятилетних планов советского образца.

Другим оппонентом Чжао был еще один влиятельный ветеран Ли Сяньянь. Он вообще был против реформ Дэна, но его критиковать не смел, поэтому нападал на Чжао.

В марте 1988 года главой правительства сделали Ли Пэна. Чжао эта кандидатура не нравилась. Он считал, что Ли Пэну недостает экономических познаний и он мало заинтересован в реформе. Но премьер пользовался поддержкой ветеранов. Чжао ратовал за создание нового экономического механизма, рыночной системы. Ли Пэн ему откровенно противостоял. Премьер был сторонником снижения темпов реформы, использования элементов старой хозяйственной системы и административно-командных рычагов.

Летом 1988 года решили начать реформу цен. Люди испугались и в панике бросились все скупать, некоторые продукты исчезли с прилавков. Рост цен, высокая инфляция... Чжао Цзыян считал главным препятствием консервативное сопротивление со стороны аппарата, который воспользовался ростом цен для атаки на реформаторов. А многим показалось, что реформы провалились. Требовали вернуться к административному контролю над ценами: нужно отступить! Скандальная история с ценами ослабила позиции Чжао и укрепила положение Ли Пэна.

Когда советская компартия стала разваливаться, пекинские консерваторы запаниковали. В отличие от Советского Союза национальные меньшинства составляют всего десять процентов населения Китая, но они живут в стратегически важных регионах, на границах с Вьетнамом, Россией и Индией.

Дэн Сяопин сохранял хладнокровие. Он сделал для себя вывод, что распад социализма в СССР связан с политическими

реформами, а не с экономическими. Китай сможет провести свое судно в бурных водах.

В отличие от всех иных марксистских лидеров Дэн не считал себя теоретиком, открывателем вечных истин. Он был прагматиком и сторонником постепенных перемен. Он никогда не выражал сомнения в верности марксизма-ленинизма, но считал, что идеология должна развиваться вместе с развитием общества. Он жестко выступал против буржуазной либерализации, считал, что страна может двигаться вперед при однопартийной системе, без свободы печати и свободы слова. Но все же позволил начаться послаблениям, которые привели к массовым манифестациям на площади Тяньаньмэнь.

Чжао Цзыян, находясь на вершине власти, осознал необходимость перехода от власти людей к власти закона. Именно отсутствие власти закона стало причиной бедствий страны при Мао.

Реформы сопровождались расцветом взяточничества, спекуляций, расхищения государственной собственности. Но борьба против этих преступлений выливалась в кампанию против экономических реформ, либерализации в экономике и в преследование тех, кто пытался вести дела по-новому.

Чжао же пришел к выводу, что без политических реформ не пойдут и экономические. Коррупцию иначе не победишь. Нужна бóльшая открытость, считал он, диалог с обществом, самостоятельные средства массовой информации. Он хотел, чтобы на выборах избиратели выбирали из нескольких кандидатов.

Дэн Сяопин торопил Чжао с экономическими реформами, но не позволял ничего, что могло бы поколебать монопольную власть партии. Дэн тоже был недоволен политическим механизмом страны, бюрократизмом, сверхконцентрацией власти, клановостью. Но политические перемены он представлял себе в форме административной реформы. Он всего лишь хотел улучшить действующий механизм. Категорически не принимал многопартийность, разделение властей и парламентаризм западного типа. Несколько раз говорил об этом Чжао Цзыяну: «Одно из важнейших преимуществ социалистической системы состоит в том, что когда решение принято, его можно немед-

ленно претворять в жизнь без всяких помех, вроде парламентского процесса, который очень сложен и все задерживает...»

Как-то раз Дэн заметил: «Разве могут американцы конкурировать с Советским Союзом? Русским достаточно одного решения политбюро, чтобы начать действовать. А американцам?» Это было до того, как СССР рухнул...

Главным для Дэна была стабильность. Он смертельно боялся хаоса и ради сохранения стабильности считал диктатуру полезной. Но все же придерживался формулы «идти на двух ногах».

Весна 1989 года многое изменила в судьбе страны и в жизни Чжао Цзыяна. В конце января 1989 года Дэн сказал Чжао, что передаст ему важнейший пост председателя Центрального военного совета. Объяснил: чтобы заставить всех стариков уйти, он должен подать им пример. Но события на площади Тяньаньмэнь сломали его карьеру.

Пожалуй, все началось с того, что пекинская интеллигенция захотела отметить 200-летие французской Декларации прав человека и гражданина. Правозащитные тексты звучали как обвинительный акт однопартийной системе.

15 апреля 1989 года скончался бывший генсек Ху Яобан. Прощание с ним превратилось в политическую демонстрацию несогласия с официальной линией. Вновь появились дацзыбао, на сей раз не продиктованные сверху. Жестко критиковались компартия и сам Дэн Сяопин. Это было время, когда общество бурно реагировало на рост цен и растущую коррупцию. Началось формирование студенческих организаций, что поддержал помощник генерального секретаря Бао Тун.

Вечером 18 и 19 апреля молодежь собиралась у здания ЦК партии. 22 апреля, когда хоронили Ху Яобана, десятки тысяч студентов вышли на площадь Тяньаньмэнь. Ху высоко ценили. Он реабилитировал тех, кто пострадал при Мао. Он проводил реформы. И главное — он не был замешан в коррупции.

Глава правительства Ли Пэн требовал принять жесткие меры против «кучки негодяев». Его сторону принял первый секретарь пекинского горкома Ли Симинь. Генеральный секретарь Чжао Цзыян возразил им: «Необходимо решать имеющиеся вопросы путем диалога, не обострять противоречия».

«Я твердо считал, — вспоминал Чжао, — что все общество симпатизирует студенческим демонстрациям. Полагал, что все можно решить спокойно и разумно — на основах демократии и закона, путем диалога и снижения напряженности. И это поможет нашим реформам».

19 апреля Чжан побывал у Дэн Сяопина. Изложил свою точку зрения на студенческие демонстрации. Дэн с ним согласился. Чжао полагал, что сумеет постепенно убедить студентов прекратить митинги протеста и покинуть площадь.

Но он уехал с визитом в КНДР. В его отсутствие премьер-министр Ли Пэн и руководители горкома потребовали решительных мер сначала на заседании постоянного комитета политбюро, затем обратились непосредственно к Дэну. Они привезли Дэну пачку материалов, в которых его жестко критиковали. Дэн был потрясен и согласился, что выступления студентов носят «антипартийный, антисоциалистический» характер...

26 апреля опубликованная во время отсутствия генсека передовая статья в «Жэньминь жибао» оценила студенческие волнения в столице как «спланированный заговор» против партийного руководства и социалистического строя. Статья очень плохо была воспринята интеллигенцией.

4 мая главную площадь китайской столицы Тяньанмэнь («Площадь небесного согласия») заняла восставшая молодежь. Это был откровенный протест против власти. Китайские студенты требовали не только экономических, но и политических реформ.

Чжао не согласился с авторами передовицы «Жэньминь жибао». Он хотел поговорить с Дэном. Но ему не позволили этого сделать. Последовал ответ, что Дэн плохо себя чувствует.

8 мая на совещании в столичном горкоме Чжао предложил бороться с коррупцией и бюрократизмом, ликвидировать систему спецобслуживания высших чиновников, разработать закон о свободе средств массовой информации, все конфликты решать путем поиска согласия. Чжао считал необходимым создать специальную комиссию по борьбе с коррупцией, всерьез заняться этой болезненной проблемой и тем самым откликнуться на чаяния людей. 13 мая он все-таки побывал у Дэна. Тот согласился с идеей борьбы с коррупцией. Но Чжао не позволили вести

диалог с обществом. Ли Пэн недовольно спросил его: «Вы что, собираетесь придерживаться исключительно мягких методов в отношении студенческих демонстраций? И так столько времени уже потеряно, а такие методы оказались бесполезными».

В эти же дни в Пекин приехал Михаил Сергеевич Горбачев, чтобы встретиться с патриархом китайских реформ Дэн Сяопином и нормализовать советско-китайские отношения. Встреча должна была стать исторической и для России, и для Китая.

Советская делегация оказалась в Пекине в один из самых драматических моментов в истории страны. Пекинская молодежь брала пример с Советского Союза. Для студентов Горбачев был кумиром и образцом. Разочарованные нежеланием власти вступить в диалог, они решили воспользоваться приездом в Пекин советского гостя и днем 13 мая, накануне его прилета, начали на площади Тяньаньмэнь коллективную голодовку. Сначала их было две сотни человек, через несколько дней — уже три тысячи. Число участников голодовки непрерывно росло. На четвертый день некоторые из них стали терять сознание. Чжан боялся, что кто-то из юношей может умереть.

Приехавшие освещать визит Горбачева телевизионные группы рассказывали всему миру о происходящем в Пекине.

Студенты всячески заманивали к себе Горбачева, просили его выступить перед ними на площади Тяньаньмэнь, гарантируя порядок и безопасность. Официальные власти были, разумеется, против. Окружение Михаила Сергеевича тоже не советовало ему это делать.

Если бы Горбачев поддержал восставших пекинских студентов, это принесло бы ему уважение всех правозащитных организаций в мире, но межгосударственные отношения с Китаем были бы испорчены надолго. Сразу после отъезда Горбачева в некоторых районах Пекина ввели военное положение.

Вот как развивались события.

16 мая Горбачева принял Дэн Сяопин. Разговор с Дэном сам по себе дорогого стоил. Дэн, фактически управляя Китаем, так и не занял ни одного из главных постов в партии и государстве. «Люди хотели, чтобы я стал председателем партии, — говорил Дэн, — но я слишком стар для этого».

Михаила Сергеевича принял и генеральный секретарь ЦК КПК Чжао Цзыян. Кстати говоря, именно Чжао должен был официально заявить Горбачеву, что встреча двух генсеков означает восстановление отношений между партиями. Но Дэн оставил эту честь себе, предупредив Чжао, что символическая фраза будет произнесена после его беседы с советским лидером.

Чжао Цзыян впоследствии полагал, что некоторые его слова, сказанные на встрече с Горбачевым, Дэн Сяопин воспринял с большой обидой. На самом деле это уже не имело значения. Дэн был крайне им недоволен.

Вечером, после встречи с Горбачевым, Чжао собрал постоянный комитет политбюро и предложил обратиться к студентам с просьбой прекратить голодовку. В проекте обращения были такие слова: «Патриотизм студентов вызывает восхищение, ЦК и правительство одобряют их действия». Ли Пэн недовольно возразил: «Хватит с них и слов „вызывает восхищение“. Зачем еще добавлять, что мы одобряем их действия?» «Наша главная задача, — объяснил Чжао, — успокоить эмоции». Большинством голосов заявление приняли. Но китайское руководство раскололось. Премьер-министр Ли Пэн и его единомышленники считали, что дело идет к хаосу. Чжао безуспешно пытался добраться до Дэна. Тот не хотел больше слушать своего выдвиженца.

17 мая у Дэна собрались члены постоянного комитета политбюро ЦК КПК. Возник вопрос о введении военного положения в столице. Чжао возразил и остался в одиночестве. Ли Пэн жестко критиковал генерального секретаря. Дэн подвел черту: «Чтобы ситуация не вышла из-под контроля, вводим войска в Пекин и объявляем военное положение». Но он предупредил Ли Пэна: «Только чтобы никто не знал, что я принял это решение!»

18 мая Дэн улетел в Ухань. Беседовал с военным командованием. Хотел, видимо, убедиться в том, что военные поддерживают это решение и приказ будет выполнен.

Чжао Цзыян подал в отставку: «Я не хочу быть генеральным секретарем ЦК, который бросил армию против студентов». Председатель КНР Ян Шанкунь позвонил ему с просьбой передумать: «Нельзя сейчас менять руководство. Если об этом станет

известно, ситуация только ухудшится. Нам нельзя подливать бензин в пламя».

19 мая утром генеральный секретарь вышел на площадь Тяньаньмэнь. Он безуспешно просил студентов разойтись. «Я просто пытался уговорить их прекратить голодовку, — объяснял Чжао. — Они молоды и должны беречь свои жизни. Я понимал, что хотя им симпатизирует страна, это не имеет никакого значения для кучки стариков, занимающих жесткую линию».

Ли Пэн подписал распоряжение правительства о введении с 10 часов утра 20 мая военного положения в ряде районов столицы.

В последующие дни число митингующих на площади сократилось. Осталось несколько тысяч человек. В ночь на 2 июня войска двинулись в сторону площади, чтобы «подавить контрреволюционный мятеж». Горожане отчаянно сопротивлялись, поджигали военную технику и сражались с солдатами подручными средствами. Армия взяла площадь в кольцо. В ночь на 3 июня войска открыли огонь из автоматического оружия. Применив бронетехнику, силой очистили площадь от студентов. Больше двухсот человек погибло.

«Мне не сказали, что я отстранен от должности, — вспоминал Чжао. — Но никто ко мне не обращался. Информация перестала поступать. Я был изолирован. До меня доносились сведения о том, что на всех совещаниях в аппарате говорят о моих „преступлениях“».

Его помощника Бао Туна задержали и посадили под домашний арест. Чжао протестовал, но и его вмешательство, хотя он формально еще оставался генеральным секретарем, не помогло.

Расширенное заседание политбюро продолжалось три дня — с 19 по 21 июня. Ли Пэн представил доклад под названием «Об ошибках товарища Чжао Цзыяна во время антипартийных и антисоциалистических волнений и беспорядков». Главное обвинение: «Чжао Цзыян допустил ошибки, поддержав волнения и беспорядки и внеся раскол в ряды партии... Он проявил пассивное отношение к борьбе против буржуазной либерализации, не уделял должного внимания партийному строительству и идейно-политической работе». Чжао попросил слова. Председательствующий посмотрел на часы и сказал: «Вообще-то мы уже

выходим из графика. Если уж хотите выступать, то не больше десяти минут».

Чжао лишили всех постов. Дэн пожертвовал своим ставленником. Перед голосованием Дэн Сяопин заявил, как это делал когда-то на пленумах ЦК КПСС Хрущев, добиваясь единодушной поддержки: «Все участники заседания имеют право голосовать, даже если они не члены политбюро». Это было нарушением устава.

3 сентября 1989 года Чжао вызвали в ЦК, где объявили, что его делом займется группа партийных следователей. Толстенное обвинительное заключение было составлено. Но никаких обвинений ему больше не предъявляли. В Пекине хотели, чтобы о нем забыли.

Покидать дом он мог только в сопровождении бдительных сотрудников госбезопасности. Даже старых соратников к нему не пускали, чтобы бывший генсек ни с кем не встречался. И уж, конечно, ему запрещали беседовать с иностранцами и журналистами. Когда он приезжал заниматься спортом, зал был пуст.

12 сентября 1997 года Чжао обратился с письмом к XV партсъезду. Он изложил свою позицию: как ни оценивай студенческие демонстрации, нет никаких свидетельств того, что это был «контрреволюционный мятеж». Все знают, что студенты требовали борьбы с коррупцией и политических реформ, а не свержения компартии. Использование армии только ухудшило отношения между партией и народом. Социальные проблемы с тех пор только обострились. Конфликты ухудшились. Коррупция процветает... Он просил снять с него нелепые обвинения. Ответом стало ужесточение условий его жизни. И только накануне визита Цзян Цзэминя за океан ему внезапно разрешили выйти из дома. Чтобы в США генсека не упрекали за то, что его предшественника держат под домашним арестом. Чжао Цзыяну позволили играть в гольф и посещать похороны старых друзей, которые один за другим уходили в мир иной. Потом к нему стали пускать родственников и бывших сотрудников — но тех, кто уже вышел на пенсию.

Последние шестнадцать лет своей жизни — до смерти в 2005 году — он провел в изоляции. Он сумел наговорить на магнитофон

свои воспоминания — тридцать аудиокассет по тридцать минут каждая. Кассеты раздал доверенным друзьям. После его смерти они сумели все собрать, расшифровать и передать за границу, где мемуары напечатали. Очень похоже на историю воспоминаний Хрущева.

История Чжао показала, что если человек сопротивляется аппарату, то найдутся жернова, которые любого сотрут в порошок...

Когда Дэн Сяопин отобрал власть у ортодоксов и начал реформы, Китаем в мире не могли нарадоваться. Когда армия разогнала студентов, собравшихся на площади Тяньаньмэнь, симпатий к Китаю поубавилось. Либеральная общественность считала, что в Китае сохраняются многие черты тоталитарного государства.

Соединенные Штаты ввели против Китая санкции, правда, ограниченные, чтобы не разрывать отношения. «Китайцы исключительно чувствительны к тому, что может быть истолковано как вмешательство во внутренние дела — это наследие многих десятилетий разрушительного иностранного господства, — объяснял свою позицию тогдашний президент США Джордж Буш-старший. — Для этого древнего, гордого и самодостаточного народа критика со стороны иностранцев (тех, кого они все еще считают варварами и колониалистами, не понимающими Китай) оскорбительна».

Буш отправил в Пекин своего советника по национальной безопасности Брента Скоукрофта. «Я посылаю сигналы китайцам, — записал Буш в дневнике, — что мы хотим сохранить отношения. Но это очень трудно сделать, когда они казнят людей, а нам нужно реагировать. Мы не можем отойти от того, во что верит наша страна — права человека, в том числе право на мирный протест. Вчера они казнили трех ребят... До тех пор, пока Китай будет утверждать, что на площади Тяньаньмэнь не было убийств, не было потеряно ни одной жизни, кроме жизней китайских солдат, этот вопрос не утрясется».

Дэн Сяопин не захотел войти в историю как «палач Тяньаньмэня» и потерять мировую славу отца реформ. В начале 1992 года, когда все считали, что Китай сдал назад и отказывает-

ся от реформ, восьмидесятисемилетний Дэн предпринял большую поездку по южным провинциям Китая. Он требовал дальнейшей экономической либерализации. Его поездка произвела почти мистическое действие. Начался новый этап преобразований. На всякий случай Дэн обезопасил себя от любых обвинений, называя экономические реформы продолжением революции. Это было последнее, что Дэн сделал для страны.

Реформы продолжились. Но, как и предсказывал Чжао Цзыян, пока страной правят люди, а не закон, коррупция процветает, подрывая веру людей в то, что правительство способно улучшить их жизнь. Борьба с этим злом невозможна без политической реформы.

В Пекине подчищают самые темные места. Говорят о правах человека, о демократии. Помню, как когда-то министерство иностранных дел пересылало в редакцию журнала «Новое время», где я много лет работал, записи бесед с китайскими дипломатами в Москве, которые приходили на Смоленскую площадь, чтобы выразить недовольство нашими публикациями. Всякий раз в редакции возникал спор: писать ли о Китае то, что мы знаем и думаем, или не обижать китайских друзей? В конце концов приходили к выводу, что важнее всего не обижать наших читателей неправдой. Потом поток посланий из министерства иностранных дел иссяк. Может быть, нашим дипломатам надоело пересылать жалобы. Но надеюсь, что сами китайцы перестали считать разумный и критичный взгляд на их страну враждебным выпадом.

Поклонники китайского пути требуют судить Китай по его собственным правилам, не критиковать публично пекинских лидеров, чтобы не разозлить их и не спровоцировать новое закручивание гаек.

Эта логика напоминает мне старинную китайскую притчу.

Одной великой империей управлял император — деспот, который повелел считать, что два плюс два равняется шести. Все его подданные вынуждены были подчиниться. Необходимые изменения были внесены в вычисления математиков и в школьные учебники. Когда деспот умер, его более прагматичный наследник счел необходимым пойти на некоторую либерализацию. Отныне два плюс два приравняли к пяти.

Но талантливый астроном-отшельник установил, что на самом деле два плюс два равняется четырем. Как человек далекий от политики, он и не думал привлекать к своему открытию публичное внимание, а опубликовал свои изыскания в небольшом сугубо научном журнале.

Об этой статье немедленно стало известно сотрудникам службы безопасности. Астронома арестовали. От него потребовали публично отречься от своих взглядов. Упорный астроном стоял на своем и мужественно переносил пытки. Тогда его привели к начальнику службы безопасности, который не стал его бить, а лишь сказал: «Неужели ты не понимаешь, что если ты будешь продолжать настаивать на своем заблуждении, то могут вернуться мрачные времена, когда два плюс два равнялось шести?..»

Бабушка Лю, дедушка Дэн и другие

— Так что же ты купил, когда появились первые свободные деньги?

Я заранее знал его ответ. Есть универсальные списки покупок, которые делают китайские семьи. Радиоприемник — магнитофон — телевизор — видеомагнитофон... Или: стиральная машина — цветной телевизор — видеокамера — японский холодильник...

Впервые прилетев в Китай в начале 1990-х, я увидел, что страна переживает потребительский бум. Китайские магазины обилием товаров похожи на западные, а количеством покупателей — на наши. В магазинах есть все. И по разумным, приемлемым ценам. Некоторые экономисты даже боятся кризиса перепроизводства — полки ломятся, а заводы все производят и производят.

Так что же в первую очередь купил мой ровесник из деревни в юго-восточном пригороде Пекина?

— Я купил бульдозер, — ответил он.

Чтобы работать еще больше.

Его зовут Ли Юэфу. Два года назад его выбрали бригадиром. В бригаде сто тридцать дворов. Умножить на три — и получится число жителей. В китайских семьях теперь, как правило, по од-

ному ребенку — в борьбе за искусственное ограничение рождаемости государство одерживает победу.

Первая перепись населения, проведенная в 1953 году, установила, что население страны — 594 миллиона человек. Население Китая увеличивалось так быстро, что, казалось, скоро почти все в мире будут китайцами. В 2010 году в Китае жило уже 1,34 миллиарда человек. Но за десять лет население увеличилось всего на 5,7 процента. В соседней Индии население растет в три раза быстрее, чем в Китае!

Китайские руководители ввели в действие самую жесткую демографическую политику в мире. Они разрешили иметь только одного ребенка в семье. За второго родителей бьют по карману, лишают пособий и медицинской помощи. Исключения сделаны только для представителей национальных меньшинств и сельских жителей.

Школьникам объясняют премудрости контрацепции, а вступающих в брак наделяют соответствующими средствами. Китайское общество еще не знает добрачной половой жизни, во всяком случае как массового явления. Счастливые люди, у них все впереди...

Политика оказалась настолько успешной, что страну ждет совершенно необычный демографический кризис. Продолжительность жизни растет, а рождаемость сокращается.

Китай стареет. В 2000 году число тех, кому за шестьдесят, составляло 10 процентов населения. Теперь — 13 процентов. Подростки в возрасте до четырнадцати лет составляли 23 процента населения, а теперь — 17 процентов. К 2030 году каждый пятый китаец будет старше шестидесяти лет, и число работающих начнет сокращаться. Иначе говоря, Китай постареет раньше, чем разбогатеет. В нынешнем столетии Китай станет самым старым государством в мире. Все больше стариков, все больше нужно пенсий. Скоро стариков некому будет кормить, слишком мало останется молодежи, чтобы работать. В Японии тоже происходит нечто подобное, но это богатая страна.

В Китае пенсия — это роскошь, которая распространяется только на небольшую часть работающих в государственном секторе. Большинство стариков ничего не получают. Пенсию пла-

тит не государство, а предприятие. Так что о стариках в Китае должна заботиться в основном семья. Женщины не смогут работать, им придется возиться со стариками вместо того, чтобы зарабатывать на жизнь и на собственную старость. Большинство стариков, особенно в деревне, живут за счет детей, а детей все меньше. Так что на селе власти закрывают глаза, если в крестьянской семье не один, а двое детей, особенно если первый ребенок — девочка. Но теперь уже не только государство, но и сами люди хотят иметь поменьше детей, хотя через какое-то время нынешняя молодежь горько пожалеет, что у них только один ребенок. Кто же станет кормить их в старости?

Ограничение рождаемости привело к неожиданному результату. Горожане уже свыклись с тем, что в семье один ребенок. Но если можно иметь одного ребенка, пусть это будет мальчик! Абсолютное большинство предпочитает мальчиков — это будущий кормилец. Беременные женщины просят врачей с помощью УЗИ определить пол будущего ребенка и делают аборт, если выясняется, что ждут девочку. В результате на 100 девочек рождается 118 мальчиков. В развитых странах соотношение другое: на 100 девочек — 107 мальчиков. Юношам просто не хватит невест. Через десять лет каждый пятый китаец останется без жены. Появится поколение холостяков... Правда, иногда рождение девочки родители просто не регистрируют, чтобы иметь право родить еще и мальчика.

Сам Ли Юэфу и его жена выросли в больших семьях, но они совсем не огорчены тем, что у их единственного сына нет ни братьев, ни сестер. «Ребенок должен быть один, — сказал мне Ли. — Тогда у него будет счастливое детство. Родители смогут послать его учиться, лучше всего за границу».

Уже выросло первое поколение китайцев, которые не имеют ни братьев, ни сестер. Такого образованного поколения в Китае еще не было — они владеют компьютером, знают английский язык, играют на пианино, рисуют... Они хотят учиться, но не приспособлены к самостоятельной жизни. Из ста детишек в детском саду, как выяснилось, девяносто играют на пианино, но только десять в состоянии самостоятельно завязать шнурки на ботинках.

Дети вовсе не страдают от того, что у них нет брата или сестры. Им бы пришлось с ними делиться, а так все достается одному. Китайцы считаются самыми бережливыми на земле. Но так ли это? Молодые китайцы расточительны. Они сыты по горло прежними лозунгами о пользе спартанской жизни. Китайцы безудержно тратят деньги, компенсируя себе нехватки прошлых десятилетий.

Молодые китайские родители, выросшие в нищете, хотят, чтобы дети получили все то, чего они сами были лишены. Китайские дети толстощекие, плотные — видно, что их закармливают. Городские дети получают все, что может иметь ребенок в любой стране. В результате они эгоцентричны, им трудно будет привыкнуть к необходимости сотрудничать с другими и делиться с ними. Они не хотят ездить в школьные летние лагеря, где надо работать руками, и удивляются, почему в студенческих общежитиях не предоставляют отдельных комнат. Им нравится беззаботная жизнь, потому что есть родители, которые о них заботятся...

Ли Юэфу купил вместо телевизора и стиральной машины бульдозер. Вкалывал свои восемь часов за баранкой грузовика, а потом пересаживался в жесткое кресло бульдозериста и работал еще восемь часов. «Молодой был, сил много, — вспоминает Ли. — С удовольствием работал. Зато семью стал хорошо кормить. А как еще заработать деньги?»

Социалистическое общество — это общество потребления, которому нечего потреблять. Сегодняшний Китай опроверг эту аксиому. Конечно, если по-прежнему считать Китай социалистической страной. Китай сегодня — это гигантское общество потребления, которое желает получить компенсацию за нищету, полуголодное существование, лишения и унижения всей предыдущей жизни.

Этот реванш осуществляется самым естественным путем — путем зарабатывания денег. Никакая работа не считается зазорной. У китайских колхозников, как и у рабочих, нет отпусков. Они могут отдыхать по воскресеньям плюс семь дней праздников в году. «Для нас воскресений не существует», — объяснил Ли.

Благодаря тому что Ли купил когда-то бульдозер, он со временем заработал и на все остальное. Худой, быстрый, подвижный, он с радостью доказывал мне, что его дом — полная чаша. Выскочил во двор. На улице дул холодный ветер, который пришел сюда из Сибири, но Ли скинул пиджак, оставшись в одной белой рубашке. Он был какой-то возбужденный, и я сначала решил, что он где-то выпил.

— Ваш муж любит выпить? — поинтересовался я у его жены.

— Конечно.

— И много может выпить?

— Два бокала пива или стакан вина.

Пьяных я в Китае не видел. Девушек в баре, куда деревенские парни собираются по вечерам на танцы, тоже спросил:

— Что ребята пьют?

— Пиво, — девушки отвечали спокойно и равнодушно.

Даже немного обидно — у нас на иностранцев и то больше внимания обращают.

— И много?

— Одну-две баночки.

— А драки бывают?

— Нет. У нас вообще редко дерутся. Зачем драться-то?

Ли открыл мастерскую по изготовлению мебели для служебных помещений. Сами искали покупателей, показывали образцы, получали заказы. За овощи в бригаде по итогам года получили по четыре тысячи. А мебельщики за три месяца прибавили себе еще по шесть тысяч.

Ли как бригадиру заработок определяет комиссия — в конце года. А в течение года он имеет право получать не более полутораста юаней в месяц. На двоих с женой — триста. Этого хватает на еду и на самое необходимое. Окончательный расчет — по итогам года. Вышло пять с половиной тысяч. Тогда и делаются большие покупки или деньги кладутся в банк. Банк платит 6,7 процента годовых, что кажется надежным помещением капитала, но инфляция растет, и китайцы боятся девальвации юаня. Так что самое время не копить, а тратить.

Хорошо зарабатывает и его жена. Познакомились они с помощью сватов — так принято. У ее дяди есть друг, который хо-

рошо знает семью Ли. Словом, у вас товар, у нас купец... Она работала водителем грузовика — по совету мужа. Социалистическая эмансипация, как водится, вылилась в умение заставить женщину делать то, что и не всякому мужчине под силу. Когда сын подрос, самоучкой выучилась бухгалтерии, перешла в счетоводы.

Прощаясь, все вместе вышли из дома. Хозяева заперли калитку. Иероглифы на калитке складывались в изречение: «Когда человек талантлив, а земля плодородна, урожай получается богатым».

Ли пошел к соседям. Его жена на велосипеде поехала к контору. Я с завистью смотрел, как она весело крутила педали. В Китае все ездят на велосипедах, бесстрашно лавируя между машинами. Не знаю, что я стал бы делать, если бы жил в Китае. Когда мне исполнилось одиннадцать лет, самая популярная западногерманская гадалка фрау Бухела между делом нагадала моей маме, что ее сыну следует остерегаться велосипеда. Рассказ о предостережении фрау Бухелы я встретил смехом, обидным для профессионального достоинства гадалки. Но с того времени мой «орленок» почему-то застрял в чулане...

Отовсюду только и слышно: «Китайский путь! Китайский путь!» И обязательно с укоризной: «Надо было все делать, как в Китае». А как это делают в Китае?

Родители Го Шученя — робкие, тихие люди, навсегда напуганные культурной революцией. Они пытались остановить сына, занявшегося бизнесом: «Не влезай ты в это дело. Сиди тихо. Сегодня разрешили, завтра опять запретят и все отберут».

Го Шучень молод, высок ростом и уверен в себе. Он поверил не родителям, а Дэн Сяопину. Собрал деньги и открыл ресторан. Раньше он был таксистом — дело в Китае прибыльное. Еще раньше пел в ансамбле. У него модные часы, золотое кольцо, клетчатый пиджак, новенькие туфли. Молодые китайцы уже поняли, в чем радость жизни.

Сейчас он служит в совместной китайско-японской компании. Для него это хорошие деньги, хорошая школа, и к тому же — небывалое для Китая дело — два выходных. Выходные он проводит с пользой: в ресторане помогает жене, которая прежде

была экскурсоводом. У нее красивое лицо, усталые глаза и покрасневшие натруженные руки, ногти с облупившимся лаком. Она выглядит старше мужа, хотя они ровесники.

В ресторанчике работают четыре человека. Все непрофессионалы. Они робки и неумелы. Кроме повара. Кухня рядом, за перегородкой. Это очень маленький ресторан, похожий на наши провинциальные буфеты. Только чистый, без ругани, мата и пьяных. Посуда простая, термосы (горячей воды нет) старенькие. Цены доступные.

Такие ресторанчики в Китае на каждом шагу, маленькие и крохотные, бедные и совсем бедные. Китайцы сколачивают из брошенных досок какие-то халупы, красят их и открывают ресторанчик. На худой конец вытаскивают рано утром жаровню на улицу и пекут пышки в масле. Все это дешево и вкусно.

Живет семья Го очень скромно. На троих — небольшая комнатка с низким потолком и окном во всю стену. За занавеской большая супружеская кровать и детская для дочки.

Китай пока что очень бедная страна. Полтораста миллионов живут за гранью нищеты, а китайская нищета беспросветная, хуже российской. Жилье, медицина, транспорт незавидные. В самом Пекине многие живут без отопления, горячей воды и туалетов, в мороз бегают, что называется, до ветру.

Дом принадлежит родителям Го. Увидев, что никто не приходит реквизировать имущество их сына, они на старости лет открыли велосипедную мастерскую. Они живут в такой же маленькой комнате, только на их попечении внук от старшего сына. Мальчик сидит на полу и, торопясь на улицу, выводит в школьной тетрадке иероглифы без должной почтительности к древнему письму.

«Страна становится открытой, перспективы появляются. Сейчас только и работать, — говорит Го Шучень. — Креветки сами с неба не падают». Го, несмотря на свою молодость, большой дипломат: «Конечно, у партии были свои ошибки. Но к ней нужно относиться, как к старой матери. Мать ведь не бросишь».

Ресторан Го Шученя работает семь дней в неделю, практически круглосуточно. Если кто-то пожелает просидеть в ресторане

до утра, его будут кормить и поить. Перерыв на обед и санитарный час не существуют. Так работают в Китае теперь все частные ресторанчики и лавки. Они открываются чуть свет и закрываются (весьма условно), когда исчезает последняя надежда залучить последнего клиента.

Рестораторы и владельцы лавок гоняются за клиентами. Официантки выскакивают на улицу, если видят, что потенциальный клиент сомневается: заходить или не заходить? Овес не просто ходит, а уже бегает за лошадью.

А вот как выглядела новая жизнь на селе...

Хорошо жить в таком доме. Дом двухэтажный, красивый, с большими окнами. С садиком, в котором цветут розы. Дом благоустроенный — с водопроводом, теплым туалетом, газовым отоплением. На первом этаже пол каменный, на втором паркетный.

В доме есть все, что принято иметь преуспевающей китайской семье: холодильник совместного японо-китайского производства, стиральная машина, цветной телевизор, видеомагнитофон, музыкальная система с караоке. Протяни руку — прямо на полу, под вешалкой стоит батарея литровых пивных бутылок.

Такие дома строят в богатых колхозах, где можно заработать, куда сам Дэн Сяопин приезжал убедиться, что его сограждане наконец-то счастливы. Крестьянам в Китае пенсия не положена, а тут платят. Пенсия неплохая — почти половина зарплаты городского рабочего. И еду любую — рис, овощи, мясо — в колхозе дают бесплатно.

Главное, что Лю Пинноп, которой восемьдесят лет и которая живет в чудесном доме № 317, до всего этого дожила.

Ее сын выращивает в колхозе грибы и разводит рыбу. Он зарабатывает почти в три раза больше, чем городской рабочий. Ее невестка, крепкая деревенская женщина, работает теперь в колхозном Доме культуры и ходит в ярко-красном костюме с золотыми пуговицами.

Ее внука родители собираются послать после школы в университет. Если провалится на экзаменах в государственный, пойдет в частный, есть такие теперь и в Китае. Год обучения стоит примерно двадцать пять тысяч юаней — семимесячная

зарплата среднего служащего. В колхозе накопить деньги сыну на образование легче, чем в городе.

Всю жизнь Лю Пинноп крестьянствовала, выращивала рис, овощи, пшеницу. И до провозглашения народного Китая, и после. Жила плохо или очень плохо. Нормальная жизнь началась с реформой, когда Дэн Сяопин разрешил зарабатывать.

В зеленом платке, синей куртке и таких же штанах она сидит на новеньком стуле под большой фотографией Дэн Сяопина в окружении колхозных детишек. Дедушка Дэн на восемь лет старше бабушки Лю. Не знаешь, у кого жизнь была легче. Дэну всегда хватало еды, зато бабушку не позорили на весь белый свет, не выгоняли из дома и не угрожали размозжить ее «свиную голову».

Лю Пинноп и ее семья всем обязаны Дэн Сяопину. Зато не будь бессловесной бабушки с ее готовностью жить впроголодь и работать за троих, реформа бы не получилась. Но если бы в 1949 году у Дэна и его старших товарищей Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая, Линь Бяо, Лю Шаоци и других руководителей компартии Китая ничего не вышло, то Лю Пинноп, может быть, и не пришлось бы ждать восьмидесяти лет, чтобы из одной-единственной комнатки, где ютилась вся семья, перебраться в собственный дом...

Ее сморщенное личико не выражает ни восторга, ни недовольства судьбой. Ее уже ничто не может ни огорчить, ни обрадовать. Даже обилие еды в доме, последняя утеха пожилого человека. Маленькие тарелочки с приготовленными заранее обедом и ужином стоят не в холодильнике, а в шкафчике со стеклянными дверцами — для внука, который должен прийти из школы, для сына и невестки — каждому то, что он любит. А у бабушки нет любимого блюда. Ни в детстве, ни в молодости, ни в зрелые годы не удалось ей поесть чего-нибудь вкусного и вдоволь. Теперь уже и не хочется.

В Китае, как и в России, надо жить долго...

Молодой человек, который приехал на встречу со мной на «мерседесе», был одет в джинсовый костюм и белую рубашку.

— Мао Цзэдун для нас как бог. Наши водители вешают на лобовое стекло портрет председателя Мао, и в этом выражается

народная любовь к председателю. Совсем недавно автобус свалился с откоса, но никто из пассажиров не пострадал. Знаете почему?

— Почему?

— На лобовом стекле был портрет председателя Мао.

Молодой человек торжествующе посмотрел на меня. Он курил только «мальборо» по восемь юаней за пачку. Его зажигалка шипела, как змея. Молодой человек и его начальник работают в администрации города Ханчжоу и отчаянно завидуют новым китайским бизнесменам. Другие времена настали в Китае: быть маленьким начальником не так уж выгодно.

Что сохранилось из прежних привилегий? Хорошие квартиры. Служебные машины с шофером. Квалифицированная медицинская помощь. Поездки за границу. Так то для высшей пекинской номенклатуры! Провинциального чиновника эти блага и прежде обходили. Но раньше у него была зарплата повыше, чем у соседей, положение, и ждала хорошая пенсия. Теперь чиновничья зарплата мало кого привлекает. Дополнительных выгод — никаких.

Китайская экономика делится на две. Государственный сектор: военная промышленность, энергетика, включая атомную, транспорт, научные — в том числе космические — исследования. Частный сектор: все остальное, включая торговлю и сектор обслуживания. Что представляет собой сельское хозяйство? Частные хозяйства на принадлежащей государству земле.

Хорошо живется в Китае тем, кто занялся бизнесом. На втором месте те, кто сумел устроиться на совместные предприятия. На третьем сельские промышленники — крестьяне, которые не только землю обрабатывают, но еще и что-то производят.

Ханчжоусские начальники рассказали мне, как буквально на глазах один крестьянин стал миллионером. Когда его избрали бригадиром, он придумал выпускать пластиковые упаковки — для молока, соков, шампуней и моющих средств. Как раз такие упаковки и понадобились. Вчерашний бригадир, которого теперь величают генеральным директором, купил новую производственную линию в Японии и вообще «из-за границы не вылезает». А еще недавно шапку ломал перед любым уездным начальником.

Душевно и убедительно говорили они об успехах реформы, хотя на сей счет меня совсем не надо было агитировать, и расстроились, когда я спросил их о Мао Цзэдуне.

— Мы всегда любили и будем любить председателя Мао, — после долгой паузы последовал ответ. — Всем, что у нас есть, мы обязаны ему.

Я позволил себе усомниться. Мне как раз казалось, что экономическая реформа, открывшая путь к рыночной экономике, отвергает и опровергает идеи Мао.

— Нет, — объяснили мне. — На самом деле реформа развивает его идеи. Все дело в том, что когда председатель Мао их провозгласил, его просто не поняли. В те времена совершались большие ошибки. Но их исправили, отстранив от власти тех, кто мешал правильному пониманию идей председателя, а среди них была и его вдова товарищ Цзян Цин.

— На сессии Всекитайского собрания народных представителей генеральный секретарь ЦК компартии Китая становится еще и председателем КНР, — добавил молодой коммунист, который ездит на «мерседесе». — Это свидетельствует о том, каким уважением пользуется партия в народе.

Мне, правда, показалось, что знакомое нам по позднесоветским временам совмещение постов — одна из последних попыток подкрепить партию авторитетом государства.

— Наша партия очень демократичная, — объяснил мне старший из начальников, — что делать определяет директор предприятия, а партком лишь обеспечивает выполнение его указаний, не вмешиваясь в процесс принятия решений.

Это уже не та, прежняя, всевластная партия. Партия пытается сохраниться и ищет свою нишу. Экономические реформы подорвали ее могущество. Ослаб даже идеологический контроль, что неминуемо при таком количестве иностранцев. Одних только тайваньцев за последнее время перебывало почти четыре миллиона. Вообще, такое ощущение, что плотина, разделяющая КНР и Тайвань, вот-вот рухнет. Союз кинематографистов КНР заявил, что пора создавать единое кино «большого Китая», то есть объединить усилия кинематографистов КНР, Гонконга и Тайваня.

Лозунгов партийных нигде нет. Китайцы могут добраться до зарубежной прессы, а если есть деньги, то и купить специальную антенну, чтобы смотреть спутниковое телевидение.

Так что же осталось от идей Мао Цзэдуна в обществе стремительно разрушающегося социализма? Парткомы? Цензура? Необходимость говорить с иностранцами только об успехах? Одинокий портрет Мао, который через площадь Тяньаньмэнь смотрит на свой мавзолей, не очень популярный даже среди туристов из провинции?..

Партийный аппарат утратил контроль над духовной жизнью общества. Вера в коммунизм даже в самом аппарате сохранилась лишь в форме ритуальных заклинаний. Социологические опросы общественного мнения в провинциях Шаньси, Хэнань, Цзянси и Гуандун еще в 1997 году показали: только 28 процентов верят в социализм, 36 процентов не верят, а 22 процента верили когда-то прежде...

С кухни принесли большого рака, который приветствовал нас слабым шевелением клешней. Он покинул нас, сидя на дне миски, зеленый и мрачный. Вернулся он на стол красным, аппетитным, уже сваренным. В сегодняшнем Китае, похоже, только раки становятся красными. Да и то не по собственной воле.

Партийное поручение

Чжу Лукунь — молодой человек в очках, очень серьезный, — преданный член коммунистической партии Китая. Его партийное поручение — привлечь в Китай как можно больше иностранного капитала.

— А вы не боитесь, что транснациональные корпорации проникают в Китай с целью превратить вашу страну в сырьевой придаток Запада? — спросил я Чжу Лукуня.

Он с трудом понял меня:

— Совсем наоборот! Они же создают на нашей земле заводы, приносят в Китай современные технологии, помогают нашему развитию.

— Разве у вас не говорят о том, что западным компаниям нужны только ваши дешевые рабочие руки и ваше сырье? Они

вывезут из страны все сколько-нибудь ценное и исчезнут, а Китай останется с опустошенными недрами, — выкладывал я аргументы отечественных борцов с чуждым влиянием.

Чжу Лукунь был изумлен моими вопросами:

— Меня унижает наша бедность. Когда сюда приходит транснациональная корпорация и начинает обучать и хорошо платить людям, производит то, чего у нас нет, платит нам налоги в долларах — что же в этом плохого? Если кто и растрачивает впустую драгоценные ресурсы, природные ископаемые, так это наша собственная отсталая экономика.

В Пекине сразу определили: государство не вмешивается в дела совместных предприятий и заводов, принадлежащих иностранным компаниям. Им гарантируется вывоз прибыли и своей части капитала после окончания срока действия договора о совместной деятельности. Иностранная собственность не подлежит национализации или экспроприации...

Гордость Китая — разного рода особые экономические зоны, где создаются выгодные условия для иностранных инвесторов. Идею экспортно-перерабатывающих зон, которые смогут зарабатывать валюту, в 1979 году выдвинул первый секретарь партийного комитета провинции Гуандун Си Чжунсюнь. Это казалось невозможным. Но его поддержал Дэн Сяопин: «Когда-то Яньань была маленькой территорией и тоже особой зоной, а потом мы завоевали такую большую страну».

Яньань — район, в котором когда-то базировалось руководство компартии вместе с Красной армией...

Решением ЦК партии и правительства разрешили создавать особые зоны в провинциях Гуандун и Фуцзянь, поскольку рядом Гонконг (Сянган) и Макао (Аомэнь) и налажены связи с хуацяо — соотечественниками, постоянно проживающими за границей. Первые две зоны появились в городах Шэньчжэнь и Чжухай. Эта стратегия себя оправдала. Деньги пришли. Китай не просто накормил себя. Страна завалена товарами, причем собственного производства.

В одной из прибрежных экономических зон я видел типичное предприятие, основанное японским предпринимателем, который все показал после того, как я с ним заговорил по-

японски. Он наладил совместное производство по обработке морепродуктов для своих соотечественников. Рыбу он покупает российскую или австралийскую. Рабочие у него — китайские. А есть рыбу будут японцы.

Все очень разумно. Российская рыба дешевая. Китайские рабочие — дешевые, а покупатели, наоборот, готовы платить большие деньги за хорошую еду. Порядок на японском заводе образцовый. Без белого халата и сапог в цех не пускают. Оборудование — самое современное. Повсюду контролеры, которые следят за тем, чтобы никто не отлынивал. Никто и не пытается.

Каждый юань, вложенный в развитие свободной экономической зоны, приносит Китаю три с половиной доллара капиталовложений, три с небольшим доллара прибыли, а еще товаров для внутреннего рынка на сорок три юаня и почти пять юаней в качестве налогов.

— И китайцы не боятся засилья иностранного капитала?

— У нас нет страха перед иностранцами, — отвечает Чжу Лукунь. — Наоборот, мы создаем самые заманчивые условия для привлечения иностранного капитала.

В Китае почти три с половиной миллиона первичных организаций. Они везде — на производстве, в селе, в армии, научных институтах, частных компаниях, совместных предприятиях. Костяк партии — партийные секретари. Частный бизнес создает большие соблазны. Теперь можно неплохо жить и вне партии. Не возникает ли желание у партийцев уйти в бизнес? Не возникает. Можно иметь партбилет и богатеть. Зачем бросать свой пост и уходить в частные компании, если и должность позволяет преуспевать. В частных компаниях тоже создаются партийные организации.

Секретари парткомов произносят речи в духе героев старых советских фильмов, но задача партии в промышленности и на селе — помочь людям разбогатеть. Даже на совместных с иностранцами предприятиях обязательно создается партийная ячейка.

В компартии Китая это самое важное поручение — привлечь в страну как можно больше иностранного капитала. Сначала иностранцев это удивляло, но потом им самим это понравилось.

Иностранные владельцы даже оплачивают должность освобожденного партийного секретаря у себя в компании.

Уже год Чжу работает в международной корпорации, которая ищет инвесторов и обустраивает для них шанхайскую землю.

— У нас есть свой партком, — рассказывает Чжу Лукунь. — Если возникает необходимость, мы устраиваем собрание — в свободное время, разумеется. Корпорация относится к этому с пониманием — ведь собрания посвящены тому, как сделать нашу работу более эффективной.

Его дед был крестьянином. Чжу закончил индустриальный институт, затем финансовый, и еще ходил слушать лекции на юридический факультет университета. В прошлом году посещал курсы в Сингапуре и Канаде.

Когда я, оканчивая Московский университет, начал работать в журнале «Новое время», Чжоу Ган еще служил в армии. Я пришел в «Новое время» 15 февраля 1979 года, когда началась война между Китаем и Вьетнамом.

В конце января к национальному празднику социалистического Вьетнама в нашей редакции изготовили красочную обложку, воспевавшую мирный труд братской республики. Из-за войны весь тираж журнальной обложки, которую нашему журналу в силу скудных типографских возможностей приходилось делать загодя, пошел под нож.

Рабочий день я начал с того, что по примеру старших товарищей спустился на первый этаж, в большую комнату, где сортировались поступавшие ежедневно тассовские информационные вестники для служебного пользования, то есть недоступные обычным гражданам. Там в поисках интересного материала собиралась добрая половина редакционного коллектива. Там же обсуждались и вопросы текущей политики.

Когда я вошел в комнату, один из ветеранов мечтательно произнес: «Вот если бы нанести ядерный удар по Синьцзяну...»

В этом самом Синьцзяне в тот самый момент и служил Чжоу Ган, с которым через много лет после упомянутых событий мы познакомились в Шанхае.

Пока в редакции «пикейные жилеты» обсуждали вопрос о том, какой эффект будет иметь ядерный удар по Китаю, сер-

жант Народно-освободительной армии Китая Чжоу гонял новобранцев, ожидая отправки на вьетнамский фронт.

В Китае армия добровольческая. При миллиарде с лишним населения проблем с призывом нет. Солдатам, в основном вчерашним крестьянам, платят небольшое жалованье, родителям — компенсацию за отсутствие кормильца. Половина, отслужив, возвращается к себе в деревню, половина, сняв форму, оседает в городе. В городах плохо с жильем, зато больше возможностей. Особенно в таком городе, как Шанхай.

Шанхай — один из крупнейших городов мира. Аэропорт, две железнодорожные линии, морской и речной порты. Полсотни высших учебных заведений и с тысячу научно-исследовательских институтов. Здесь уличные банковские автоматы появились раньше, чем в России. Китайцы давно оценили возможность снимать деньги со счета в любое время дня и ночи, не заходя в банк.

Помню свои тогдашние впечатления. Прямо над головами бизнесменов, осваивающих западную новинку, сушится чье-то белье. Продавщица считает выручку с помощью электронного калькулятора, а деньги кладет в старенький деревянный ящик. В современнейшем аэропорту, где стоят одни «боинги», две нехуденькие тетеньки, устроившись под японскими часами, разливают слабенький чай из алюминиевого бака в пластмассовые стаканчики. Когда бак пустеет, одна из тетенек доливает кипятку из эмалированного ведра...

В Шанхае решением партии и правительства создана зона экономического и технологического развития. Создание таких зон — часть политики открытого Китая. Можно твердо сказать, что эта политика себя полностью оправдала. США, Гонконг, Япония, Сингапур, теперь еще Тайвань и Южная Корея с удовольствием вкладывают сюда капиталы. Единственное ограничение, налагаемое на менеджеров совместных предприятий, — необходимость брать на работу местных уроженцев, шанхайцев. С одной стороны, это попытка сократить безработицу в городе. С другой — помешать перемещению рабочей силы из центральных провинций в южные.

Южные провинции богатеют. Центральные им завидуют и хотят того же. Миллионы людей пытаются всеми правдами

и неправдами перебраться на юг, где хорошо платят, но Пекин этому сопротивляется. Центральным провинциям самим понадобится квалифицированная и мобильная рабочая сила, потому что реформы, начавшиеся на юге, должны захватить и остальную часть Китая.

Только суперквалифицированных мастеров разрешают выписывать из других городов. Иностранных же специалистов раз-два и обчелся, потому что им надо много платить. На небольшом предприятии, как правило, всего один иностранец — обычно на должности заместителя управляющего.

— Вы знаете, — сказал мне Е Сюйянь, — я сам поражаюсь изобретательности, с какой западные производители придумывают все новые и новые способы заставить людей покупать свой товар.

Е Сюйянь — советник компании, которая помогает иностранным производителям освоиться в Шанхае. До 1949 года, когда Китай стал коммунистическим, Е Сюйянь успел закончить в Шанхае экономический институт, который патронировали американцы. После установления народной власти ему пришлось забыть все, чему его учили четыре года. Тридцать с лишним лет он безуспешно пытался усвоить прикладную политэкономию социализма. Когда его сверстники уже стали готовиться к пенсии, институтские познания Е Сюйяня, наконец, пригодились. Его пригласили в компанию, которая занимается развитием специальной экономической зоны.

— Инвесторы приходят к нам, потому что мы дали им все, что обещали. Энергоснабжение, подача воды, коммуникации — на высшем уровне, — говорит Е Сюйянь. — И мы получили почти все, что хотели.

Китайцы, правда, рассчитывали, что бóльшая часть продукции совместных предприятий пойдет на экспорт. Пока экспортируется меньше половины. Но то, что продается в стране, — ксероксы, медикаменты, лифты — раньше приходилось импортировать. Теперь все это можно купить за юани.

Е Сюйянь повел меня на специальную выставку и показал, что теперь производят китайцы на совместных предприятиях. На этой выставке все: от косметики до лифтов, от водки до ком-

прессоров. А уж еды и вовсе райское изобилие — наверное, то самое, о котором говорил Леонид Ильич Брежнев на XXV съезде КПСС: «На столе советского человека должно быть все — лук нельзя заменить картофелем, а растительное масло томатным соком».

Но Е Сюйянь все еще недоволен привычкой мыслить прежними советскими категориями плановой экономики:

— Мы в Китае по-прежнему ставим перед собой какие-то задачи, строим планы, принимаем постановления. Ничего этого не нужно. Нужно ставить перед собой только одну задачу — зарабатывать, получать прибыль. Это и есть самый верный, да и единственный, стимул для производства.

Даже небольшие южнокорейские фирмы двинулись в Китай: здесь в два раза меньше налоги, в пять раз меньше арендная плата. Китайцу надо платить в десять раз меньше, чем южному корейцу, и в два-три раза меньше, чем тайцу или индонезийцу. Но корейцы видят, что зарплаты китайцев быстро растут, а китайские фирмы стремительно осваивают новейшие технологии и превращаются в конкурентов. Обосновываться в Китае есть смысл только гигантам с самой современной технологией, которые не боятся, что китайцы, научившись всему, потеснят учителя.

Китайская толпа самая большая в мире. Она же и самая разношерстная. В выходные дни тысячи китайцев приезжают к Великой китайской стене, чтобы немного насладиться жизнью.

У Юрия Олеши, как известно, не складывались отношения с трамваями, которые упорно не желали возить этого замечательного писателя. У меня не сложились отношения с Великой китайской стеной. Все началось с того, что, поступив на работу, я получил свое первое редакционное задание: придумать подпись к фотографии, на которой был запечатлен тогдашний помощник президента США по национальной безопасности Збигнев Бжезинский у этой самой Великой китайской стены. Фотография должна была символизировать стратегический союз Пекина и Вашингтона против Советского Союза.

Я извел пачку бумаги, предложил пятнадцать вариантов, но с заданием не справился. Подпись к фотографии сочинил опытный редактор нашего отдела. Он написал: «Эмиссар Белого

дома у Великой китайской стены весело „пошутил“: Кто заберется наверх последним, тот и должен выступить против русских...»

Так я — неудачно — познакомился с грандиозной достопримечательностью Китая.

Продолжение было тоже не очень удачным.

Четырнадцать лет спустя гостеприимные китайские хозяева повезли меня туда, куда некогда ступила агрессивная нога Збигнева Бжезинского.

Великая китайская стена превратилась в грандиозный веселый туристский аттракцион, где сметливые китайцы зарабатывают буквально на всем: на входных билетах, на платной автостоянке, на индустрии сувениров, памятных маек, фотографий и медалей, на которых гравируют имя покупателя, на свидетельствах о посещении стены с подписью и печатью местного начальника.

Крестьяне в кителях, девушки в кожаных куртках из Гонконга, солдаты в плохо сшитой форме ядовито-зеленого цвета, подростки в джинсах и кроссовках легко осваивают привычки современного общества — пьют баночное пиво и кока-колу, жуют резинку, с треском разрывают пакетики с орешками, закусывают толстыми сэндвичами и чувствуют себя замечательно. Они щелкают друг друга автоматическими «никонами» и «кэнонами», пишут на любом удобном месте «Ван и Ли были здесь» и устремляются куда-то вверх по ступенькам нескончаемой стены.

Китайцы доят стену, как племенную корову. Стена, несмотря на почтенный возраст, пребывает в превосходном состоянии и постоянно реставрируется.

Но меня стена отвергла, как Юрия Олешу — трамваи. Одетый не по сезону, я простыл на ледяном ветру и, прилетев на следующий день в город Ханчжоу, обнаружил, что потерял голос.

Люди постарше моему шепоту нисколько не удивлялись. В китайской провинции иностранный корреспондент приравнивается к начальству, которому позволена некая эксцентричность. Но в конечном счете решено было восстановить мои вербальные возможности с помощью медицины.

Меня повезли в маленькую районную больницу на шестьдесят коек неподалеку от Ханчжоу. Там я впервые в своей жизни встретил главврача, который не жаловался на протекающую крышу, на холодные батареи, на строителей, на прачечную, на сантехников, на отсутствие краски, денег, медикаментов. Он вообще не жаловался.

Главный врач Мяо Цокуй сидел за деревянным выщербленным столом, на котором лежали незаполненные бланки рецептов. Единственным украшением комнаты был муляж человека с приветственно поднятой рукой. На муляже были обозначены точки акупунктуры. Я испугался, что в меня тоже станут втыкать иголки, но главный врач твердо стоял на почве реального.

— Антибиотиками мы стараемся не пользоваться, — порадовал меня главный врач прогрессивным взглядом на современную медицину, но, заглянув мне в горло, выписал именно антибиотик.

Главному врачу — пятьдесят восемь лет. Из них семнадцать он провел в этой больнице. До этого работал в городе, сюда перебросили решением уездного парткома «для укрепления деревенской медицины». В больнице тридцать два врача, шестнадцать медсестер, японский компьютерный томограф и допотопное зубоврачебное оборудование, на которое больно даже смотреть.

В кабинете главврача к потолку был прикреплен вентилятор, большой, как вертолетные лопасти. Летом в Шанхае, говорят, очень жарко. Но когда я оказался в больнице, безумно холодно было не только на улице, но и в палатах, где больные лежали, забравшись под одеяло в ушанках и теплых халатах. На тумбочках — связки бананов и термосы. Горячей воды в больнице нет, и в палатах не топят.

Прописанные мне главврачом капсулы я старательно глотал. Но, открывая коробочку, всякий раз с содроганием вспоминал холодную больницу, и эти воспоминания явно лишали китайское лекарство его целительных свойств...

Верные своему убеждению, что все прибывающие к ним иностранцы умирают с голода, китайцы обрушивают на гостей все великолепие своей кухни. Блюда подаются одно за другим

нескончаемой чередой, и китайцы следят за тем, чтобы тарелка гостя не пустовала. Во время трапезы следуют бесконечные тосты, в которых китайцы могут соперничать с кавказцами.

Большинство тостов — за здоровье гостя и за дружбу. При этом звучат бодрые выкрики: «гамбэй» — пей до дна! Бокал или рюмку надо осушить залпом. Предложивший тост следит за тем, чтобы не было обмана, и, лихо опрокинув свой бокал, показывает гостю, что надо следовать китайским традициям. Поэтому настроение участников трапезы быстро поднимается.

— В семь утра будьте готовы, — предупредили меня накануне. — Поедем на важную встречу. Только не опаздывайте.

Я вышел из гостиницы без пятнадцати семь, чтобы не заставлять себя ждать.

До половины восьмого простоял спокойно. Машина, которая должна была приехать за мной, не пришла и в восемь. Я плохо понял своих хозяев и перепутал время, или с ними что-то случилось? Дурацкая ситуация. Что делать: ждать на улице или подняться в номер — вдруг планы изменились, и именно сейчас они мне звонят?

Решил вернуться. Когда я вышел из лифта на последнем, двадцать восьмом этаже новенькой пекинской гостиницы, меня встретил улыбкой молодой встрепанный парень с тряпкой в руках. Он по очереди вызывал к себе каждый из пяти гостиничных лифтов, чтобы их помыть. Он отступил в сторону, пропуская меня, и по-русски сказал почему-то: «Спасибо». Я попытался заговорить с ним, но его познания в языке северного соседа исчерпывались одним словом.

Я юркнул в свой номер. Позвонил по единственному известному номеру. Трубку никто не снял. «Ага, — сообразил я. — Они, конечно же, выехали, и с минуты на минуту будут. Надо скорее идти вниз, чтобы не заставлять их ждать».

Я вышел из номера и побежал к лифту. Парнишка с тряпкой улыбнулся и уступил мне лифт, который собирался вымыть. Не повезло! Спустившись вниз, я увидел, что забыл в номере, возле телефона, записную книжку. Пришлось опять взлететь на двадцать восьмой этаж. Улыбчивый парнишка с тряпкой в руках встретил меня как родного. Когда через секунду я показался

из дверей номера, он немедленно нажал кнопку, вызывая мне лифт. Я поблагодарил и опустился на милую мне землю в уверенности, что обещанная машина уже у порога.

Как бы не так! Ни машины, ни записки у администратора! Попробовать еще раз позвонить? Мобильных телефонов еще не было. Назад, к лифтам. Мне показалось, что мой юный друг с тряпкой в руках ждет меня. На сей раз он не отпустил с миром лифт, а держал его до моего появления.

Машины не было еще не протяжении двух часов, которые я в основном провел в лифте. Я то поднимался наверх, чтобы в очередной раз позвонить, то спускался в надежде увидеть моих хозяев, о которых думал теперь с нежностью подкидыша.

Уловив нехитрый алгоритм моих перемещений во времени и пространстве, мой юный друг старался мне помочь. Едва я скрывался в дверях своего номера, он отключал доставивший меня лифт, чтобы никто не мог им воспользоваться. Как только я появлялся, он включал этот лифт, делал мне приглашающий жест и кланялся. При этом он продолжал терпеливо и доброжелательно улыбаться.

В какой-то момент ему пришлось уступить «мой» лифт постояльцу из соседнего номера, который тоже захотел спуститься вниз. Тогда мой юный друг, уже забросивший свое основное дело, дернул наверх группу датчан, которые направлялись на первый, но вместо этого вознеслись на двадцать восьмой. Вниз им удалось прибыть только в моей компании.

Когда, спустившись в очередной раз, я увидел своего переводчика и рядом с ним шофера, то подумал даже: не подняться ли еще раз наверх? Мне захотелось предупредить своего нового друга, что в ближайшие несколько часов никак не смогу воспользоваться его услугами и что он временно может снять с себя заботу о моем перемещении то поближе к поднебесью, то на грешную землю. Но переводчик подхватил меня под руку и повлек вперед, извиняясь на ходу за опоздание.

С того дня и до самого моего отъезда домой мы виделись с моим юным другом постоянно. Я улыбался и подмигивал. Он улыбался и кланялся. Когда с сумкой через плечо я вышел из своего номера в последний раз, торопясь в аэропорт, мне пока-

залось, что в его глазах мелькнуло некоторое разочарование. Все эти дни он, похоже, ждал, что я продолжу свою загадочную игру, смысл которой остался ему непонятен. Я же никогда не забуду, что в трудную минуту он принял во мне участие...

Вперед, к Конфуцию!

По китайской традиции оценить человека можно только после того, как он закончит земной путь. Но роль Дэн Сяопина оценили еще при его жизни. Его почти единодушно называют одним из выдающихся реформаторов современности. В наследство от Мао Цзэдуна Дэн получил нищее государство с разваленной экономикой и запуганным народом. Дэн вернул гигантский Китай к нормальной жизни. Он сумел преобразить страну без насилия, путем постепенных реформ.

Он правил Китаем, находясь в тени, отказываясь от первых постов в государстве. Это был его стиль — не вмешиваться в мелочи. Он сидел, лежал, думал, наблюдал, и пока обсуждались вопросы, которые не касаются кардинальных проблем, он спокойно взирал на ход дел. Но когда речь шла о судьбе реформ, Дэн Сяопин поднимался с постели и говорил, что он думал по тому или иному поводу.

Это вполне отвечает китайским, восточным традициям. Невидимый властитель рождает в народе чувство страха. Не очень точно называть Дэна коммунистом. Он, скорее, китайский националист, традиционный китайский правитель, создающий крепкое государство. Дэн Сяопин дал Китаю экономическую свободу, но жестоко подавлял попытки радикальных политических реформ.

Дэн в отличие от Мао не книжник. Мао считал себя философом, его кабинет был завален книгами. Дэн предпочитал проводить время за картами. Он любитель бриджа. С бравадой говорил, что из марксистской литературы читал только «Манифест коммунистической партии» и ныне забытую «Азбуку коммунизма», написанную некогда Николаем Ивановичем Бухариным.

Жестокая расправа над взбунтовавшимися весной 1989 года студентами на площади Тяньаньмэнь была продиктована стра-

хом перед беспорядками и хаосом, перед распадом общества и страны. Китайские лидеры боятся митингов, собраний, демонстраций. Они хотят одного — стабильности. Выборы для них — та же смута.

Расправу осудил тогда почти весь мир. Через несколько лет на события стали смотреть несколько иначе. Многие специалисты по Китаю робко говорят, что, возможно, Дэн был прав, иначе бы миллиардный Китай погрузился в пучину хаоса и беспорядков...

Характерно, что кровавое подавление студентов на площади Тяньаньмэнь в 1989 году не привело к свертыванию экономических реформ, как этого все ожидали. «Реформы будут продолжаться, независимо от того, буду я жив или буду я занимать какой-то пост или нет, — сказал Дэн бывшему президенту США Ричарду Никсону. — Этот курс, та политика, которая была определена под моим руководством, ни в коем случае не будет изменена».

Уход Дэн Сяопина не изменил курса. Китай больше не принадлежит харизматическим лидерам. В Пекине у власти деловые люди, которые строго соблюдают правила игры. Не очень ясно, действительно ли они верят в социализм или просто считают необходимым сохранять идеологические вывески, опасаясь, что отказ от социализма может разрушить страну. Мао Цзэдун когда-то доказывал государственному секретарю США Генри Киссинджеру, что когда речь идет о внешней политике, национальным интересам следует отдавать предпочтение перед идеологическими разногласиями. Китайцы мастера забывать об идеологии, когда она идет вразрез с их национальными интересами.

Человек, который шестнадцать лет управлял Китаем, архитектор китайских реформ Дэн Сяопин, ушел в мир иной вечером 19 февраля 1997 года.

Дэну было много лет, последние годы он совершенно отошел от дел, явно тяжело болел, но одно только его имя гарантировало, что Китай продолжает идти по пути реформ. Этот маленький человек до последних дней своей жизни обладал каким-то фантастическим магнетизмом, способностью убеждать людей и подчинять их своей воле.

В те дни в Китае повсюду висели портреты Дэна и лозунги «Дорогой товарищ Дэн Сяопин! Ты бессмертен!» В Москве в огромном здании китайского посольства, которое находится на улице Дружбы, тоже царил траур. Посол в России Ли Фэнлинь, который знал Дэн Сяопина лично, работал с ним, искренне переживал его смерть. Когда посол давал мне интервью, не справился с эмоциями и заплакал...

Казалось, Китай снова вступает в период неопределенности. Мир строил самые разнообразные прогнозы относительно будущего Китая. Сохранится ли власть в руках нынешнего политбюро или в Пекине начнется борьба, как это произошло после смерти Мао Цзэдуна? И вообще, что ждет страну в ближайшем будущем? Продолжатся реформы или они будут постепенно остановлены? Не приведут ли все-таки экономические реформы к политическим? И не закончатся ли политические реформы развалом страны, хаосом? Не рассыплется ли коммунистическая империя, как это произошло с Китаем после распада империи Маньчжу в 1911 году?

Дэн Сяопин завещал кремировать себя, а прах развеять над морем. Почетную миссию — развеять прах Дэн Сяопина над морем — поручили Цзян Цзэминю. Это было самым надежным подтверждением его роли нового хозяина страны.

После студенческих манифестаций на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 года все гадали, кто будет новым руководителем Китая. Называли разные имена, но Дэн Сяопин неожиданно предложил на пост генерального секретаря ЦК компартии кандидатуру Цзян Цзэминя, первого секретаря Шанхайского горкома. Возможно, потому, что в Шанхае в тот период было спокойно, студенты продолжали учебу и не стали выходить на улицы. Если Чжао Цзыян проявил непозволительный либерализм и сочувствовал студентам, требовавшим демократии, то Цзян Цзэминь в либерализме, склонности к демократии и к политическим реформам замечен не был.

У него двое детей. Старшего сына во время культурной революции отправили на перевоспитание в деревню. Затем он получил возможность окончить университет, учился и в США. Младший сын служил в армии, работал на заводе.

Дэн сам выбрал Цзян Цзэминя и назначил его на этот пост. У них сложились хорошие отношения. Дэн Сяопин предпочитал зимой отдыхать именно в Шанхае. Цзян Цзэминь создал Дэну все необходимые условия для отдыха и имел возможность много времени проводить с Дэном, беседовать с ним. Так шел к власти и Михаил Сергеевич Горбачев, у которого в Ставрополье отдыхал и Юрий Андропов, и другие члены политбюро. Цзян Цзэминь был симпатичен Дэну еще тем, что твердо управлял Шанхаем и не имел связей в Пекине.

В 1955 году будущий генеральный секретарь год стажировался в Москве на заводе ЗИЛ (тогда он назывался ЗИС). Поэтому он немного говорил по-русски (а также по-румынски и по-английски). На встрече лидеров Шанхайской организации сотрудничества Цзян Цзэминь спел куплет из «Калинушки», на память читал «Жди меня» Константина Симонова. Он любит поэзию и, как говорят, сам пишет стихи. В узком кругу охотно поет арии из популярных китайский опер. Играет на бамбуковой флейте, на фортепьяно, на губной гармошке.

Поначалу Цзян Цзэминя считали временной фигурой. Казалось, ему не хватает опоры в аппарате. В отличие от своих предшественников он не изучал власти. Он улыбался, рассказывал анекдоты, любил в разговоре подпустить иностранное словечко. Он легко устанавливал неформальные отношения с иностранными партнерами, что было немыслимо для других китайских вождей.

«Во время нашей встречи, — вспоминала руководившая американской дипломатией Мадлен Олбрайт, — китайский лидер был любезен и изо всех сил старался показаться космополитом. Он расцвечивал свой разговор репликами на русском языке, сыпал английскими цитатами, читал стихи. Когда Цзян улыбался, а это случалось часто, он напоминал мне Чеширского кота».

Цзян Цзэминю трудно давалось восстановление отношений с Соединенными Штатами после трагедии на площади Тяньаньмэнь. После своего назначения в ноябре 1989 года он пригласил Генри Киссинджера, к которому в Пекине питают особую привязанность. Генеральный секретарь просил передать в Белый дом: «Между США и КНР нет серьезных разногласий

помимо тайваньской проблемы. У нас много общих интересов. Что касается Китая, то мы держим дверь открытой. Мы готовы откликнуться на любой позитивный жест США».

Цзян поделился с американским гостем собственными соображениями относительно событий на площади Тяньаньмэнь. Китайское правительство психологически не было готово к этим событиям. По его словам, героев там было немного — как среди студенческих лидеров, так и среди партийных, которые проявили свою неэффективность перед лицом беспрецедентного вызова.

«Когда в Вашингтон прибыл Цзян Цзэминь, вечером я пригласил его для неофициальной встречи, — рассказывал бывший президент Билл Клинтон. — Меня беспокоили подавление гражданский прав в Китае и судьба находившихся в заключении диссидентов. Я попросил Цзяна освободить некоторых из них... Мы вели дискуссии о том, какие перемены и какие свободы может позволить себе Китай, чтобы в нем не начался внутренний хаос».

Билл Клинтон стал первым президентом, который приехал в Китай после подавления студенческих выступлений.

«Вечером Цзян и его жена пригласили нас на ужин в свою официальную резиденцию, которая находится на берегу тихого озера в комплексе зданий, где живет высшее руководство, — пишет Клинтон в своих мемуарах. — Чем больше я узнавал Цзяна, тем больше он мне нравился. Он был очень интересным человеком, несколько странным и довольно самолюбивым, но всегда готовым выслушать разные мнения».

Появление Цзян Цзэминя на первой роли означало, что Китай вступил в новый период своей истории. На смену харизматическим лидерам, будь то Мао Цзэдун или Дэн Сяопин, приходят умелые менеджеры, знающие экономисты, которые строго соблюдают законы и правила. В китайской конституции записано, что премьер-министр может занимать свой пост только два срока, и когда пришло время, глава правительства Ли Пэн действительно покинул свой пост. Это был первый случай в истории социалистического Китая, чтобы член политбюро ушел в отставку по возрасту. Его сменил Чжу Жунцзи, недавний соратник генерального секретаря по Шанхаю.

Он стал всего лишь пятым главой правительства в истории народного Китая. Чжоу Эньлай, соратник Мао Цзэдуна, возглавлял правительство с 1949 года до самой смерти в 1976-м. Его ненадолго сменил Хуа Гофэн. Дэн назначил премьер-министром реформатора Чжао Цзыяна, судьба которого нам уже известна. После этого десять лет правительство возглавлял осторожный Ли Пэн...

Чжу Жунцзи родился в бедной семье в 1928 году в провинции Хунань, на родине Мао Цзэдуна. В пять лет потерял родителей, остался сиротой. Природные способности помогли ему окончить школу и поступить в университет в Пекине.

Будущий премьер-министр Китая несколько лет вынужден был ухаживать за свиньями и преподавать в заводском училище. В китайском руководстве много бывших репрессированных, тех, кого вернул из политического небытия Дэн Сяопин. Но все они пострадали во время культурной революции, то есть в 1960-е годы. А Чжу Жунцзи попал в число врагов народа на десять лет раньше, в 1950-е. Он работал в Госплане, но в 1957 году во время очередной кампании по выявлению врагов народа его исключили из партии и отправили в деревню на перевоспитание.

Через двадцать лет его вернул к работе Дэн Сяопин. Чжу очень быстро поднимался по служебной лестнице. В 1987 году его отправили мэром в Шанхай. Партийным секретарем в Шанхае был будущий глава Китая Цзян Цзэминь. Тогда они вдвоем руководили вторым по значению городом страны, потом вместе возглавили весь Китай. Говорят, что в Шанхае в первый же день Чжу потребовал от начальников туристического ведомства привести в порядок все общественные туалеты...

Шанхай — это олицетворение самой жизни. Нет другого места на земле, где бы так кипела жизнь. Но так было не всегда. Мао Цзэдун наказал Шанхай за его империалистическое прошлое. Он задавил жизнь в городе. Это был город хунвэйбинов, куда не пускали иностранцев. Наследники Мао наказали Шанхай за яростное участие в культурной революции. Даже когда в других провинциях начались экономические реформы, Шанхай еще долго оставался в стороне.

Зато теперь Шанхай стал локомотивом экономического развития страны. Он находится у устья реки Янцзы, в богатейшем

районе Китая, который дает треть национального продукта. Чжу Жунцзи добился привлечения в Шанхай огромных иностранных инвестиций. При этом он лишил чиновников пышных застолий за казенный счет и сократил количество подписей, необходимых для создания совместных предприятий.

Чжу Жунцзи шумно, заметно вошел в политику. Очаровал публику своим юмором и откровенностью. Он говорил резко и жестко. Не скрывал своих эмоций. Когда он был чем-то недоволен, то давал волю гневу. Когда смеялся, то от души. Он окружил себя талантливыми людьми, потому что был наделен умением зажигать в людях интерес к работе, что редкость в Китае. У него было чувство юмора, он способен насмешить людей, что фантастическая редкость в Китае. И никаких политических амбиций! Он знал, что через пять лет уйдет на пенсию. Он просто делал то, что считал нужным.

Молодое поколение технократов уважало премьера за его нелюбовь к церемониям и пустым речам. Западные бизнесмены — за экономические знания, умение вникать в детали и способность к неожиданным решениям.

Чжу Жунцзи обещал сократить аппарат, реорганизовать банковскую систему и что-то сделать с убыточными, нерентабельными и отсталыми государственными предприятиями. Он сказал, что придется покончить с бесплатной раздачей жилья. Жилье стоит денег, говорил он. Понимал, что эти слова никому не понравятся. «Я вступаю на минное поле», — сказал он.

Он был популярен среди простых китайцев, но партийный и государственный аппарат подозрительно наблюдал за его действиями, потому что многие бюрократы потеряли свои места в результате его реформ.

Посол Китая в Москве Ли Фэньлинь говорил мне: «Он жесткий человек, его губернаторы не любят. Такой и нужен в огромной стране».

Тогда глава Китая и генеральный секретарь компартии Цзян Цзэминь остался старшим по возрасту в политбюро, которое прежде состояло только из семдесяти-восьмидесятилетних ветеранов. А самый молодой член постоянного комитета политбюро — Ху Цзиньтао — стал его заместителем, а потом и наследником.

Ху Цзиньтао, по китайской терминологии, лидер четвертого поколения. Цзян Цзэминь принадлежал к третьему поколению, Дэн Сяопин был лидером второго поколения, Мао Цзэдун — первого. А если считать по-другому, то генеральный секретарь Ху Цзиньтао и нынешний премьер-министр Вэнь Цзябао принадлежат к первому поколению китайских руководителей, которые, во-первых, не участвовали в революции и, во-вторых, заняли свои должности в соответствии с конституцией страны. Это поколение, которое руководит страной, ставшей по-настоящему великой державой.

Ху Цзиньтао родился в 1942 году в Цзиси (провинция Аньхой). В 1964 году окончил университет Цинхуа, инженер-гидроэнергетик. Член партии с того же года. И он, и Вэнь Цзябао успели получить высшее образование до того, как система образования рухнула во время культурной революции. Ху отправили в провинцию работать на гидроэлектростанции. Вэнь трудился в геологической партии. Потом оба начали делать карьеру в комсомоле.

С 1982 года Ху Цзиньтао — секретарь ЦК Лиги молодых коммунистов Китая и президент Всекитайской федерации молодежи. В тридцать девять лет — самый молодой член ЦК, в сорок девять — член политбюро. Он руководил партийной организацией в Тибете, где сильны сепаратистские настроения, и дважды подавил антиправительственные восстания — в 1988 и 1989 годах.

Дэн Сяопин сделал его в 1992 году членом постоянного комитета политбюро КПК и секретарем ЦК по оргработе (это ключевая должность). Он же возглавлял Центральную партийную школу. После ухода Цзян Цзэминя на пенсию Ху в 2002 году возглавил партию, а в 2003-м — государство (стал председателем КНР).

Вэнь Цзябао был помощником Чжао Цзыяна. В 1989 году он находился рядом с генеральным секретарем на площади Тяньаньмэнь, когда тот в последний раз — перед вводом войск — убеждал студентов разойтись....

В Китае, как и когда-то в Советском Союзе, кадры решают все. На вершине китайской номенклатуры три поколения. Шес-

тидесятилетние занимают места в политбюро, пятидесятилетние возглавляют провинциальные комитеты партии, сорокалетние уже стали первыми секретарями горкомов и мэрами городов.

Еще недавно генеральный секретарь ЦК, глава правительства, другие члены политбюро были людьми советского воспитания. Многие учились в Советском Союзе. Они, конечно, знакомы с современными экономическими теориями, но внутренне относятся к ним очень скептически. А вот те, кто приходит им на смену, — это люди другого поколения, более гибкие. Они свободно говорят по-английски и знают толк в бизнесе. Они понимают, как надо разговаривать с иностранными инвесторами, что им предлагать и как добиваться своего. Они дают иностранцам землю под строительство, создают свободные экономические зоны и заваливают весь мир китайскими товарами. Китайские лидеры понимают, что социалистические методы ведения хозяйства не работают. Но все равно намерены действовать в рамках существующей системы.

1 июля 2011 года коммунистическая партия Китая отметила свое девяностолетие. В ней состоит 78 миллионов человек. КПК — самая многочисленная партия в мире. Это население немаленькой европейской страны.

Партия строит потребительский коммунизм. Китайские коммунисты не смущаются. Мало что свято. Практически все продается. Членство в партии по-прежнему необходимо для успешной карьеры. Даже те, кто не так уж сильно любит партию, нуждаются в ней. Без партбилета не продвинешься. Партбилет позволяет богатеть и даже критиковать чиновников за бюрократизм. Непозволительно только одно — выпадать из системы. Диссидентами занимается госбезопасность.

Партийный аппарат определяет все стороны жизни страны через государственные и правительственные учреждения. Отделы ЦК контролируют все важнейшие структуры в стране — вооруженные силы, спецслужбы, средства массовой информации, суды и государственные предприятия. Номерные знаки лимузинов по-прежнему наглядно демонстрируют подлинную иерархию в обществе. В городе машина первого секретаря имеет

номер 00001, у мэра города — 00002. Все высшие чиновники соединены системой прямой телефонной спецсвязи, которую здесь именуют «красным аппаратом».

В типичных для нового Китая зонах развития высоких технологий, где сконцентрированы самые передовые предприятия, секретари парткомов вдохновенно рассказывают о том, как народ любит и ценит партию. Объясняют: «ЦК КПК вырабатывает курс, сочетая марксизм с современными условиями. А местные партийные комитеты сочетают курс ЦК с местными условиями. Никакого догматизма. Задача коммуниста состоит в том, чтобы не он один, а все стали богатыми. В уставе партии сказано, что руководящие кадры — это слуги народа. Если они гоняются за личным интересом, значит, не годятся на роль партработников».

Постоянный комитет политбюро ЦК КПК по-прежнему заседает в Запретном городе, в бывшем императорском дворце, где когда-то плели интриги наложницы и евнухи. И сегодня заседания проводятся в секрете. Членам политбюро не нужно выходить на публику, давать интервью и рассказывать о принятых решениях.

Текущую политику определяет постоянный комитет политбюро из девяти человек. Эти девять управляют страной. Они, как когда-то советское политбюро, одеты почти одинаково — костюм, галстук. На торжественных заседаниях они даже хлопают в унисон. Глобальные проблемы обсуждают все двадцать пять членов политбюро (двадцать четыре мужчины и одна женщина).

Нынешний генеральный секретарь по специальности инженер-гидротехник, все остальные члены постоянного комитета политбюро (кроме одного) тоже инженеры по образованию. Все стали профессиональными чиновниками. Кто-то из них продолжает семейную традицию. Но высокое положение отца помогало только на старте. Дальнейшее зависело от умения показать себя эффективным чиновником. Они учились обзаводиться связями, выстраивать коалиции, договариваться.

Генеральный секретарь как глава партии получает огромную власть. Но и он зависит от мнения других членов партийного руководства, а в постоянном комитете политбюро всегда нахо-

дятся сильные фигуры со своим мнением. Фактически генеральный секретарь не подписывает важных бумаг, не получив согласия других членов постоянного комитета политбюро.

Считается, что в политбюро идут реальные споры. Здесь не голосуют. На советский манер решения принимаются только консенсусом, так что у каждого фактически есть право вето. На позиции членов политбюро влияют не политические симпатии и антипатии, а ведомственные интересы. А теперь еще и интересы семей членов политбюро, которые активно занимаются бизнесом.

В конце 2012 года пройдет XVIII съезд партии. Уже известно, что Ху Цзиньтао уйдет на покой. Партию возглавит Си Цзиньпин, член постоянного комитета политбюро ЦК КПК и заместитель председателя Военного совета ЦК. А в марте 2013 года на сессии Всекитайского собрания народных представителей он станет еще и председателем Китайской Народной Республики, иначе говоря, президентом страны.

Его отец Си Чжунсюнь, старый член партии, был заместителем главы правительства и стал жертвой политической борьбы. Его обвинили в участии во внутрипартийном заговоре, в 1965 году сослали в провинцию. Вернули к руководящей работе только в 1978 году, уже при Дэн Сяопине.

Си Цзиньпин родился в 1953 году в провинции Шаньси. По образованию химик. Работал помощником заместителя председателя Центрального военного совета. Но захотел попробовать себя на самостоятельной работе — карьеры делаются не в Пекине. Работал на севере и на юге страны. Считается, что у него есть предпринимательский дар. Он умеет зарабатывать. В 2007 году он возглавил партийный комитет Шанхая, когда его предшественник на партийном посту Чэнь Ляньюй был снят и отдан под суд за коррупцию.

Си Цзиньпин провел чистку шанхайского аппарата. Ему же поручили контролировать подготовку к Олимпиаде 2008 года. Считается, что он чудесно справился. Он увлекается боевыми искусствами, интересуется буддизмом, женат на певице Пэн Лиюань, которая имеет звание генерал-майора НОАК.

Кажется, что политическая система Китая, скопированная с советского образца, не меняется вот уже шесть десятилетий.

Но суть политики и ее методы сильно изменились. Профессиональный уровень аппарата, образованность много выше прежнего. Процесс принятия решений все так же непрозрачен, но очевидно, что существует механизм внутренних дискуссий и принятию решений предшествуют серьезные обсуждения, у специалистов просят совета.

В отличие от советской тоталитарной системы, во главе которой один вождь, в Китае скорее авторитарное правление во главе с коллективным руководством. Эта система, в которой видны элементы восточно-азиатского неоавторитаризма, латиноамериканского корпоративизма и даже европейской социал-демократии.

Партийно-государственный аппарат скроен по знакомой нам схеме. Но в отличие от советского куда более эффективен. Трудолюбие, прилежание, высокая трудовая мораль — все эти свойственные китайскому обществу качества, воспитанные конфуцианством, распространяются и на чиновничество.

Конфуцианство — это больше чем религия. Это свод морально-этических правил и норм, которые в значительной степени определяют жизнь целого общества.

В эпоху Мао Цзэдуна из китайцев пытались выбить конфуцианство. «Организаторы „культурной революции“, — пишет профессор Леонард Сергеевич Переломов, автор книги „Конфуцианство и современный стратегический курс КНР“, — понимали, что формирование новой, угодной им личности невозможно без пересмотра национальных стереотипов поведения, целого комплекса традиционных нравственных ценностей. Логика политической жизни неизбежно влекла к конфронтации с Конфуцием, ибо именно он был той скалой, о которую разбивались пока все их стремления избавиться от лучших черт национального характера — почтительности к родителям, уважения к старшим по возрасту, органического неприятия доносительства, стремления к знаниям».

Обычно спокойный Чжоу Энлай взорвался в разговоре с американской делегацией, услышав утверждение о том, что марксизм продолжил традиции Конфуция. «Конфуцианство — доктрина социального принуждения! — возразил Чжоу. — Марксизм — это философия освобождения».

Конфуций призывал к социальной гармонии. Мао же идеализировал революции и борьбу. Он требовал полного разрыва с прошлым и постоянного обновления. Он не позволял людям просто жить. Он надеялся пробудить в народе такую энергию, которая приведет к великим свершениям. Потому вновь и вновь подвергал китайцев невыносимым испытаниям. При Мао страна находилась в постоянном кризисе. Над всеми, даже самыми преданными Мао людьми, всегда висела опасность оказаться в опале. И почти никто не избежал этой судьбы. Все соратники Мао в конце концов стали жертвой чисток и подверглись репрессиям.

Маршал Линь Бяо в предисловии к «Выдержкам из произведений Мао Цзэдуна» (знаменитой красной книжечке) писал: «Идеи Мао Цзэдуна — как только ими овладеют широкие массы — станут неиссякаемой силой, всесокрушающей атомной бомбой».

Культурная революция была попыткой Мао воспитать идеологически чистое молодое поколение революционеров, беспощадных к внутренним и внешним врагам. Это была своего рода гражданская война, расколовшая многие семьи: дети против родителей.

«Стремление лидеров жесткой административной командной системы, — считает профессор Переломов, — как можно скорее воспитать новую личность, образно именуемую „листком чистой бумаги“ (вспомним о сталинской теории „винтика“), наталкивалось на глухое сопротивление масс, особенно в крестьянской среде...»

Конфуцианство — это золотые правила: рационализм, государственная польза, умеренность, отказ от личного в пользу общественного, чувство долга, уважение к старшим, неукоснительное следование правилам и ритуалам. Эти правила впитываются с детства. Сходное влияние оказывал и буддизм в китайском варианте. Буддизм тоже учит строгой социальной этике.

«Что называется долгом человека? — писал Конфуций. — Отец должен проявлять родительские чувства, а сын — почтительность, старший брат — доброту, а младший — дружелюбие, муж — справедливость, а жена — послушание, старшие — мило-

сердие, а младшие — покорность, государь — человеколюбие, а подданные — преданность».

Конфуций родился в 551 году до нашей эры на востоке Китая. Идеи Конфуция изложены в книге «Лунь юй» («Суждения и беседы»). Вот еще одно из его суждений: «Старые должны жить в покое, друзья должны быть правдивыми, младшие должны проявить заботу о старших... В общении с отцом или матерью проявляй мягкость и учтивость. Если видишь, что твои желания им неугодны, все равно проявляй почтительность — не противься их воле».

Творения Конфуция для китайцев — смесь библии с конституцией. В императорские времена знание трудов Конфуция было обязательным для государственной карьеры.

Китайцы ответственно относятся к своему делу. Они думают о необходимости добиваться успеха. Они дисциплинированны. Они соблюдают иерархию и почтительны к старшим. Они согласны идти на жертвы ради семьи и будущего. Внутренне готовы к аскетизму, осуждают излишнее потребление, что помогает накапливать средства и вкладывать их в производство. Они хотят работать и зарабатывать и привыкли рассчитывать только на самих себя.

«Оставшись после отделения от Малайзии без каких-либо природных ресурсов, сингапурцы, где три четверти населения составляли этнические китайцы, — пишет профессор Переломов, — сумели за исторически короткий срок превратить свою страну в развитую экономическую державу. Причину успехов Ли Куан Ю, который возглавлял Сингапур тридцать два года, объяснял весьма просто: „То, чего мы достигли — это только благодаря народному конфурианству“».

Все государства, входящие в конфурианский мир, невероятно преуспели. Страны Юго-Восточной Азии за последние полвека от нищеты перешли к процветанию и вошли в круг развитых государств.

Корейский политолог профессор Ли Ин Сонг пишет: «Народы, исповедующие конфурианство, придают первоочередное значение семье, коллективизму, высшему образованию и нравственному самосовершенствованию человека... Пропаганди-

руемый конфуцианством коллективизм в не меньшей мере способствовал тому, что население приоритетное внимание уделяло таким ценностям, как семья, работа, родина».

Почему Юго-Восточная Азия стала примером экономического успеха, а Африка так и осталась голодной и нищей, живущей за счет финансовой помощи Запада? Почему в Юго-Восточной Азии создаются современные телекоммуникационные системы, а в Африке по-прежнему нельзя позвонить соседу домой? Почему руководители стран Азии сражаются за отмену торговых барьеров, а африканские лидеры перерезают горло соседям, потому что те принадлежат к другому племени?

Такие африканские страны, как Уганда, в момент получения независимости в начале 1960-х годов были на пороге экономического подъема, по уровню жизни опережали некоторые азиатские государства. Но африканские правители довели эти благополучные страны до катастрофы. Статистика: больше всего детей в возрасте до пяти лет умирает в Африке. Здесь больше всего болеют заразными заболеваниями, здесь меньше всего людей доживают до пятидесяти и меньше всего учатся. Часть мирового рынка, которая приходится на долю африканских стран, упала вдвое с 1970-х годов.

Малайзия и Сингапур тоже были колониальными державами, но это не помешало им добиться успеха. Что толку вспоминать колониальное прошлое Африки?.. Не хватает ресурсов? В Сингапуре вообще ничего нет.

Есть более простые объяснения неудач. Китай очень сильно поражен коррупцией, но за Африкой ему не угнаться. В Азии любят рассказывать такой анекдот. Африканец и азиат когда-то учились вместе. Через много лет африканец приезжает к гости к азиату. Видит прекрасный дом, «мерседес», плавательный бассейн и слуг. Удивляется:

— Как тебе это удалось?

Азиат подводит африканца к окну и говорит:

— Видишь эту дорогу?

Тот видит прекрасную современную дорогу. Азиат скромно говорит:

— Десять процентов ассигнований — мои.

Через год азиат навещает африканца. Видит огромное поместье, дюжину «мерседесов», армию слуг.

— Как тебе все это удалось?

Африканец подводит азиата к окну:

— Видишь дорогу?

Азиат изумленно говорит:

— Но здесь нет никакой дороги!

— Верно, — говорит африканец, — все сто процентов — мои...

Африканцы, объясняя свои неудачи, жалуются на наследство колониализма, апартеид и холодную войну. Африканцы считают, что белые у них в неоплатном долгу, и все ждут, что долг им вернут. Это старое чувство зависимости от белых никуда не ушло. Африканцы требуют помощи. Они рассматривают эти деньги как своего рода репарации за преступления прошлого. Но не хотят смотреть в глаза реальности. Все неуспехи и конфликты на континенте — творение их собственных рук. Африке не хватает справедливости, честности и открытости в деятельности властей.

«Мой опыт управления Сингапуром, — сказал Ли Куан Ю, открывая в 1994 году международную конференцию, посвященную 2545-летию Конфуция, — особенно в трудные годы, убедил меня, что мы не смогли бы преодолеть наши трудности и препятствия, если бы подавляющая часть населения Сингапура не вдохновлялась конфуцианскими ценностями».

Что же он понимает под конфуцианскими ценностями?

Ли Куан Ю объяснял: «Отношения между отцом и сыном базируются на любви; отношения между правителем и министром должны базироваться на справедливости; муж и жена должны с вниманием относиться к сфере деятельности друг друга; отношения между старыми и молодыми должны находиться в надлежащем порядке; отношения между друзьями базируются на верности. Жители Сингапура считали, что интересы общества выше их собственных интересов».

Сингапур и Тайвань, где живут китайцы, десятилетиями демонстрируют фантастические успехи в экономике. В основе — сформированные китайским сообществом ценности. Напри-

мер, и для Тайваня, и для Сингапура характерны необычайно высокие темпы роста сбережений. Люди откладывали на будущее треть заработанного.

В 1976 году Ли Куан Ю, тогда еще премьер-министр Сингапура, впервые побывал в Китае. Вернувшись, сказал: «Если бы вы сейчас увидели землю наших предков, то, вернувшись домой, целовали бы сингапурскую землю».

С тех пор многое изменилось в Китае. Людям дали возможность работать и зарабатывать.

«Согласно схеме Конфуция, — пишет профессор Переломов, — правитель возвышался над главой семьи лишь на несколько ступенек. Подобный подход превращал государство в обычную семью, только большую. Такая трактовка легко воспринималась современниками, так как в то время для мышления многих китайцев было характерно представление о государстве как о большой семье».

Так же воспринимают себя нынешние китайские руководители. Генеральный секретарь Ху Цзиньтао: «Если кто-то радуется тому, чему радуется народ, народ также радуется его радости; если кто-то заботится о заботах народа, народ также заботится о его заботах. Когда сердце народа отворачивается — это основная причина, определяющая упадок политической партии, политического авторитета...»

И генеральный секретарь, и премьер-министр сознают, что способность партии остаться у власти зависит от умения обеспечить народу достойный уровень здравоохранения, образования, охраны окружающей среды. Добиваться экономического развития при сохранении социальной гармонии. Это они организовали повсеместное изучение идей Конфуция. В январе 2011 года его статую воздвигли в центре центральной площади Пекина Тяньаньмэнь.

Профессор Лев Делюсин: «Если обратиться к опыту реформ, которые идут с 1978 года, то станет ясно, что их нельзя рассматривать как поступательное движение вперед. Если человек сталкивается с препятствием, он должен его обойти, а не лезть на рожон, не биться головой о стену. Нынешние руководители, которые прошли хорошую школу Дэн Сяопина, усвоили эти

уроки. Они не хотят, чтобы в народе зрело недовольство и создавались причины для социальной напряженности. Но там, где это возможно, они сразу отпускают вожжи и дают полную свободу. Это, конечно, относится только к экономической сфере».

Главный вопрос: сможет ли компартия продолжать управлять огромной страной, не меняясь сама? Или же коммунистическая система рухнет, не в силах разрешить внутренние проблемы: невероятное неравенство между бедными и богатыми, чудовищное загрязнение окружающей среды, возмущение национальных меньшинств — тибетцев, уйгуров и монголов?

Конечно, китайская компартия — бюрократическая, коррумпированная организация. Дэн Сяопин боролся с коррупцией, победить ее ему не удалось. А кому это по силам? Коррупция была и при императорах, и при гоминьдане, и при компартии. Видно, это неизбежно, если страной бесконтрольно управляет огромная бюрократия.

Центральный банк Китая недавно сообщил, что его коррумпированные служащие за последние годы незаконно вывели за границу 800 миллиардов юаней (85 миллиардов евро).

Как от этого спастись? Китайцы отвечают: «В Сингапуре же нет коррупции. Это пример для нас».

Внутри руководства явно существуют разные мнения. Премьер-министр называет себя сторонником более открытой системы: «Движение к демократии неостановимо. Свобода слова необходима». Другие члены постоянного комитета политбюро так не считают. Они заявляют: «Многопартийная система не нужна Китаю. Мы потеряем то, что создали». Генеральный секретарь ЦК КПК говорит о «демократической диктатуре народа», хотя не очень понятно, что имеется в виду. Так, советские идеологи любили рассуждать о «мнимой» демократии при капитализме и о «подлинной» при социализме...

Государственный секретарь США Хиллари Клинтон уверена, что нынешняя китайская политическая система обречена, потому что невозможно остановить историю. Одни эксперты с ней согласны и предсказывают полный развал. Другие предполагают, что страна вступает в длительный период стагнации. Третьи видят признаки серьезных перемен внутри компартии.

Старое атрофируется, идет приспособление к новым условиям. Вместо маоизма цементирующей общество идеологией может стать национализм.

«Если в континентальном Китае произошла китаизация марксизма, — считает профессор Калифорнийского университета Чжан Сюйсинь, — то у нас, на Тайване, произошла конфуцианизация европейско-американской модели демократии».

Считалось, что по мере того как Китай станет богаче, политические перемены станут неизбежными, люди потребуют реформ, и элита, понимая необходимость перемен, пойдет обществу навстречу... Китай становится богаче, но пока что нет признаков политических реформ. И сигналов того, что их отсутствие мешает экономическому развитию Китая, тоже нет.

С 2002 года богачи тоже могут вступать в компартию. Каждый третий китайский миллиардер — член партии. Многие из них избраны в состав Всекитайского собрания народных представителей (аналог парламента). В конгресс США таких богатых людей не выбирают. А еще в Китае (по данным на конец 2010 года) — 534 тысячи долларовых миллионеров! Есть ли смысл столь преуспевшим людям так уж рьяно требовать политических перемен с неясным результатом? Свобода много зарабатывать и тратить деньги по собственному усмотрению, устраивать свою жизнь комфортно для многих важнее туманной перспективы многопартийной демократии и разделения властей... Пока руководство страны обеспечивает высокий уровень экономического роста и сдерживает инфляцию, система остается стабильной.

С чем же сравнить китайскую компартию, демонстрирующую уникальные способности к адаптации и выживанию? Может быть, с католической церковью?

Ахиллесова пята режима, его самое слабое место — проблема национальных меньшинств; особенно трудно с тибетцами и уйгурами.

Мусульманские сепаратисты, действующие на северо-востоке Китая и добивающиеся независимости, проходят подготовку на базах талибов в Афганистане. Поэтому Китай тоже противник талибов. Деятельность радикальных мусульман, которые составляют большинство населения провинции Синьцзян, всегда

беспокоила Пекин. В последние годы сепаратисты действуют активнее.

В Синьцзяне когда-то жили сто двадцать тысяч эмигрантов из Советского Союза, связанные родственными отношениями с местными казахами и уйгурами. Советское консульство охотно выдавало документы желающим вернуться в СССР. Многие обитавшие в Синьцзяне казахи и уйгуры ориентировались на Советский Союз и не хотели быть жителями нищего тогда Китая. Граница не была четко определена и не охранялась. Люди свободно переходили через границу. Весной-осенью 1962 года из Или-Казахской автономной области Синьцзяна бежало в Советский Союз больше шестидесяти тысяч человек. Мао Цзэдун с раздражением говорил, что Синьцзян, богатый урановой рудой, золотом и нефтью, — это советская «колония».

Пекин вложил в Синьцзян, имеющий стратегическое значение, миллиарды долларов. Туда переселяют миллионы людей из внутренних провинций, чтобы изменить демографический баланс. Полвека назад мусульмане составляли восемьдесят процентов населения, теперь — немногим больше половины.

Еще болезненнее ситуация вокруг Тибета. Там постоянно вспыхивают волнения. Тогда весь район закрывают, запрещают въезд иностранцам. Местное население выступает против центрального правительства, хотя уже шестьдесят лет прошло с тех пор, как Пекин вернул себе контроль над Тибетом.

Тибет был религиозным государством, страной правил регент Радинг Ринпоче. Далай-ламе Тензину Гьяцо было тогда всего пятнадцать лет. Тибету китайские коммунисты, взяв власть в Пекине, обещали автономию.

На самом деле Мао Цзэдун сразу решил захватить Тибет, считают историки Юн Чжан и Джон Холлидей. 22 января 1950 года на встрече со Сталиным Мао попросил о помощи. Он хотел, чтобы самолеты советской военно-транспортной авиации доставляли оружие и боеприпасы войскам, которые готовятся взять Тибет. Сталин одобрил план и рекомендовал переселить на Тибет этнических китайцев. Но военная операция оказалась слишком сложным делом: недостаток дорог не позволял пере-

бросить достаточное количество солдат, которые с трудом вели боевые действия в условиях высокогорья.

Пришлось Мао начать переговоры. Он пригласил к себе далай-ламу, которого включили в состав Всекитайского собрания народных представителей. Но потом началась коллективизация, за ней неминуемо последовал голод — умерли триста с лишним тысяч человек.

Это вызвало резкое осуждение прежде всего в соседней Индии.

Индия получила независимость в 1947 году. Коммунисты пришли к власти в Пекине в 1949 году. Казалось, отношения между ними станут теплыми. Премьер-министр Индии Джавахарлал Неру был лично расположен к Мао Цзэдуну.

Неру признавал суверенитет Китая над регионом при условии автономии Тибета. Неру провозгласил, что Индия имеет духовные и культурные интересы в Тибете, исходя из исторических связей между индийской классической буддистской культурой и тибетским буддизмом.

Его позиции изменились, когда осенью 1950 года китайские вооруженные силы разгромили небольшую тибетскую армию и вошли в Лхасу, изгнав оттуда индийских дипломатов. Жестокость китайских властей в Тибете перечеркнула добрые чувства и симпатию, которые Неру питал к Китаю. Он создал Северную армию для защиты прежде не охранявшейся гималайской границы и взял под протекторат расположенные между Индией и Китаем три княжества — Непал, Бутан и Сикким.

ЦРУ помогало тибетским националистами — с явного одобрения Индии. В марте 1951 года в Вашингтоне было подписано секретное соглашение с Индией о сотрудничестве в оказании военной помощи тибетцам. Но в 1953 году Неру увидел, что Соединенные Штаты хотят сблизиться с Пакистаном, и поехал в Москву налаживать отношения с советскими руководителями. А китайцы одержали полную победу над тибетцами, и в 1955 году ЦРУ временно прекратило свою работу на Тибете.

В 1957 году Вашингтон восстановил отношения с Джавахарлалом Неру. Индия стала получать военную и разведывательную помощь — тридцать восемь миллионов долларов. Часть денег

пошла на борьбу за освобождение Тибета. Сотрудничая с пакистанской и индийской разведками, ЦРУ снабжало и обучало тибетскую армию в четырнадцать тысяч человек. Тибетцев учили средствам радиосвязи, чтению карт и владению современным оружием. Готовили их на острове Сайпан, потом в штате Колорадо. Причем тибетцев уверяли, что они находятся в районе Гималаев, а вовсе не на территории Соединенных Штатов.

Крупное восстание началось в Тибете 10 марта 1959 года, это был ответ на попытку коммунистов покончить с религией. Повстанцы довольно уверенно вели борьбу против китайских войск. Пекину пришлось перебросить в Тибет подкрепление. Но тибетцы не пожелали учиться искусству партизанской борьбы, которая могла быть успешной. Они верили, что древние амулеты спасут их от пуль. Пытались вести настоящую войну с превосходящими силами Народно-освободительной армии Китая и потерпели поражение.

17 марта 1959 года далай-лама и духовенство бежали в Индию. За ними последовали сто двадцать тысяч беженцев. Для Мао это было крайне неприятно. Индийских солдат расстреляли на границе.

2 октября на встрече в Пекине Никита Хрущев перечислял ошибки китайцев:

— У вас нет контакта с населением Тибета... Зачем вам надо было убивать людей на границе с Индией?.. Вы знаете не хуже меня, как можно без крови решать спорные вопросы. Вы что же, хотите, чтобы мы одобрили ваш конфликт с Индией? Это было бы глупо с нашей стороны...

Москва заняла нейтральную позицию. Китай возмущался: Советский Союз в любом случае обязан поддержать социалистическую страну. Министр иностранных дел Китая Чэнь И (это не могло не быть рассчитанным жестом) обрушился на советскую делегацию:

— Китайский народ долгое время вызывал жалость. В течение многих десятилетий подвергался гнету и английских, и американских, и французских, и других империалистов... Вы должны более правильно понимать нашу политику. Наша линия является более правильной и твердой».

Министр назвал линию Хрущева «приспособленчеством». Такие слова в межпартийном диалоге еще не звучали. Это было прямое оскорбление.

— Ишь, какой левый, — ответил Хрущев. — Смотрите, товарищ Чэнь И, пойдете налево, а можете выйти направо. Дуб тоже твердый, да ломается... Почему же вы можете нас критиковать, а старший брат вас не может?

— Я не боюсь вашего гнева, — ответил Чэнь И.

— Не надо на нас плевать, — заметил Хрущев. — Не хватит плевков. Нас не заплюешь. Хорошо же складывается положение: с одной стороны, говорите о формуле «во главе с Советским Союзом», а с другой — не даете мне сказать и слова...

Тибет имел стратегическое значение для Пекина, потому что здесь нашли около двухсот урановых месторождений и разместили заводы по переработке урана. Автономия была уничтожена. Монастыри закрывались, монахов отправляли на перевоспитание. Тибетцев выселяли, на их место переселяли китайцев из других районов страны.

Джавахарлал Неру и его министр иностранных дел Кришна Менон уговаривали далай-ламу удовлетвориться требованием автономии, а не полного суверенитета Тибета. Но далай-лама настаивал на полной независимости, считая иной вариант «предательством интересов народа». Индия помогала тибетским повстанцам.

Мао Цзэдун назвал Неру «наполовину человеком, наполовину чертом, наполовину джентльменом, наполовину хулиганом». Начались перестрелки на границе. Это привело в октябре 1962 года к настоящей войне, которую Неру проиграл...

Воевали из-за двух спорных пограничных районов площадью около ста двадцати пяти тысяч квадратных километров. Пекин не признавал «линию Мак-Магона», границу между Индией и Тибетом, проведенную британцами в 1914 году.

Индийские генералы решили, что китайцы не станут сражаться из-за нескольких километров границы, и передвинули свои пограничные посты вперед.

Советский Союз и Индию всегда связывали формально прекрасные, а по сути довольно странные отношения, смесь голого расчета и безудержной сентиментальности. Наши представления

об Индии формировались в основном музыкальными индийскими фильмами, которые страшно далеки от реальности. Мы были уверены, что прекрасно знаем индийцев, любителей танцев, музыки, поклонников ненасилия. Но на самом деле плохо представляли себе реальную жизнь Индии и индийцев. Несмотря на рассказы о вечной дружбе и душевном согласии, к нашим людям индийцы относились равнодушно, как и вообще ко всем иностранцам. Индийцы слишком высоко ценят себя, чтобы расшаркиваться перед иностранцами. Это очень гордые и самолюбивые люди; они считают себя великим народом, с которым все должны считаться.

А как же знаменитые идеи ненасилия Махатмы Ганди, проповеди мира в международных отношениях — все то, что создало образ миролюбивой Индии? Индийские политики пришли к выводу, что сильная армия надежнее идей ненасилия.

В октябре 1962 года Мао собрал военное и политическое руководство. Две армии стояли лицом к лицу. Мао исходил из того, что Китай и Индия не будут вечными врагами. Они вполне могут договориться. Но для этого нужно нанести удар по Индии, чтобы вернуть ее за стол переговоров. Мао Цзэдун сказал своим генералам: «Мы сражались с Чан Кайши. Мы сражались с Японией, с Америкой. Никого мы не боялись. Всех победили. Теперь индийцы хотят с нами воевать. Естественно, мы их не боимся. И землю не отдадим. Раз уж Неру желает с нами сразиться, было бы недружелюбно ему в этом отказать. Любезность требует взаимности...»

20 октября 1962 года китайские войска перешли в наступление. Нанеся сильный удар, отошли. Спорная территория так и осталась спорной, но Индия к оружию больше не прибегает.

26 декабря 1962 года Мао написал стихотворение:

Лишь герои могут сокрушать тигров и леопардов,
И отважного не испугают дикие медведи,
Цветы сливы шлют привет кружащемуся снегу;
Не удивительно, что мухи замерзают и гибнут.

Великий пацифист Джавахарлал Неру, который обещал никогда не иметь ядерного оружия, отказался от своих слов после того, как Китай произвел первое испытание в 1964 году. В ответ

Китай поддерживал Пакистан во время индо-пакистанских войн. Своими успехами Пакистан во многом обязан Китаю, который продает ему оружие. В начале 1980-х Китай передал Пакистану чертежи ядерного оружия, уран, пригодный для военных целей, и помог построить новый реактор, который вырабатывает оружейный плутоний. Китай продал Пакистану ракеты, которые могут доставить ядерную боеголовку в любой город в северной части Индии...

Глядя в будущее

Что касается будущего Китая, то недостатка в прогнозах нет. В ходу три основных сценария.

Первый: экономика будет планомерно развиваться под жестким контролем компартии и центрального правительства. Иначе говоря, большой Китай пойдет по пути маленького Тайваня. В таком случае через некоторое время Китай станет в один ряд с Соединенными Штатами. Его значение в мировой политике будет больше российского.

Второй сценарий таков: роль центрального правительства и компартии ослабнет, и Китай фактически превратится в союз провинций. Провинции станут совершенно самостоятельными. В таком случае Китай останется только региональной державой. В мировой политике его роль будет незначительной.

Третий сценарий — наихудший — предрекает распад Китая, крестьянские восстания, этнические конфликты, массовое бегство населения за пределы Китая. Этого варианта боятся и соседи Китая...

Надо иметь в виду, что, как показывает история, большинство пессимистических прогнозов относительно Китая не сбылись. Предсказывали, что Китай в XXI столетии не сможет прокормить свое население. И что весь мир будет ломать голову над тем, что делать с голодными китайцами. Однако последние расчеты показывают, что Китай прекрасно может себя накормить. И уже одевает полмира.

Китайская Народная Республика по-прежнему называет себя социалистическим государством, и управляет страной коммунистическая партия. Но годы экономических реформ изме-

нили Китай до неузнаваемости. Партийные организации в деревне существуют лишь номинально. Партийные и военные кадры сами заинтересованы в развитии бизнеса, потому что сумели с выгодой для себя приспособиться к современной экономике. Местные руководители, особенно в южных, приморских провинциях, где можно заработать хорошие деньги, тем более поддерживают реформы.

Всех завораживают цифры. Китай — двадцать процентов мирового населения, десять процентов экономического роста в год, огромное количество инженеров — больше всего в мире... Но не стоит забывать: Китай все еще бедная страна. Его лидеры сталкиваются с таким невероятным количеством проблем, что диву даешься: когда они успевают спать?

Глава правительства Вэнь Цзябао сформулировал «парадокс четырех не»: за внешней мощью китайской экономики таится структура, которая становится нестабильной, несбалансированной, нескоординированной и неустойчивой.

Китай — это богатая страна с бедным населением. Экономическое чудо — основа социальной стабильности — не так надежно.

На селе насчитывается больше ста миллионов человек, у которых нет работы. В Китае переизбыток рабочей силы. По стране скитаются десятки миллионов безработных, безземельных людей. Рабочих рук на двадцать процентов больше, чем рабочих мест.

Миллионы юношей и девушек покидают деревни в поисках работы. Они живут в общежитиях в спартанских условиях, без воды и туалета, питаются в заводских столовых. Они счастливы, если им удается найти работу — причем не только на совместном производстве, а просто на обычном заводе, где все делается вручную и много не заработаешь. Чтобы занять людей, заводы строят прямо в деревнях.

Еще несколько десятков миллионов человек могут потерять работу в процессе модернизации промышленных предприятий. Многие государственные предприятия, несмотря на все усилия, приносят убытки. Они разорительны для страны, неконкурентоспособны. Часть надо модернизировать, остальные закрывать. Но крупные предприятия худо-бедно кормят своих рабочих и их семьи, строят жилье, больницы и школы. Закрытие

привело бы к тяжелейшему кризису, гигантской безработице, серьезным социальным волнениям. Поэтому китайские лидеры боятся тронуть крупные государственные предприятия.

По ВВП на душу населения США в одиннадцать раз обгоняют КНР. По этому показателю Китай занимает всего лишь девяносто пятое место в мире.

Среднегодовой доход на душу населения, по данным Всемирного банка, в КНР составлял в 2010 году 4300 долларов США — это 10 процентов от показателя Японии и примерно половина российского уровня. Средняя семья в Китае тратит сейчас столько, сколько американская в 1850 году... А самые бедные слои китайского общества — более ста миллионов человек — живут и вовсе на два доллара в день.

Нынешняя цель Пекина далеко не амбициозна — это «сяокан», то есть общество «малого благоденствия»: «Мы стремимся при не очень высоком уровне доходов сравнительно хорошо удовлетворять потребности населения, непрерывно и постепенно увеличивать его доходы».

Индекс развития человеческого потенциала рассчитывают эксперты ООН. Параметры: доходы, продолжительность жизни, доступность медицинской помощи, уровень образования, смертность и преступность, распределение бюджетных доходов. Все это позволяет установить, в какой стране жить безопасно и комфортно. Какое же место в этом индексе занимает Китай? В 1993 году — 171-е, в 2000 — 174-е, в 2005 — 85-е, в 2010 — 89-е.

Пенсионной системы не существует. Катастрофа в сфере охраны окружающей среды. Цена экономических достижений: отравленные воздух и вода, высокий уровень заболеваемости раком.

В марте 2011 года в Пекине сессия Всекитайского собрания народных представителей приняла новый 12-й пятилетний план. Страна меняет модель экономического роста. Экономика будет расти медленнее, чем прежде, чтобы бороться с инфляцией, защищать природу и увеличивать внутреннее потребление. Задача: обеспечить модернизацию, внедрение нового и постараться сгладить социальные противоречия.

Премьер Вэнь Цзябао: «Есть две цифры, которые важнее темпов роста валового внутреннего продукта. Это доля ВВП,

которую страна тратит на образование и научные исследования». Намечено вдвое увеличить социальные расходы — на медицину, образование и социальное обеспечение. Правительство обещало создавать рабочие места, строить доступное жилье, снижать инфляцию.

Но остановить инфляцию едва ли удастся. Чиновников поощряют и награждают за крупные проекты, поэтому деньги щедро вкладываются в масштабные, поражающие воображение предприятия. Но не прибыльные.

Чем недовольны китайцы сегодня? Помимо коррупции их волнуют нехватка жилья и социальное неравенство. Китай становится самым несправедливым обществом — в смысле неравенства доходов. Очень серьезно социальное расслоение, из-за чего нервничают китайские чиновники.

Председатель Центральной комиссии по проверке дисциплины заявил на селекторном совещании, что всем партийным и государственным чиновникам запрещено покупать за казенный счет товары, подпадающие под категорию роскоши, а также участвовать в дорогостоящих оздоровительных мероприятиях. Но эти меры не помогают.

Академия общественных наук при ЦК сообщила, что восемьдесят пять процентов семей не могут позволить себе собственное жилье. А целые дома стоят пустыми. Считается, что в пустующих квартирах можно разместить миллионы семей.

В 2011 году в Китае запретили гражданам покупать квартиру, если они уже владеют двумя объектами недвижимости. Для покупки квартиры надо представить налоговую декларацию, чтобы были известны источники доходов. Власти обеспокоены ростом цен на жилье — в 2010 году в Пекине они выросли на сорок с лишним процентов. Боясь инфляции, люди вкладывают деньги в недвижимость. А попытки снизить цены вызывают протесты владельцев, которые возмутились, когда новые квартиры выставили на продажу по цене ниже той, по которой они годом раньше купили свои квадратные метры.

Особое возмущение вызывает насильственное выселение из домов, чтобы освободить землю для нового строительства. Компенсацию платят очень низкую. Чиновники крайне заинтересо-

ваны в новом строительстве — это свидетельство их служебных успехов. Крестьян, которые протестуют против того, что их сгоняют с земли, разгоняют полицией или отправляют без суда и следствия в так называемые «черные тюрьмы». Фильм Джеймса Кэмерона «Аватар» (2009) пользовался в Китае таким успехом отчасти из-за того, что многие рядовые китайцы ассоциировали себя с туземцами, чьи земли пыталась отнять гигантская безликая корпорация...

«В Китае мы имеем дело с типичным кризисом растущих ожиданий, — считает Андрей Карнеев. — Нет ничего необычного в том, что недовольство населения растет параллельно с подъемом уровня жизни... Компартия не в состоянии обеспечить равенство. Нужно учитывать еще один момент. В Китае растет плюрализм мнений. Социальные вопросы открыто обсуждаются. Это беспрецедентно для страны. Если бы острые темы было, как прежде, запрещено обсуждать, то о недовольстве людей мы бы не узнали... Уже задействованы рыночные механизмы, но в то же время сохраняются репрессивные возможности режима. Это оборотная сторона китайского экономического чуда. Остатки социализма работают на капитализм».

Семьдесят процентов населения страны — крестьяне. Никто не знает, что у них на уме. Если они не смогут прокормить себя, начнутся волнения. Сто двадцать миллионов китайцев из бедных внутренних провинций бросили дома и перебрались на бурно развивающийся юг, куда вкладывают деньги иностранные фирмы. Если стремительное развитие китайской экономики остановится, если начнется кризис, если эти сто с лишним миллионов человек, оторванных от дома, от семьи, потеряют работу, будет беда.

На торжественных церемониях в Пекине незримо присутствуют нежелательные гости, которые нарушают искусственно созданную гармонию. Никто их не называет, но они заставляют всех нервничать. Это тысячи китайцев, которые протестуют против одних и тех же пороков: коррупция, отъем земли, загрязнение окружающей среды, низкие зарплаты.

В год отмечаются десятки тысяч вспышек недовольства рабочих в городах и крестьян на селе. «Стабильность — это глав-

ное», — заклинают китайские партийные газеты. Китайские руководители опасаются любых волнений, деятельности активистов демократических движений, призывающих к «жасминовой революции».

Движение вперед неминуемо ведет к столкновению между интересами компартии и потребностями экономики в открытости и свободе. Специалисты исходят из того, что определенной нестабильности Китаю в процессе модернизации не избежать. Возможно, что и единство страны окажется под вопросом в ближайшие годы. Процесс модернизации Китая, проходивший достаточно гладко, приблизился к рубежу, за которым административную систему придется полностью заменять институтами рыночной экономики. И перед этим рубежом Китай замер.

«Жасминовая революция» — термин, который выбрали китайцы в Интернете вслед за тунисцами, совершившими у себя маленькую революцию. Пока что массовые демонстрации протеста существуют только в воображении нервничающих китайских руководителей. Есть разница между надеждами Китая на будущее и безнадежностью арабских диктатур. Но на всякий случай китайская госбезопасность работает в усиленном режиме.

Из опыта развала СССР извлечен важный урок: сохранение власти требует не жесткости и упорства, а гибкости и умения примеряться к меняющемуся миру. Но до определенной степени. Для китайских лидеров главное — стабильность в стране, то есть сохранение существующего режима. На любые иные перемены они готовы пойти. У них перед глазами пример Советского Союза. Китайский партаппарат понял, что либерализация режима неминуемо ведет к его крушению. Потому ситуация с правами человека, мягко говоря, оставляет желать лучшего.

Ученый и борец за права человека Лю Сяобо был в 2009 году приговорен к одиннадцати годам тюрьмы «за подстрекательство к подрывной деятельности». Его упрятали в тюрьму за участие в составлении «Хартии 08», требующей прогрессивных реформ.

В 2010 году ему присудили Нобелевскую премию мира. В Пекине были крайне раздосадованы. Главный орган ЦК КПК

газета «Жэньминь жибао» писала: «Награждение Нобелевской премией Лю свидетельствует о попытках западных стран вмешиваться во внутренние дела Китая. Это хорошо спланированное западными державами шоу — еще одно в цепи акций по подрыву Китая». На вручение премии не позволили приехать даже его семье. Впервые после 1935 года, когда премию дали немецкому публицисту Карлу фон Осецкому, которого нацисты засадили в концлагерь.

В 2011 году было арестовано, по данным правозащитных организаций, несколько десятков человек — из страха перед «жасминовой революцией», повторением народных восстаний в арабском мире.

В феврале 2011 года руководители Китая обсуждали вопрос, как не дать разразиться социальному конфликту и как изменить общественное мнение и настроения в Интернете в нужном направлении. Прежде всего — не допустить массовых мероприятий на улицах. Слово «жасмин» под запретом. Даже перестали исполнять народную песню о жасмине. Больше ста правозащитников посадили под домашний арест.

Огромная держава воевала с фантомом. Несколько раз столичная полиция блокировала районы, где ожидались манифестации. Но никого, помимо иностранных репортеров, там не оказывалось. Отключали системы мобильных телефонов. Иностранных журналистов допрашивали часами, выясняя, что им известно о диссидентах. От них требовали сотрудничества — и угрожали в случае отказа не продлить им разрешение на работу в Китае.

В Пекине разрабатывается система, которая, используя сигналы о местонахождении мобильных телефонов, устанавливает точки большого скопления людей. Ее создатели говорят, что система поможет бороться с пробками. Но очевидно, что она же поможет и силам безопасности выявлять места протеста еще быстрее, чем раньше.

В 2011 году увеличены ассигнования на полицию, госбезопасность и тюрьмы сразу на 13,8 процента. Они составят почти 95 миллиардов долларов. Это больше, чем получит армия — 91 миллиард.

Известный американский политолог Фрэнсис Фукуяма пишет:

«Недовольство — серьезная проблема в Китае. Недавний доклад экспертов из университета Цзяо Тун сообщает о 72 случаях серьезных социальных волнений в Китае в 2010 году, на двадцать процентов больше, чем годом раньше. Многие зарубежные обозреватели готовы поспорить, что эта цифра занижена на пару порядков.

Качество китайского авторитарного правления значительно выше, чем ближневосточного... Правительство отслеживает признаки социального недовольства и отвечает на него послаблениями, а не репрессиями. При вопиющих случаях коррупции и ущемления прав — например, после разрушения некачественно построенных школ в результате землетрясения в провинции Сычуань — правительство спрашивает с местных чиновников, применяя жестокие наказания, вплоть до смертной казни.

Другая отличительная особенность Китая — добровольная смена лидеров. После Мао китайские лидеры стремятся свести срок пребывания у власти к одной десятилетке... Приверженность к ротации лидеров означает, что страна настроена на политические инновации в большей степени, чем те же Тунис и Египет, на десятилетия зависшие на стадии кланового капитализма...

Каждый год семь миллионов молодых людей получают в Китае дипломы о высшем образовании. Многим выпускникам трудно будет найти должность, соответствующую их ожиданиям. Несколько миллионов безработных вчерашних студентов куда опаснее для занятого модернизацией режима, чем сотни миллионов нищих крестьян...

Главная загадка Китая — средний класс, который пока выглядит довольным заключенной им сделкой по обмену политических свобод на растущий доход и стабильность. На определенном этапе это равновесие рухнет...»

В Китае отмечен всплеск интереса к работам Зигмунда Фрейда и психоанализу. Переводы книг Фрейда продаются во всех книжных магазинах. Еще недавно его имя было известно только профессионалам. Компартия в свое время запретила все виды психоанализа, назвав его псевдонаукой. Во время культурной ре-

волюции психология в целом была под прицелом. У настоящего коммуниста не бывает психологических проблем. Если что-то непонятно, можно поговорить с секретарем парткома...

Между тем, в Китае высок уровень душевных заболеваний. Здесь не принято делиться сокровенным с чужими, мешает традиционная культура стыда. В реальности китайцы переживают так же, как и все остальные люди на земле: те же подавленные желания, стремления и чувства. Проблема подавляемых сексуальных эмоций очень актуальна для современного китайского общества... Но не это главное. Болезненные воспоминания о прошлых политических кампаниях, когда погибло множество людей, всплывают вновь и вновь. Погоня за экономическим успехом, конкуренция, соперничество, отчаянная борьба за рабочие места, должности и посты породили новые психологические проблемы. Обратиться к врачу все еще стыдно, однако же проблемы сами собой не рассасываются...

Но самое удивительное состоит в том, что и те, кто не сумел пока выполнить партийное указание и разбогатеть, не теряют присутствия духа, не жалуются на свою трудную жизнь, не клянут власть и начальство, а просто работают.

В XX столетии китайцы пережили все мыслимые и немыслимые несчастья: японскую оккупацию, гражданскую войну, революцию, грандиозные преобразования всей жизни, голод, «великий скачок», культурную революцию, не говоря уже о таких мелочах, как землетрясения и наводнения. Несмотря на все это китайцы, одна из старейших наций на земле, поражают своей жизнерадостностью и оптимизмом.

Мао Цзэдун обещал китайцам богатство и процветание, уважение в мире и территориальную целостность. Намерение восстановить величие страны и модернизировать ее натолкнулись на его же намерение превратить Китай в социалистическое государство. Его социальная инженерия заставляла страну содрогаться в безумных кампаниях. Они подорвали потенциал страны и привели к огромным человеческим потерям. Успех пришел после смерти Мао. Если бы он мог увидеть сегодняшний Китай, то, надо полагать, признал бы достижения своих наследников. Но едва ли порадовался.

Шрамы, оставленные культурной революцией, сохранялись долго. Экономическая либерализация и расширение личных свобод постоянно наталкивались на сопротивление ветеранов культурной революции. Танки на площади Тяньаньмэнь — свидетельство непреодоленной травмы маоизма. Дэн Сяопин потом вновь вывел страну из изоляции. Но политическая жизнь замерла. Только сейчас современно настроенные чиновники компартии экспериментируют с политическими реформами. Но понимают, что коридор возможностей очень узок.

Два столетия европейские страны безуспешно пытались открыть китайское общество. Это удалось только в результате опиумных войн. Для Китая началась эпоха иностранного доминирования и внутреннего хаоса, которая закончилась с приходом к власти компартии в 1949 году. В 1978 году Китай, после еще одного периода политического хаоса, выбрал путь экономической модернизации, и рыночные механизмы принесли невероятный успех.

«Как говорят сами китайцы, — отмечает профессор Евгений Бажанов, — у них пока не сформировалась модель устойчивого развития, продолжается ее конструирование, причем на рыночных рельсах. Китай движется к либеральной модели, но постепенно и под эгидой авторитарной власти. Лидеры КНР осознают, что по мере развития производительных сил страны либерализацию экономики необходимо будет дополнять демократизацией политической жизни. В процессе реформ Китай, кстати, так далеко отошел от принципов социальной справедливости, что ныне руководство страны делает особый акцент именно на преодолении бедности, безработицы, эксплуатации трудящихся, ножниц в доходах, коррупции...»

Считается, что китайцам нравится авторитарное государство. Но есть еще одна территория, населенная китайцами, — это Тайвань. Остров невероятно преуспевает благодаря тому, что там существует современная либеральная демократия. Кто знает, не станет ли Тайвань образцом для всего Китая?

Принято подчеркивать, что ценности китайского общества отличны от западных: не свобода и справедливость, а гармония и стабильность. Но уверенность в том, что Китай отвергнет либеральные ценности, игнорирует многие важные элементы китайской исто-

рии. Шесть десятилетий духовная и интеллектуальная жизнь в стране так или иначе подавлялась и ограничивалась. Но сегодня в Интернете кипят дискуссии. Общественная система в Китае развивается в сторону модели, рассчитанной на то, чтобы дать выход колоссальной практической энергии китайского народа.

Европейцам или американцам кажется, что Китай — это край света. Но сами китайцы так не думают. Напротив, они уверены, что живут в самом центре мира. Сегодня — больше, чем когда бы то ни было.

Два тысячелетия Китай был главным государством Азии. Но XX век сложился не слишком удачно для Китая. Китайцы ощутили себя униженными, хотят вернуть свое место в мире. История предлагает такую траекторию: сначала государство становится богатым, потом сильным и, наконец, опасным.

В нынешнем веке экономика Китая растет на десять процентов в год. С такой же скоростью увеличивается военный бюджет страны. Китай требует себе места за столом великих держав.

Куда движется восходящая сверхдержава?

Многие государства в свое время — как это было с Португалией, Голландией, Англией — становились на короткий срок государством номер один, но быстро лишались своего первенства. «Девятнадцатый век был британским веком. Двадцатый стал американским. Двадцать первый будет японским». Я прочитал это пророчество американского футуролога Германа Кана в тот год, когда начал учить японский язык. Перспектива стать специалистом по стране, которой суждено превратиться в государство номер один, прибавляла сил в единоборстве с иероглифами. Я никогда не сожалел о времени, потраченном на изучение Японии, хотя Герман Кан подвел меня. Двадцатый первый век не стал японским, и Япония не будет великой державой.

Станут ли реальностью прогнозы, которые сегодня строятся в отношении Китая? Или же он тоже вырвется вперед лишь на короткое время? Разница между Японией и Китаем очевидна, если иметь в виду масштабы территории, численность населения и природные ресурсы. Китай — страна, наделенная мощным интеллектом, но долгое время не обладавшая материальными средствами для того, чтобы претворить в жизнь свои идеи. Теперь она обретает

такие средства. Китайцы прирожденные торговцы и бизнесмены. Но хватит ли их потенциала для того, чтобы поднять всю страну? Или Китай завязнет в своих столь же масштабных проблемах? И кто-то другой вырвется вперед?

Недавний мировой экономический кризис привел к тому, что китайский капитал хлынул в западные экономики. Запад умоляет китайцев увеличить закупки, чтобы спасти мировую экономику. Нынешние руководители Китая увидели, что они больше не нуждаются в чужих советах.

Китайцы привыкли полагаться на европейский и североамериканский опыт. Китайской элите казалось, что западные экономисты владеют сакральным знанием. Крушение американского и европейского рынков в 2007—2008 годах на фоне китайских успехов разрушило эту магию.

Вот почему в Пекине горячие головы заговорили, что Китай вступает в эпоху национального возрождения. После трех десятилетий экономического успеха молодое поколение китайцев осознает, что наступило время величайших возможностей для Китая. Пора пересмотреть принципы взаимоотношений с миром. Запад остается опасным врагом, который мешает Китаю гармонично развиваться. Надо объяснить Западу, что происходит смена лидера, центр власти над миром перемещается в Азию. Отныне Китай становится образцом для подражания...

Экономисты понимают: фантастический успех Дэна объяснялся еще и счастливым совпадением обстоятельств. В тот момент, когда на рынке труда предложило свои услуги огромное молодое население Китая (в годы Мао Цзэдуна искусственно отрезанное от мира), богатое западное общество располагало большими деньгами и готово было платить за товары, произведенные в Срединной империи. Ныне китайская рабочая сила стремительно стареет и дорожает. В менее развитых странах — Вьетнаме и Бангладеш — рабочим платят меньше. А западные кошельки опустели из-за кризиса.

Работоспособное население Китая достигнет своего пика в 2015 году и начнет стремительно сокращаться. К 2030 году в сельской местности останется половина работоспособных людей от нынешнего количества. К 2050 году половина населения

Китая будет старше сорока пяти, а четверть населения — старше шестидесяти пяти лет. Кто будет тогда локомотивом экономического успеха?

Более разумные политики напоминают о колоссальных внутренних проблемах, бремени которых государство может и не выдержать. Сто пятьдесят миллионов китайцев живут ниже уровня бедности... Главная задача китайского руководства — не завоевание мира, а поддержание стабильности в обществе, где идут социальные и экономические перемены, которые в прошлом приводили к хаосу и насилию.

Власть над миром? Нет. Зачем в такой сложной ситуации ссориться с влиятельными партнерами? Не зря Дэн Сяопин когда-то говорил: «Если Китай когда-нибудь попытается доминировать в мире, тогда все народы повернутся против нас». Нет ни одного государства, способного навязать свою волю остальным странам. Китай — в отличие от Америки — и не стремился к распространению своих идей в мире. Но должен был обезопасить себя от варваров, окружающих Срединную империю со всех сторон. Богатство Китая словно провоцировало соседей на вторжение. А население Китая состояло в основном из крестьян. Элита — мандарины — добились высокого положения не на поле брани, а путем изучения Конфуция, поэзии и каллиграфии.

Великая Китайская стена — свидетельство уязвимости страны, отгораживающейся от множества опасностей. Соседи часто были лучше вооружены. Маньчжуры, уйгуры, тибетцы — их кавалерия постоянно совершала набеги на китайские плодородные районы. Соседи с юга были еще воинственнее, особенно вьетнамцы.

Но Китай умело сохранял себя с помощью дипломатии и торговли. Западные стратеги думали о том, как выиграть битву, китайские — как одержать победу без войны. Победить с помощью обмана гуманнее, чем убить... Мастерство состояло не в том, чтобы одержать победу на поле боя, а в умении предотвратить формирование коалиции врагов. Разделять и властвовать, натравливать варваров друг на друга. Все это преследовало одну цель: не дать врагам сплотиться в союзе против Китая.

Китайцы были крайне прагматичны. Подкуп, умиротворение... И, надо сказать, методы не меняются век от века. Нет дру-

гой страны, руководители которой, как в Китае, руководствовались бы стратегическими концепциями тысячелетней давности. Даже во времена Мао Цзэдуна революционные лозунги относилась только к внутренним делам. Китайские лидеры понимали, что не располагают силами и средствами для изменения мирового порядка. Все сводилось к традиционной политике манипулирования варварами.

История научила китайцев тому, что не всякая проблема имеет решение. Вокруг так много врагов, что добиться полной безопасности немыслимо, поэтому надобно неустанно трудиться на благо родины. Но нет смысла завоевывать внешний мир. Земля обетованная — это Китай, китайцы уже нашли свое место на земле.

Удивительную картину можно увидеть ранним утром в Пекине. В столичных парках собираются многие тысячи людей. То, что они делают, едва ли можно назвать утренней гимнастикой. На взгляд европейца, это нечто иное, хотя забота китайцев о своем здоровье очевидна. Китайская гимнастика тренирует не только тело, но и душу. Иногда это почти спорт, но чаще, скорее, медитация.

Причем вариантов этой гимнастики множество. Бок о бок занимаются гимнастикой поклонники разных философско-спортивных направлений. Они не мешают друг другу и, похоже, даже не замечают соседей. По крайней мере здесь нет ни правоверных, ни еретиков. К совершенству, физическому и духовному, каждый может идти своим путем.

В пекинских парках ранним утром занимаются не только гимнастикой. Весьма солидные люди начинают день танцами под старые советские мелодии. Они танцуют основательно и всерьез. Танцы, видимо, приравниваются к спорту или медитации. Но убедиться в этом трудно: в танцевальный зал, как гласит строгая надпись, иностранцам вход воспрещен.

Даже в годы неудач китайская дипломатия искусно маскировала государственную слабость. Древний мудрец писал: «Император не управляет варварами. Тот, кто придет к нему, не будет отвергнут. Тот, кто уйдет, не будет преследоваться».

Китай не экспортирует свои идеи. Но разрешает прийти, чтобы познакомиться с ними. В Древнем Китае иностранные послы прибывали не ради налаживания двусторонних отноше-

ний, а для того, чтобы прикоснуться к великой цивилизации. Соседи процветают благодаря знакомству с культурой Китая.

Вершина китайского прагматизма — отношение к победителю. Когда иностранная династия брала верх в битве, китайская бюрократия предлагала ей свои услуги: Китай настолько огромен, что без нее никто не справится с управлением... Постепенно завоеватели китаизировались.

Китайцы — приспособленцы и оппортунисты. К чему шуметь и волноваться, если изменить что-либо ты все равно не сможешь? Пока над страной бушует буря, бамбук гнется, наступит затишье — он снова распрямится. Расторопность и приспособляемость позволяют китайцам спокойно встречать любые неожиданности. Кажется, нет ничего на свете, что могло бы разозлить китайца. Китаец наделен редкой способностью не принимать неприятности близко к сердцу и оберегать себя от того, что могло бы вывести его из внутреннего равновесия. Китайцы умеют скрывать свои чувства и переживания. Справившись с минутным гневом, спасешь себя от ста дней печали.

Рассудительность и уравновешенность отлично помогают китайцу справляться с трудностями жизни, демонстрировать полнейшую невозмутимость в самые критические моменты. Это страна, на которую постоянно обрушиваются тайфуны и наводнения, иногда смывая целые деревни. Тогда гибнут люди и рушится привычная жизнь. Китайцы прямо-таки с наслаждением берутся за решение неожиданно встающих перед ними задач.

Нормы поведения китаец согласует не со своей совестью, а с возможным воздействием своих поступков на окружающих. Личные отношения как бы связывают его и с современниками, и со всеми теми, кто жил до него и будет жить после него. Это воспитано веками.

Крайности претят китайцам. Они любят золотую середину, компромиссы. И перед смертью китайца не покидает понимание того, что он член великого клана, который ведет свою историю из седой древности в далекое будущее. Он видит перед собой неприметный холмик земли на семейном поле, под которым ему суждено покоиться. Он знает, что его сыновья, его внуки и впредь будут возделывать эту землю.